
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 10(74), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Биляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕДРИН Оливье	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный Университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Кетлян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.10.2021

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 000.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Осипов А.В.** Теоретико-методологический потенциал применения акторно-сетевой теории для анализа современных политических институтов, процессов и технологий 2694
- Персидская О.А.** Политизация этничности: теоретический разворот в концептуальной трактовке феномена 2703

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Тушков А.А., Ворон-Ковальская А.О.** Проблемы фрактального моделирования гражданского образования Китая (к вопросу о системе образования в Гонконге и Материковом Китае) 2710
- Зубова О.Г., Филипова А.Г.** TikTok: новые возможности для коммуникации и самовыражения современных подростков 2719

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Герасимова И.В., Нестерчук О.А., Гришин В.О.** Влияние миграционных процессов на демографическое развитие Российской Федерации 2731
- Бродская Н.П.** Искусственный интеллект: социальные риски и вызовы 2738
- Белов С.И.** Перспективы использования видеоигр и индустрии их производства как инструмента политики памяти с точки зрения профильных органов государственной власти и НКО 2747
- Гришин О.Е., Белов М.В., Габдуллин К.А.** Трансформация российских политических кампаний в контексте политической стабильности: эффективность интернет-технологий 2754
- Козлов С.Е.** Интернет-мемы как репрезентация политического участия в условиях развития социально-сетевых коммуникаций 2764
- Асси Абед Эль Рахим.** Особенности психологического имиджа Дональда Трампа в американских СМИ 2772
- Белюсов Г.Ф.** Использование системы «Инцидент Менеджмент» в электоральном процессе на примере избирательной кампании врио губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова 2779
- Ларедж Ильяс.** Влияние институциональных факторов на классификацию региональных конфликтов 2787
- Лобойко Д.А.** Российская региональная политическая элита и ее потенциал к самообновлению 2794

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Ванковска Б.** Возможна ли глобализированная солидарность? 2803

Крупяно М.И., Арешидзе Л.Г. Япония в борьбе с пандемией «COVID-19»: шаг вперед, два шага назад	2813
Койбаев Б.Г., Наджарян А.Б. Влияние третьего сектора на процессы разработки и реализации государственной политики в Республике Армения.....	2822
Тушков А.А., Животова Д.А. Эротическая графика абуна-э и сюнга эпохи Эдо как источник формирования массовой культуры Японии	2831
Кузякин А.Г., Погодин С.Н. Роль ВОЗ в противостоянии пандемии коронавируса COVID-19.....	2840
Чемшит А.А., Ковалевский А.А. Глобальные и европейские противоречия в современном геополитическом дискурсе в Болгарии (Часть I)	2849
Мусина Р.И. Истоки и особенности национализма в современной Венгрии	2861
Аниськевич Н.С. Приоритеты внешней политики Чили во время пандемии	2870
Бадаева А.С. Стеклоплатформы Марин Ле Пен.....	2876
Филиппенко А.А. Изменения концепций расы и этноса в переписях населения США	2886
Данилова Е.В., Данилов В.В. Правовые основы миграционной политики Италии.....	2896
Ионова А.Н., Попов С.И. Политика раздельного сбора и переработки твердых коммунальных отходов в Германии	2905
Жанышбек уулу Азамат. Развитие гражданского общества в Кыргызской Республике	2912
Плиев С.М., Кулумбегова Л.Т., Санакоев И.Б., Буторов А.С. Вопросы реализации механизмов мягкой силы Грузии в отношении Южной Осетии.....	2919
Иванова И.И., Васильева Е.А. Турция и Египет: проблемы отношений и начало «перезагрузки» (2002-2021 гг.)	2926
Колыхалов М.И. Подходы России и Швейцарии к использованию «мягкой силы», участие субнациональных регионов в реализации данной концепции.....	2935
Гусейнова С.Э. Азербайджан на пути в Всемирную Торговую Организацию: ожидаемые перспективы	2943
Туракулов З.А. Ускорение цифровой пропаганды: аналитическая точка зрения.....	2954
Уроков Б.А. Опыт Узбекистана в обеспечении религиозной терпимости и межконфессионального сотрудничества.....	2960
Зюзина А.А. В общих интересах вопреки геополитической напряженности: Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике вступило в силу	2966

<i>Мафуанг Сунатат.</i> Факторы институциональных неудач АСЕАН и ЕС: сравнительный анализ механизмов в борьбе с COVID-19	2972
НАШИ АВТОРЫ	2982
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	2991

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Osipov A.V.** Theoretical and Methodological Potential
of Application of Active-Network Theory for Analysis
of Modern Political Institutions, Processes and Technologies..... 2702
- Persidskaya O.A.** Politicized Ethnicity: A Theoretical Declaration
in the Conceptual Treatment of the Phenomenon..... 2708

POLITICAL SOCIOLOGY

- Tushkov A.A., Voron-Kovalskaya A.O.** Problems of Fractal Modeling
of Civil Education in China (to the Question about the Educational System
in Hong Kong and Main China)..... 2718
- Zubova O.G., Filipova A.G.** TikTok: New Opportunities
for Communication and Self-Presentation of Modern Teenagers..... 2730

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Gerasimova I.V., Nesterchuk O.A., Grishin V.O.**
The Impact of Migration Processes on the Demographic
Development of the Russian Federation..... 2737
- Brodskaya N.P.** Artificial Intelligence: Social Risks and Challenges..... 2746
- Belov S.I.** Prospects for the Use of Video Games
and the Industry of their Production as an Instrument of Memory Policy
from the Point of View of Specialized Government Bodies and NGOS..... 2753
- Grishin O.E., Belov M.V., Gabdullin K.A.** Transformation
of Russian Political Campaigns in the Context of Political Stability:
Efficiency of Internet Technologies..... 2762
- Kozlov S.E.** Internet Memes as a Representation
of Political Participation in the Context of the Development
of Social Network Communications..... 2771
- Assi Abed El Rahim.** Features of the Psychological
Image of Donald Trump in the American Media..... 2778
- Belousov G.F.** Using the "Incident Management"
System in the Electoral Process (On the Example of the Election
Campaign of Alexander Beglov)..... 2786
- Laredj Ilyas.** Influence of Institutional Factors
on the Classification of Regional Conflicts..... 2793
- Loboiko D.A.** The Russian Regional Political Elite
and its Potential for Self-Renewal..... 2801

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

Vankovska B. Can Solidarity Globalize? Utopia is Possible.....	2804
Krupianko M.I., Areshidze L.G. Japan Fighting with Pandemic “COVID-19”: One Step Forward and two Steps Backward.....	2820
Koibaev B.G., Nadzharyan A.B. Influence of the Third Sector on the Process of Development and Implementation of State Policy in the Republic of Armenia.....	2829
Tushkov A.A., Zhivotova D.A. Erotic Graphics of Abuna-E and Shunga of the Edo Era as a Source of Formation of Japan’s Mass Culture.....	2838
Kuzyakin A.G., Pogodin S.N. Who's Role in Countering the COVID-19 Coronavirus Pandemic.....	2848
Chemschit A.A., Kovalevskiy A.A. Global and European Contradictions in the Modern Geopolitical Discourse in Bulgaria (Part I).....	2860
Musina R.I. Origins and Features of Nationalism in Modern Hungary.....	2869
Aniskevich N.S. Priorities of Chile's Foreign Policy During the Pandemic.....	2875
Badaeva A.S. Marine Le Pen and Her Glass Ceiling.....	2884
Filippenko A.A. Changes in Race and Ethnicity as Concepts in the U.S. Census.....	2895
Danilova E.V., Danilov V.V. Legal Basis of Italian Migration Policy.....	2904
Ionova A.N., Popov S.I. System for Separate Collection and Processing of Municipal Solid Waste in Germany.....	2911
Zhanyshbek uulu Azamat. Development of Civil Society in the Kyrgyz Republic.....	2917
Pliev S.M., Kulumbegova L.T., Sanakoev I.B., Butorov A.S. Implementation of Georgia's Soft Power Mechanisms in Relation to South Ossetia.....	2925
Ivanova I.I., Vasileva E.A. Turkey and Egypt: Problems of Relations and the Beginning of "Reset" (2002-2021).....	2934
Kolykhalov M.I. Approaches of Russia and Switzerland to the Use of Soft Power, Participation of Subnational Regions in the Implementation of this Concept.....	2942
Huseynova S.E. Azerbaijan on the Way to the World Trade Organization: Expected Perspectives.....	2953
To‘Raqulov Zohid. Accelerating Digital Promotion: An Analytical Point of View.....	2959
Urokov B.A. Uzbekistan's Experience in Ensuring Religious Tolerance and Interfaith Cooperation.....	2965

<i>Zyuzina A.A.</i> Viribus Unitis: Agreement to Prevent Unregulated High Seas Fisheries in the Central Arctic Ocean Enters Into Force	2971
<i>Mafuang Supatat.</i> Factors of ASEAN and EU Institutional Failure: A Comparative Analysis of Mechanisms in the COVID-19 Responses	2981
OUR AUTHORS	2987
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	2991

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ, ПРОЦЕССОВ И ТЕХНОЛОГИЙ

В статье проблематизируются основные положения и понятия акторно-сетевой теории в связи с актуальностью их применения для анализа современных политических институтов, процессов и технологий. Автор раскрывает специфику современных феноменов политической власти, элиты, гражданского общества, политических партий в контексте сетевого характера современной политической действительности и обосновывает теоретико-методологический потенциал интерпретации их в терминах теории сетевого общества (М. Кастельс), акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон, Дж. Ло). Вместе с тем, в статье представлена критика указанных концепций, обоснована необходимость поиска взаимодополнительности абсолютистских и реляционных социально-политических онтологий, структурно-функционального и акторно-сетевого теоретико-методологических подходов в политологии.

Ключевые слова: *политическая власть, политическая элита, политический актор, акторно-сетевая теория, сетевое общество, реляционная политическая онтология, иерархия и полиархия власти.*

Современная социально-политическая реальность интенсивно трансформируется под влиянием новых цифровых технологий и сетевых коммуникаций, которые порождают новые феномены, требующие адекватного и своевременного осмысления с теоретико-методологических позиций политологии.

Как известно, активное становление синергетики в конце XX века привело к распространению специфического синергетического дискурса в рамках гуманитарного знания и к представлению об обществе и политических феноменах как о нелинейных стохастических системах, в которых имеют место прямые и обратные взаимодействия и связи, динамические циклы развития, точки бифуркации, процессы самоорганизации и т.д. Это продви-

нуло политические науки по пути анализа социально-политических явлений как сложных нелинейных динамических систем и принесло социально-политическому знанию новые положительные результаты. Традиционные для классической науки понятия субъекта и объекта взаимодействия, при котором субъект и объект вступают в односторонний, инициированный субъектом подконтрольный ему процесс взаимодействия – манипулирования объектом – были существенно пересмотрены. В рамках гуманитарного анализа стало очевидно, что взаимодействие осуществляется в рамках определенного субъектно-объектного поля, которое порождает собственные полевые эффекты, что объект обладает собственной определенной активностью и способен оказывать обратное влияние на субъекта, а также, что многие социально-политические субъект-объектные взаимодействия на самом деле имеют субъект-субъектный нелинейный самоорганизующийся характер.

Понятие части как составного элемента целого стало интерпретироваться в рамках системного подхода, при котором целое не равно простой сумме его частей. Составные части, блоки, «кирпичики» социально-политических явлений и процессов получили новое научное осмысление в качестве активных элементов саморазвивающихся систем и процессов.

В XXI веке произошел очередной технологический прорыв, который привел к быстрой виртуализации и цифровизации социума, а также трансформировал характер социально-экономических, социально-политических, межличностных коммуникаций как в масштабах человечества в целом, так и в масштабах стран, регионов, локальных образований и т.д. Это в свою очередь, актуализировало потребность в адекватном осмыслении новых феноменов, необходимость выработки адекватных инструментов для их анализа, введение в теоретический оборот социально-политического знания новых концептов и понятий. Понятие элемента системы развивалось в коммуникативном ключе, и эволюционировало в рамках социально-гуманитарного знания в понятие актора.

Следует отметить, что исследовательская программа Science and Technology Studies (STS) Б. Латура, изначально основанная в рамках социологии науки, не сразу нашла применение в политических науках [1. С. 88-94]. Расширение влияния теоретико-методологических идей Б. Латура в политологии произошло во многом благодаря объектно-ориентированной политике Г. Хармана. Харман эксплицитировал идею Латура о том, что социально-политические явления находятся на одной плоскости с природными и технологическими феноменами [6]. Это не только поставило под сомнение классическую оппозицию «субъект-объект», а проблематизировало приоритетность социальной сферы, наличие четких границ и детерминант между всеми субъектами взаимодействия. Соответственно, понятие субъекта эволюционировало в понятие актора, а понятие поля приобрело сетевой характер.

Акторно-сетевая теория (АСТ) методологически утвердила принцип ирредукции. Традиционные для классического научного понимания социально-культурной, социально-политической сферы оппозиции природа-культура, природное-социальное, социальное-технологическое, внутреннее-внешнее и т.д. были нивелированы. В социально-гуманитарных науках, в том числе в политических, была выявлена теоретико-методологическая актуальность исследования конфигурации сетевого взаимодействия между социально-политическими феноменами как между акторами, а также исследования сетевого характера политической власти.

Следует отметить, что актор, в отличие от субъекта, части, элемента системы обладает не только собственной активностью в процессе внутрисистемного взаимодействия, он активно меняется в процессе сетевой коммуникации и оказывает разностороннее влияние на другие акторы и конфигурацию социально-политической сети. Актор не есть раз и навсегда заданный политический субъект с изначально четко определенными и неизменными политическими интересами. Актор способен делать себя своеобразной точкой доступа в сети, распространять новое знание, вызывая трансформацию в процессе коммуникации с другими акторами и трансформироваться сам под влиянием информации, коммуникации, сетевого взаимодействия.

Иначе говоря, классическое понимание политических классов, групп, партий, элит как подверженных жесткому экономическому детерминизму и изначально наделенных объективно-заданными фиксированными социально-политическими интересами, трансформируется в рамках акторно-сетевой теории – освобождается от жесткого детерминизма, приобретает сетевой изменчивый характер.

Следует отметить, что это коррелирует в политических науках с современной тенденцией перехода от понимания политической власти как централизованной иерархии к рассмотрению политических феноменов как полиархических структур и процессов, в которых существуют одновременно многие центры власти, способные к самопреобразованию и переконфигурации.

Теория сетевого общества М. Кастельса оказала существенное влияние, как на понимание сущности современных социально-политических феноменов, так и на дальнейшие исследования проблем политического управления, роли и места государства в сетевом обществе, механизмов формирования и функционирования публичной политики. Ключевым здесь является новое понимание «геометрии власти» [3], согласно которой вертикальные централизованные формы организации политической власти, преобладающие в доиндустриальных и индустриальных обществах вытесняются горизонтальными сетевыми структурами постиндустриальных информационных обществ.

С одной стороны, следует согласиться с Кастельсом, что современное сетевое общество движется в направлении децентрализации и деиерархизации власти. Об этом свидетельствуют появляющиеся в современном сетевом пространстве новые центры публичной политики, политические сети разного масштаба и охвата, элементом (актором) которых выступает современное государство. То есть государство утрачивает свои исключительные доминирующие позиции в сетевых коммуникациях в качестве единственного центра власти, источника политических решений, политической воли и т.д. Новая геометрия власти сетевого общества требует от государства большей гибкости в политическом управлении, налаживания горизонтальных связей, партнерских отношений и моделей взаимодействия между всеми политическими акторами, среди которых все большее значение и самостоятельность приобретают структуры гражданского общества. А, с другой стороны, – роль и значение государства, как гаранта суверенитета, целостности, национальной безопасности и т.д. по-прежнему велика и значима в современной ситуации пандемии, социально-политической нестабильности, сопровождающейся попытками переделки мира и борьбой за ресурсы. Особенно это актуально для современной России, в которой принцип единоначалия, сильного государства, твердой руки и т.д. исторически ассоциируется с принципами и гарантиями социально-политической стабильности, социальной защиты населения, гарантиями безопасности, способности отражения угроз суверенитету и целостности страны. Соответственно, применять теорию сетевого общества и акторно-сетевые подходы к современной политической практике в России следует осмотрительно, учитывая возможные угрозы и риски утраты эффективности управляющего воздействия, выхода социально-политической системы за границы управляемости. Модернизация российской власти, переход от иерархии политического управления к полиархическому сетевому укладу должны включать адекватные ситуации переходные политические институты, основная задача которых минимизировать политические издержки переходного периода, сохранить стабильность политического управления страной.

С одной стороны, современная социально-политическая система в России не готова полностью реализовать потенциал новой геометрии власти, реализовать равноправное партнерство с институтами гражданского общества по причине менталитета, административно-командного стиля управления политических элит, традиций политической власти, состояния политических институтов и механизмов инкорпорации граждан во власть. А с другой стороны, – само гражданское общество на современном этапе еще не достигло уровня развития, адекватного равноправному политическому партнерству. Большинство современных социально-политических мониторингов свидетельствуют о том, что общество расколото по вопросам политической модернизации России. Как минимум половина соотечествен-

ников уповает в решении актуальных проблем исключительно на государство и верховного общенационального политического лидера В.В. Путина и не видит решения, не верит в решение социально-политических проблем силами гражданской общественности [2]. То есть на современном этапе в России еще не сформировалась культура активного гражданского участия. Общественное мнение воспроизводит менталитет, характерный для подданнического типа политической культуры, с присущей ему политической пассивностью и т.д.

Следует отметить, что сетевые структуры социально-политического управления не связаны исключительно с развитием электронной коммуникации. Как показывают многие социально-политические исследования. Сетевые структуры власти, характерные для них горизонтальные способы взаимодействия и тенденции расширения сферы политического управления, присутствовали уже в эпоху Средневековья, например, в организации орденов католической церкви и масонских лож. Тенденция децентрализации власти прослеживается в исторических процессах развития власти от абсолютной монархии к республике, от унитарных государств к федерациям и конфедерациям, от единства власти к осуществлению принципа разделения властей и т.д. [4. С. 33-52]. Поэтому основной проблемой социально-политических наук является не столько определение доминирующего характера социально-политического устройства и принципа организации власти (традиционный или сетевой уклад), сколько поиск баланса между различными формами и принципами организации власти, выработки механизмов безопасного перехода от доминирующего влияния политических иерархий к полиархическим сетевым конфигурациям политического управления.

С точки зрения политических наук эти современные тренды имеют долгосрочные перспективы и влекут теоретико-методологическое расширение понятийного аппарата. Например, традиционное понятие элиты, основанное на жесткой «политики силы» и «политики истины», трансформируется в рамках акторно-сетевой теории в имплицитный элитизм. Элиту представляют акторы как носители информации и знания, которые благодаря этим своим характеристикам становятся активными точками доступа в сетевой коммуникации, приобретают наибольшее влияние на участников коммуникации и способность менять конфигурацию социально-политического процесса.

Понятие партии с точки зрения акторно-сетевой теории утрачивает свой жесткий «марксистский» характер политического ядра, которое обладает истинным знанием объективного социально-экономического интереса определенного политического класса и призвано стать орудием его классовой борьбы. Можно сделать вывод, что в акторно-сетевой теории нивелируется понятие гегемонии политического класса. Все классы, все социально-политические группы и субъекты в качестве акторов способны на определенном этапе сетевой коммуникации доминировать, детерминировать социально-

политические процессы, менять сетевую конфигурацию политической власти и свое положение в ней.

Понятие общества в акторно-сетевой интерпретации становится «непрерывным исполнением» (М. Каллон), поскольку оно непрерывно воссоздается посредством сетевой коммуникации и его конфигурация непрерывно меняется. Сеть носит всегда гибридный социотехнический характер. Элементы сети гетерогенны. Сетевые коммуникации используют феномены записи и перевода, поэтому любой научный факт, концепция и артефакт – это результат гибридной деятельности разных социально-технических акторов.

Понятие государства, как было отмечено, переинтерпретируется в акторно-сетевом ключе: от понимания его как доминирующего центра жесткой силы, единственного источника политической воли, генератора политических решений и контроля политического управления к определению государства в качестве координирующего политического центра, субъекта-актора в сложной нелинейной динамической системе равноправного политического партнерства.

Следует отметить, что каждый актор коммуникации инициирует некое коллективное социотехническое действие, которое порождает в свою очередь сложную разветвленную цепь влияний и реконфигурацию сети. Благодаря применению акторно-сетевой теории к исследованию политических процессов и институтов понятие политического, как и понятие социального, перестает быть разновидностью субстанционального феномена, а приобретает принципиально процессуальный характер – «своеобразный процесс переустановления связей и пересборки» [5]. Здесь важно также подчеркнуть, что акторно-сетевая теория, в отличие от теоретико-методологических ориентаций постмодернизма с его интенцией к тотальной деконструкции объективной реальности и превращению ее в ризоматичный нарратив, ориентирована на научный поиск и прослеживание связей, выявление и анализ конфигураций сборки сетевых феноменов. В фокусе акторно-сетевой теории, тем самым, оказывается не характерная для постмодерна деконструкция, а конструктивные особенности политической коммуникации, связи, конфигурация политической сети.

С точки зрения политических наук, можно сделать вывод, что акторно-сетевая интерпретация основных понятий политологии, таких как гражданское общество, политическая партия, элита и т.д., ориентирует исследователей не на предписывание основным субъектам политических процессов и институтов фиксированных интересов, целей и ценностей политической борьбы, а на изучение реляционной политической онтологии, изучение процесса образования и стабилизации политических связей, политической сборки акторов в специфические конфигурации, сети.

Данная теоретико-методологическая установка представляется оправданной, учитывая скорость и интенсивность социально-политических про-

цессов, а также присущий современности уровень разногласий и неопределенностей между субъектами социально-политических взаимодействий. Указанные Латуром пять типов главных неопределенностей представляются значимыми для современного социально-политического исследования:

1. Неопределенность природы групп, поскольку акторы могут обрести идентичность многими противоречащими друг другу способами.

2. Неопределенность природы действий, основанная на том, что во всякое социально-политическое действие в процессе вторгаются агенты, которые изменяют изначальные социально-политические цели и его предполагаемый результат.

3. Неопределенность природы объектов, в качестве агентов взаимодействия.

4. Неопределенность природы фактов.

5. Неопределенность типа исследований, основанная на неопределенности статуса социально-политических наук в качестве эмпирических [5].

Иначе говоря, не следует априорно предписывать социально-политической реальности объективный фиксированный порядок. Принимая во внимание реляционный характер социально-политической онтологии, необходимо сосредотачиваться не на политических группах и партиях, а на группообразовании. Т.е. политолог, ориентируясь на методологию акторно-сетевой теории, использует в качестве исследовательского ресурса и материала изначальную существующую между всеми акторами социально-политических процессов неопределенность и разногласия. Политолог должен признать, что группообразование происходит благодаря постоянной перманентной самоидентификации акторов и постоянном пересмотре и переустановлении групповых границ.

«Произнося слова «общество», «власть», «структура» и «контекст», социологи социального обычно мчатся напролом, соединяя большие массивы жизни и истории, мобилизуя гигантские мощности, вскрывая фундаментальные структуры, проявляющиеся из запутанных взаимодействий, видя повсюду в современных ситуациях новые примеры хорошо известных типов, обнаруживая за сценой тайные силы, дергающие за ниточки. Не то чтобы они были неправы, – прежние социальные отношения на самом деле «упакованы» так, что, казалось бы, обеспечивают готовое объяснение многих загадочных предметов. Но пришло время гораздо ближе присмотреться к типу собранных таким образом структур и к тому, как именно они соединяются друг с другом» [5. С. 27].

В качестве итогового вывода, отметим, что современное теоретико-методологическое противостояние между абсолютистскими и реляционными онтологиями в социально-политических науках выходит на новый уровень интенсивности. Причиной тому является как высокий уровень неопределенности социально-политической реальности, так и предельно высокая

интенсивность и скорость социально-политического пространства и времени. Это делает малоэффективными усилия политологов предписывать сущему должное, заранее жестко определяя сущность социально-политического феномена и пытаясь затем вписать его в теоретическую схему.

Учитывая новые цифровые технологии современности, сетевой характер современной политической власти и цифровые политические технологии, следует признать высокий теоретико-методологический потенциал использования понятийного аппарата акторно-сетевой теории для анализа социально-политических реалий современности. Вместе с тем, очевидно, что существующая критика акторно-сетевой теории не должна игнорироваться современными политологами, поскольку абсолютизация крайностей, безальтернативное принятие того или иного метода, как показывает исторический опыт, наносит непоправимый вред социально-гуманитарному знанию. Соответственно, политологам и элитологам не сдует в исследовании политических групп, партий, гражданских общностей отбрасывать эффективные принципы структурно-функционального подхода. Позитивные результаты, как нам представляется, будут получены именно на базе взаимодополнительности, когда наряду с структурно-функциональным анализом структур и фиксированных связей будут учитываться текущие конфигурации, сетевые коммуникации политических субъектов-акторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Балаян А.А., Томин Л.В.* Акторно-сетевая теория в контексте дискуссий об идеологии и политической онтологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1.
2. Государство и общество: цели, приоритеты, императивы // Аналитический обзор. 12 февраля 2021 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-priority-imperativy>.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
4. *Князев Г.А.* Конфедерации прошлого – сетевые государства будущего? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5 (280).
5. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
6. *Харман Г.* Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3.

A.V. OSIPOV
Candidate of Political Science,
Judge of the Leninsky District Court of Rostov-on-Don,
Rostov-on-Don, Russia

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL POTENTIAL OF APPLICATION OF ACTIVE-NETWORK THEORY FOR ANALYSIS OF MODERN POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

The article problematizes the main provisions and concepts of active network theory in connection with the relevance of their application to the analysis of modern political institutions, processes and technologies. The author reveals the specifics of modern phenomena of political power, the elite, civil society, political parties in the context of the network nature of modern political reality and substantiates the theoretical and methodological potential of interpreting them in terms of the theory of network society (M. Castels), actor-network theory (B. Latour, M. Kallon, J. Law). At the same time, the article presents criticism of these concepts, justifies the need to search for the complementarity of absolutist and relational socio-political ontologies, structural-functional and active-network theoretical and methodological approaches in political science.

Key words: *political power, political elite, political actor, actor-network theory, network society, relational political ontology, hierarchy and polyarchy of power.*

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗВОРОТ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ТРАКТОВКЕ ФЕНОМЕНА

Современный политизированный социальный климат заставляет говорить о проникновении политического дискурса в вопросы личной самоидентификации, что имеет критическое значение для исследований проблем, связанных с этничностью. Зафиксирован связанный с этой тенденцией актуальный поворот в исследовании политизации этничности, когда акцент смещается с рассмотрения институциональных процессов в системной политике на выявление механизмов, запускающих активность в несистемной политике через призму сознания отдельных людей. Описаны основания теории критического сознания, развитой на основе концепции консайентизации П. Фрейре, которая применяется к области исследования политизации этничности в рамках новой исследовательской оптики. Рассмотрены три этапа в формировании критического сознания: критическое осмысление, критическое действие и оценка политической эффективности. Приведены направления исследований, которые могли бы быть актуальны как для развития темы политизации этничности, так и для решения проблем, связанных с необходимостью сохранения бесконфликтных межэтнических отношений и солидарности между представителями разных этнических групп в социокультурном пространстве страны.

Ключевые слова: политизация этничности, теоретико-методологические основания социальных исследований, теория критического сознания, концепция консайентизации, П. Фрейре.

Гармонически согласованная когерентность социокультурных процессов в пространстве полиэтничных государств, к числу которых относится и Российская Федерация, является значимой основой для сохранения бесконфликтных межэтнических отношений и солидарности между представителями разных этнических групп, взаимодействующих в общем простран-

стве. В этой связи изучение и решение широкого круга вопросов, связанных с этничностью, актуально не только с теоретической точки зрения, но также значимо для сохранения мира и согласия в социокультурном пространстве страны.

Политизация этничности (или политизация этнической идентичности: разные исследователи отдают предпочтение разным понятиям, но их содержание часто пересекается) является актуальной темой для ряда социальных наук. Определение, сформулированное Дж. Ротшилдом, характеризует политизированную этническую идентичность как идентичность с таким уровнем мобилизации, когда «она превращается из психологической, или культурной, или социальной величины в собственно политическую силу с целью изменения или стабилизации сложившихся в обществе конкретных систем неравенства среди этнических групп» [11. Р. 2].

В нашей стране и за рубежом сложился устоявшийся академический дискурс, в рамках которого под политизацией этничности понимают участие этнических групп в *системной* политике, где они реализуют свои коллективные запросы [13]. Формирование таких коллективных запросов невозможно, по мысли исследователей, без осознания этнической группой собственной политической субъектности. В определении факторов, влияющих на становление этой субъектности, важное значение имеет мобилизация этнической группы, приводящая к организации этнонационального движения, отстаивающего интересы этнических групп на политической арене. Значительная часть исследований направлена на исследование роли политических элит в процессах мобилизации этнических групп и способов «манипулирования этническими чувствами», которыми они пользуются. Зачастую речь в таких исследованиях идет об эксплуатации этнического фактора для достижения политических целей элитами, или, другими словами, использовании ими политического ресурса этнической идентичности [2. С. 26-42]. Ряд исследователей связывают этническую мобилизацию, сопровождающую процесс политизации «этнического фактора», с конфликтными явлениями в социальной жизни, к которым относят этнополитические конфликты, проявления сепаратизма и национализма. При этом «политические компоненты этнополитического конфликта символизируют его относительную рациональность, которая указывает на его связь с конфликтом интересов, т. е. с достижением практических политических, экономических и в целом материальных целей. Этнические компоненты этнополитического конфликта изначально иррациональны, они имеют преимущественно эмоциональную основу, апеллируют к защите культурных ценностей и отстаиванию групповой идентичности» [1. С. 78]. В этой связи этнополитические конфликты считаются наиболее трудноразрешимым типом конфликтов, часть из которых превращаются в затяжные, разрушительные в своих проявлениях и последствиях.

Попытаемся обобщить социально-философские основания, фундирующие исследования, посвященные политизации этнической идентичности в рамках устоявшегося академического дискурса. Во-первых, они основываются на модели межгрупповой дифференциации, то есть восходят к идее о принадлежности к этнической группе как исходному основанию взаимодействия. Во-вторых, важен акцент на роли «этнических антрепренеров», то есть тех представителей политических элит, которые обращаются к этническим чувствам для мобилизации групп. В-третьих, зачастую в исследованиях этнический фактор рассматривается как конфликтогенный из-за того, что этническая идентичность обладает свойствами аскриптивной идентичности [10], чувствительной к любого рода посягательствам на нее. Наконец, в-четвертых, отметим свойственный для таких исследований акцент на исследовании процессов в системной политике.

Современные социокультурные и социально-политические процессы в значительной степени трансформируют действительность, вынуждая исследователей постоянно перестраивать свой теоретико-методологический аппарат для более адекватного отражения реалий. Действительность такова, что политика не может более отождествляться только с деятельностью структур государственной власти; она прямо или опосредованно влияет на все изменения как личной, так и коллективной идентичностей. В этом смысле правомерно заключение, что политический успех в значительной степени зависит от самоопределения людей [4. С. 16-21]. Поэтому можно сказать, что в настоящее время «любая политика – это политика идентичности» [8], и эффективное исследование процессов, связанных с политизацией этничности, должно включать понимание самоидентификации отдельных людей.

Увязать такие разноплановые и разномасштабные феномены, как политика и идентичность человека, способен взгляд на политику, предложенный Э. Гидденсом в его концепции «политики жизни» (Life Politics) [6]. Согласимся с М.М. Мчедловой и Д.Б. Казариновой в том, что «Если политика в традиционном понимании – это деятельность по согласованию интересов различных групп, то в концепции «политики жизни» все переворачивается: на основе политики жизни реализуется политика идентичности, основанная на квантификации, а сама идентичность уже не находится под жесткототальным влиянием универсализирующих норм и институций» [3. С. 20]. Такой разворот внимания от исследования и описания институциональных процессов и взаимодействия социальных групп к процессам, происходящим на уровне отдельных личностей, как нам кажется, оказал влияние и на существенную трансформацию исследовательских представлений о феномене политизации этничности.

Второй фактор, заставивший исследователей изменить свои представления о политизации этничности – это растущая популярность различных

общественных движений, с особенной остротой выносящих вопросы самоопределения, в том числе расового и этнического, в область политической рефлексии. Такие движения вовлекают в демонстрации, забастовки, бунты и другие виды социального активизма значительное число людей, перетягивая исследовательское внимание от области системной политики к так называемой несистемной.

Все это актуализирует поиск новой исследовательской оптики, способной дать адекватное описание процессам политизации этничности на индивидуальном уровне для прогнозирования процессов в несистемной политике. В качестве такой оптики некоторые исследователи начинают применять теорию критического сознания [7. Р. 525-551], развитую на основе концепции консайентизации (от порт. *conscientização* – «осознание») известного ученого, педагога и общественного деятеля П. Фрейре [5].

Процесс консайентизации характеризует осознание, понимание и преодоление социального неравенства (в том числе, расового и этнического) людьми, которые испытывают на себе его действие. При этом предполагается, что для того, чтобы процесс осознания был запущен, понимание социального неравенства должно пройти у человека через полный цикл личностного восприятия и найти отражение в параметрах идентичности.

В современных интерпретациях, имеющих отношение к изучению политизации этничности, в процессе консайентизации выделяют три этапа. Первый этап предполагает *критическое размышление* о причинах расового и/или этнического неравенства. Такое размышление имеет отношение к анализу текущего положения, вдумчивому выявлению причин неравенства, формированию собственной мотивации к его преодолению и планированию действий, которые могли бы быть эффективны на этом поле социальной активности. Второй этап консайентизации – это *критическое действие*, направленное на преодоление неравенства. Как правило, такое действие реализуется в области несистемной политики в массовых акциях, включающих бунты, забастовки, демонстрации и пр. [12. Р. 779-792]. Третий этап (менее остальных описанный в литературе) относится к рефлексии по поводу собственной способности оказывать влияние на социальные преобразования и предполагает *оценку* собственных сил или *политической эффективности* [9. Р. 602-626]. Ключевым компонентом консайентизации считается критическое размышление, хотя очевидно, что все три этапа следуют один за другим. Так, в разных интерпретациях концепции делается акцент на взаимосвязи между критическим размышлением, действием и политической эффективностью: это означает, что участие в политических действиях может побуждать людей к оценке собственной политической эффективности; эти размышления могут стать основой мотивации к достижению равенства, а затем вновь приводить к действиям.

Дальнейшие исследования в рамках теории критического сознания представляются нам чрезвычайно важными, так как позволяют сфокусиро-

ваться на том, как политические процессы влияют на личностную идентификацию, а последняя, в свою очередь, находит свое выражение в политике, в том числе несистемной. Разумеется, методологическая часть теории нуждается в разработке и уточнении, что одновременно открывает для исследователей определенную творческую свободу в планировании и проведении теоретических, методологических и эмпирических исследований.

В рамках обозначенной исследовательской оптики представляется актуальным для осмысления целый ряд вопросов. Например, являются ли для современных россиян вопросы, связанные с этнической проблематикой, актуальными, и, если да, то осмысляются ли они критически, становясь частью личностной самоидентификации? Как это влияет на параметры индивидуальной и коллективной этнической идентичности? Какой именно личный опыт, связанный с этническими проблемами, формирует содержание критического сознания? Какие агенты социализации (например, СМИ, ближайшее окружение, семья или учебное заведение) являются ключевыми в формировании содержания критического сознания? Каков механизм перехода от критического размышления к критическому действию? Существуют ли способы переориентации критического действия из области деструктивных активностей (к которым можно отнести бунты, забастовки, митинги, погромы и другие массовые выступления разного рода) в сферу мирного диалога? Эти и многие другие вопросы, как представляются, являются важными как для научного осмысления, так и для решения ряда практических стоящих перед полиэтничным сообществом нашей страны задач.

Заключая, отметим, что, на наш взгляд, развитие теории критического сознания применительно к политизации этничности говорит о повороте в ее исследовании: если раньше политизация этничности рассматривалась в основном с точки зрения влияния этнического фактора на процессы в системной политике, то сейчас актуальным становится рассмотрение процессов в несистемной политике через призму критического сознания акторов, актуально или потенциально в ней участвующих. Иными словами, исследовательский фокус в изучении политизации этничности смещается с рассмотрения институциональных процессов в системной политике на выявление механизмов, запускающих активность в несистемной политике через призму сознания отдельных людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3.

2. *Игошева М.А.* Политический ресурс этнической идентичности в условиях трансформации современного мироустройства // Социодинамика. 2020. № 5.

3. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4.

4. Остроглазова Н.А. Социокультурная самоидентификация: отчуждаемая, приобретаемая и отстаиваемая идентичность // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2.

5. Freire P. *Pedagogia do Oprimido*. São Paulo: Paz e Terra, 1987.

6. Giddens A. *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

7. Heberle A.E., Rapa L.J., Farago F. Critical Consciousness in Children and Adolescents: A Systematic Review, Critical Assessment, and Recommendations for Future Research // *Psychological Bulletin*. 2020. No. 146.

8. How to forecast an American's vote // *The Economist*. 03.11.2018 // <https://www.economist.com/graphic-detail/2018/11/03/how-to-forecast-an-americans-vote>.

9. Jemal A. Critical Consciousness: A Critique and Critical Analysis of the Literature // *The Urban Review*. 2017. No. 49.

10. Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflicts*. San Francisco, 1997.

11. Rothschild J. *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press, 1981.

12. Watts R.J., Flanagan C. Pushing the Envelope on Youth Civic Engagement: A Developmental and Liberation Psychology Perspective // *Journal of Community Psychology*. 2007. No. 35.

13. Weber A., Hiers W., Flesken A. *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. New York: Palgrave Macmillan, 2016.

O.A. PERSIDSKAYA

*Junior Researcher, Institute of Philosophy
and Law of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

POLITICIZED ETHNICITY: A THEORETICAL DECLARATION IN THE CONCEPTUAL TREATMENT OF THE PHENOMENON

It is shown that the modern politicized social climate makes us talk about the penetration of political discourse into the issues of personal self-identification, which is of critical importance for the study of problems related to ethnicity. An actual turn in the study of the politicization of ethnicity associated with this trend has been fixed, when the emphasis shifts from considering institutional processes in systemic politics to identifying mechanisms that trigger activity in non-systemic

politics through the prism of the consciousness of individual people. The foundations of the theory of critical consciousness, developed on the basis of P. Freire's concept of conscientization, which is applied to the study of the politicization of ethnicity within the framework of the new research optics, are described. Three stages in the formation of critical consciousness are considered: critical reflection, critical action and assessment of political effectiveness. The directions of research are given that could be relevant both for the development of the topic of politicization of ethnicity and for solving problems associated with the need to preserve conflict-free interethnic relations and solidarity between representatives of different ethnic groups in the socio-cultural space of the country.

Key words: *politicization of ethnicity, theoretical and methodological foundations of social research, theory of critical consciousness, the concept of conscientization, P. Freire.*

*доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и права Владивосток-
ского государственного университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

*бакалавр кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ПРОБЛЕМЫ ФРАКТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ (К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОНКОНГЕ И МАТЕРИКОВОМ КИТАЕ)

В данной статье авторы обратились к актуальной проблеме – организации системы гражданского образования в Китае. Авторы провели сравнительный анализ данной системы Гонконга и Материкового Китая. Исходной точкой в проведенном исследовании стал конфликт политических систем КНР и Гонконга, который за период нахождения в составе Британской Империи перенял ценности демократического Запада, интегрировал их в свою политическую, социальную и культурную жизнь. В основе конфликта стоят попытки китайского правительства «подавить» свободу «китайских европейцев». Различия политических устройств, мировоззрений, культур и обычаев – это только следствия, за которыми кроется реальная причина для противоречий. В настоящей статье авторы рассматривают вопрос влияния различий в системах образования Гонконга и Материкового Китая на политические и социальные разногласия.

Ключевые слова: *КНР, Гонконг, фрактальное моделирование образования, Революция Зонтиков, Площадь Тяньаньмэнь, национальное образование.*

Гражданское образование (1) в Гонконге и Материковом Китае развивалось по разным направлениям. На материковой части страны патриотическое воспитание гражданственности было центральной задачей образования со времен Культурной революции. С 1990-х годов молодежь материкового Китая оценивает среднее образование как образование, которое оказывает наибольшее влияние на их политические взгляды. Цели патриотического воспитания включают привитие лояльности и чувства привязанности

к стране, ее правительству и экономической ориентации. Это образование подкрепляется материализованной системой обучения – учебниками, предназначенными объединить в единое целое цели воспитания, принципы, содержание и методы обучения. Китайская модель образования активно пропагандирует социалистический образ жизни, прямо противоположный буржуазному, обусловленному, прежде всего, коренным различием их экономических основ, идеи Коммунистической партии Китая, утверждая, что демократия «западного стиля» является несправедливой и неэффективной. В свою очередь Коммунистическая партия описывается как «передовая» и «бескорыстная» [7].

По сравнению с Китаем, в Гонконге гражданское образование практически отсутствует. Во время и после Культурной революции британцы создали деполитизированную школьную среду. В 1971 году был введен запрет на любую деятельность, носящую политический характер. Запреты часто были напрямую связаны с молодежной политической активностью в Гонконге. Несмотря на предполагаемую деполитизацию, в учебной программе была политическая повестка дня, связанная с социальной стабильностью и поддержанием политики, рассматриваемая с точки зрения осуществления гражданских прав.

С 1980-х годов, в преддверии передачи полномочий Китаю, гражданское воспитание в интересах развития национальной идентичности стало ключевым вопросом. Оно было нацелено на усиление социализации и создании позитивного взгляда учащихся на «одну страну – две системы». В 1985 и 1995 годах были опубликованы принципы гражданского воспитания, поощряющие позитивные установки и ценности, способствующие развитию чувства принадлежности к Гонконгу и Китаю, чтобы студенты были готовы внести свой вклад в улучшение общества, государства и мира [7]. Однако у молодежи Гонконга складывалось противоречивое отношение к социальной, экономической и культурной политике континентального Китая. Чтобы разобраться в причинах этого явления, нужно обратиться к системе образования Гонконга.

Гуманитарные науки (Liberal Studies) являются основным предметом для изучения школьников в начальной и средней школе Гонконга. Он направлен на то, чтобы помочь ученикам научиться ценить разнообразие и понимать его проблемы, а также Материкового Китая и всего мира. Акценты ставятся на общество, культуру, науку, технологии, окружающую среду и личностное развитие. При обучении преследуются многоаспектные цели изучения мультикультурализма: помочь учащимся ценить и уважать разнообразие культур и взглядов в плюралистическом обществе, признавать влияние глобализации на отдельных людей и сообщества, продемонстрировать понимание ценностей своей и других культур.

Наш Гонконгский Фонд (Our Hong Kong Foundation) – гонконгский аналитический центр изучения государственной политики, определения устой-

чивых решений в области развития и пропаганды содействия социальному консенсусу, объясняет, на развитие каких навыков нацелены гуманитарные науки. Прежде всего, это – улучшение понимания учащихся к самим себе, своему образованию, нации, миру и окружающей среде; становление студентов, как независимых мыслителей; получение знаний, позволяющих студентам развивать различные точки зрения на вечные и современные вопросы в различных контекстах (культурная, социальная, экономическая, политическая сферы); получение навыков критического мышления, решения проблем; развитие в студентах уважения к разнообразию культур и взглядов [8]. Итак, гуманитарные науки изучают социальные, экономические, культурные и политические проблемы вне контекста политики Материкового Китая. Такая система существовала для создания и укрепления чувства идентичности с Родиной.

Однако в обществе создавался резонанс в отношении политики Пекина.

Одна из проблем такого образования заключается именно в вариативности мнений и точек зрения. За период нахождения в составе Британской Империи, Гонконг перенял ценности демократического Запада, интегрировал их в свою политическую, социальную и культурную жизнь. Свобода в обучении и разнообразие взглядов позволяют студентам смотреть на вопрос с разных сторон и выбирать для себя ту позицию, которая ближе к их мироощущению. Студенты, находясь между двумя системами, зачастую социализму предпочитают свободы либерального мира.

При изучении гуманитарных наук огромное внимание уделяется гражданским правам и свободам. По общему признанию права человека – это «права, с которыми люди рождаются», а в международном публичном праве документ, закрепляющих их, является Всеобщая декларация прав человека, включает в себя более широкое толкование. Такие, как личную свободу, а также политические и социальные права, которыми должны пользоваться все. Основной упор в обучении студентов на данные аспекты постепенно привел к общим убеждениям и представлениям гонконгцев о превалировании таких категорий, как мир, дружба, равенство, свобода, демократия, права человека [7]. На этом и основываются противоречия. Гонконгцы отвергают китайский социализм, так как видят в нем ограничения незыблемых гражданских прав и свобод. Восстание на Площади Тяньаньмэнь, революция зонтиков, народные волнения 2019-2020 годов – это те проявления «гражданского неповиновения», которые нацелены на отстаивание прав в Гонконге. Участниками этих митингов были, в основном, студенты, которые стремились защитить свои демократические права и свободы.

На сознание и мировосприятие школьников и студентов Гонконга влияет изучение не только гуманитарных наук. В рамках создания рационального общества, Гонконгское Бюро образования делает акцент на изучении истории. Эта дисциплина разделяется на «Историю» и «Историю Китая». Первая

является обязательной для 7-9 классов школы и рассматривает всемирную историю. Принципы преподавания поощряют учителей предоставлять различные точки зрения в ходе обсуждения в классе и напоминать учащимся о необходимости пересмотреть и обдумать свою позицию, чтобы прийти к взвешенным решениям. Программа нацелена на воспитание критически настроенных граждан. Темы, охватываемые учебной программой, имеют общее историческое значение, подходят для иллюстрации основных концепций истории и имеют отношение к повседневному опыту студентов [7].

«История Китая» до 2018 года являлась факультативной дисциплиной в старшей школе и рассматривала историю Материкового Китая. В 2018 году дисциплину сделали обязательным предметом для 7-9 классов, заменив Всемирную, которая заняла место факультативных занятий. Все эти изменения вызвали широкий общественный резонанс. Предполагается, что «История Китая» нацелена на развитие в студентах чувства принадлежности к китайскому обществу, на развитие уважения китайской культуры, истории, обычаев и политики [7].

Однако здесь возникает две проблемы.

Первая проблема: система поощряет студентов занимать критическую позицию по отношению к политическим и социальным вопросам и событиям, что заставляет молодых людей не просто высказывать свои идеи, но и бороться за них с существующей политической властью. Вторая проблема: правительство Гонконга не только разделяет историю Китая и Гонконга, но и преуменьшает значимость первой, вводя ее, как необязательный предмет в школе, что означает, что не все студенты ознакомятся с этой дисциплиной. Таким образом, цель в виде развития принадлежности к китайскому обществу не может быть достигнута в полной мере. Однако в 2018 году этому вопросу уделили внимание и сделали «Историю Китая» обязательным предметом в средней школе, а Всемирную – факультативным занятием. Такие изменения способствуют лучшему пониманию истории и более сильной национальной идентичности.

К проблеме образования в Гонконге относятся не только дисциплины, пропагандирующие демократические свободы и заставляющие отстаивать их, но и способ преподавания и справочные материалы для изучения предметов. Когда речь заходит о внедрении мультикультурного образования, отношение и знания учителей, а также используемые ими ресурсы, имеют основополагающее значение.

Многие важные вопросы, которые необходимо изучить студентам, являются спорными. И здесь необходимо очень тщательно подбирать источники с корректной и нейтральной информацией. Совет по разработке учебных программ в Гонконге рекомендовал кроме учебников широко использовать дополнительные источники. Зачастую такими источниками становились новостные информационные сайты и СМИ, которые сосредоточены

не на просвещении, а на создании резонанса в обществе. Большинство этих источников имеют негативный оттенок, презентуют предвзятое мнение в отношении политики Китая [7].

Свобода в обсуждении проблем различных сфер, как правило, не означает их объективную оценку преподавателями. Гуманитарные науки становятся полем для пропаганды и популяризации собственных политических идей. Специализированная литература заменяется новостными источниками и толкованием материала преподавателями. На этом этапе имеет место человеческий фактор. Кто-то в силу неопытности или отсутствия должной компетенции трактует события со своей точки зрения, не преследуя цели разжечь в студентах ненависть к Материковому Китаю. Однако есть и другие случаи, когда учителя поддерживали студентов в борьбе за демократию и даже мотивировали их выходить на митинги. Так, Глава Администрации Гонконга Кэрри Лам в 2020 году заявила, что аспекты системы образования помогли разжечь массовые протесты в поддержку демократии в 2019 году. По ее мнению, школьников снабжают «ложной и предвзятой информацией», и сейчас очень важно защитить студентов от «промывания мозгов» [4].

Опасения Правительства Гонконга не напрасны. Самый крупный в Китае Гонконгский профсоюз учителей поддерживал студенческие митинги во время Революции Зонтиков и во время протестов 2019-2020 годов. Очевидно, что такая «поддержка» происходит не только вне учебных аудиторий. На мировоззрение школьников и студентов большое влияние оказывает то, что говорит преподаватель, их взгляды формируются под воздействием мнения более взрослых и авторитетных членов общества, и позиция учителя может быть легко принята школьником, а как говорилось ранее, гуманитарные науки дают учителям возможность высказывать свое мнение при обсуждении острых социальных и политических вопросов, хоть это и не рекомендуется. Более того, учителя сами выходили отстаивать свою гражданскую позицию, за что некоторые были арестованы – об этом сообщают независимые СМИ Гонконга. Таким образом, они демонстрируют пример поведения. Здесь не стоит забывать, что не все сферы жизни Гонконга европеизированы. Такие институты, как религия, семья, уважение к старшему поколению и людям более высокого статуса – остаются. А подобные поддержка и образец поведения создают чувство протекции – ученики вполне справедливо полагаются на авторитет и защиту учителей, как более опытных и разумных людей.

«Мы заботимся о социальной справедливости. Мы выступаем от имени более слабых групп общества. Когда дело доходит до политики, мы полны решимости бороться за демократическую политическую систему, чтобы будущие поколения могли расти и жить в свободной и законопослушной среде» – в 1997 году сказал Председатель Профсоюза Учителей Сзето Ва [3]. Организация не изменяла своим убеждениям вплоть до 2021 года, когда она была решением своих членов ликвидирована.

У систем образования Гонконга и Материкового Китая совершенно разная направленность. В Гонконге делают акцент на развитии граждан, знающих свои права, умеющих анализировать происходящее в мире и современном Китае. Достигается эта цель посредством изучения гуманитарных наук, которые рождают в студентах протест и желание активно бороться с действиями китайского Правительства. Это происходит под воздействием нескольких факторов: свобода в выборе мнения, которая не несет положительные последствия для обеих сторон, неправильно подобранные справочные материалы для изучения дисциплины (акцент ставится на новостные источники, целью которых является создание резонанса в обществе) и поддержка враждебного настроения в студентах учителями.

В Материковом Китае делается упор на развитие гражданственности в школьниках, патриотическое воспитание закладывает любовь и уважение к культуре, религии, политике своей страны. Школьников с детства учат родители, а потом и учителя, что каждый должен сделать свой вклад в развитие общества, отчего в них развивается ответственность не только перед собой, но и перед окружающими. От этого почти все их действия направлены не на борьбу с системой, а на создание благ для общества, отчего жизнь каждого отдельного актора становится лучше.

Проблемы и конфликты в Гонконге не могут не вызывать ответную реакцию со стороны Правительства Материкового Китая. В 2047 году Гонконг официально лишится статуса автономии и «китайским европейцам» необходимо будет подчиняться воле Пекина. Очевидно, что систему образования, допустившую усиление конфронтации между частями одной страны, необходимо реформировать. После студенческих протестов 2019 года, связанных с законом об экстрадиции и национальной безопасности, стало понятно, что Гонконг нуждается в более сильном нравственном воспитании. Являясь частью Китая, они отделяют себя от него и пытаются активно бороться с системой.

В 2019 году началось реформирование системы образования Гонконга. Гуманитарные исследования по-прежнему будут обязательным основным предметом, однако учебная программа для него будет сокращена, а оценка изменена на систему «зачет/не зачет». Список «подходящих учебников» будет предоставлен школам после того, как Бюро Образования Гонконга их проверит. Отныне в учебниках не будет фразы «разделение властей», и будут добавлены вопросы гражданского неповиновения [5]. Учебная программа по истории Китая в начальной и средней школах расскажет учащимся об исторических связях Гонконга с Материком и о том факте, что Китай, включая Гонконг, в прошлом подвергался вторжению иностранных войск [9].

Новая учебная программа будет включать обмены с материковым Китаем «для формирования у студентов концепции государства, национальной

идентичности и чувства ответственности перед страной и народом» [9]. Новая учебная программа для всех местных школ также будет включать календарь важных национальных дат, включая Национальный день Китая и День Конституции, для поощрения соответствующих учебных мероприятий, таких как поднятие национального флага и регионального флага, а также исполнение национального гимна [2].

Такие изменения не означают, что предмет станет национальным образованием, как в Китае. Основная идея изменений заключается в том, чтобы научить студентов проявлять заботу об обществе, нации и мире с чувством национальной идентичности, ценить китайскую культуру и идентифицировать себя с Материком.

Школьники и студенты – это наиболее социально активная и подверженная идеологическому влиянию группа. Особенности и проблемы образования Гонконга разжигают в молодых людях протест, желание отстаивать свои права и бороться с системой, которая притесняет их. Ключевыми факторами в этом процессе выступают Гуманитарные науки с отсутствием гражданского воспитания и вариативностью точек зрения, влияние учителей, зачастую продвигающих свои политические взгляды, акцент при изучении дисциплины на новостных, а не академических, источниках, которые не дают объективной оценки происходящему.

Система образования Гонконга нуждается в изменениях, которые, однако, нужно проводить постепенно, чтобы не встречать активное сопротивление со стороны граждан Гонконга и не настраивать их против Пекина. Для достижения компромисса нужно использовать инструменты «мягкой силы», примеры которой уже внедряются в систему образования Гонконга: больше рассказывать о Китае и связи Гонконга с ним, проводить программы обмена с материковой частью с целью погружения в культуру Китая и нахождения сходных черт. Большое внимание к положительным сторонам Китая и социализма помогут подрастающим поколениям осознать свою связь с Родиной. Однако, учитывая уровень и силу протеста студентов, Пекину придется приложить много усилий и потратить не одно десятилетие на то, чтобы гонконгцы идентифицировали себя не как «европейцы в китайском обществе», а как единая с представителями КНР нация.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Здесь, под гражданским образованием авторы понимают такую систему, которая включает в себя общественно-государственную и социально-ориентированную систему непрерывного обучения и воспитания, направленную на формирование гражданской компетентности, демократической культуры, удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности и гражданского общества (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Dennis Chun-Lok Fung, Wai-mei Lui*. Liberal Studies and National Education in Hong Kong, 2017.

2. Explainer: A 48-year-old union gone in 11 days – how Hong Kong teachers lost a powerful voice // <https://hongkongfp.com/2021/08/15/explainer-a-48-year-old-union-gone-in-11-days-how-hong-kong-teachers-lost-a-lost-a-powerful-voice/>.

3. Education Bureau // <https://hongkongfp.com/tag/education-bureau/>.

4. Hong Kong liberal studies to be renamed and reformed – more China content, less focus on current affairs // <https://hongkongfp.com/2020/11/27/hong-kong-liberal-studies-to-be-renamed-and-reformed-more-china-content-less-focus-on-current-affairs/>.

5. Hong Kong teachers' union raises concerns over censorship as publishers revise textbooks after gov't review // <https://hongkongfp.com/2020/08/19/hong-kong-teachers-union-raises-concerns-over-censorship-as-publishers-revise-textbooks-after-govt-review/>.

6. *Koon Lin Wong, Chi Kin John Lee, Kin Sang Jacqueline Chan, Kerry John Kennedy*. Constructions of civic education: Hong Kong teachers' perceptions of moral, civic and national education, 2017.

7. *Liz Jackson*. Contesting Education and Identity in Hong Kong, 2021.

8. Liberating Liberal Studies: Cultivating Interdisciplinary Learning, Thinking Skills and Appreciation of Diversity // https://ourhkfoundation.org.hk/sites/default/files/media/pdf/20200819_LLS_ENG.pdf.

9. Over 90% of local schools sign up for gov't's on-site national security education workshops // <https://hongkongfp.com/2021/09/02/over-90-of-local-schools-sign-up-for-govts-on-site-national-security-education-workshops/>.

A.A. TUSHKOV
*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Law
of the Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

A.O. VORON-KOVALSKAYA
*Bachelor of the Department of International
Relations and Law of the Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

PROBLEMS OF FRACTAL MODELING OF CIVIL EDUCATION IN CHINA (TO THE QUESTION ABOUT THE EDUCATIONAL SYSTEM IN HONG KONG AND MAIN CHINA)

In this article, the authors addressed a current issue – the organization of the civil educational system in China. The authors conducted a comparative analysis of these systems in Hong Kong and Mainland China. The starting point in the study was the conflict between the political systems of the PRC and Hong Kong, the latter of which adopted the values of the democratic West and integrated them into its political, social and cultural spheres during the British colonial rule. At the heart of the conflict are the attempts of the Chinese government to “suppress” the freedom of “Chinese Europeans”. The differences in political structures, worldviews, cultures and customs are only consequences, behind which lies the real reason for the contradictions. In this article, the authors consider the impact of the political and social differences in the educational systems of Hong Kong and Mainland China.

Key words: *PRC, Hong Kong, fractal modeling of education, Umbrella Revolution, Tiananmen Square, national education.*

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.004

УДК 32.323

О.Г. ЗУБОВА

*кандидат политических наук, доцент
кафедры социальных технологий социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

А.Г. ФИЛИПОВА

*доктор социологических наук, доцент
зав. лабораторией комплексных исследований детства
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток;
старший научный сотрудник Российского
государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург*

ТИКТОК: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ КОММУНИКАЦИИ И САМОВЫРАЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ¹

В статье авторы обращаются к проблеме использования приложения TikTok современными подростками. Неоднозначность восприятия данного приложения как взрослыми, так и самим подростками, делает дискуссионным вопрос его воздействия на молодежь. Целью статьи стал анализ влияния TikTok и тиктокеров на коммуникации и самопрезентации современных подростков. Методами сбора эмпирических данных являются полуструктурированные интервью с подростками и экспертные интервью. Всего в опросе приняли участие 23 подростка в возрасте 13-17 лет, а также пять экспертов – специалистов медииндустрии и сферы образования. Параллельно изучались материалы дискуссии «Что такое ТикТок и с чем его едят?» и работа А. Турлакова «Все будет ТикТок». Анализ собранных данных осуществлялся в разрезе практик коммуникации и самопрезентации тиктокеров-взрослых и тиктокеров-подростков, а также подростков-потребителей данного контента.

Для подростков – авторов и пользователей – TikTok дает возможность самовыражаться, развивать коммуникативные навыки, а также отдыхать и развлекаться. Приложение привлекает подростков форматом коротких видео, лентой рекомендаций, простотой съемки. Самопрезентации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31699.

популярных тиктокеров отличаются искренностью и естественностью, эмоциональностью и чувством юмора. Самопрезентации подростков-тиктокеров воспроизводят самопрезентации взрослых блогеров. Практики коммуникации тиктокеров и пользователей можно рассматривать как модель парасоциальных отношений.

Ключевые слова: *TikTok, подростки, тиктокеры, самопрезентация, коммуникация, модель парасоциальных отношений.*

Введение. Современные подростки уходят из все более профессионализирующегося и усложняющегося Ютуба в простой и понятный TikTok. Videоблогинг становится для них способом самовыражения, творчества, общения и развлечения. Феномен видеоблогинга захватывает современных детей и подростков, причем каждая возрастная группа находит себе своих кумиров: молодежь увлекает Дудь и Собчак, подростков – Брайн Мапс, младшеклассников – Влад А4.

Многие подростки пробуют писать ролики сами, и тут им на помощь приходит инструмент TikTok – такой простой и понятный. В свою очередь подростки-зрители тоже оценили и приняли формат коротких роликов. По данным АО «Институт Общественного Мнения Анкетолог», использующего собственную онлайн-панель респондентов из России и стран СНГ, сеть TikTok продолжает набирать популярность в России. Согласно результатам опроса, проведенного в апреле 2021 года, абсолютное большинство пользователей интернета (97%) хотя бы что-то знают о социальной сети TikTok, 67% просто слышали о ней, еще 30% используют ее лично. Пользователям TikTok помогает отдохнуть, поднять настроение (62%) и скоротать время в ожидании чего-либо (52%), отвлечься от забот (45%). 44% опрошенных просто нравится формат коротких видеороликов, а 32% – находят там полезный для себя контент. Больше половины пользователей этого приложения (54%) признались, что порой им сложно оторваться от просмотра роликов, поэтому 7% хотя бы иногда включают функцию, которая ограничивает время его использования [15]. Таким образом, опрос фиксирует тренд на возрастающую известность и популярность TikTok.

Российские исследователи активно изучают TikTok как новую платформу продвижения рекламы и экспертного бренда, распространения массовой культуры.

Большой массив отечественных публикаций посвящен анализу характерных особенностей и социокультурных функций TikTok в современной повседневной культуре [6. С. 93-95]. Подчеркивается переход к блогосфере, усиливающий популярность TikTok.

Отдельное направление исследований связано с изучением особенностей социальной коммуникации, нового семиотического кода развлекательного

контента российского сегмента TikTok, интерактивных веб-сериалов и сторителлинга на платформе, созданных пользователями, диджитал-агентствами, ТикТок-хаусами и телеканалами [12. С. 176-178; 20. С. 104-106].

Авторами публикаций описываются способы использования приложения для продаж и формирования лояльности потребителя, изучается общественное мнение о рекламе на данной платформе, выявляются тренды на будущее [3. С. 44-50; 9. С. 106-112; 10. С. 33-36; 16. С. 130-133].

Целевой аудиторией данного приложения на этапе его запуска выступала молодежь и подростки, поэтому публикации часто связаны с изучением влияния TikTok на подрастающее поколение. Так, в работе «Негативное влияние на молодежь цифровой антикультуры в период фейков, постправды на примере сети ТикТок» И. Голикова описывает процессы погружения современного поколения Z в формат коротких видео, их негативные последствия [4. С. 361-367].

С точки зрения подростковой аудитории TikTok также изучается как образовательная платформа. Некоторые исследователи отмечают, что образовательный контент приложения развит недостаточно для получения отклика от целевой аудитории [1. С. 266-268]. Также подчеркивается влияние данного приложения на процесс социализации подростка, его включения в проектную деятельность [17. С. 101-104; 18. С. 422-426].

Анализируются возможности этой сети для сохранения исторической памяти о Великой отечественной войне [8. С. 91-92]. Этот пример показывает, что социальную сеть можно рассматривать и с точки зрения современных социальных технологий образования и воспитания подростков.

Рассматривается социальная сеть TikTok и как новый инструмент расширения политических представлений среди молодежи. В статьях отмечается, что приложение может стать влиятельным инструментом агитации и пропаганды по причине молодого возраста аудитории и отсутствия должного контроля со стороны администрации сервиса и государственных структур [2. С. 112-119; 7. С. 13-16].

Таким образом, анализ позволил выявить, что тема TikTok – это новая дискуссионная тема, разработкой которой преимущественно занимаются молодые исследователи, расширяя фокус анализа от рисков к поиску эффективных стратегий формирования социальных компетенций подростков.

Перед исследователями встает много вопросов, один из которых обсуждается в данной статье: Как TikTok решает задачи коммуникации и самопрезентации современных подростков?

Методы и материалы. В качестве методов сбора эмпирического материала используются полуструктурированные интервью с подростками. Гайд интервью касался видеоблогинга в целом: отношения подростков к данному процессу, наличия любимых видеоблогеров, описания их характеристик, частоты и длительности просмотра видео, оценки составленного по ито-

гам экспресс опроса подросткового рейтинга видеоблогеров и др. Вопросы относительно особенностей использования подростками ТТ не являлись ключевыми, но они неизбежно возникали в ходе интервью. Подростки – участники исследования разделились на группы: 1) смотрят тиктокеров; 2) смотрят тиктокеров и сами тиктокеры; 3) не смотрят и не пишут видео.

Всего в опросе приняли участие 23 подростка в возрасте 13-17 лет, проживающие в городах Дальнего Востока (Владивосток, Фокино, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре), а также в Санкт-Петербурге, Эссентуках, Новосибирске. Был применен метод соучаствующего исследования – трое подростков выступили соисследователями – участвовали в разработке гайда интервью, проводили интервью, помогали интерпретировать полученные данные.

Другим методом сбора данных стало экспертное интервью. Экспертами выступили участники медиасаммита (ДВФУ, 10-11 июня 2021 г., N=5) [5]. Помимо экспертных интервью анализировалась запись встречи с тиктокерами-миллионниками под названием «TikTok Workshop: Дискуссия «Что такое ТикТок и с чем его едят?»» (1), а также книга А. Турлакова «Все будет ТикТок», в которой представлены размышления по поводу особенностей работы в ТикТоке (алгоритмы, сложности, секреты, лайфхаки).

Результаты и их обсуждение.

TikTok (ТТ) – что это такое? Практики самопрезентации.

Самое простое определение ТТ – это приложение с короткими видео. Почему 15-секундные ролики набирают популярность? Вот как это объяснил один их участников экспертной дискуссии, тиктокер, Александр Стельмах: *«ТТ – это видеоролики по 15 секунд, мы считаем зачастую, что это «треш», так как что вообще можно понять за 15 секунд. Тем не менее, практика показывает, что в ТТ с его форматами можно подавать даже в этих условиях интересную, нужную и социально значимую информацию, которая, самое главное, ориентирована на людей».*

Удобство ТТ в том, что он подстраивается под интересы пользователя: *«там есть рекомендации – ты листаешь видео и какие тебе нравятся, ты ставишь лайки, а если тебе очень понравилось, ты можешь подписаться на этот канал, чтобы видеть подобные видео, вот...ну и мне стали попадаться эти видео и если нажать один раз, например, подписаться на какой-то кулинарный блок, то может потом попасться еще какое-то»* (Аглая, 13 л., СПб).

Подростки признаются, что чаще всего специально какое-то видео не ищут, а просто смотрят то, что попадает в ленте рекомендаций. Тем самым ТТ еще больше упрощает жизнь потребителей коротких роликов.

Для авторов приложение дает возможность проявить себя, продемонстрировать свои практические навыки, показать свои сильные стороны. Как пишет А. Турлаков: *«TikTok – настоящее открытие для авторов, которые*

умеют что-то делать: рисовать, смешить, строить, показывать фокусы, удивлять, танцевать и т.д. Любой навык, который можно воспроизвести на камеру, при условии, что автор в этом действительно хорош, позволит найти своих зрителей» [19. С. 50].

Для бизнеса ТТ становится «мостиком» к уже состоявшимся в деловом отношении Инстаграму и Ютубу: *«через ТТ я делаю воронку перелива людей в другие соц. сети, например, у меня выходит какой-нибудь онлайн курс, и я понимаю, что через ТТ я могу перевести на него аудиторию, я рассказываю о нем в ТТ, они слушают и переходят, где я их и монетизирую» (Т2).*

Эксперты находят определенные параллели в развитии Ютуба, Инстаграма и ТикТока: *«Сейчас, если вспомнить Instagram 4-5 лет назад, то в ленте были одни «я покушал», «я вышел» и т.п. Сейчас же в Instagram преобладает экспертный контент. Это инструмент донесения какой-либо информации. YouTube проходил точно такой же путь. Сначала снимали «лайф», сейчас же это мощнейший инструмент влияния на массы. ТТ сейчас проходит тот же самый сценарий. Если раньше были развлекательные видео от молодежи, то сейчас, 2021 год – год экспертного контента» (Т1).*

В то же время один из подростков-участник нашего исследования отмечает обратную тенденцию подражания социальных сетей TikTok: *«... им [имеются в виду Инстаграм и Вконтакте] приходится подстраиваться...они подстроились под ТТ ...ну вот у них короткие видео, ты их мотаешь...а Вконтакте у них теперь есть клипы, в Инстаграме – тоже» (Федор, 14 л., СПб).*

На медиасаммите на площадке «Видеоблогинг» тиктокеры делились секретами успешного продвижения видеоблогов, призывали *«принять правила игры и использовать ТТ как инструмент в своих делах» (Т1).*

Как для видеоблогеров, так и для тиктокеров (мы не ставим знак равенства между этими двумя медийными фигурами) важны естественность, искренность, позитивный контент, юмор – в этом взгляды создателей и потребителей контента в ТТ сходятся:

- *«в видео нравится простота, ну и от этого идет то, что искренне, т.е. что человек подумал, то он и сказал...какие-то добрые, вот реально, доброта просто притягивает» (Рада, 15 л., Владивосток);*

- *«честные эмоции, потому что он, когда на камеру снимает, как он играет какую-то там игру, вот, действительно, эмоции видно, действительно здорово» (Слава, 17 л., Новосибирск);*

- *«ТТ – про искренность, про человека. Людям нужна сопричастность, людям нужно взаимодействие, люди хотят больше жить в интернете, поэтому они ищут это» (Т1).*

Для ТТ важна такая характеристика, как «плотность контента» под которой понимается «развлекательная ценность на единицу времени». А. Турлаков заключает: *«чем выше плотность контента, тем быстрее и чаще*

он может достигать цели – быть информативным, вдохновляющим, смешным, полезным» [19. С. 50].

Тиктокеры-эксперты говорят о профессиональном контенте ТТ, о возможности через ТТ влиять на решение задач, продвигать социальные проекты. Они подчеркивают, что ТТ помогает сократить социальную дистанцию: между горожанами и администрацией, между учениками и учителем. Для того, чтобы быть успешными тиктокеры должны самопрезентовать себя как естественных, искренних, простых, таких же, как их аудитория.

ТikTok – площадка для подростков?

По данным компании Mediascore в российской аудитории TikTok в марте 2021 года подростки составили 14%, молодежь в возрасте 18-24 лет – 13% [11]. То есть молодежь не является преобладающей социально-демографической группой в ТТ, как принято думать. Причем смещение аудитории ТТ в сторону более старшей возрастной группы произошло во время пандемии: *«у нее [более старшей возрастной группы] появился запрос на другие видео – не на танцы и развлечения подростков, а на умные и интересные видео»* [19. С. 87].

Многие подростки, участвующие в нашем исследовании, не хотели признаваться в том, что смотрят ТТ, более того, высказывались негативно в его адрес:

- *«я считаю, что две три видео в ТикТоке – абсолютная помойка...то есть кривляние на камеру не приближает тебя ни к какому дзену, не делает из тебя личность то есть...вернее делают, но совершенно ...асоциальную»* (Федор, 14 л., СПб);

- *«О ТТ я вначале очень плохо думала, но потом скачала и начала смотреть, мне понравилось...»* (Аглая, 13 л., СПб).

Участники исследования – подростки так объясняли популярность TikTok среди себе подобных: большинство смотрят ТТ для развлечения, когда нужно чем-то занять время, когда нужно «отключить мозг» и т.п.

Хотя у одной из участниц исследования нашлось вот такое объяснение популярности ТТ: *«эта платформа становится популярной у подростков. так как там снимают подростки и если кому-то нужна какая-то моральная поддержка, он может полистать ТТ, ему может попасться какое-то такое видео...и там будут именно те слова, которые ему нужны...»* (Аня, 14 л., Владивосток).

То, что видео снимают такие же подростки, ну, или блогеры чуть старше, создает эффект парасоциальных взаимодействий: *«им всем по 19-20 лет, не больше, даже некоторым 18, вот и когда ты смотришь на них, то расслабляешься также...поэтому скорее они для меня друзья, я бы хотела с ними встретиться...может сфоткаться, но не более»* (Аглая, 13 л., СПб).

Термин «парасоциальное взаимодействие» предложен Дональдом Хортоном и Ричардом Воллом в 1956 г. для описания реакций зрителей на медийных персонажей (личностей) в ходе потребления медийного контента. Они

определили парасоциальное взаимодействие как «симулякр разговорного обмена мнениями», который пользователи испытывают в ответ на действия медийного исполнителя («личности») в ситуации медийного воздействия. Хортон и Вол утверждают, что парасоциальное взаимодействие воспринимается пользователями в качестве близкого взаимного социального взаимодействия, хотя они знают, что это лишь иллюзия [21. Р. 215-229].

TikTok – коммуникации.

Одна девушка-подросток, которая ведет свой блог в ТТ, рассказала об особенностях коммуникации в нем. *«Мне кажется, эта соцсеть – она не предназначена для общения, там можно перекинуться видеосами, какими-то смешными, но прям попереписываться – это в Инстаграм, Вконтакте...»* (Рада, 15 л., Владивосток).

Наверное, к коммуникациям не располагает как сам формат коротких видео, так и их содержание. Подростки не любят писать комментарии, причем не только в ТТ, объясняя свою нелюбовь тем, что в комментариях нет смысла, что нет обратной связи. Комментарии уходят в пустоту, т.к. блогеру просто некогда на них отвечать:

- *«обычно тот, кто пишет самые милые комментарии, получит какой-нибудь приз и обычно это просто замануха. И зачем тратить время вот на такую всякую фигню? То есть я обычно не комментирую, ну только если мне очень понравилось видео, хочу своему любимому блогеру что-то написать хорошее и все ...»* (Аглая, 13 л., СПб);

- *«в ТТ сложно отвечать в комментариях, например, потому что их может быть очень много. Может быть, например, от 30 комментов и до нескольких тысяч...»* (Рада, 15 л., Владивосток).

В продолжение темы парасоциальных отношений подросток-тиктокер рассказала об особенностях коммуникации с подписчиками: *«мне вот даже иногда просто кто-то из подписчиков может написать о своей проблеме, ну просто там: «мне грустно». И я всегда отвечаю, поговорю вот, ну как с друзьями»* (Рада, 15 лет, Владивосток). То есть ТТ помогает «дружить», находить поддержку, хотя, конечно, и в ТТ не обходится без хейтеров.

Также подростки высветили возможности ТТ в поиске друзей (что-то вроде друзей по переписке в Советском Союзе):

- *«если набрать определенную аудиторию, то хоть один, два, пять человек, но станут хорошими друзьями...Лично я считаю, что это очень хорошая возможность в общении, вообще это, ну, очень классно, тем более у подростков, у которых есть проблемы с общением в аудитории, ну в своей, они смогут найти похожие интересы, им смогут первыми написать и им не придется знакомиться первыми»* (Рада, 15 л., Владивосток);

- *«...многие даже могут найти себе друзей, подходящих по интересам, там интернет-друзей, может, хоть и из другого города»* (Оля, 14 л., с. Калининка).

Как стать тиктокером?

Участники нашего исследования говорят, что стать тиктокером может каждый:

- *«В Ютубе – там нужно стараться, там нужно какую-то тему, какие-то там, не знаю, вещи...монтировать, а в ТТ ты вот держишь кнопку – снимаешь, кнопку отпускаешь – там хоп, переместился и монтировать там особо не надо, нажимаешь – и все !»* (Лера, 14 л., Владивосток);
- *«Если вы снимаете какой-то интересный контент на вашу тему, то вам вообще не нужны люди. Вам нужен только телефон, свет какой-то минимальный и все (ТЗ).*

Пользовательское соглашение ТТ установило нижнюю границу возраста участия в 13 лет [14]. Как говорится в отчете об обеспечении соблюдения Правил сообщества за первый квартал 2021 года «11 149 514 учетных записей были удалены за нарушение Правил сообщества или Пользовательского соглашения. Из них 7 263 952 учетных записи удалены по причине того, что они могли принадлежать лицам младше 13 лет, это менее 1% всех учетных записей в TikTok» [13].

Большинство подростков, вовлеченных в наше исследование, имеют опыт снятия видео для ТТ, некоторые хотят о нем забыть. В процессе исследования мы пришли к осознанию неравнозначности этих двух участников видеоблогинга – тиктокеров и видеоблогеров – в восприятии подростков. Видеоблогер – фигура более значимая, чем тиктокер, потому что *«они [видеоблогеры] больше сил и времени тратят на Ютуб...они больше заморачиваются, мне кажется, тиктокером быть легче»* (Юля, 13 л., Владивосток). А еще есть ТТ-хаусы, это своего рода «бульон» для приготовления тиктокеров: *«когда вы постоянно находитесь в окружении блогеров, которые креативят, снимают, переживают за охваты, хотят придумать что-то новое, созидают, коллаборируются. И когда вы находитесь в окружении, ориентированном на творчество, вы будете расти в этом самом творчестве...ТТ-хаус как раз является скопищем таких «крейторов», которые, обмениваясь мыслями, энергией, идеями, поддерживая друг друга, позволяют друг другу быстро расти»* (Т1). Хотя подросток-тиктокер высказалась о ТТ-хаусах как о месте, где *«убивают индивидуальность, что ли...то есть ну всех под копирку начинают делать»* (Рада, 15 л., Владивосток). Мысль об индивидуальной работе высказала и тиктокер-эксперт: *«нашей аудитории сейчас неактуально жить в ТТ-хаусах. И на самом деле сейчас хайп на них спал. Сейчас больше выстреливают аккаунты, которые снимают индивидуально. Есть такой миф, что если в ТТ-хаусе – у тебя все будет классно в ТТ, если ты один, то у тебя меньше шансов. Нет, это вообще не так»* (ТЗ).

Для тиктокеров, как и для видеоблогеров, тоже важно выработать свой стиль, индивидуализировать содержание, найти свою аудиторию. Поэтому,

как признаются подростки, кто-то не снимает, потому что нет интересных идей, а кто-то – просто потому, что им это неинтересно.

Выводы. ТикТок стремительно развивается и охватывает все большую аудиторию интернет-пользователей самого разного возраста. Происходит постепенное усложнение содержания – переход от развлекательного к профессиональному контенту. Для подростков – авторов и пользователей – приложение дает возможность самовыражаться, находить друзей, развивать новые навыки, а также отдыхать и развлекаться. ТТ привлекает подростков форматом коротких видео, лентой рекомендаций, а также простотой съемки – не требуются специальное оборудование, монтаж, сложный сценарий. От тиктокеров, как и от видеоблогеров в целом, требуются искренность и естественность, эмоциональность и чувство юмора. Поэтому начинающему тиктокеру важно найти свое дело, которое он сможет снимать на камеру легко и непринужденно. Самопрезентации подростков-тиктокеров воспроизводят самопрезентации взрослых блогеров – раскрепощенных, веселых и искренних. Вероятно, с этой точки зрения, ТТ располагает психотерапевтическим потенциалом, поскольку помогает подросткам-блогерам избавиться от психологических зажимов, а также самовыразиться, заявить о себе, своих возможностях.

Для взрослых, работающих с подростками, а также родителей важно понимать возможности и ограничения ТикТока, использовать данное приложение как канал коммуникации подростков, образовательную платформу, средство развлечения и отдыха, заниматься медиапросвещением для профилактики рисков манипулирования, вовлечения в асоциальные виды деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Экспертами дискуссии выступили тиктокеры Александр Стельмах, Александр Кишинец, Ангелина Авдиянц, далее (Т1, Т2 и Т3).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Айжаров Р.М., Кубеев И.Е. Возможности приложения «ТикТок» как образовательной платформы для младших подростков // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования: Материалы III Международной научно-практической конференции. Астрахань, 10 марта 2021 года. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2021.

2. Вербовская В.В., Федосеев И.Ю. «ТикТок», как инструмент распространения идей национализма и национал-большевизма среди молодежи // Цели и пути устойчивого экономического развития: Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Уфа, 07 мая 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки»», 2021.

3. *Веретено А.А.* Концептуальный алгоритм продвижения экспертного бренда в TikTok // *Маркетинговые коммуникации*. 2021. № 1.

4. *Голикова И.В.* Негативное влияние на молодежь цифровой антикультуры в период фейков, постправды на примере сети «ТикТок» // *Школа молодых новаторов: Сборник научных статей 2-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых*. Курск: Издательство: Юго-Западный государственный университет, 2021. Т. 1.

5. *Дальневосточный МедиаСаммит 2021* // <https://медиасаммит.рус>.

6. *Жилина Е.А.* Социальная сеть «ТикТок» и буктрейлинг как инструменты реализации функций культуры в эпоху цифровизации // *Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: материалы международной конференции*. Екатеринбург, 26 марта 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020.

7. *Ионов А.С.* TikTok: новое пространство политической коммуникации // *Молодежь в условиях цифровизации общества: международный, национальный и региональный аспекты: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции*. Кемерово, 26-27 ноября 2020 года: Кемеровский государственный университет, 2020.

8. *Кишкилева А.К.* Тема «памяти поколений» в контенте видеохостинга «Tiktok» // *Актуальные проблемы современной журналистики и медиакommunikаций: Сборник трудов молодых исследователей к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.* Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2020.

9. *Кобелева Б.* ТикТок как идеальная рекламная площадка // *Новые медиа для современной молодежи: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции*. Санкт-Петербург, 05-09 апреля 2021 года / под редакцией Л.Е. Виноградовой, Е.Н. Туголуковой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021.

10. *Мазин А.С., Шашкова К.С., Микрюков В.О.* Тенденции и перспективы развития рекламы в социальных сетях на примере платформы TikTok // *Проблемы развития технического потенциала и направления его повышения: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции*. Омск, 09 января 2021 года. Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2021.

11. *Назарова А.* 33 млн. человек ежемесячно заходят в TikTok // <https://www.likeni.ru/events/33-mln-chelovek-ezhemesyachno-zakhodyat-v-tiktok/>.

12. *Никитина С.В.* ТикТок как платформа дистрибуции веб-сериалов // *Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сборник материа-*

лов Международного научного форума. В 2-х т. Санкт-Петербург, 30 июня 2021 года. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2021.

13. Отчет TikTok об обеспечении соблюдения Правил сообщества за первый квартал 2021 года // <https://newsroom.tiktok.com/ru-ru/tiktok-published-community-guidelines-enforcement-report-for-q-1-2021>.

14. Пользовательское соглашение TikTok // <https://www.tiktok.com/legal/terms-of-service?lang=ru>.

15. Россияне стали больше времени проводить в TikTok // <https://iom.anketolog.ru/2021/04/01/tiktok-v-rossii-2021>.

16. Рулевская П.Е., Игнатова П.Н. ТикТок – новая платформа для бизнеса // Управление персоналом, социальными и бизнес-коммуникациями: методы, модели, технологии – 2020: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 25 марта 2020 года. Москва: Государственный университет управления, 2020.

17. Сидоров М.М. Видео хостинги и их роль в формировании личности современного подростка // Проблема процесса саморазвития и самоорганизации в психологии и педагогике: сборник статей Международной научно-практической конференции. Саратов, 01 июля 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2021.

18. Смирнова А.Ю., Самохина А.М. Эффективные способы привлечения молодежной аудитории к разработке и реализации социокультурных проектов // Заметки ученого. 2021. № 2.

19. Турлаков А.К. Все будет TikTok. С нуля до миллиона: лайков, просмотров, подписчиков, денег. М.: Издательство АСТ, 2021.

20. Arzyaeva C.V., Boiko M.A. Slang in the social network «Tiktok» // Устойчивое развитие науки и образования. 2021. No. 1 (52).

21. Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 1956. No. 19 (3) // <https://doi.org/10.1080/00332747.1956.11023049>.

O.G. ZUBOVA

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Social Technologies at the Faculty
of Sociology of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

A.G. FILIPOVA

*Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor,
Head of the Laboratory of Complex Research of Childhood,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia; Senior Researcher Herzen
Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia*

TIKTOK: NEW OPPORTUNITIES FOR COMMUNICATION AND SELF-PRESENTATION OF MODERN TEENAGERS¹

In this article, the authors address the problem of using the TikTok app by modern teenagers. The ambiguity of the perception of this application by both adults and adolescents themselves makes the issue of its impact on young people controversial. The purpose of the article was to analyze the influence of TikTok and TikTokers on the communication and self-presentation of modern teenagers. Methods for collecting empirical data are semi-structured interviews with adolescents and expert interviews. In total, 23 adolescents aged 13-17 took part in the survey, as well as five experts – specialists in the media industry and education. We also studied the materials of the discussion “What is TikTok and what is it eaten with?” and A. Turlakov’s research “Everything will be TikTok”. The analysis of the collected data was carried out in the context of communication practices and self-presentation of adult tiktokers and teenage tiktokers, as well as adolescent consumers of this content.

For teenagers – authors and users – TikTok provides an opportunity to express themselves, develop communication skills, and relax and have fun. The app attracts teenagers with the format of short videos, feed of recommendations, simplicity of shooting. Self-presentations of popular TikTokers are distinguished by their sincerity and naturalness, emotionality and a sense of humor. Self-presentations of teenage Tiktokers reproduce the self-presentations of adult bloggers. The communication practices of TikTokers and users can be viewed as a model of parasocial relations.

Key words: *TikTok, teens, tiktokers, self-presentation, communication, parasocial relationship model.*

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 21-011-31699.

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.005

УДК 32.323

И.В. ГЕРАСИМОВА

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социально-экономических проблем народонаселения
Российской академии наук, Россия, г. Москва*

О.А. НЕСТЕРЧУК

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов (RUDN University);
профессор кафедры политологии
и политического управления Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

Россия, г. Москва

В.О. ГРИШИН

*студент факультета истории, политологии и права
Московского государственного областного университета,
Россия, г. Москва*

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В исследование проводится анализ взаимосвязи влияния миграционных процессов, характерных для современной России и имеющих демографических вызовов. Авторы акцентируют внимание, что растущие экономические и производственные потребности современных развитых государств не могут быть реализованы за счет национального рынка труда и требуют привлечения внешних ресурсов из демографически активных стран. Однако массовое привлечение инокультурных мигрантов актуализирует не только проблематику их адаптации и интеграции в принимающее общество, но и оказывает влияние на различные аспекты национальной безопасности и внутривнутриполитической стабильности. Развитие механизмов более эффективной адаптации и интеграции внешних мигрантов, выделение данных миграционных процессов в отдельное

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по государственному заданию «Обоснование концептуальных направлений усиления политики России в сфере рождаемости и смертности в период демографической впадины».

направление государственной миграционной политики способствует решению и отдельных демографических проблем, стоящих перед современной Россией.

Ключевые слова: *миграция, демография, миграционная политика, рынок труда, человеческий капитал, адаптация и интеграция мигрантов.*

Во второй половине XX века международная миграция проявила себя в качестве важнейшего фактора в социальных преобразованиях и в развитии всех регионов мира, а в XXI веке ее значение возросло еще больше. Глобализация с присущей ей мобильностью капиталов, товаров и идей способствовала расцвету свободной миграции в большинстве государств. Интенсификация миграционных процессов обуславливает повышение интереса научного сообщества к изучению миграционных факторов в контексте их возможного влияния на стабильность политических систем и происходящих в рамках этих систем политических процессов [6. С. 204-206].

Темпы развития экономики, на который берут курс большинство развитых стран, нуждается в постоянном притоке трудовых ресурсов. Многие европейские страны, как и Российская Федерация, испытывают острый недостаток трудоспособного населения из-за его низкого прироста и преобладания граждан пенсионного возраста. При этом проблема привлечения трудовых мигрантов неразрывно связана с проблемой их адаптации в принимающем сообществе и возможностью их последующей ассимиляции [9. С. 31-42].

Проблематика интеграции и адаптации мигрантов, как правило, рассматривается в контексте социологического подхода изучения феномена миграции, где особое место занимает «Чикагская школа» [15. С. 430].

В своих трудах Р. Парк, Э. Берджесс и Р. Маккензи [18. Р. 81-91], раскрывая природу феномена миграции, отмечают, что он является одним из главных параметров социальной мобильности. Исследуя миграционные процессы в городской среде, Р. Парк рассматривал их позиции ассимиляции и адаптации мигрантов в социуме. Эти процессы, согласно социологу, основаны на социокультурном и биометрическом уровнях, которые ложатся в основу общественного развития. Одним из главных его факторов выступает конкуренция, представленная разными сублимированными формами, начиная от борьбы между индивидами с целью выживания и заканчивая ассимиляцией и адаптацией.

У. Томас и Ф. Знанецкий, исследуя природу миграции, особое внимание уделили трансформации поведения индивидов, которая напрямую связана с влиянием чужеродной среды, в результате чего появились новые образцы поведения. Иными словами, социальная жизнь мигранта представляет собой процесс адаптации к новым условиям [11. С. 13-56].

Однако насколько велико такое желание интеграции мигрантов в рамках реализуемой в европейских странах политики мультикультурализма, ведь феномен закрытых национальных групп, нередко являющихся источником конфликтов религиозного и этнического характера, давно стал для современной Европы актуальной проблемой. Проведенное совместное франко-британское социологическое исследование зафиксировало устойчивую долю европейцев (более 60%), прежде всего, во Франции, Германии и Великобритании считающих, что мигранты вносят раскол в традиционное европейское общество, отказываясь от интеграции в него и не принимая европейские ценности и образ жизни [4. С. 7; 7. С. 184-191; 18; 16].

Вопросы адаптации и интеграции внешних мигрантов остаются весьма актуальными в современной российской повестке. Это обусловлено имеющейся потребностью на российском рынке труда, а также нестабильной демографической ситуацией, требующей изыскания новых подходов к приращению человеческого капитала. по информации, публикуемой Федеральной службой государственной статистики (Росстат), в период с 2010 по 2018 гг. в целом по России численность населения, находящегося в трудоспособном возрасте, сократилась почти на 6,5 млн человек [12. С. 14].

При этом не следует пренебрегать вопросами, связанными с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации в связи с неурегулированным миграционными процессами, способствующими прогрессированию естественной убыли населения, миграционному оттоку за рубеж качественных трудовых ресурсов, депопуляции демографически неблагополучных и приграничных субъектов Российской Федерации, концентрации населения в городских агломерациях, сокращению количества многодетных семей, замещению русского населения как государствообразующего народа представителями инокультурных диаспор [4].

Подход к решению проблем естественного воспроизводства населения за счет массовой внешней миграции вступает в противоречие с национальными интересами Российской Федерации, поскольку положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [14] и Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг. [13] не предусматривают задач, связанных с увеличением доли покрытия естественной убыли населения миграционным приростом.

Одновременно экспертные оценки констатируют тенденцию изменения (старения) возрастной структуры общества, которая наряду с имеющимся коэффициентом фертильности, достаточно высоким уровнем смертности, не позволяет говорить о естественном воспроизводстве населения без внешнего миграционного прироста [1].

31 октября 2018 года Президентом России В.В. Путиным была утверждена – «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы», в рамках которой отмечено, что основным

источником восполнения населения страны и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. В то время, как миграционная составляющая, по-прежнему, остается вспомогательным инструментом для решения демографических впадин и связанных с ними экономических проблем.

Мировой опыт реализации мер, направленных на адаптацию и интеграцию внешних мигрантов, представляется достаточно разнообразным и включает в себя определенные практики, которые могут быть применены и в Российской Федерации. Современные российские исследователи, например, В.А. Волох отмечают, что процессы взаимодействия мигранта с новым обществом (адаптация или интеграция) включают в себя не только реализуемые государством механизмы нормативно-правового регулирования, но перестройку психологических качеств мигранта, связанных с нормами поведения и новой социальной средой в целях их полноценной взаимной деятельности и развития [3. С. 57-65].

Ряд современных отечественных экспертов в миграционной сфере определяют Россию, как один из главных центров миграционного притяжения в Море, первым на постсоветском пространстве [10. С. 248].

Одной из особенностей внешней миграции в Российскую Федерацию является ее ориентированность внешних мигрантов на внутрироссийские центры миграционного притяжения – крупные мегаполисы, регионы с развитой промышленностью, что приводит к достаточно неравномерному распределению мигрантов по территории страны [2. С. 673-677].

Также необходимо учитывать и специфику мигрантов, представляющих в своем большинстве выходцев из постсоветских центрально азиатских республик (Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан) [8. С. 113-128].

Механизмы адаптации центрально-азиатских мигрантов в российское общество выступает в качестве одного из важных этапов, которые определяют дальнейшее их вхождение в местное сообщество. Непосредственное влияние на адаптацию конкретного мигранта оказывает принимающая страна посредством реализации соответствующей государственной политики, что и составляет один из базисных принципов политики регулирования иммиграционных потоков.

Интеграция, в свою очередь, представляет собой более широкое вовлечение в социум всех иммигрантов, подразумевая их взаимодействие с местным населением, которое основано на принципе равенства, то есть предоставления возможности получения гражданства Российской Федерации. В противном случае это может привести к ряду проблем в социально-политической и этнокультурной сферах:

- отчуждение иммигрантов и создание параллельных иммиграционных сообществ;
- рост ксенофобии и правых настроений;

– увеличение конфликтности межэтнического и межконфессионального характера.

Таким образом, можно сформулировать определенные условия эффективной интеграции мигранта в российское общество, адаптации к условиям современного российского социума, зависящие не только от правового статуса самого мигранта, но и статуса его ассоциации с Россией.

В качестве первого условия следует установить идентификацию статуса мигранта в российском обществе: «временный работник» / «новый гражданин».

Во-вторых, мотивационная составляющая миграции: экономическая, культурная, этническая, религиозная.

В-третьих, социализация мигранта в принимающем обществе, заключающаяся в знании русского языка, понимания и принятия традиций, характерных для современной России, принятие российской государственно-гражданской идентичности.

В настоящее время государственная миграционная политика, ее отдельные направления, и демографические вызовы современной России не находят общих сбалансированных подходов, что обусловлено отсутствием единых методологических документов, позволяющих сформировать миграционный прогноз как на среднесрочный, так и на долгосрочный периоды.

Привлечение мигрантов в те субъекты Российской Федерации, где наблюдается наибольшая убыль населения, уменьшается численность трудоспособного населения, благоприятно сказывается на общей социально-экономической ситуации в стране. Однако, необходимо отметить, что внешняя миграция может носить и дестабилизирующий фактор, если адаптация и интеграция мигрантов проводится в недостаточной мере. Данный фактор возникает в силу различных ценностных установок у мигрантов и у принимающего сообщества. Поэтому очень важно вовлекать общественность в реализацию миграционной политики. Высокая социальная активность населения, а также коммуникация между мигрантом и принимающим сообществом оказывает положительное воздействие на их взаимоотношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р.* Перспективы демографического развития России до середины века // *Народонаселение*. 2017. № 3 (77) // <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-demograficheskogo-razvitiya-rossii-do-serediny-veka>.

2. *Бурда М.А.* Миграционная политика России: российский рынок труда иностранной рабочей силы // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9-3.

3. *Волох В.А.* Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // *Социально-трудовые исследования*. 2019. № 4 (37).

4. Герасимова И.В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4 // <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-4-21/article-0211/>.

5. Глебов В.А., Амиантова И.С. Европейский мультикультурализм: миф или реальность? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4 (35).

6. Гришин О.Е. Взаимосвязь государства и политической системы: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4 (83).

7. Давыдов В.Н., Антонио Н.Г.А. Миграционная экспансия в ЕС: причины, механизмы, последствия // Вопросы политологии. 2016. № 1 (21).

8. Зорин В.Ю., Бурда М.А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // PolitBook. 2020. № 1.

9. Нестерчук О.А., Халбаева А.М. Политическое управление миграционными процессами: субъектно-деятельностный подход // PolitBook. 2015. № 1.

10. Российские и мировые миграции: историко-политологический анализ (к 300-летию создания подразделений по вопросам миграции системы МВД России): Монография / А.Б. Паскачев, В.А. Волох, В.А. Суворова. М.: Литера, 2019.

11. Томас У., Знаниецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Социологические исследования. 2007. № 7.

12. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. Росстат. М., 2019. Т. 78.

13. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» / «Собрание законодательства РФ». 05.11.2018. № 45. Ст. 6917 // СПС КонсультантПлюс.

14. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Первоначальный текст документа опубликован в издании: «Собрание законодательства РФ». 05.07.2021. № 27 (Часть II). Ст. 5351.

15. Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко М., 2015.

16. Amiantova I.S., Ivanova E.A. Migration policy in the programs of FRG'S leading political parties // RUDN Journal of Political Science. 2020. Т. 22. № 1.

17. Migrants are viewed as dividing European society-poll // Sputniknews // https://sputniknews.com/agency_news/201606281042056730-eu-migrants-society-sputnik-poll/.

18. Park R., Burgess E., McKenzie R. The city: suggestions for the investigation of human nature in the urban environment. Chicago, 1925.

I.V. GERASIMOVA

*Candidate of Sciences (economics),
Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic
Problems of Population of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

O.A. NESTERCHUK

*Doctor of Sciences (political science), Professor
at the Chair of political analysis and management, Peoples'
Friendship University of Russia (RUDN University);
Professor at the Chair of Political Science
and Political Management at the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow, Russia*

V.O. GRISHIN

*Student of the Faculty of History, Political
Science and Law of Moscow State Regional University,
Moscow, Russia*

THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

The study analyzes the relationship between the influence of migration processes characteristic of modern Russia and the existing demographic challenges. The authors emphasize that the growing economic and production needs of modern developed countries cannot be realized at the expense of the national labor market and require the involvement of external resources from demographically active countries. However, the mass attraction of foreign cultural migrants actualizes not only the problems of their adaptation and integration into the host society, but also has an impact on various aspects of national security and domestic political stability. The development of mechanisms for more effective adaptation and integration of external migrants, the allocation of these migration processes in a separate direction of the state migration policy will contribute to the solution of certain demographic problems facing modern Russia.

Key words: *migration, demography, migration policy, labor market, human capital, adaptation and integration of migrants.*

¹ The study was carried out within the framework of research on the state task "Substantiation of conceptual directions for strengthening Russia's policy in the field of fertility and mortality during the demographic depression".

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ВЫЗОВЫ

Исследование посвящено принципиально новому явлению современного мира – искусственному интеллекту. В статье рассматриваются актуальные проблемы применения технологий ИИ в современном социальном пространстве и возможные риски его адаптации к реалиям современного мира. Особое внимание уделяется вопросам влияния технологий ИИ на современный рынок труда и неизбежное углубление неравенства в обществе, преимуществу сверхдержав ИИ в перспективе мирового социально-экономического развития. Проанализированы основные аспекты концепция безусловного базового дохода и перспективы ее реализации на фоне внедрения ИИ технологий. Затрагивается актуальный вопрос корректного использования большого массива личных данных в контексте применения современных практик ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии ИИ, цифровая диктатура, персональные данные, безусловный базовый доход, сверхдержавы ИИ.

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно переходит из области фантастики в современную жизнь. Нынешнее развитие подобных технологий говорит о том, что современному миру стоит готовиться к колоссальным переменам всех сторон жизни, начиная со взаимодействия с устройствами и заканчивая принципами функционирования общества в целом.

Без сомнения, ИИ становится поистине универсальной технологией, важным фактором, определяющим настоящее. Уже сегодня отдельные технологии ИИ активно используются в современной жизни. Это и широко-масштабная роботизация, и самоуправляемый транспорт, и массовое замещение умственного труда человека вычислительной техникой [13]. Притом, что технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день еще не стали решающим инструментом экономической и социально-политической жизни человечества, тем не менее можно с уверенностью говорить об определенных рисках, связанных с массовым их применением. Стоит

сразу оговориться, что подобные риски носят во многом потенциальный характер, так как область применения ИИ технологий пока все еще достаточно ограничена.

Основные риски массового внедрения технологий ИИ для рынка труда. Одной из наиболее прогнозируемых проблем широкого применения ИИ – неизбежный кризис занятости населения. Считается, что новые технологии совершат прорыв принципиально нового масштаба, последствия которого станут революционными в десятках отраслей и приведут к кардинальным переменам в экономике и структуре общества. Такие технологии называют технологиями широкого применения (ТШП) и описывают как «достаточно значительные для того, чтобы ускорить нормальный темп экономического прогресса» [13. С. 75-77]. Можно говорить о нескольких таких технологиях в истории человечества, как например, паровая энергетика, электричество, информационно-коммуникативные технологии, которые повлияли на мировую экономику и кардинально изменили рынок труда и социально-политическую жизнь в целом. Но если ранние ТШП приводили к появлению новых рабочих мест и, в конечном счете, к повышению уровня жизни в целом, то влияние последних технологий – информационно-коммуникационных – не столь однозначно. По прогнозам современных экономистов, применение технологий ИИ станет фактором взрывного повышения производительности труда, но при этом «нет никакой гарантии, что вызванное повышение производительности труда также приведет к увеличению рабочих мест или повышению заработной платы работников» [5. С. 153]. Основные риски влияния ИИ на занятость населения состоят в неизбежности замены работников недорогими и высокопроизводительными машинами. Считается, что они возьмут на себя выполнение задач, которые могут быть оптимизированы на основе анализа больших объемов, данных и не требуют социального взаимодействия с людьми либо специфических сенсорно-моторных функций. Современный ИИ также пока не способен широко мыслить и решать творческие задачи или задачи, требующие сложной стратегии, то есть такие, исходные данные и результаты которых плохо поддаются количественной оценке.

На сегодняшний день эксперты расходятся в оценках рисков вытесняющей автоматизации. Разброс ожиданий для рынка рабочей силы Соединенных Штатов, например, достаточно велик – от 9% до 47%. Сторонники оптимистического сценария развития событий, на основе анализа процессов автоматизации рабочих мест за последние несколько лет, утверждают, что ИИ не сможет выполнять большую часть рабочих задач. Особенно это касается отраслей, подразумевающих под собой частое взаимодействие с людьми, оригинальное мышление и творческие способности, а также ловкость пальцев и конечностей. Полностью автоматизированными окажутся лишь 9% рабочих мест. Кроме того, опыт прошлого показывает, что вокруг автома-

тизации создается большое количество новых рабочих мест [12]. В прошлом, когда часть старых рабочих мест исчезала, создавались новые. То обстоятельство, что производство продукции стало требовать меньше человеческого труда, перевешивалось ростом объема продукции. Трудосберегающий технический прогресс – это не бедствие, а благословение, если более высокая производительность в итоге отражается на экономическом росте.

По прогнозам пессимистов, к 2030 году работодателям потребуется на 20-25% меньше сотрудников [14]. Возможно, некоторые из этих рабочих получают новые профессии, пока не существующие или очень редкие (такие, как, например, техник по ремонту роботов), но считается, что это серьезно не повлияет на последствия полномасштабной автоматизации. А если брать в расчет не только исчезновение рабочих мест, но и существенное снижение заработной платы, то негативные последствия могут затронуть до 80% всего работающего населения. И этот процесс не будет временным шоком. Если не взять его под контроль, предупреждают исследователи, то мы можем вступить в новую эпоху занятости умных машин и безработицы для большинства среднего класса.

Со временем, если все-таки удастся создать так называемый сильный ИИ, его достижения, как прогнозируется, способны взять на себя выполнение практически всех задач. ИИ интеллект способен разрушить механизмы саморегуляции рынка труда, которые действовали раньше. Ведь дешевая рабочая сила по сути не обладает никакими преимуществами перед машинами. Широкое применение технологий ИИ сулит появлением уникального социально-исторического феномена, который в корне преобразит рынок труда, экономику и общество. «В некоторых отношениях, – утверждает Ник Бостром, один из ведущих мировых экспертов в области суперинтеллекта и опасностей, которые потенциально несут человечеству ИИ и машинное обучение, – конечная цель состоит в освобождении людей от необходимости работать. Ведь мы развиваем технологии и внедряем автоматизацию, чтобы получать определенный результат с меньшими усилиями» [10. С. 99]. При этом подразумевается, что благодаря сильному ИИ лишатся работы в первую очередь те, кто на сегодняшний день представляет собой средний класс – офис-менеджеры, юристы, бухгалтера, журналисты, водители грузовиков и т.д. На рынке труда останутся высокооплачиваемые должности для ведущих специалистов и низкооплачиваемая работа в тяжелых условиях. Общество разделится на элиту, процветающую благодаря ИИ, и ту часть, которую Юваль Ной Харари называет «бесполезным классом» – людей, которые никогда не смогут генерировать достаточную экономическую ценность, чтобы поддержать свое существование [11]. Неравенство будет усугубляться растущим расслоением рынка труда.

Технологии ИИ и усиление неравенства в обществе. На рубеже XX-XXI вв., после десятилетий, в течении которых производительность,

заработная плата и количество рабочих мест в экономиках большинства развитых стран росли взаимосвязано, наступило время их стремительного разрыва. В то время как производительность труда повышалась, заработная плата и количество рабочих мест оставались неизменными или даже уменьшались. Реальная заработная плата средних американцев, например, осталась на том же уровне, что и 30 лет назад, а заработки самых бедных из них даже упали. Это привело к усилению расслоения общества, где основная прибыль от применения ИКТ оказалась сосредоточена в руках 1% населения. Так в США доля национального дохода, приходящаяся на эту элиту, выросла примерно вдвое в период с 1980 по 2016 год [17]. К 2017 году 1% американцев принадлежало почти в два раза больше средств, чем 90% людей из более низких социальных слоев вместе взятых [16].

В то время как предыдущие новые технологии позволяли поднять производительность труда, серьезно не повышая требования к квалификации рабочих, современным ИКТ выгодны высококвалифицированные специалисты. Всемирный рынок открыт для тех, кто располагает редкими навыками и иными ценными активами. Инструменты цифровых коммуникаций позволяют лучшим исполнителям эффективно управлять гораздо большими системами и охватывать более широкую клиентуру. Технологии ИИ увеличивают возможности тех, кто обладает самой высокой квалификацией и подрывают экономическое значение средних игроков.

Концепция безусловного базового дохода и перспективы ее реализации на фоне внедрения ИИ технологий. Одним из способов смягчить негативное влияние ИИ на рынок труда и усугубляющееся неравенство в обществе призвана концепция безусловного базового дохода (universal basic income, UBI), основная идея которой заключается в гарантированном обеспечении всех базовых материальных потребностей человека без каких-либо условий, ограничений или принуждений, например, работать. Иными словами, «базовый доход – это доход, выплачиваемый политическим сообществом всем свои членам на индивидуальном основании без проверки степени нуждаемости и без требований выполнения работы» [3. С. 18]. Сторонники концепции базового дохода утверждают, что его введение позволит избежать резкого скачка безработицы в условиях широкой цифровизации экономики и роботизации производства и поможет сгладить многие кризисные моменты грядущей социально-экономической перестройки. Кроме того, «в современном мире зарплата – то есть доход, который человек получает в обмен на реальную трудовую деятельность, – если и растет, то крайне медленно. В то время как доходы, получаемые за счет нетрудовой деятельности, – например, через ренту, интеллектуальную собственность, финансовые активы – растут все быстрее. Эта диспропорция, в том числе, и подхлестывает рост неравенства» [18]. В этих условиях, безусловный доход глазами его сторонников должен хотя бы частично нивелировать это

неравенство. К тому же, UBI – это еще и необходимая мера перед лицом нового «посттрудового общества», где за счет технологического развития изменится сам процесс и ценность труда, а значит, не избежит коррекции и вся система вознаграждений. «...Разве не следует отказаться от морали, – пишут Ван Парайс и Вандерборхт, – которая объявляет преступником всякого, кто получает доход без выполнения работы, если технический прогресс создает более чем достаточный трудовой потенциал [работающего меньшинства] населения?» [3]. При этом апологеты базового дохода утверждают, что с его введением человечество получит большую свободу от эксплуатации со стороны чиновников, нанимателей, членов семьи в конце-концов, а значит, и большую свободу для саморазвития, самообразования и т.д., а также сможет обеспечить всем членам социума базовую экономическую безопасность, что якобы приведет к углублению моральной интеграции общества.

При этом существует немало критиков идеи базового дохода. Ставится под сомнение экономическая возможность и целесообразность подобных выплат. По подсчетам специалистов, даже минимальная универсальная выплата каждому гражданину в совокупности составляет астрономическую сумму [20] и на сегодняшний день является неподъемной для бюджета даже самой благополучной страны. Сомнителен тезис и о том, что базовый доход даст человеку большую свободу, скорее наоборот – он безмерно усилит его зависимость от государства. Не стоит забывать и о нравственных основах безусловного базового дохода. Многие специалисты считают, что предоставление денег «ни за что» сравнимо с поощрением иждивенчества со всеми вытекающими последствиями [15]. Ведь во все времена люди воспринимали свою работу не только как источник средств к существованию, но и как часть личности, повод для гордости и даже смысл жизни. Работа заполняет время, упорядочивая жизнь, позволяет развивать интеллектуальные, социальные и физические способности, осуществляет социальную функцию, связывая людей. Регулярная заработная плата воспринимается не только как вознаграждение, но и как символ признания, того, что человек – важная часть общества.

Последствия индуцированной ИИ безработицы потенциально несут в себе, таким образом, и определенные ментальные изменения в обществе – вполне вероятно перспектива не просто временной утраты работы человеком, а угроза навсегда выпасть из процесса функционирования экономики.

Сверхдержавы ИИ против всех остальных. Гонка в создании современного ИИ способна резко усугубить неравенство не только на внутреннем уровне, но и на международном. Подобно технологиям в промышленности, ИИ естественным образом тяготеет к монополии. Он совершенствуется, создавая замкнутый цикл: чем лучше продукт, тем больше пользователей, чем больше пользователей, тем больше данных, тем лучше продукт. Когда какая-то компания вырывается вперед, этот цикл может быстро сделать

дистанцию между ней и конкурентами непреодолимой. «Облако», на основе которого действует искусственный интеллект, подчиняется закону: чем больше людей его используют, тем «умнее» оно становится. Как только компания попадает в этот «замкнутый» круг, она начинает расти с такой скоростью и в таком масштабе, что быстро оставляет позади всех потенциальных конкурентов. «В итоге высока вероятность, что наше будущее станет определяться олигархией из двух или трех масштабных, неспециализированных, коммерческих искусственных интеллектов, основанных на облачных технологиях» [6. С. 54]. На сегодняшний день, ведущие компании ИИ мира – Google, Facebook, Amazon, Microsoft, Tencent, DeepMind и другие – уже превратились в большие и относительно закрытые системы по созданию технологий «для внутреннего потребления». Новаторские открытия, совершаемые в замкнутых системах, представляют собой значительную опасность для экосистемы ИИ в мире: это может дать одной компании безоговорочное преимущество, сместить баланс сил в пользу одной страны.

На сегодняшний день все ведущие ИИ гиганты и большинство лучших инженеров в области искусственного интеллекта уже сосредоточены в США и Китае. В 2020 году подавляющее количество научных публикаций в области искусственного интеллекта и машинного обучения принадлежало ученым из этих стран [4. С. 9-12]. По мере совершенствования ИИ, эти технологические сверхдержавы будут получать все новые преимущества. По некоторым прогнозам, Соединенные Штаты и Китай намерены получить как минимум 70% от 15,7 трлн долларов, которыми ИИ обогатит мировую экономику к 2030 году [9]. В то время как сверхдержавы ИИ за счет огромной прибыли будут становиться все богаче, страны, не перешагнувшие определенные технологические и экономические рубежи, окажутся в рядах отсталых. Вполне возможен вариант, при котором постоянно растущий разрыв в развитии экономики поставит бедные страны в полную зависимость от богатых.

Для преодоления неравенства в связи с активным использованием технологий ИИ министры финансов стран G7 в июне 2021 года на встрече в Великобритании достигли договоренности о необходимости введения во всем мире минимального налога на прибыль крупных цифровых корпораций на уровне не менее 15%. Вторым элементом этой договоренности является изменение территориального принципа налогообложения – налог с прибыли транснациональных корпораций должен взиматься в тех государствах, где они зарабатывают за счет предоставления своих товаров и услуг, а не только исходя из места их регистрации. В первую очередь это решение направлено на мировых IT-гигантов, таких как Facebook, Google, Apple, Amazon. Соглашение призвано создать условия, при которых технологические компании не будут выводить прибыль в юрисдикции с более льготным налогообложением. В июле 2021 года 130 государств, включая все страны

G20, заявили о решении присоединиться к новым рамкам международной налоговой реформы. Министр финансов США Джанет Йеллен назвала этот день «историческим для экономической дипломатии» [19]. Впервые сделан шаг к созданию наднациональной налоговой юрисдикции. Это решение о введении глобального налога может стать прецедентом в международной практике, что является примером десоверенизации национальных государств, что может иметь совершенно непредсказуемые последствия.

Цифровая диктатура. Сегодняшние технологии ИИ основаны на принципах машинного обучения. Проблема состоит в том, что метод подразумевает наличие репрезентативного, релевантного и корректно размеченного набора данных, то есть, другими словами, необходим огромный массив первичных данных определенного направления и возможность законного его использования. В области искусственного интеллекта считается, что машина учится, если она совершенствует свое поведение по мере получения нового опыта. Используя определенные статистические методы в разных частях и масштабах, компьютеры могут научиться распознаванию лиц, транскрибированию речи и переводу текста с одного языка на другой. Сложность возникает лишь из-за большого количества сопоставлений, которые происходят между огромными объемами данных.

В социально-политическом плане наибольшую тревогу вызывает именно сбор, обработка, хранение и использование огромного массива данных, большинство из которых имеют глубоко личный, закрытый характер [2]. Очевидно, что для нормального функционирования интеллектуальные машины должны собирать данные. Но этот простой факт превращает их в потенциальные приборы для слежения: они знают, где мы находимся, где бываем и в какое время, что мы покупаем, могут оценить наш реальный доход, сферу интересов и контакты, отследить активность в социальных сетях и сферы интересов. На сегодняшний день наибольшее количество личных данных собирается частными технологическими компаниями и в этой связи существует несколько потенциальных угроз. Во-первых, степень защищенности и сохранности данных не всегда является безупречной. Во-вторых – существует риск использования компаниями личных данных в собственных интересах. Наконец, существует реальная возможность использования компаниями конфиденциальных данных клиентов в пользу третьей стороны, которой может выступать государство. Тем более, что во многих странах на государственном уровне неуклонно расширяется сфера применения технологий ИИ. Не удивительно, что на сегодняшний день столь популярны стали концепции невиданной ранее «цифровой диктатуры», всевидящего Большого брата, который неусыпно следит за тобой.

Формы контроля свойственны любому государству, это часть его функций. Вопрос, во-первых, в объеме этого контроля, в его проникновении в глубину частной жизни, а во-вторых, в том, кто является оператором этого

контроля. Вопрос возникает тогда, когда этот контроль начинает принадлежать частным лицам или корпорациям или же даже государственным органам, но в отношении которых нет общественного консенсуса. И третье – это то, с какой целью будут использоваться технологии контроля. Одно дело, когда нужно, чтобы люди, например, болеющие коронавирусом, не выходили из домов. Но не возникнут ли ограничения, проистекающие из такого контроля, на основании стремления тех же частных корпораций и частных лиц или даже из личного видения тех или иных государственных лиц, не связанного с консенсусом в обществе? Это может затрагивать в т.ч. широкий пласт морально-нравственных вопросов, идейно-политические позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. 2016.
2. *Бродская Н.П.* Искусственный интеллект: попытки применения в социальном пространстве и проблемы адаптации // Вопросы политологии. 2020. № 11.
3. *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Реальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М., 2020.
4. Искусственный интеллект. Альманах // Аналитический сборник. Москва, Апрель 2021. № 8.
5. *Кай-фу Ли.* Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М., 2019.
6. *Келли К.* Неизбежно: 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М., 2021.
7. *Куривейл Р.* Эволюция разума; как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации. М., 2020.
8. *Малькольм Ф., Рериг П., Принг Б.* Что делать, когда машины начнут делать все // Как роботы и искусственный интеллект изменят жизнь и работу. М., 2019.
9. Оценка экономического эффекта. Отчет PwC, 2017 г. // https://ru.investinrussia.com/data/file/IoT-inRussia-research_rus.pdf.
10. *Форд М.* Архитекторы интеллекта: вся правда об искусственном интеллекте от его создателей. СПб., 2020.
11. *Харари Юваль Ной.* 21 урок для XXI века. М., 2019.
12. *Arntz M.T., Gregory U. Zierahn.* The risk of automation for jobs in OECD countries: a comparative analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2016. No. 189.
13. *Brynjolfsson McAfee.* The Second Machine Age: Work, Progress and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. 2014.
14. *Harris K., Kimson A. and Schwedel A.* Labor 2030: The Collision of Demographics, Automation and Inequality // Bain and Company // <https://www.bain.com/insights/labor-2030-the-collision-of-demographics-automation-and-inequality>.

15. James J. Heckman. Are there solutions to economic inequality? // <https://www.ubs.com/microsites/nobel-perspectives/en/laureates/james-heckman.html>.

16. Lawrence Mishel, Elise Gould and Josh Bivens. Wage Stagnation in Nine Charts // Economic Policy Institute. 06.01.2015 // <https://www.epi.org/publication/charting-wage-stagnation>.

17. Porter E., Russel K. It's an Unequal World. It Doesn't Have to Be // New York Times. 14.12.2017 // <https://www.nytimes.com/interactive/2017/12/14/business/world-inequality.html>.

18. Standing G. Basic Income: And How We Can Make It Happen // https://www.rentabasicuniversal.es/wp-content/uploads/2018/09/Basic-Income_-And-How-We-Can-Ma-Guy-Standing.pdf.

19. The Wall Street Journal. July 1, 2021 // https://www.wsj.com/articles/u-s-wins-international-backing-for-global-minimum-tax-11625153698?mod=hp_lead_pos1.

20. Ugo Gentilini, Margaret Grosh, Jamele Rigalini and Ruslan Yemtsov. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practice // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2020 // https://www.hse.ru/data/2020/02/27/1560565726/UBI_final.pdf.

N.P. BRODSKAIA

*Cand. of Science (Politics), Senior Researcher,
Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SOCIAL RISKS AND CHALLENGES

The research is devoted to a fundamentally new phenomenon of the modern world – artificial intelligence. The article discusses the current problems of the use of AI technologies in the modern social space and the possible risks of its adaptation to the realities of the modern world. Particular attention is paid to the impact of technology on the modern labor market and the inevitable deepening of inequality in society, the advantage of AI superpowers in the perspective of global socio-economic development. The main aspects of the concept of universal basic income and the prospects for its implementation against the background of the introduction of AI technologies are analyzed. The topical issue of the correct use of a large array of personal data in the context of the application of modern AI practices is touched upon.

Key words: *artificial intelligence, AI technologies, digital dictatorship, personal data, universal basic income, UBI.*

кандидат исторических наук,
доцент кафедры российской политики факультета
политологии Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОИГР И ИНДУСТРИИ ИХ ПРОИЗВОДСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОФИЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И НКО¹

Данное исследование посвящено вопросу о перспективах использования видеоигр и индустрии их производства как инструмента политики памяти с точки зрения профильных органов государственной власти и НКО. Целью работы является выработка алгоритма реализации государством и связанными с ним акторами мемориальной политики посредством видеоигр. Автор приходит к выводу, что российское государство в настоящее время должно ориентироваться на решение задач по актуализации создания видеоигр с историческим сюжетом для коммерческих структур и выработке механизмов коррекции выбора разработчиками мемориальных режимов. Это предполагает необходимость содействия формированию института мемориальной экспертизы видеоигр. Последняя должна проводиться на добровольной основе еще до начала активной фазы разработки игры. Ее успешное прохождение необходимо сделать условием доступа к системе льгот со стороны государства и НКО. Соблюдение стратегии первоначального замысла разработчиков, получивших одобрение со стороны экспертной комиссии, следует строго регламентировать и отслеживать на регулярной основе.

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, политика памяти, мемориальная политика, экспертиза, государство, НКО.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Видеоигры как новый ресурс политики памяти: конструирование коллективного образа прошлого в формате популярной культуры»; Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

На сегодняшний день видеоигры представляют собой один из самых активно развивающихся сегментов популярной культуры. Что закономерно превращает их в перспективный инструмент прямого и косвенного политического позиционирования [1. С. 96-104; 3. С. 117-123; 4. С. 52-54; 6. С. 427-438; 7. С. 90-105; 8. С. 87; 9. С. 61-78; 10].

Однако в случае России реализации их потенциала препятствует отсутствие методологии взаимодействия между основными мнемоническими акторами (государством и аффилированными с ним НКО) и разработчиками видеоигр [2. С. 279-283; 5. С. 498].

Целью представленного исследования является выработка алгоритма реализации государством и связанными с ним мнемоническими акторами политики памяти посредством такого ресурса, как видеоигры.

Методология исследования выстроена на основе использования экспертных интервью. При помощи метода «снежного кома» и анализа активности цитирования авторских публикаций на платформе elibrary.ru было привлечено 12 экспертов. В рамках неформализованного интервью они обозначили свою позицию по вынесенной на обсуждение теме. В рамках представленной работы нашли отображение лишь консенсусные точки зрения, выраженные не менее чем 10 участниками экспертных интервью.

В первую очередь представляется необходимым обратиться к вопросу об одном из наиболее перспективных направлений работы в рамках взаимодействия государства, некоммерческих организаций и производителей видеоигр – перспективы организации экспертизы соответствующей продукции.

Ресурсоемкость создания видеоигр, сложность и специфичность соответствующих навыков, интернационализация рынка труда геймдизайнеров и характерный для него уровень зарплатных ожиданий – все эти факторы ставят под сомнение способность государства и НКО выступить в качестве самостоятельного игрока, способного вывести на рынок востребованный пользователями продукт, в среднесрочной перспективе. Соответственно, государства и НКО в настоящее время должны ориентироваться не решение таких задач, как актуализация создания видеоигр с историческим сюжетом для разработчиков и выработка механизмов, позволяющих гибко корректировать выбор ими мемориальных режимов и позиционирование событий прошлого. В первую очередь перспективы развития данного направления работы связаны с формированием института мемориальной экспертизы.

Однако его развитие ставит под вопрос наличия ряда организационных установок, выраженных и артикулированных частью представителей экспертного сообщества. Последнее вынуждает нас выстраивать рекомендации во многом на основе принципа отрицания.

Экспертиза игровых проектов, основанных на исторической символической, не может основываться на принципах цензуры или составления «черных

списков». С одной стороны, это снизит привлекательность исторических проектов для российских производителей видеоигр в силу появления дополнительных рисков. С другой стороны, это слабо отразится на политике зарубежных издателей. В особенности с учетом того, что игровые проекты зачастую выпускаются в онлайн-формате, а их распространение осуществляется через международные интернет-магазины. Соответственно, успешное прохождение экспертизы должно стать частью системы положительного стимулирования издателей видеоигр (например, формирования «белого списка» рекомендуемых произведений с последующим предоставлением бесплатной рекламы на площадках государственных СМИ, конкурса грантов или процедуры подтверждения права на получение субсидий, налогового вычета, льготных условий кредитования и т.д.). Последнее предполагает, что экспертиза должна носить комплексный характер. Она не может сводиться к выявлению недостатков.

Особенно пагубной может стать концентрация внимания экспертов на соблюдении такого критерия, как историческая достоверность игры. Необходимо помнить о том, что в произведениях массовой культуры исторический нарратив распространяется в виде мифа – упрощенной и потому доступной для восприятия широких масс системы представлений о прошлом, которую характеризуют наличие эмоционального наполнения и актуализация в контексте современной общественно-политической повестки. Также необходимо учитывать, что игра представляет собой одновременно и коммерческий продукт, и инструмент модерации общественного мнения. Последнее предполагает необходимость охвата как можно более широкой аудитории и завоевания ее лояльности. При этом необходимо учитывать, что для большинства потенциальных геймеров историческая достоверность по многим аспектам (в особенности – в отношении отображения предметов материальной культуры) имеет значение лишь в контексте оценки ключевых символов национальной культуры. Часть игроков и вовсе будут рассматривать игры как исключительно инструмент развлечения. Соответственно, цензурирование с позиций исторической достоверности должно осуществляться выборочно, в отношении т.н. «фигур памяти» образов ключевых (якорных) фигур и событий прошлого, обладающих такими признаками, как четкие хронологические, топографическая локализация и «координаты личности» (привязка к определенным персоналиям). Например, попытка позиционирования Александра Невского в качестве «коллаборациониста» или описание М.И. Кутузова как военачальника, не считающегося с потерями войск и мирного населения, имеют принципиальное значение в контексте исторической недостоверности.

Помимо того, историческая достоверность важна в рамках формирования контекста, задающего восприятие исторического образа России или его производных. В частности, если игровой нарратив концентрируется

на последствиях подписания пакта Молотова-Риббентропа и в то же время исключает упоминания о «мюнхенском сговоре» и конфликте на реке Халхин-Гол, недостоверность формируемой картины прошлого приобретает принципиальное значение.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о времени прохождения исторической экспертизы. Как правило, игровой проект класса AAA (рассчитанный на 40 и более часов игрового времени) разрабатывается в течение 3-7 лет. И запуску работы предшествуют достаточно долгие поиски инвесторов. Необходимо подчеркнуть, что инвесторы (в особенности – нецелевые) проявляют слабый интерес к играм с историческим сюжетом, не связанным с широко известными на глобальном уровне событиями прошлого. Например, игра, посвященная событиям наполеоновских войн, коммерчески более привлекательна для инвестора, чем произведения по мотивам событий Смутного времени или Куликовской битвы.

В свете этих фактов экспертизу рационально проводить еще до начала процесса инвестирования средств, т.е. до выпуска готового продукта. Последнее заметно повысит как шансы на успех для игр с историческим сюжетом, так и заинтересованность разработчиков в сотрудничестве с государством. При этом, однако, необходимо разработать механизмы, блокирующие возможность радикальной смены исторической модели игры. В этом качестве может выступить, во-первых, подписание соглашения относительно элементов повествования, которые должны в обязательном порядке присутствовать либо отсутствовать в сюжете игры. Во-вторых, обязательным условием предоставления помощи со стороны государства может стать прикрепление к группе разработчиков эксперта с правом блокирующего голоса. При этом полномочия эксперта в качестве участника написания сценария необходимо ограничить, выведя из сферы его контроля элементы внешнего оформления игровых моделей, включая изображения техники, оружия и формы. Контроль должен осуществляться именно над содержательной стороной произведения.

В случае, если разработчик отказывается от участия эксперта в процессе создания игры или нарушает условия соглашения о предоставлении помощи со стороны государства, его следует обязать компенсировать полученные материальные преференции.

Таким образом, экспертиза видеоигр, выступающих в роли инструментов политики памяти, должна проводиться на добровольной основе. Ее успешное прохождение необходимо сделать условием доступа к системе льгот со стороны государства и НКО. Осуществление экспертизы должно производиться еще до начала активной фазы ее разработки. Соблюдение стратегии первоначального замысла разработчиков, получивших одобрение со стороны экспертной комиссии, следует строго регламентировать и отслеживать на регулярной основе.

Также необходимо заострить внимание на ряде аспектов в рамках практики привлечения экспертов для оценки рецензируемых проектов и их последующей деятельности. Во-первых, комиссию необходимо разделить на пять независимых групп, имеющих доступ лишь к определенной части заявки. Группе профессиональных разработчиков будет предложено оценить технические и финансовые детали проекта. Группа сценаристов, работающих отдельно друг от друга, должна будет оценить синопсисы сценария с художественной стороны. Группе маркетологов будет необходимо оценить механизмы и стоимость продвижения игры. Группе экспертов-историков поручат изучить полные варианты сценария с точки зрения исторической достоверности. Группа экспертов-политологов или социологов должна обсудить сценарий игрового проекта с позиции соответствия задачам и специфике реализации политики памяти. Оценка проектов в каждой из групп должна осуществляться на основе принципа «слепого рецензирования». Условием допуска экспертов-историков к данной работе должно являться наличие не менее 5 публикаций в журналах из перечней ВАК, Scopus, Web of Science по теме соответствующих событий прошлого. Обязательным условием допуска специалистов в области мемориальной политики (политологов и социологов) можно обозначить наличие не менее 5 публикаций в журналах из перечней ВАК, Scopus, Web of Science по темам, связанным с реализацией или теоретической разработкой символической политики, либо факт участия в не менее чем трех практических исследованиях соответствующего профиля. Также в обоих случаях необходимо анкетирование, призванное выявить психологический профиль потенциального эксперта и специфику восприятия им событий прошлого и политики памяти, и собеседование. Одновременно должна осуществляться оценка содержания научных публикаций и выступлений в СМИ. Целью многоуровневой проверки является отсев:

- лиц, плохо знакомых с принципами и закономерностями реализации политики памяти или призывающих к их нарушению;
- носителей конкретных идеологических, политических или религиозных ориентаций, признающих лишь один вариант интерпретации событий прошлого;
- лиц, убежденных в однозначной вредности видеоигр либо наличии у них потенциала в плане формирования девиантных форм поведения.

Решение о допуске эксперта (историка, политолога, социолога) в комиссию должно приниматься коллегиально прочими членами комиссии в формате «слепого оценивания».

Разделение экспертов на профильные группы и отличия в предоставляемых на оценку материалов призвано обеспечить, с одной стороны, комплексную оценку будущей игры с учетом всех значимых для ее продвижения критериев, а с другой – минимизировать вероятность нарушения прав интеллектуальной собственности.

Критерии оценки будущей игры внутри каждой экспертной группы нужно подвергнуть формализации и конвертировать в количественные показатели. При этом оценки технического качества и проработанности сюжета должны умножаться на коэффициент 2.

Дальнейшее развитие изучения заявленной темы, на наш взгляд, связано с выделением перечня коммерчески привлекательных (в плане продвижения в широкие массы соответствующих образов) и в то же время символически значимых событий, пригодных для создания первоосновы сюжета игры. Также большой интерес представляет вопрос о способах презентации данной номенклатуры разработчикам игр и инвесторам.

Отдельно необходимо отметить, что уровень оплаты услуг экспертов должен коррелироваться с уровнем заработка сотрудников крупных компаний в игровой отрасли. Последнее должно мотивировать экспертов и в то же время обеспечивать престиж их статуса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Белов С.И.* Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2018. Том 20. № 1.

2. *Белянцев А.Е., Герштейн И.З.* Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6.

3. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415).

4. *Иглин Д.А.* Видеоигры как технология политической коммуникации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 10.

5. Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр / под редакцией В.В. Савчука. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2016.

6. *Федорченко С.Н.* Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти // Постсоветские исследования. 2020. Том 3. № 5.

7. *Федорченко С.Н., Карлявина Е.В., Тедиков Д.О., Маркарян Р.А., Теслюк К.В.* Некоторые итоги социологического исследования «Компьютерные игры и политика памяти» // Журнал политических исследований. 2020. Том 4. № 2.

8. *Черный С.Ю.* Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект «Europa Universalis IV») // Шаги-Steps. 2017. Т. 3. № 2.

9. Юл Ё. Рассказывают ли игры истории? Краткая заметка об играх и нарративах // Философско-литературный журнал Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103).

10. Murray J.H. Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace. New York, 1997.

S.I. BELOV

*Ph.D. in Historical Science, Associate Professor
of Russian Politics Program Political Science Department
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

PROSPECTS FOR THE USE OF VIDEO GAMES AND THE INDUSTRY OF THEIR PRODUCTION AS AN INSTRUMENT OF MEMORY POLICY FROM THE POINT OF VIEW OF SPECIALIZED GOVERNMENT BODIES AND NGOS¹

This study is devoted to the issue of the prospects for the use of video games and the industry of their production as an instrument of memory politics from the point of view of specialized government bodies and NGOs. The aim of the work is to develop an algorithm for the implementation by the state and related actors of memorial policy through video games. The author comes to the conclusion that the state should now focus on solving the problems of updating the creation of video games with a historical plot for commercial structures and developing mechanisms for correcting the choice of the developers of memorial regimes. This implies the need to promote the formation of the institution of memorial examination of video games. The latter should be carried out on a voluntary basis even before the start of the active phase of game development. Its successful completion must be made a condition of access to the system of benefits on the part of the state and NGOs. Adherence to the original design strategy of the developers who have received peer review should be strictly regulated and monitored on a regular basis.

Key words: *video games, computer games, memory policy, memorial policy, expertise, state, non-profit organization.*

¹ The research was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project "Video Games as a new resource of memory politics: constructing a collective image of the past in the format of popular culture." The research was carried out within the framework of the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage."

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.008

УДК 32.323

О.Е. ГРИШИН

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов (RUDN University);
доцент гуманитарного факультета Российского государ-
ственного социального университета, Россия, г. Москва*

М.В. БЕЛОВ

*студент магистратуры кафедры политического
анализа и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),
Россия, г. Москва*

К.А. ГАБДУЛЛИН

*аспирант кафедры политического анализа
и управления Российского университета дружбы
народов (RUDN University), Россия, г. Москва*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ¹

Статья посвящена изучению современных видов интернет-технологий в политических кампаниях, используемых как методы воздействия на электоральное сознание в контексте обеспечения политической стабильности. Исследовательский акцент сфокусирован на провокационных алгоритмизированных методах и способах политической борьбы, таких как политический флешмоб и политический интернет-троллинг. Эти интернет-технологии стали новейшим трендом в современной социально-политической жизни страны, требующие детального изучения. Авторы дополняют существующие подходы к исследуемой проблеме.

Ключевые слова: *политическая кампания, политическая стабильность, политическое участие, интернет-технологии, виртуализация политики, провокационные методы, электоральное сознание, интернет-троллинг, политический флешмоб.*

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

Насущность темы исследования обусловлена тем, что развитие интернет-технологий способствует формированию не только качественно новых форм политической коммуникации и взаимодействия, но и активизирует процессы, влияющие на реструктуризацию публичного пространства в целом. Очевидным является тот факт, что создаваемые под влиянием информационной среды ценностные ориентации и нравственное сознание современного общества непосредственно связаны с коммуникационными процессами. Грамотно выстроенные связи между политическими акторами и обществом позволяют применять различные, более эффективные по сравнению с традиционными, технологии в виртуальном пространстве, оказывающими манипулятивное влияние на массовое сознание [20]. Манипулятивные методы политической борьбы, в том числе и пропагандистского характера, в интернет-пространстве сегодня активно используются не только в пределах государства, но и на глобальном уровне. Поэтому новейшие тренды в политических технологиях создают условия для появления принципиально новых механизмов воздействия на массовое сознание, востребовано их исследование в контексте обеспечения политической стабильности государства и общества, и политической системы в целом. Как правило, «Политическая стабильность рассматривается как условие устойчивости системы, то есть условие способности самостоятельно поддерживать гомеостазис и самосохраняться. Политическая стабильность сохраняется при стабильности интегративно значимых частей (даже в условиях дестабилизации некоторых частей системы), способности развиваться и адаптироваться к изменениям» [2. С. 51]. Мы солидарны с этим утверждением.

По мнению ряда исследователей, процесс формирования гражданского общества и правового государства в России считается еще незавершенным. В настоящее время не только общество находится в стадии трансформации вследствие незавершенности демократического транзита, но и государство переживает значительные социально-экономические и политические изменения [5; 10; 16]. Формирование современного политического режима в России и функционирование политической власти протекает в условиях развитого информационного общества. В связи с расширением информационного поля и ориентаций на ценности прогрессивного общества, в России происходит процесс формирования новой политической культуры. Данное обстоятельство поспособствовало трансформации политических и избирательных технологий.

В настоящее время применяемые инновационные методы политической борьбы очень тонко, фактически избирательно подстраиваются под различные целевые аудитории. В сложившихся условиях, с расширением свободного доступа широких масс населения к различным источникам информации и альтернативным формам коммуникации, политические акторы находятся под давлением разрозненных социальных групп, с сильно отличающимися-

ся друг от друга политическими убеждениями. Обществу, и, в частности, электорату, субъектом манипулятивных интернет-технологий внушается то, что является выгодным тем или иным политическим силам. При этом под воздействием провокационных технологий, являющихся по своей сути частью манипулятивных методов и способов воздействия на политическое сознание, общество воспринимает принятые социально-политические решения зачастую как самостоятельные, а не навязанные извне.

Сегодня существует множество манипулятивных методов и способов воздействия на политическое участие и электоральное сознание граждан [20. С. 166]. В процессе развития и интеграции интернет-технологий в политическую среду происходит формирование отдельных видов политических технологий. Констатируем, что политические флешмобы и троллинг стали неотъемлемой частью современной политики. Их воздействие на социально-политическую ситуацию государства сильно недооценено и еще предстоит дать оценку возможностям данных методов политической борьбы.

Для того чтобы дифференцировать «политический флешмоб» и «интернет-троллинг», необходимо разобраться в их сущности и дефинициях. В переводе с английского флешмоб дословно означает «вспышка толпы». В большинстве исследований флешмоб – это акция, организация которой происходит, как правило, через современные средства коммуникации. Участники этой акции, заблаговременно договорившись, собираются на определенной территории или в интернет-пространстве и выполняют заранее оговоренные однотипные действия.

Создатели флешмоба могут как открыто контактировать с участниками, так и оставаться в тени, действуя от третьего лица. Поэтому главное отличие данной технологии в том, что участники могут даже не подозревать об истинных целях и мотивах той или иной акции. Массовый, мобильный и кратковременный характер флешмоб-акции дает ее участникам значительное преимущество, поскольку возможности и ресурсы власти, позволяющие среагировать на такого рода спонтанное мероприятие, существенно ограничены [8].

Флешмобы часто используются в программах патриотического воспитания. В настоящее время проводятся массовые информационные кампании, целью которых является максимальное вовлечение пользователей сетей. Разумеется, главный месседж направлен на молодежную часть общества. В фокусе воздействия на сознание общества, патриотическое воспитание молодежи нуждается в подобных инструментах, что и политические кампании. Классические флешмобы, где участники акций принимают участие непосредственно, призваны привлечь как можно больше внимания. Помимо этого, в последние годы, все чаще актуальными являются флешмобы в интернет-пространстве. В качестве пропаганды и более эффективного распространения патриотических акций, мероприятий, власти привлекают

лидеров общественного мнения (лидеров молодежных организаций, видеоблогеров, музыкальных исполнителей и пр.) [3. С. 13-18].

Флешмоб как политическая технология, как правило, эффективен для привлечения внимания общественности; высокой вероятности получить огласку в СМИ; возможности организации подобного мероприятия без официального разрешения властных структур; простоты трансформации в интернет-троллинг.

Интернет-троллинг в современных условиях часто используется как дополнение или вспомогательная технология для политического флешмоба. Данная технология основана в большей мере на публичном высмеивании или унижении оппонентов. Реакцией объекта на провокации, как следствие, оказывается эмоциональная нестабильность, резкие высказывания, негативные действия. Политический троллинг как манипулятивная технология наиболее эффективен именно в интернете. Основная причина заключается в том, что в киберпространстве субъект троллинга пользуясь своей анонимностью и существенной вероятностью избежать каких-либо санкций, может позволить себе гораздо большее, чем в ходе общения лицом к лицу с объектом травли.

В целом вместе с интернет-технологиями также линейно и активно развиваются и средства коммуникации. Помимо известных и широко апробированных платформ (YouTube, ВКонтакте, Одноклассники, FaceBook, Instagram и пр.), появляются и все новые альтернативные инструменты взаимодействия, такие как Telegram, WhatsApp, TikTok и пр. Главным критерием выбора именно этих платформ в медиа-информационном пространстве является анонимность. Мессенджер Telegram сейчас во многом отвечает тем требованиям, которые предъявляют политические технологии для конфиденциального распространения информации и воздействия на сознание пользователей. Особое место в распространении информации занимают Telegram-каналы и чаты. Они представляют собой аналог классической беседы социальных сетей или мессенджеров. Однако в действительности каналы являются новостной лентой, новости которой публикуются администратором. Одной из особенностей Telegram-канала является невозможность обсуждения контента в комментариях, его оценка в виде «лайков», поскольку такие функции просто отсутствуют. Помимо всего прочего личность администратора и участников, как правило, остаются неизвестными. Транслируется лишь количество подписчиков того или иного канала. Также предоставляется возможность делиться новостным контентом ресурса (делать репосты).

Изначально платформа Telegram создавалась в качестве альтернативы существующим мессенджерам. При этом спустя некоторое время стал очевидным тот факт, что данный продукт более привлекателен для интернет-пользователей и имеет немалую перспективу. В настоящий момент Telegram служит не только альтернативой мессенджерам, но и средством массовой информации. По количеству подписчиков некоторые Telegram-каналы опе-

режают известные и авторитетные СМИ (речь идет об интернет-версиях, представленных в социальных сетях и на сайтах) [9]. Таким образом, Telegram-каналы как интернет-платформа могут служить как средством массовой информации, которое остается недоступным для влияния власти, так и весьма подходящей площадкой для организации флешмобов, троллинга определенных политических акторов.

Таким образом, политическое пространство и провокации неразрывно связаны. Поэтому интернет-троллинг становится одной из излюбленных технологий политической борьбы. Главной целью условного политического актора является завоевание внимания как можно большего количества граждан, в том числе потенциального электората. Зачастую провокационные методы влияют на общество в разы сильнее, чем на единого представителя. Цепная реакция, скоростная передача информации в интернете формирует то коллективное мнение, которое и требуется объекту влияния.

Современные средства политической борьбы несут за собой различные мотивы. Как правило, «политический флешмоб» и «интернет-троллинг» в политике применяются для снижения рейтинга оппонента. Так, политтехнологи определенного кандидата или партии используют данную провокационную технологию для воздействия на сознание общества и повышение активности электората. В адрес конкурента направляется поток дискредитирующей информации. Причем достоверность высказываний, особенно на альтернативных интернет-площадках, не имеет значения, так как потребители информации часто не перепроверяют факты, а доверяют источнику информации, так как считают его для себя проверенным [18. С. 99-101]. В этой связи, как показывает практика, с помощью флешмобов и троллинга возможно частично или даже полностью разрушить имидж политического оппонента, а также создать ему новый – отрицательный образ в глазах избирателей.

Одним из примеров использования подобных провокационных методов можно считать процессы, происходившие в период массовых протестов 2011 года. Победа партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 года породила виток политической активности в российском сегменте интернета. Интенсификация политического участия имела преимущественно протестный характер и была спровоцирована использованием новых интернет-технологий [1. С. 149]. В частности, один из представителей несистемной оппозиции А.А. Навальный с помощью различных возможностей интернет-пространства призывал граждан к участию в несанкционированных митингах [4].

После апробации вышеуказанных методологий и постепенного увеличения массовых интернет-акций А.А. Навальный стал инициатором значительного количества «политических флешмобов», ставших причиной «интернет-троллинга» российских политиков. В 2017 году был запущен про-

вокационный фильм про действующего на тот момент Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева [13]. Этот фильм стал результатом объединения в себе сразу двух рассматриваемых технологий. Фильм получил априори провокационное название «Он вам не Димон» [15]. В сети вспыхнула волна троллинга и политических флешмобов по аналогии с названием фильма.

Если провести детальный анализ последствий использования данных технологий несистемной оппозицией, то можно отметить, что данные методы активно способствуют разрушению имиджа и формированию антиобраза [19]. Многие социологические службы отметили взаимосвязанное падение политического рейтинга Д.А. Медведева и активизировавшейся волны интернет-троллинга и политических флешмобов не только в виртуальном пространстве, но и реальной политике [12]. Число жителей России, одобряющих его деятельность на посту премьер-министра, снизилось с 52% в феврале 2017 года до 42% в марте 2017 года. Доля не одобряющих деятельность возросла на 10%, с 47% до 57% всего за один месяц [11].

В период избирательной кампании, посвященной президентским выборам РФ также были использованы современные политические технологии [22]. В дальнейшем был организован совместный проект лидеров несистемной оппозиции (А.А. Навальный и М.Б. Ходорковский) – «политический флешмоб» под названием «Он нам не царь» в 2018 году [6], в противовес флешмобу под названием «России нужен Путин», организованному сторонниками В.В. Путина в период президентской кампании [17]. Все это вновь послужило катализатором «интернет-троллинга» со стороны оппозиционеров. Сама суть акции «Он нам не царь» априори не предполагала «свержение» В.В. Путина, однако четко прослеживался всплеск оппозиционной активности, негативной реакции на итоги выборов и политической переориентации части электората, повлекшей впоследствии снижение уровня поддержки действующей власти и проводимым реформам.

Далее 15 января 2020 года произошла отставка правительства во главе с Д.А. Медведевым. С 16 по 21 января того же года было сформировано новое правительство. Новым председателем правительства стал М.В. Мишустин. При этом стоит отметить, что 12 из 21 федеральных министров сохранили свои посты. По данным аналитического центра ВЦИОМ на момент сентября 2021 года рейтинг Д.А. Медведева был более чем в 2 раза ниже рейтинга М.В. Мишустина [7].

Для обеспечения политической стабильности в российском обществе в ответ на использование подобных провокационных методов и способов политической элитой были приняты меры реагирования, так в марте 2019 года в силу вступили законы «О фейковых новостях» и «Об оскорблении власти в интернете» [21].

Таким образом, с помощью провокационных методов и способов политической борьбы несистемной оппозиции удалось оказать значительное

воздействие на электоральное сознание и политическое участие граждан России, и политическую стабильность в целом. Сетевой анализ интернет-среды показал вовлеченность в «политические флешмобы» и «интернет-троллинг» значительной части активных пользователей глобальной сети, причем различных категорий (половозрастных, социально-экономических и т.п.). Констатируется, что произошел существенный рост количества субъектов, использующих такие технологии. Во многих случаях инициаторами становились рядовые интернет-пользователи. В сложившейся ситуации, из-за невозможности контролировать стремительный рост использования манипулятивных и провокационных технологий, активизацию населения в интернет-пространстве, нагнетание недовольства, высмеивание власти и падения рейтинга ведущих политических сил страны, политической элитой принимаются законодательно ограничительные меры. На основе развития и интеграции политических технологий в интернет-пространство, в фокусе политических кампаний происходит дихотомия между оппозиционным лагерем и властными структурами. Некорректно трактовать методы борьбы действующей власти как устаревшие, а методы противостоящей стороны – прогрессивные. В условиях длительной несменяемости власти, у первого лагеря сформировался определенный ряд технологий, инструментов и ресурсов. Именно сформировавшимся арсеналом политических технологий пользуется властный институт. При этом необходимо отметить, что государственная пропаганда и административный ресурс являются устоявшимися и наиболее проверенными инструментами политической борьбы. Занимая место политической элиты, любой участник политической борьбы автоматически становится собственником вышеупомянутых ресурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ахременко А.С., Беленков В.Е., Петров А.П.* Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полит. Политические исследования. 2021. № 3. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.10.
2. *Бальбек Р.И.* Технологии обеспечения политической стабильности в условиях внешних дестабилизирующих влияний (на примере республики Крым): дис. ... к. полит. н. М.: РАНХиГС, 2019.
3. *Баных Г.А., Иванова Ю.А.* Молодежь и патриотизм: современные способы вовлечения // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2020. Т. 1.
4. *Бурда М.А., Гришин О.Е., Попов С.И., Иванова М.М.* Технология «умное голосование» как форма легитимного протеста в контексте политической стабильности (на примере выборов в Московскую городскую Думу) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 5 (69).
5. *Васильева К.Е., Хамидов Р.И.* Проблемы формирования гражданского общества в России // Актуальные проблемы взаимодействия общественно-

сти с органами государственной власти и органами местного самоуправления: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саранск: ООО «ЮоЭксПрактик», 2018.

6. Главные фото и мемы с протеста «Он нам не царь» // <https://memepedia.ru/protestnye-akcii-on-vam-ne-car/>.

7. Доверие политикам. АНО «ВЦИОМ» // <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>.

8. Зуляев Ю.А. Путеводитель по виртуальной реальности // Полис. Политические исследования. 2021. № 1. DOI: 10.17976/jpps/2021.01.13.

9. Исследование: СМИ идут за контентом в Телеграм-каналы // <https://habr.com/ru/post/449382/>.

10. Консовский А.А., Лясецкая Е.А. Проблемы становления и развития гражданского общества в России // Символ науки: международный научный журнал. 2020. № 11.

11. Мартовские рейтинги одобрения и доверия. АНО «Левада-Центр» // <https://www.levada.ru/2017/04/05/martovskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-5>.

12. Назаров И.И. Специфика участия политических партий в государственной кадровой политике современной России // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 8.

13. Назаров И.И. Тенденции и векторы развития партийной системы России в преддверии электорального цикла 2021 года // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. DOI: 10.34823/SGZ.2020.4.51417.

14. Нестерчук О.А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. 2015. № 2.

15. Он вам не Димон // https://www.youtube.com/watch?v=qrwlk7_GF9g&t=1s.

16. Прилепский В.В. Гражданское общество в современной России: проблемы становления и развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-195-200.

17. России нужен Путин. Тамбовская область // <https://www.facebook.com/groups/russianeedsputin/>.

18. Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.07.

19. Сельцер Д.Г. Главы российских регионов как субъекты и объекты политики (1991-2019 годы) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 3.

20. Турченко М.С. Мировые практики электоральных манипуляций // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.14.

21. Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать? // <http://duma.gov.ru/news/29982/>.

22. Штырев М.М., Попов С.И., Гусарская Т.А. Особенности выборов президента Российской Федерации в 2018 году // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 11 (39).

Благодарность:

Авторы выражают благодарность за высказывание ценных предложений при написании статьи кандидату политических наук, доценту кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.П. Державина И.И. Назарову.

O.E. GRISHIN

Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor of the Faculty of Humanities, Russian State Social University, Moscow, Russia

M.V. BELOV

Student of the master's degree at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

K.A. GABDULLIN

Post-graduate student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

TRANSFORMATION OF RUSSIAN POLITICAL CAMPAIGNS IN THE CONTEXT OF POLITICAL STABILITY: EFFICIENCY OF INTERNET TECHNOLOGIES¹

The article is devoted to the study of modern types of Internet technologies in political campaigns, used as methods of influencing the electoral consciousness in the context of ensuring political stability. The research emphasis is focused on provocative algorithmic methods and methods of political struggle, such as political flash mob and political Internet trolling. These Internet technologies

¹ The study was carried out with the support of the Peoples' Friendship University of Russia. Code (cipher) of the research/R&D topic "Technologies for ensuring political stability in modern Russia" 100701-0-000.

have become the latest trend in the modern socio-political life of the country, requiring detailed study. The authors complement the existing approaches to the problem under study.

Key words: *political campaign, political stability, political participation, Internet technologies, virtualization of politics, provocative methods, electoral consciousness, Internet trolling, political flash mob.*

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Настоящая статья представляет собой исследование роли интернет-мемов в политической коммуникации в сети Интернет. Целью статьи является выявление потенциала влияния интернет-мемов как сетевых феноменов на политическое участие. Для этой цели на основе теоретического анализа выявляются ключевые свойства интернет-мема, позволяющие ему играть важную роль в политических коммуникациях; анализируются основные функции интернет-мемов в современной политике; на практических примерах выявляются приемы и контексты использования интернет-мемов в политической коммуникации. Автором делается вывод о высоком потенциале интернет-мемов, которые, с одной стороны, выступают как новый способ ведения стихийной и самоорганизованной политической борьбы, а с другой – как инструмент, позволяющий политическим элитам оказывать воздействие на своих конкурентов, а также консолидировать собственный электорат.

Ключевые слова: интернет-мемы, социально-сетевые коммуникации, политическое участие, партиципаторная демократия, политические коммуникации, цифровые технологии, социальные сети, новые медиа.

Интернет-мемы в настоящее время являются важной формой цифровой коммуникации [7; 18], в том числе, и в политической сфере. Легкость их создания и распространения, вирусный эффект, ироничность подачи и легкость восприятия определяют их высокую популярность и серьезную степень воздействия на массовое сознание [5. С. 75]. Эти свойства мемов активно используются в политических технологиях, и потому являются важным аспектом при исследовании феномена политического участия в цифровой среде [3. С. 286; 4. С. 21].

Тем не менее, непосредственно политические мемы, основным содержанием которых является сатира в отношении того или иного аспекта политической жизни, часто рассматриваются как тривиальные, служащие ис-

ключительно развлекательным целям. В науке до сих пор сохраняется давно сформировавшаяся оппозиция массовой культуры (частью которой, безусловно, являются мемы) и политики. Политически значимая информация в ее классическом понимании рассматривается как компонент рационального мышления, тогда как развлечения воспринимаются как продукт более низкого качества, насыщенный аффективными свойствами [13].

Однако данная позиция представляется ошибочной. Британский исследователь В. Плеврити справедливо считает, что оппозиции между политикой и развлечениями в настоящее время не существует, и мнение о том, что развлечения способствуют пассивности аудитории, в то время как политикой занимаются лишь активные, критически настроенные граждане, несостоятельно [16. С. 95].

С учетом тенденции последних десятилетий к виртуализации политической реальности, ее *играизации* (в терминологии российского исследователя С. Кравченко [2]), методы и формы, используемые в политике, приближаются к привычным для массовой культуры стандартам. Аффективность как эмоциональное свойство все чаще проникает в политику, и в этом плане мемы, как продукт индустрии развлечений, способны активно влиять на политические процессы – особенно на те, которые осуществляются в рамках коммуникации между политическими деятелями и обществом [19. С. 103].

Как это ни парадоксально, интернет-мемы позволяют электорату (особенно – его молодежной части) задуматься о политике как о серьезной сфере, в которой присутствуют элементы знакомой им индустрии развлечений. Учитывая легкость, с которой они генерируются и распространяются, мемы предлагают пользователям Интернета возможность высказывать свое мнение по актуальному политическому вопросу «в доступной, недорогой и приятной манере» [18. С. 49]. Политические мемы в подобной картине мира представляют собой своеобразные заявления, происходящие в рамках постоянной дискуссии о том, как должен выглядеть мир. Создание и распространение таких мемов представляет собой как акт самовыражения (культурный компонент) и политическое участие (политический компонент) [20. С. 29].

Сегодня мемы являются одной из наиболее быстрых форм реагирования на развитие политических событий. Скорость реакции – их первая отличительная черта.

Второй чертой является их преимущественная альтернативность официальному дискурсу, который традиционно формируется средствами массовой информации.

Третья особенность – это способность мемов мобилизовать т.н. «болото» – часть электората, не интересующуюся политикой, и находящейся «вне зоны доступа» со стороны официальных источников политической информации. Например, подключив политически безразличное большинство к избирательной кампании, мемы могут серьезным образом повлиять на итоги голосования.

В-четвертых, следует указать еще на одну черту политических мемов: они, как правило, являются продуктом протеста, стихийно организованной акцией недоверия и критики в адрес политических элит. Как показало исследование, проведенное В. Плеврити, респонденты, отобранные в качестве фокус-группы, «настаивали на том, что они работали [над созданием мемов], чтобы разоблачить «гнилых» политиков или повысить осведомленность о ситуациях, которые они считают нуждающимися в изменения и улучшения» [16. С. 98].

При этом в политической коммуникации чаще всего используются вербальные, визуальные и аудиовизуальные мемы, причем, отдельным вопросом являются способ их возникновения (технологически заданный или спонтанный), способность к репликации (и, соответственно, коммуникационная эффективность), а также степень устойчивости на разных этапах жизненного цикла.

Функции интернет-мемов в области политической коммуникации могут быть крайне разнообразны. Являясь проявлением спонтанного вирусного самовоспроизводства в сети различных информационных единиц (вербального, визуального или смешанного характера), сообщения-мемы, в силу своего вирусного характера, способны мгновенно «заразить» аудиторию и, по мнению многих специалистов, повлиять на поведение и установки людей [6]. Во-первых, с помощью привлечения успешно сконструированных мемов можно позиционировать объект в виртуальном пространстве, причем, как с положительной, так и с отрицательной стороны. Второй областью возможного применения интернет-мемов может стать «спиндокторинг», или управление освещением в медиапространстве событий, связанных с конкретным политиком или политическим фактом, (привлечение/отвлечение внимания, искажение смысла события, изменение его масштаба и т.д.). И, наконец, очевиден тот факт, что мемы помогают сплотить сторонников конкретного политика или политической силы [1. С. 3].

Мемы являются «популистским способом общения с публичным дискурсом»: посредством сатирических высказываний пользователи социальных сетей и других площадок Интернета могут обсуждать свои взгляды и высказывать свое мнение, критически оценивая происходящее в политической сфере [15]. Широкое использование политических мемов, позволяет создать свои средства коммуникации, а их агрессивный провокативный стиль нужен только для того, чтобы привлечь внимание пользователя в гипернасыщенном информацией мире, шокировать его, зацепить внимание, выделиться на общем фоне. Здесь не важно, являешься ты убедительным или нет, обладаешь моральным превосходством или нет. Главное – ярко продемонстрировать силу и уверенность, ломать шаблоны и стереотипы общественного сознания.

Политический посыл мемов, обращенный к неограниченной аудитории, подается зачастую в максимально простой, сжатой и понятной форме, в рамках которой эксплуатируется, как правило, образный ряд современных же произведений массовой культуры, уже устоявшиеся образы, связанные с теми или иными меметическими рядами, так или иначе понятными аудитории. При этом, будучи формально «плоским», лишенным любого нарративного измерения, рассчитанным на спонтанную реакцию, мем выступает триггером нужной его автору реакции и несет довольно мощный идейный заряд [8]. Такая форма коммуникации вполне адекватна обществу постмодерна.

В политической практике многих государств мемы давно используются для выражения мнения по отношению к тем или иным феноменам политической жизни. Наиболее ярким примером здесь является так называемое альт-райт (alt-right) движение, которое активизировалось в американском сегменте Интернета после президентских выборов 2016 г. [9; 10; 12] Действительно, их активность (в том числе, агитационная) на таких популярных интернет-площадках, как 4chan, 8chan, Reddit и т.д., была замечена как политтехнологами, так и исследователями.

В частности, подчеркивалось, что представители движения альт-райт довольно оригинальны в своих методах осуществления политической коммуникации. Речь идет не только об эффективном использовании социальных сетей для общения и трансляции своей повестки, онлайн-координации и прочих формах сетевой активности. Дело в том, что альт-райты используют медиaprостранство для того, чтобы создать яркие, броские, вызывающие эмоции – в том числе, на генерируемые ими мемы. В обществе постмодерна факты, не освещенные в медиа, как будто бы не существуют – поэтому даже любая активность альтернативных правых в «реальной жизни» нарочно груба и провокативна – ведь только в этом случае их действия станут информационным поводом и, соответственно, получают освещение в СМИ. Разумеется, что СМИ обескуражено называли все происходящее «фашизмом» и прочими негативными ярлыками, но в условиях недоверия к традиционным медиа в значительной части американского общества такие ярлыки только добавляли альт-райтам известности и пополняли ряды сторонников антисистемного движения.

Неоспоримое влияние мемов на ход президентской кампании в США 2016 г. вызвало определенные дискуссии среди ученых и экспертов. В частности, были высказаны и опасения. Так, Б. Пауэрс пишет: «мемы стали серьезным вызовом обществу, в силу их односторонности и примитивности. Если бы содержание нашей политики было полностью определено путем маркировки кандидатов и их сторонников как глупых и неправых, тогда мемы были бы замечательными. Но на практике функционирование политической сферы осложнено множеством нюансов и является более серьезным процессом. Мемы, которые мы сегодня видим в Твиттере, в лучшем случае

– неоднозначны, в худшем – категорически неверны с точки зрения подаваемой в них информации. Нам всем стоит задуматься: если мы так любим мемы, то что это говорит о нас и о нашей демократии?» [17].

Другие авторы высказывают мнения, что содержащаяся в мемах информация зачастую радикальна и потому противоречит принципам ведения демократической дискуссии [14. С. 49]. Впрочем, есть и противоположные точки зрения: так, С. Христова считает, что мемы, напротив, могут «нейтрализовать» инакомыслие, растворяя острые точки идеологических конфликтов, которые в реальности носят серьезный характер, а в виртуальном мире обесцениваются и нивелируются [11. С. 70]. Автор во многом связывает эти процессы с тем, что авторы и распространители мемов, как правило, далеки от политики и не всегда воспринимают ее всерьез. Тем не менее, она отмечает: мемы весьма действенный инструмент современной политической коммуникации, поскольку они создаются и распространяются в «зоне комфорта» пользователей интернета, проникая оттуда в традиционные СМИ. Массовая циркуляция мемов в социальных сетях «позволяет охватить глобальную аудиторию, с бесконечными возможностями для переинтерпретации и дальнейшего распространения» [11. С. 75].

Вместе с тем, несмотря на все вышесказанное, важно сделать принципиальную оговорку: мемы действительно могут привести к более активным обсуждениям политики, но это не означает, что все виды мем-коммуникации могут быть квалифицированы как политическая дискуссия. Последняя всегда имеет цель, и, как правило, эта цель связана с решением той или иной политической задачи. Соответственно, современный исследователь должен критично подходить к вопросу о границах между использованием мемов как элемента политической дискуссии и как пустого развлечения. Впрочем, несмотря на отмеченные ограничения, непосредственно политические интернет-мемы следует признать важным фактором, влияющим на гражданственность и уровень политического участия граждан [15]. Они позволяют вовлечь все большее количество населения в демократические практики.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

1. Интернет-мемы в настоящее время являются важной формой цифровой коммуникации, в том числе, и в политической сфере. Легкость их создания и распространения, вирусный эффект, ироничность подачи и легкость восприятия предопределяют их высокую популярность и серьезную степень воздействия на массовое сознание. Эти свойства мемов активно используются как традиционными политическими акторами и рядовыми гражданами, так и новыми субъектами политической жизни («троллями», политическими блоггерами, лидерами мнений, просьюмерами и т.д.).

2. В рамках политической сферы общественной жизни были выделены четыре основных функции (особенности) мемов: 1) во-первых, с помощью привлечения успешно сконструированных мемов можно позиционировать

политический объект (или актора) в цифровом пространстве, причем, как с положительной, так и с отрицательной стороны; 2) во-вторых, мемы выступают инструментом оппонирования официальному политическому дискурсу, транслируемого традиционными средствами массовой информации и политическими акторами; 3) третья функция – это способность мемов мобилизовать т.н. «болото» – часть электората, не интересующуюся политикой; 4) в-четвертых, мемы, как правило, позволяют оформить нетрадиционный цифровой протест, стихийные акции совместного политического участия и скоординировать несистемную критику в сторону политических элит.

Ввиду наличия отмеченных функций мемы стали, с одной стороны, новым способом ведения стихийной и самоорганизованной политической борьбы, а с другой – позволили политическим элитам оказывать воздействие на политических конкурентов, а также консолидировать свой электорат.

3. Роль мемов непосредственно в политическом участии сегодня состоит в том, что посредством сатирических высказываний, оформленных в виде мемов, пользователи социальных сетей и других площадок сети Интернет могут обсуждать свои взгляды и высказывать свое мнение, критически оценивая происходящее в политической сфере. Мемы привлекают внимание к противоречивым или неподобающим заявлениям кандидатов, а также в сатирической манере критикуют их политические позиции, тем самым позволяя своим авторам так или иначе участвовать в политических процессах. Несмотря на то, что мемы имеют некоторые схожие характеристики с политическими карикатурами или анекдотами, разница между ними заключается в том, что мемы являются партиципаторными по своей природе, и это позволяет пользователям сети Интернет адаптировать их под свои индивидуальные цели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Квят А.Г.* Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. 2013. № 1 // <http://www.mediascope.ru/node/1254>.

2. *Кравченко С.А.* Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года / под ред. члена-корреспондента РАН В.И. Конова. М.: Октопус-Природа, 2008. Выпуск 11.

3. *Крестинина Е.С., Чернышов Ю.Г.* Использование интернет-блогов и «социальных сетей» в российской публичной политике // Известия АГУ. 2008. № 3-4 (60).

4. *Пупыкин Р.А.* Технологии использования социальных сетей в избирательных кампаниях // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. № 1.

5. *Рашкофф Д.* Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003.

6. Шомова С.А. Архетип против мема: константы культуры в политической коммуникации // <http://uverenniy.ru/shomova-svetlana-andreevna-doktor-politicheskikh-nauk-professor.html>.

7. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Лингвистика дискурса. 2012. № 3.

8. Freinacht H. What the is the Alt-Right? // <https://metamoderna.org/what-the-hell-is-the-alt-right>.

9. Heikkilä N. Online Antagonism of the Alt-Right in the 2016 Election // European journal of American studies. 2017. № 2 (12) // <https://journals.openedition.org/ejas/12140>.

10. How Donald Trump won the 2016 meme wars // <https://theconversation.com/how-donald-trump-won-the-2016-meme-wars-68580>.

11. Hristova S. Visual Memes as Neutralizers of Political Dissent // Triple C-12. 2014. № 1.

12. Jones A. The Alt-Right Revolution in the Early 21st Century // <https://geopoliticeconomy.org/wp-content/uploads/2017/09/Jones-Paper.pdf>.

13. Jones J.P. Entertaining Politics: Satiric Television and Political Engagement. 2nd ed. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield, 2010.

14. Lazzaro S. 21 Hilarious Memes of Joe Biden and Obama's Imagined Conversations about Pranking Trump // Observer. November 14, 2016 // <https://observer.com/2016/11/21-hilarious-memes-of-joe-biden-and-obamas-imagined-conversations-about-pranking-trump/>.

15. Milner R.M. Pop Polyvocality: Internet Memes, Public Participation, and the Occupy Wall Street Movement // International Journal of Communication. 2013. № 7.

16. Plevriti V. Satirical User-Generated Memes as an Effective Source of Political Criticism, Extending Debate and Enhancing Civic Engagement. The Warwick University, 2016.

17. Powers B. How Memes Perfectly Capture What's Wrong With Our Political Engagement // Paste. April 5, 2016 // <https://www.pastemagazine.com/politics/memes/how-memes-perfectly-capture-whats-wrong-with-our-p/>.

18. Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2014.

19. Street J. Politics and Popular Culture. Cambridge: Polity Press, 1997.

20. Street J., Inthorn S., Scott M. From Entertainment to Citizenship: Politics and Popular Culture. Manchester: Manchester University Press, 2013.

S.E. KOZLOV

*PhD student at the Faculty of Political Science
Moscow State University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

INTERNET MEMES AS A REPRESENTATION OF POLITICAL PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL NETWORK COMMUNICATIONS

This article is a study of the role of Internet memes in political communication on the Internet. The aim is to identify the influence of Internet memes as network phenomena on political participation. For this purpose, on the basis of theoretical analysis, the key functions of the Internet meme are identified, which allow it to play a role in political communications; analyzes the main functions of Internet memes in modern politics; practical examples are used to identify techniques and contexts of using Internet memes in political communication. The creator creates an effort about the high potential of Internet memes, which, on the one hand, act as a new tool for carrying out a spontaneous and self-organized political struggle, and on the other, as a tool that allows political elites to strengthen their competitors and consolidate their own electorate.

Key words: *Internet memes, social networking, political participation, participatory democracy, political communication, digital technologies, social networks, new media.*

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИМИДЖА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В АМЕРИКАНСКИХ СМИ

Одной из сфер интересов политологии выступает такое направление, как изучение имиджа и личности политиков, рассмотрение и анализ их политических платформ. Дональд Трамп – увлекательный и эпатажный политик, его неординарная личность интересна не только профессионалам, но и общественности по всему миру. В этой статье мы сосредоточимся на ментальном образе Дональда Трампа, который в полном разнообразии представлен в американских СМИ.

Дональд Трамп часто использует Twitter в качестве политического инструмента: его победа в 2016 году и неослабевающее внимание к его постам в социальных сетях показывают, что экс-президент США использует Twitter эффективно и рационально. Дональд Трамп, по сути, создал новый политический образ, который выделяет его на фоне его оппонентов и предшественников.

Ключевые слова: *Дональд Трамп, имидж, СМИ, политика, информация, социальные сети, интернет.*

В сегодняшних предвыборных баталиях политический имидж в средствах массовой информации – СМИ, является важным фактором для любого амбициозного кандидата или лидера. Демократия означает, что граждане выбирают «правильных», в своем понимании, кандидатов и затем наделяют их политическими полномочиями. Но что рядовые граждане знают о личностях и предвыборных программах кандидатов? Данная информация специфична и по существу ограничена, а то что показывается избирателю, может являться манипуляцией политтехнологов. СМИ создают определенный политический образ кандидата и в случае победы кандидата, развивают этот образ в лице политика.

Важно подчеркнуть, что данный вопрос достаточно активно исследуется как теорией, так и практикой, в этой связи появилось достаточно много тем в этой области [2].

Однако нельзя сказать, что политические образы и формирующие их СМИ являются исчерпывающими. Существует несколько объективных факторов, которые определяют специфику и делают важным изучение этого вопроса.

Дональд Трамп – 45-й Президент США, политик, который динамично использовал множество сложных приемов для создания оптимального имиджа.

Дональд Трамп знает, как использовать Twitter в политических целях, он часто обращался к Twitter, используя его как инструмент для распространения своего влияния в массы. Л.В. Чернышова в этой связи отмечает, что Дональд Трамп «продукт, который необходимо продать в ходе предвыборной гонки», Twitter, являясь социальной сетью, выступает не только как ораторская, но и как рекламная площадка. Именно эту социальную сеть чаще всего использует Дональд Трамп, и его образ можно изучить с научной точки зрения [10. С. 382-385].

Подчеркнем психологические параметры, определяющие Дональда Трампа как новый тип политика – «супергеройская антиполитическая знаменитость».

Л.В. Чернышова перечисляет психологические параметры имиджа Дональда Трампа обобщая их следующим образом:

1. Радикализация образа Дональда Трампа – привлекательный и реалистичный исполнитель, написавший 15 книг о предпринимательстве и снявшийся в более чем 100 фильмах, телепередачах и реалити-шоу. Для политика Трампа это сцена, на которой он может продемонстрировать свою харизму. Он прекрасно выглядит на сцене. В поисках слабых сторон Дональда Трампа мы не должны забывать о его медийной подготовке в военном училище, которая изменила его взгляды на жизнь. Вот как выглядит настоящий «супергерой». Он – «герой», который не допускает конкуренции.

2. Высокая самооценка и абсолютная уверенность в себе. Анализ известных высказываний Дональда Трампа показывает, что он считает себя «достигшим многого и стремящимся к более высоким достижениям, чем любой из его предшественников» (твит от 25 апреля 2020 года). Настоящий «супергерой» спасает все и всегда побеждает – ибо он несет добро и справедливость. Он не знает слова «провал».

3. Эмоциональный характер принятия решений. Импульсивность Дональда Трампа, его готовность сокрушать своих оппонентов и способность компенсировать собственные недостатки нападками на них, не сработают в условиях глобального кризиса, столь серьезного, как Карибский кризис. Поэтому стоит надеяться, что американская система «мягкой силы», сдержек и противовесов, которая не оставляет принятие важных решений на усмотрение одного человека, поможет избежать неприятных ситуаций.

4. Расчетливость. Взвешенный подход (делка) Дональда Трампа – это сочетание эмоций и расчетливого делового поведения. Этот парадокс мож-

но разрешить, если рассматривать Дональда Трампа как типичного харизматичного политика. Политика – это, по сути, сфера разума, но личность такого политика, как Дональд Трамп, окрашена эмоциями – они переполняют его и выплескиваются на аудиторию.

Бизнесмен, прирожденный политик и дипломат, Дональд Трамп не говорит правду, но и не лжет; он может поддерживать и выражать позиции и мнения, диаметрально противоположные его собственным, но он, конечно, не формулирует однозначно и свои собственные позиции. Бесспорно, что личностные характеристики и политические возможности Дональда Трампа, 45-го президента США, имеют личное и индивидуальное содержание и форму, с одной стороны, и социальное и общественное (политическое и экономическое) содержание – с другой. Дональд Трамп, как и все другие общественные деятели, политики и государственные деятели, действует в соответствии с положениями, законами и интересами Конституции США. Как таковой, он должен, или, скорее, вынужден, играть уготованную ему роль на арене национального и глобального политического Олимпа [3].

Благодаря своему богатому практическому опыту в шоу-бизнесе и пропагандистской силе поп-культуры, Дональд Трамп превратил президентские выборы 2016 года в продолжение своей личной имиджевой репутации, охватив все кабельные новостные каналы, которые транслировали его выступления и обращения к нации бесплатно. Дональд Трамп не подходит под категории «суперзвезда политической пропаганды» или «бытийная политическая знаменитость», которая все еще активно обсуждается в СМИ и публикациях [13]. Скорее, политическая личность Дональда Трампа сочетает в себе элементы двух этих типов знаменитых политиков. На мой взгляд, Дональд Трамп создал свой собственный образ «знаменитости-антиполитика-супергероя», используя различные оправдания своей личности и собственные манипулятивные навыки в Twitter. Этот новый образ отражает эпоху «популизма» и «антиполитики».

Политики-знаменитости способны привлечь в политический механизм новые социальные группы. Наглядный пример Д. Трампа показывает, что его образ «антиполитического супергероя» вместо этого развивает антидемократическую повестку дня.

Политический имидж экс-президента США, Дональда Трампа, безусловно, представляет собой образ «политика-знаменитости». Это потому, что он – политик из мира шоу-бизнеса, использующий в своей кампании приемы пропагандистской культуры. Политики-знаменитости часто рассматриваются как перспективные кандидаты, которые появляются в результате изучения общественного мнения. Состоявшиеся политики, как правило, используют СМИ. Такой имидж облегчает общение с разочарованными избирателями; Мэтью Вуд и др. проводят различие между «политическими суперзвездами» и «просто политическими знаменитостями» [9].

«Политики-суперзвезды» в отличие от «обычных политических деятелей» отличаются своими медиаплатформами, маркетинговыми подходами и ролями». Политики-суперзвезды» появляются в «традиционных» телевизионных шоу, а «повседневные политики» – в политических реалити-шоу и нетрадиционных интерактивных медиа, таких как Twitter. Иногда известные политики появляются в интернете после скандалов, что контрастирует с отстраненностью и дистанцированностью «повседневных политических знаменитостей» [8].

«Политические суперзвезды» – это часть их собственного имиджа и часть концепции «сильного и преданного лидера». Обычные политики-знаменитости строят свой имидж на идеале «обычных людей, таких же, как их избиратели», но в действительности они достаточно изолированы от бед повседневной жизни. Простые люди ищут кандидатов «против власти», потому что не доверяют нынешнему правящему классу. Политические «суперзвезды» должны быть «как мы» (обычные люди), но более конкретными и влиятельными. Что касается интернет-платформ, то в настоящее время существенная часть политиков, вероятно, используют каналы интернет-коммуникации, такие как Twitter, для удовлетворения собственной потребности быть «как мы». Однако можно утверждать, что и состоявшиеся политики, и новые «политики-суперзвезды» в той или иной степени используют классические вещательные и онлайн СМИ [7].

Трамп очень серьезно относится к критике демократов в СМИ. Он называет СМИ «лжецами», «продажными» и «неправдивыми». Сам Трамп рассматривается как способный лидер, который может спасти экономику в трудные времена, но он скован «нечестными демократами», лобби и «фальшивыми СМИ». В Твиттере Д. Трамп предстает как командный игрок, но его сын ведет себя в Твиттере крайне осторожно. Есть частное, общеполитическое и для бизнеса. Твиты Трампа коротки и эмоциональны. Его тон твердый и прямой.

Создавая многогранную онлайн-персону, которая является одновременно предпринимателем и знаменитостью, Дональд Трамп использует элементы «традиционной политической знаменитости» и «политической суперзвезды» для создания довольно двойственного образа «политической знаменитости как антиполитика и супергероя». Известные политики как антиполитики и супергерои» – для создания убедительного и правдоподобного образа был использован полный двойной элемент.

Дональд Трамп использует мощные методы создания имиджа, чтобы творчески объединить обычных людей и людей с нетипичным жизненным опытом. Это позволяет ему адаптироваться к новым нестандартным ситуациям и вызовам. В зависимости от ситуации, он может подчеркнуть свои качества властного и решительного человека или простого гражданина, чтобы не показаться непоследовательным и ненадежным. Таким образом, образ

«антиполитической супергероической знаменитости» дает Дональду Трампу возможность быть одновременно «человеком из народа» и проявлять политическую гибкость [4].

Однако необходимость проецировать лучший политический образ, чем у других, чтобы выявить и устранить недостатки, при этом принижая обычного «политика», снижает качество демократического политического процесса [11].

Образ Дональда Трампа как знаменитого антигероя – супергероя – отражает представление о том, что принятие политических решений – это не процесс согласования позиций, основанных на различных идеях и интересах, а диктатура (скорее) «истины», определяемой одним интеллектуалом [12].

Более того, утверждение о том, что рыночные проблемы, такие как отсутствие рабочих мест, являются лишь виной некомпетентных предыдущих политиков, преуменьшает сложность процесса принятия решений и взаимозависимость предпринимателей и финансового сектора от факторов глобализации». Позиция «супергероя» показывает, что Дональд Трамп выбрал односторонний подход и конфронтацию вместо сотрудничества, командной работы, многостороннего подхода и компромисса [12].

По мнению М.М. Айбазова, еще одним инструментом Д. Трампа является преувеличение важности проектов, которыми он руководит. Его всегда привлекали обложки газет, он не довольствовался колонками о предпринимательстве или недвижимости. Политик называет это «своего рода хвастовством, безобидным хвастовством, призванным поразить воображение людей». Я осмеливаюсь использовать эту человеческую природу, потому что не каждый гражданин способен думать о больших проблемах и может быть вдохновлен примерами других. Если мы дадим им более широкую перспективу, они почувствуют свою принадлежность к чему-то большему. На самом деле, если мы немного преувеличим, никто не пострадает» [1. С. 463-471].

Кампания использовала аналогичный метод работы, насыщая новостные ленты ресурсами из публичных сетей. Так, когда Дональд Трамп рано утром опубликовал в Твиттере провокационные заявления, к полудню редакции были переполнены. Основные новостные каналы транслировали его послание, журналисты требовали комментариев, и даже его политические противники стали свидетелями второго язвительного заявления Дональда Трампа.

Таким образом, Дональд Трамп продолжает тенденцию, которая началась много лет назад. Мы поддерживаем суждение Л.В. Чернышовой о том, что неприязнь элиты старого образца к простым гражданам привела к появлению запроса на «антиполитика», кандидата, который будет противостоять элите старого образца. Популярность Интернета и атрофия политики старого образца привели к необходимости создания «политика-суперзвезды». Граждане всегда верили в чудеса и в то, что все проблемы можно решить быстро и решительно, без проб и ошибок. Это действительно происходит

время от времени, но люди верят, что «супергерои» могут решить все социальные проблемы. Отсюда необходимость в «политиках-супергероях». Удивительно, но Дональд Трамп сочетает в себе характеристики политического образа, который удовлетворяет эту потребность, а платформа Twitter стала способом поддержания этого образа.

Как отмечает Л.В. Чернышева, результат построения имиджа Дональда Трампа только в Интернете является примером для подражания политикам нашей страны. В то время как общественное суждение продолжает требовать способных лидеров, растет спрос на информацию о достижениях государственных учреждений. Дональд Трамп динамично излагает свои взгляды в Твиттере, а не использует традиционные методы общения на пресс-конференции. Это может стать моделью для государственных политиков. Их постоянное присутствие в публичном онлайн-пространстве обеспечивает прозрачность их работы и демонстрирует их взгляды на деловые вопросы и общественные дебаты. Twitter – отличный инструмент для создания профиля в Интернете.

Российские оппозиционные политики могут перенять предвыборную стратегию Дональда Трампа – критиковать политическую элиту, обладающую политической властью. Оппозиция устоявшимся политическим организациям, сочетающая защиту национальных интересов с интересами простых граждан, может стать интересным инструментом предвыборной пропаганды в ближайшем будущем. Направление и обоснование такого рода критики можно также использовать в контексте выборов в Российской Федерации по различным показателям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айбазова М.М.* Политико-психологический профиль Дональда Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019.

2. *Демидова Е.Н.* Специфика образа Дональда Трампа и Ангелы Меркель как политических лидеров современности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3.

3. *Кобландин К.И., Сапарбекова Д.С.* Роль медиа в формировании имиджа современного политического деятеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

4. *Крюкова Е.В.* Политические технологии как инструмент воздействия на психологию масс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

5. *Лузан А.А., Лузан С.А.* Феномен Трампа // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2.

6. *Медушевский А.Н.* Веймарская Америка: политическая дискуссия о причинах упадка великой демократии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. № 3 (94).

7. Мовсесян О. Личность политического лидера // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

8. Слизовский Д.Е. Политическое лидерство: методологические проблемы исторической интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2003. № 4.

9. Сулейманова Ш.С. Роль интернет-технологий в формировании политической среды // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

10. Чернышова Л.В. Психологические особенности сетевого имиджа Д. Трампа // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4.

11. Street J. Do Celebrity Politics and Celebrity Politicians Matter? // British Journal of Politics and International Relations. 2012. № 14 (3).

12. Van Steenburg E., Guzmán F. The Influence of Political Candidate Brands During The 2012 and 2016 US Presidential Elections // European Journal of Marketing. 2019. Т. 53. № 12.

13. Wood M., Corbett. J., Flinders M. Just Like Us: Everyday Celebrity Politicians and the Pursuit of Popularity in an Age of Anti-Politics // British Journal of Politics and International Relations. 2016. № 18 (3).

ASSI ABED EL RAHIM

Graduate student, Political sciences and regional studies, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL IMAGE OF DONALD TRUMP IN THE AMERICAN MEDIA

Political science and analysis of the image of a political leader provides ample opportunities for the study of personality and political statesman programs. Donald Trump is charismatic and flamboyant politician, whose personality attracts attention of professional scientists and the public. In this article we will focus on studying the features of the psychological image of Donald Trump in the American media.

Donald Trump uses Twitter extensively as a tool of political struggle. Victory in 2016 and increased attention to its publications on this social network allow us to say that Donald Trump uses Twitter effectively and efficiently. Donald Trump has created a fundamentally new political image that distinguishes him from competitors and predecessors.

Key words: *Donald Trump, image, media, politics, information, social networks, internet.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ «ИНЦИДЕНТ МЕНЕДЖМЕНТ» В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ВРИО ГУБЕРНАТОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА АЛЕКСАНДРА БЕГЛОВА

В статье рассматривается практика использования системы «Инцидент Менеджмент» в избирательной кампании врио губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова 2019 г. Эмпирической базой исследования являются 392 публикации в городских СМИ и комментарии на официальной странице Александра Беглова в «ВКонтакте». Проведенный анализ показывает, что в современной России работа кандидата с обратной связью от пользователей в соцсетях может иметь заметный электоральный эффект.

Ключевые слова: *информационные технологии, избирательный процесс, политические технологии, социальные медиа, контент-анализ, инцидент менеджмент.*

В современной России исследование практики применения конкретных политических технологий в электоральном процессе имеет большую научную и практическую актуальность. С научной точки зрения успешность применения политической технологии можно рассматривать в качестве одного из критериев верификации той или иной коммуникационной концепции и степени ее устаревания. В практическом отношении актуальность обусловлена недостаточным уровнем исследованности политических технологий научными методами.

Многие политические технологии нацелены на сокращение социальной дистанции между кандидатом и избирателями с целью вызвать у них большее доверие к кандидату. С социологической точки зрения их можно рассматривать в качестве того, что Пьер Бурдьё называет «стратегиями снисходительности», «когда агенты, занимающие высшие позиции в одной из иерархий объективного пространства, символически отрицают социальную дистанцию... обеспечивая себе таким образом выгоды от признательности, придаваемой этому чисто символическому отрицанию дистанции» [6. С. 70].

Среди таких стратегий наиболее очевидной и исторически одной из первых являются личные встречи с избирателями. В этом отношении показательны рекомендации, которые Квинт Туллий Цицерон дает в «Кратком наставлении по соисканию». Квинт Цицерон называет стремление к повышению симпатий к кандидату одним из основных направлений избирательной кампании, работа в рамках которого требует «обращения по имени, лести, постоянного внимания, щедрости, распространения слухов, надежд на тебя, как государственного деятеля» [15. С. 32]. Ключевым способом завоевать доверие и поддержку избирателей является личный контакт с ними: обращение по имени, демонстрация удовольствия от общения (в контексте салютации) и оказание им услуг, в том числе самых незначительных [15. С. 26, 29, 30]. Примечательно, что, говоря о щедрости кандидата, Квинт Туллий Цицерон пишет о необходимости создать у избирателей представление об открытости кандидата к их обращениям.

Политтехнологи Евгений Малкин и Евгений Сучков пишут о встречах с избирателями, особенно импровизированных, как о наиболее эффективном способе агитации. Встречи позволяют превратить участвующих в них избирателей в агитаторов, которые будут делиться информацией о кандидате со знакомыми, сделать из них членов команды кандидата, получить от избирателей обратную связь для корректировки стратегии и планируемых акций кампании, использовать полученные по итогам встречи фото- и видеоматериалы для агитации и поднять уровень сплоченности команды кандидата [13. С. 283-288].

«Встреча с кандидатом – это своего рода событие для избирателя, впечатлением о котором он будет делиться с членами своей семьи, друзьями, коллегами по работе» [13. С. 284]. Справедливо считать, что в современном контексте то же, пускай и в меньшей степени, справедливо и для обратной связи, получаемой от кандидата в соцсетях.

Новым форматом «встреч с избирателями», в последнее время применяющемся все активнее, является общение с ними в комментариях в социальных сетях. Подобную практику уже давно используют коммерческие компании, отслеживающие упоминания кампании с помощью специального программного обеспечения.

В контексте данной статьи вслед за Гертом Ловинком следует обратить внимание на такие особенности комментариев в социальных сетях как их высокую распространенность (по сравнению с другими формами коммуникации), эгалитарный характер, контекстуальность; нацеленность прежде всего на получение внимания к автору комментария и его мнению, а не на конструктивный вклад в дискуссию и достижение консенсуса; и действующий в отношении них «эффект снежного кома» [12. С. 160, 162, 166, 168, 170]. Принципиальное значение имеет создание и поддержание негласных правил общения в рамках того или иного интернет-сообщества и модерация комментариев, создающие специфическую дискурсивную среду.

Одной из первых избирательных кампаний, на которой в качестве политической технологии применялась работа с обратной связью от избирателей в комментариях под публикациями на специально созданной странице будущего главы региона с помощью системы «Инцидент Менеджмент», была избирательная кампания врио губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова на выборах 2019 года. Система «Инцидент Менеджмент» представляет собой информационно-аналитическую систему, предназначенную для автоматического мониторинга социальных сетей на предмет наличия «инцидентов» (конструктивных комментариев на социально-бытовые темы), их классификации и направления ответственным исполнителями в региональных и муниципальных администрациях [11].

На эффективность технологии указывает то, что, несмотря на ряд скандальных эпизодов кампании, итоговый процент голосов, полученный врио губернатора Санкт-Петербурга Александром Бегловым, был достаточно высоким. Если в апреле 2019 года ВЦИОМ оценивал уровень электоральной поддержки врио в 43% голосов [8], то по итогам выборов он набрал более 64% голосов (1). Относительную «чистоту» выборов отмечал Сергей Шпилькин [14].

Гипотеза исследования заключается в том, что одной из ключевых причин уверенной победы Александра Беглова на выборах губернатора Санкт-Петербурга в 2019 году было использование собственной страницы во «ВКонтакте» в качестве площадки для постоянного проведения «встреч с избирателями» в электронном формате. Комментарии к публикациям на странице врио, фиксируемые с помощью системы «Инцидент Менеджмент», были источником информации о наиболее актуальных локальных проблемах города, решение которых врио активно позиционировалось в СМИ.

Для проверки выдвинутой гипотезы анализу были подвергнуты публикации в СМИ, сделанные в период с 11.03.2019 по 08.09.2019, со дня заведения Александром Бегловым официальной страницы в «ВКонтакте» до окончания единого дня голосования. Формирование списка публикаций осуществлялось с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия». В силу большого количества релевантных результатов учитывались только уникальные публикации, сделанные в электронных СМИ Санкт-Петербурга (но не Ленинградской области), в сюжете которых инкумбент играл главную роль, а его фамилия упоминалась в заголовке публикации.

Дополнительным фильтром была такая метрика «Медиалогии» как заметность публикаций: из публикаций в полученной выгрузке, относящихся к каждому месяцу рассматриваемого периода с марта по сентябрь включительно, были выбраны по 50 наиболее заметных публикаций. В случае с 42 днями рассматриваемого периода заметность публикаций, сделанных в эти дни, оказалась недостаточной для их включения в топ-50 публикаций

за месяц. В таком случае в выгрузку вручную добавлялась наиболее заметная из публикаций за этот день.

Таким образом, анализу были подвергнуты 392 публикации за 182 дня рассматриваемого периода, на каждый из которых приходилось от 1 (90 случаев) до 18 публикаций (08.09.2019). Ключевыми источниками информации были телеканал «Санкт-Петербург» (topspb.tv), электронная газета «Фонтанка.ру» (fontanka.ru) и телеканал «78» (78.ru), на которые приходилось 224, 84 и 54 публикации соответственно.

Тексты публикаций были подвергнуты контент-анализу, единицами которого были: указание на значимость работы с обратной связью от граждан или на работу с обратной связью в соцсетях (но не информация о традиционных, очных встречах с избирателями); упоминание страницы Александра Беглова в «ВКонтакте», отдельной публикации (поста) на странице или наличие скриншота страницы; упоминание системы «Инцидент Менеджмент» или описание механики ее работы в контексте страницы Александра Беглова без упоминания самого названия системы; тема публикации в тех случаях, когда она входит в число социально-бытовых тем, фиксируемых системой «Инцидент Менеджмент»; конкретная локальная проблема, которая могла содержаться в текстах «инцидентов», зафиксированных системой на странице Александра Беглова (такие как очередь в поликлинике, некачественное питание в детском саду или стихийная свалка на пустыре).

Для соотнесения конкретных локальных проблем, зафиксированных в публикациях, с проблемами, о которых говорится в «инцидентах» на странице Александра Беглова в ВКонтакте, с помощью программы-парсера на Python с помощью VK API эти «инциденты» были собраны в отдельную выгрузку. В силу отсутствия в публичном доступе четких критериев отличия «инцидентов» от обычных комментариев в качестве «инцидентов» рассматривались только те комментарии, на которые был дан ответ от одного из официальных аккаунтов.

Проведенный анализ показал, что тема работы с обратной связью была одним из лейтмотивов кампании. Необходимость общения с гражданами в соцсетях была отражена в предвыборной программе Александра Беглова [16], озвучивалась на ее фактическом представлении в Законодательном собрании и отмечалась членами Общественной палаты в качестве насущной проблемы, к решению которой уже приступил врио, во время их обращения к Александру Беглову с просьбой принять участие в выборах [17].

О знакомстве с проблемой на основе обращений граждан или возможности ее решить, опираясь на их мнение, говорилось в связи с Муринским парком, парком Авиаторов, сквером на пересечении 8-й Советской и Мытинской улиц, проблемами Кронштадта, Музеем обороны и блокады Ленинграда, проектами развития районов Санкт-Петербурга до 2024 года и другими объектами, и проектами. По словам врио губернатора, адресная програм-

ма ремонта дорог города была пересмотрена таким образом, что половину из адресов ремонта составили адреса, озвученные петербуржцами [4].

Помимо работы с комментариями пользователей, страница Александра Беглова в «ВКонтакте», создание которой само по себе стало инфоповодом, использовалась для публикации еженедельных отчетов перед гражданами о проделанной и планирующейся работе (каждый из таких отчетов освещался в СМИ), демонстрации близости к лидерам общественного мнения (одними из первых «друзей», которых добавил в «ВКонтакте» врио губернатора, были член Совета старшеклассников города, руководитель благотворительного фонда «Ночлежка» и футболист Вячеслав Малафеев [5]) и прямой агитации через личные сообщения [1]. В этом отношении Александр Беглов выглядел особенно выигрышно на фоне своего предшественника Георгия Полтавченко.

Двумя особенно удачными инфоповодами, связанными с соцсетями, было «спасение» Бегловым пирожковой на Московском проспекте (сбор подписей под обращением к губернатору с призывом не допустить закрытия пирожковой был начат именно в соцсетях) [7], а также срочный ремонт затопленной квартиры блокадницы Татьяны Исаковой, о проблеме которой команда Беглова также узнала из соцсетей [9].

Косвенным развитием образа кандидата как человека, понимающего ценность современных технологий, было упоминание им высокотехнологичных производств в качестве предпосылки к увеличению доходов бюджета города до 1 трлн. рублей [2]; тезис о необходимости цифровизации 70% госуслуг к 2025 году [3], создание официального Telegram-канала администрации города и сам формат презентации предвыборной программы врио губернатора [10].

Вместе с тем количество публикаций, содержащих единицы проведенного контент-анализа, существенно снижалось на протяжении всей кампании. Если в марте в СМИ было сделано 17, 11 и 8 публикаций с первыми, вторыми и третьими единицами контент-анализа соответственно, то в сентябре количество публикаций снизилось до 1, 4 и 0 соответственно. Система «Инцидент Менеджмент» упоминалась лишь 8 раз в марте и 1 раз в апреле. Вероятно, после ознакомления избирателей с новым форматом работы с обратной связью и его технической основой технологи кампании стали работать с избирателями, активно пользующимися социальными сетями, и другими избирателями по отдельности. В пользу этого говорят публикации о том, что в кампании принимало участие сразу несколько команд политтехнологов, отвечавших за разные направления работы.

Из 392 рассмотренных публикаций 188 не имели темы, относящейся к проблематике, фиксируемой системой «Инцидент Менеджмент», а 61 публикация затрагивала сразу несколько тем. Из 159 публикаций с возможной информацией о локальных социально-бытовых проблемах в 58 публикаци-

ях упоминались крупные инфраструктурные проекты, вероятность начала/актуализации которых в качестве реакции сообщения от граждан минимальна (Фрунзенско-Приморская линия метро, ЗСД, Цимбалинский путепровод; трамвай «Чижик», арт-парк на проспекте Добролюбова, музей обороны и блокады Ленинграда, полигон «Красный Бор» и единая карта петербуржца). В случае с 85 публикациями однозначно говорить о том, что в них содержатся локальные проблемы, которые встречались в тексте комментариев на странице Александра Беглова, не представляется возможным.

Вследствие этого соотношение текстов комментариев на странице Александра Беглова с текстами публикаций в СМИ было целесообразным лишь в случае с 16 публикациями, которые были посвящены визитам врио губернатора в тот или иной район и обсуждению проблем района. Из 72 локальных проблем, о которых говорится в тексте публикаций, в текстах «инцидентов» встречаются лишь 26. Обнаруженная проблема со включением фактуры «инцидентов» в повестку кандидата заключается в том, что многие «инциденты» написаны недостаточно конкретно, без четкого адреса проблемы и ее описания. Часть «инцидентов» в принципе не может быть включена в повестку кандидата, поскольку в них говорится о застарелых, капиталоемких проблемах.

Таким образом, в современной России презентация кандидата в качестве современного, понимающего ценность цифровых технологий человека, и работа кандидата с обратной связью от пользователей в соцсетях действительно может иметь заметный электоральный эффект. Однако это требует четкого сегментирования аудитории, последовательного согласования повестки в социальных сетях кандидата и в текстах посвященных ему публикаций в СМИ и тщательной, последовательной работы с фиксируемыми комментариями, далеко не все из которых можно использовать в интересах кандидата. Открытыми остаются принципиальные вопросы о техническом совершенстве системы «Инцидент Менеджмент» и аналогичных систем, а также о возможном использовании конкурентами кандидата ботов для искажения данных системы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Разумеется, разница между этими показателями не может быть объяснена только активной работой с обратной связью в соцсетях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Александр Беглов через личные сообщения в «ВКонтакте» рассказал петербуржцам, что сохранит незаконную дорогу в «Новом Мурино» // *Фонтанка.ру* // <https://www.fontanka.ru/2019/03/29/112/>.

2. Александр Беглов: «Уверен – Петербург станет столицей инновационной экономики России» // *Петербургский дневник* // <https://spbnevnik.ru>.

ru/news/2019-03-26/aleksandr-beglov-uveren-peterburg-stanet-stolitsey-novoy-innovatsionnoy-ekonomiki-rossii.

3. Александр Беглов: 70 процентов госуслуг должны стать электронными к 2025 году // Телеканал Санкт-Петербург // <https://topspb.tv/news/2019/05/27/aleksandr-beglov-70-procentov-gosuslug-dolzheny-stat-elektronnymi-k-2025-godu/>.

4. Александр Беглов: Состояние почти 40 процентов дорог Петербурга далеко от нормативов // Телеканал Санкт-Петербург // <https://topspb.tv/news/2019/06/3/aleksandr-beglov-sostoyanie-pochti-40-procentov-dorog-peterburga-daleko-ot-normativov/>.

5. Беглов онлайн: добавил Малафеева в друзья и заставил чиновников отвечать на жалобы // 78.ru // https://78.ru/articles/2019-03-18/beglov_onlain_dobavil_malafeeva_v_druzya_i_zastavil_chinovnikov_otvechat_na_zhalobi.

6. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства: перевод с французского языка. Москва: Издательство Алетейя, 2007.

7. Видео: Александр Беглов пообещал – старейшую пирожковую Петербурга не закроют // Пятый канал // <https://www.5-tv.ru/news/245154/aleksandr-beglov-poobesal-starejsuu-pirozkovuu-peterburga-nezakrouit/>.

8. За полгода до региональных выборов: стартовые позиции ведущих кандидатов // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-polgododa-do-regionalnykh-vyborov-startovye-poziczii-vedushhikh-kandidatov->.

9. Затопленную квартиру блокадницы на Васильевском отремонтировали по поручению Беглова // 78.ru // https://78.ru/news/2019-08-02/zatoplennuyu_kvartiru_blokadnici_na_vasilevskom_otremontirovali_po_porucheniyu_beglova.

10. К умному Петербургу, голосованию и медным пятам. Беглов впервые отчитался перед депутатами // Фонтанка.ру // <https://www.fontanka.ru/2019/05/15/067/>.

11. Как Кремль будет реагировать на жалобы в соцсетях // РБК // <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2018/5b50d1579a7947c62c195e8b>.

12. *Ловинк Г.* Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.

13. *Малкин Е., Сучков Е.* Политические технологии. М.: «Русская панорама», 2006.

14. Математик Шпилькин: выборы 8 сентября не обошлись без фальсификаций // Радио Свобода // <https://www.svoboda.org/a/30157425.html>.

15. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. М.-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1949.

16. Что кандидаты в губернаторы Петербурга обещают в случае своей победы. Пересказ предвыборных программ Беглова, Бортко, Тихоновой и Амосова // Бумага // <https://paperpaper.ru/photos/chto-kandidaty-v-gubernatory-peterbur/>.

17. Эксперт: Александр Беглов умеет решать амбициозные задачи в кратчайшие сроки // Телеканал Санкт-Петербург // <https://topspb.tv/news/2019/05/22/ekspert-aleksandr-beglov-umeet-reshat-ambicioznye-zadachi-v-kratchajshie-sroki/>.

G.F. BELOUSOV

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

USING THE “INCIDENT MANAGEMENT” SYSTEM IN THE ELECTORAL PROCESS (ON THE EXAMPLE OF THE ELECTION CAMPAIGN OF ALEXANDER BEGLOV)

The article examines the practice of using the “Incident Management” system in the election campaign of Alexander Beglov in 2019. The empirical base of the study is 392 publications in city media and comments on Alexander Beglov’s official page on VKontakte. The analysis shows that in modern Russia the work of a candidate with feedback from users in social networks can have a noticeable electoral effect.

Key words: *information technology, electoral process, political technologies, social media, content analysis, incident management.*

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА КЛАССИФИКАЦИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Предметом исследования в представленной статье выступают методологические основания для проведения типологизации региональных конфликтов и выделения среди них критериев, позволяющих выявить особенности этнополитических конфликтов. Цель заключается в установлении ключевых классификаций, влияющих на научную оценку современных региональных конфликтов. Для достижения данной цели автор задействовал исторический метод (развитие различных региональных конфликтов), институциональный подход (выявление тенденций, свойственных различным конфликтам) и компаративистский (сравнение региональных конфликтов в разных частях света). По итогам в статье сделан вывод, что во многом классификация региональных конфликтов строится на выделении определенных факторов, которые способствуют их развитию применительно к отдельному взятому кейсу. Влияние институциональных и неинституциональных факторов на развитие конфликтов демонстрирует тенденцию, когда часто меняющиеся правила их разрешения подстраиваются под определенные интересы и тем самым ущемляют интересы других участников противостояния.

Ключевые слова: региональный конфликт, этнический конфликт, этнополитический конфликт, политический конфликт, конфликтология, политическая конфликтология, гражданский конфликт, разрешение конфликтов.

Несмотря на разнообразие теоретических подходов, трактующих политические конфликты, понятие регионального конфликта в современной науке по-прежнему неоднозначно. Во многом это связано с размытостью критериев, позволяющих квалифицировать определенное противостояние в качестве того или иного типа конфликтов на фоне вплетения в них различных характеристик (этнических, религиозных, гражданских и др.). Не случайно в политических науках сложились целые направления, построенные на идее уникальности каждого территориального конфликта [6. С. 104-113].

При этом не меньшее число авторов полагают, что разделение понятия «региональный конфликт» на общее и специальное нецелесообразно, поскольку каждый конфликт может быть типизирован под более детализированные признаки [1. С. 32-38]. Отсюда выделяются локальные, приграничные, межгосударственные и межрегиональные конфликты.

Традиционной типологизацией региональных конфликтов выступает их разграничение на внутренние и международные в зависимости от того, какие международно-правовые принципы должны действовать при их возникновении и обострении [24. Р. 84; 7. Р. 371]. Так, применительно к международным конфликтам ключевым требованием является запрет на применение силы, что позволяет жертве агрессии обратиться за военной и иной помощью к международному сообществу. Напротив, для внутренних конфликтов действует принцип невмешательства в дела государства.

Следует оговориться, что грань между возможностью иностранного вмешательства во внутрисостоятельные конфликты с течением времени претерпела значительные изменения. Примеры региональных конфликтов в северо-западной Африке XXI в. показывают активное участие ведущих стран мира в поддержке противостоящих сторон, в том числе в военной помощи.

Не менее примечательным остается неоднозначность вмешательства международного сообщества в подобные конфликты. В одних случаях крупнейшие международные организации допускают участие интернациональных вооруженных сил в подавлении или минимизации конфликтов [12. Р. 341], в других же занимают выжидательную позицию, не реагируя напрямую на проявления агрессии между конфликтующими сторонами [14. Р. 1-20].

Формально-логический подход, задействованный в международно-правовой классификации региональных конфликтов, выступает доминирующим, но не единственным типологическим критерием. В частности, отдельные исследователи отмечают, что значение имеет как территориальный масштаб конфликта, так и его этнизация [2. С. 75-78]. Последняя позволяет выделить [4. С. 82]: региональные конфликты на базе культурных стандартов, провокационные региональные конфликты и региональные конфликты-отголоски.

Невзирая на их привязку к конфликтам, протекающим на территории постсоветского пространства, ученые полагают, что подобные типы прослеживаются практически во всех региональных конфликтах современности [5. С. 48]. Примечательно, что за основу представленной градации взяты мотивационные аспекты.

Например, в конфликтах, базирующихся на расхождении культурных стандартов, прослеживается ярко выраженный миграционный контекст, когда титульное население противостоит новым жителям региона, оказавшимся на определенной территории в силу различных причин. Внутри данного типа нередко выделяются криминальные конфликты, конфликты

поколений, конфликты распределения ресурсов, бытовые конфликты, детерминирующие развитие более крупного противостояния между разными этническими группами.

Катализирующее влияние неформальных националистических организаций предопределяет выделение такого типа, как конфликты-провокации. Они построены на акционизме, являющимся формой выражения агрессии и распространения насильственной идеологии по отношению к представителям определенного этноса или социальной группы. При негласной поддержке территориальной власти подобных действий неизбежно развитие регионального этнополитического конфликта.

Целый ряд территориальных споров, провоцирующих возникновение региональных конфликтов, связан с распадом более крупных государств и государственных образований, при которых, в свою очередь, данные разногласия искусственно сдерживались политическими и экономическими инструментами.

Ученые подчеркивают, что этнический и этнополитический конфликты не являются равнозначными понятиями [10. Р. 161-192; 11. Р. 41-44]. Вследствие этого в литературе отмечается, что под этническим конфликтом необходимо трактовать противостояние двух и более этнических групп, включая субэтнические элементы, на основе взаимных или односторонних притязаний [9. Р. 276]. В свою очередь, этнополитический конфликт представляет собой тип этнического конфликта, в котором происходит политизация этнической группы, т.е. спорные притязания транслированы на политическую власть, через которую планируется реализация интересов представителей того или иного этноса.

По справедливому замечанию М.Х. Фарукшина, в содержательном отношении квалифицировать конфликты, связанные с этническим компонентом, в качестве исключительно этнических конфликтов некорректно [3. С. 288]. Следует различать этническую мотивацию (чаще всего, в бытовых конфликтах), этнизацию конфликта и этнический конфликт. При этом критериями такого разграничения служат не только причины конфронтации, но и массовость сторон, их обобщение этническими признаками, территория распространения конфликта, политические или иные притязания.

В частности, по ценностному аспекту региональные конфликты типологизируются на этнические, религиозные, этнополитические [16. Р. 257]. По территориальному признаку традиционно выделяют континентальные, коалиционные, межгосударственные, внутригосударственные, периферийные, локальные конфликты [17. Р. 1006-1025].

Вместе с тем качественных отличий между указанными видами не сложилось, что позволяет говорить об условности типологических характеристик. Проявлением этого служит тот факт, что у разных исследователей один и тот же региональный конфликт может быть определен и как коа-

лиционный [18. Р. 231], и как межгосударственный [21. Р. 79]. Более того, многие религиозные региональные конфликты приобретают черты этнополитических конфликтов [13. Р. 335-342].

Во многом классификация региональных конфликтов строится на выделении определенных факторов, которые способствуют их развитию применительно к отдельному взятому кейсу. Так, ставшее классическим разграничение конфликтов по политическим, экономическим, социальным, духовно-идеологическим сферам, в которых они проявляются, вызвано соответствующими группами причин [20. Р. 31]. В том или ином соотношении они могут сводиться либо к институциональным, либо к неинституциональным факторам, что нередко подчеркивается в публикациях зарубежных исследователей [25. Р. 128].

К категории институциональных факторов обычно относятся внутригосударственные проблемы, напрямую сопряженные с эффективностью деятельности гражданского общества [22. Р. 1275-1300]. В частности, при неразвитости государственных институтов, призванных стабилизировать конфликтные ситуации, прогнозируется усиление различных противостояний, в том числе на политическом уровне.

Наиболее наглядным примером этому служит нестабильная обстановка в Республике Нигер, вызванная слабостью государственной власти в подавлении вооруженных мятежей, отсутствием адекватного механизма разрешения споров между разными общественными группами, в том числе экономическими, невыработанным алгоритмом принятия коллективных решений. Результатом такой институциональной отсталости стала частая смена политических режимов, вооруженные восстания и бунты.

Другие исследователи полагают, что под институциональными факторами необходимо понимать часто меняющиеся правила разрешения конфликтов, которые подстраиваются под определенные интересы и тем самым ущемляют интересы других участников противостояния [19. Р. 214]. Институты, как формы повторяющегося поведения, являются центральным термином в неинституциональном подходе, сторонники которого по-разному оценивают соответствующие условия развития конфликтов [15. Р. 5-34; 23. Р. 486; 8. Р. 568]. В таком ракурсе наличие легитимных средств их разрешения вовсе не гарантирует стабильность самих отношений, осложненных разрастающимися конфликтными ситуациями.

Авторы, акцентирующие внимание на неинституциональную природу конфликта, отмечают значение социально-психологических причин, определяющих не только зарождение, но и активное развитие конфронтации между большими группами людей.

Таким образом, в рамках исследования теорий региональных конфликтов и тенденций, наблюдаемых в современном мире, можно констатировать ряд принципиальных положений. Региональные конфликты приобре-

тают гибридный характер посредством саморегуляции и самоорганизации противостоящих сторон, что сказывается на смешанном использовании методов конфронтации и тактических приемов в достижении намеченных целей. Значительная часть гражданских конфликтов, развивающихся в государственных границах, переходят в категорию международных конфликтов, что объективно увеличивает количество акторов противостояния. Вместе с тем привлечение таких участников, обладающих военно-политическим преимуществом, катализирует гибридный и асимметричный характер развития региональных конфликтов. Так, наиболее активными действующими объединениями становятся не официальные силовые структуры, а повстанческие формирования, нередко применяющие террористические методы ведения войны. В результате подобная асимметрия конфликтов провоцирует рост их жертв как среди непосредственных участников противостояния, так и среди гражданского населения. При этом такая тенденция, как атомизация конфликта, демонстрирует стремление лидеров различных объединений, включая этнополитических, способствовать разрастанию военных действий в тех регионах, которые исторически признаны т.н. «очагами нестабильности».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Доленко Д.В.* Современные региональные конфликты: политико-правовой аспект // Вестник Мордовского университета. 2010. № 3.
2. *Зарипова А.Р., Закиров А.Р.* Этнизация региональных сепаратистских конфликтов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 3.
3. *Фарушкин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013.
4. *Хазанов Н.А.* Типология этнических конфликтов в контексте региональной дестабилизации // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2015. № 1 (46).
5. *Хофбауэр Х.* «Этнизация» социальных конфликтов в Европе: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2014. № 2 (2).
6. *Юрченко И.В., Готин М.Б.* Дихотомия «конфликт-интеграция» в региональном политическом процессе // PolitBook. 2020. № 2.
7. *Abbott K.W.* International relations theory, international law, and the regime governing atrocities in internal conflicts // American Journal of International Law. 1999. Vol. 93. № 2.
8. *Bar-Tal D.* Intractable conflicts: Socio-psychological foundations and dynamics. Cambridge University Press, 2013.
9. *Brown M.E. (ed.).* Ethnic conflict and international security. Princeton University Press, 1993.

10. *Caselli F., Coleman W.J.* On the theory of ethnic conflict // Journal of the European Economic Association. 2013. Vol. 11. № suppl_1.
11. *Esmen M.J.* An introduction to ethnic conflict. Cambridge: Polity, 2004.
12. *Forte M.C.* Slouching Towards Sirte: NATO's War on Libya and Africa. Montreal: Baraka books, 2012.
13. *Ganguly S.* The Indo-Pakistani conflict // Routledge Handbook of Indian Politics. Routledge, 2013.
14. *Guliyev F., Gawrich A.* OSCE mediation strategies in Eastern Ukraine and Nagorno-Karabakh: a comparative analysis // European Security. 2021.
15. *Immergut E.M.* The theoretical core of the new institutionalism // Politics & society. 1998. Vol. 26. № 1.
16. *Kanet R.E. (ed.)*. Resolving regional conflicts. University of Illinois Press, 1998.
17. *Luard E.* Superpowers and Regional Conflicts // Foreign Affairs. 1986. Vol. 64. № 5.
18. *Lee M.* The EU, Regional Cooperation and Regional Conflicts: The Case of the North Korean Nuclear Crisis // The EU, Promoting Regional Integration, and Conflict Resolution. Palgrave Macmillan, Cham, 2017.
19. *Lecours A. (ed.)*. New institutionalism: Theory and analysis. University of Toronto Press, 2005. Т. 23.
20. *Mengistu M.M.* The root causes of conflicts in the Horn of Africa // American Journal of Applied Psychology. 2015. Vol. 4. № 2.
21. *Nuri N.Z.* Conceptual Bases of the Impact of Ethnic Conflicts on Regional and International Security // Polit Journal: Scientific Journal of Politics. 2021. Vol. 1. № 2.
22. *Peters B.G., Pierre J., King D.S.* The politics of path dependency: Political conflict in historical institutionalism // The journal of politics. 2005. Vol. 67. № 4.
23. *Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.)*. The new institutionalism in organizational analysis. University of Chicago press, 2012.
24. *Snow D.M.* Uncivil wars: International security and the new internal conflicts. Lynne Rienner Publishers, 1996.
25. *Stavenhagen R.* Ethnic conflicts and the nation-state. Springer, 2016.

Благодарности:

Автор выражает благодарность и глубокую признательность Сергееву Сергею Алексеевичу за научные рекомендации и академическую поддержку при работе над данной статьей.

LAREDJ ILYAS

*Postgraduate student of the Department of Political Science
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia*

INFLUENCE OF INSTITUTIONAL FACTORS ON THE CLASSIFICATION OF REGIONAL CONFLICTS

This article analyzes the methodological foundations of the typologization of regional conflicts. The author singled out the main criteria for identifying the features of ethno political conflicts. The purpose of the study is to establish key classifications that affect the scientific assessment of contemporary regional conflicts. For this, the author used the historical method (the development of regional conflicts), the institutional approach (identifying trends inherent in various conflicts) and the comparative method (comparing regional conflicts in different parts of the world). The author came to the conclusion that the classification of regional conflicts is based on the allocation of certain factors that contribute to their development in a particular case. The influence of institutional and non-institutional factors on the development of conflicts shows a tendency when frequently changing rules for their resolution are adjusted to specific interests.

Key words: *regional conflict, ethnic conflict, ethno political conflict, political conflict, conflict ology, political conflict ology, civil conflict, conflict resolution.*

РОССИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ К САМООБНОВЛЕНИЮ

Россия столкнулась с непростой ситуацией, вызванной пандемией COVID-19. Существует тенденция роста централизации власти и сокращения суверенитета региональных субъектов. Лоббирование федеральным центром своих кандидатур на посты в государственные органы региональной власти создают блок для самообновления политических элит, превращая федерацию в автократию. Происходит проекция советской номенклатуры на политический каркас внутренней политики России. Это, по мнению автора, вызывает рост протестной активности и потребность населения регионов России к увеличению суверенитета. В статье уделяется особое внимание информационной политике и недопустимости применения, так называемого, «насильственного патриотизма». Современное российское общество пережило советские ценности и требует иные подходы к формированию единой межрегиональной российской пассионарности. Несмотря на это, автор считает, что курс нынешнего президента России позволит демократизировать нынешнюю внутреннюю политику страны и мобилизовать региональный социум к самоопределению политической конъюнктуры.

Ключевые слова: политическая элита, региональная политика, федеральный центр, централизация власти, губернаторы.

Сложившаяся в России политическая система постоянно стремится к повышению иерархической дисциплины, но не может нивелировать внутриэлитные конфликты в регионах.

Курс на выстраивание автократий в субъектах федерации в перспективе должен привести к тому, что каждый губернатор, по выражению главы Коми В. Уйбы, становится для жителей региона местным «Путинным» [1].

Это высказывание и отсутствие жесткой реакции на него, помимо всего прочего, косвенно демонстрирует добро, сложившейся государственной Системы на безграничное расширение власти губернаторов на подведомственных им территориях.

Здесь уместно обратиться к рейтингу 100 влиятельных политика России за сентябрь 2021 года, подготовленный Агентством политических и экономических коммуникаций [7], который проведен методом закрытого анкетирования. Рейтинг представляет собой консолидированную оценку влияния 100 российских политиков лидерами российского экспертного сообщества.

Также обратимся к рейтингу влиятельных глав субъектов России за сентябрь 2021 года, подготовленный тем же Агентством политических и экономических коммуникаций [8].

Несмотря на зависимое от федерального центра положение губернаторов, которые имеют вышестоящих руководителей (администрация президента, правительство, полпреды, силовики), Система стремится к тому, чтобы региональные руководители публично принимали на себя ответственность за многочисленные социально-экономические проблемы на местах.

Политик	Место в рейтинге
Очень сильное влияние	
Путин Владимир Владимирович	1
Мишустин Михаил Владимирович	2
Вайно Антон Эдуардович	3
Шойгу Сергей Кужугетович	4
Медведев Дмитрий Анатольевич	5
Кириенко Сергей Владиленович	6
Собянин Сергей Семенович	7
Миллер Алексей Борисович	8
Сечин Игорь Иванович	9
Набиуллина Эльвира Сахипзадовна	10
Лавров Сергей Викторович	11
Громов Алексей Алексеевич	12
Патрушев Николай Платонович	13
Володин Вячеслав Викторович	14
Бастрыкин Александр Иванович	15
Бортников Александр Васильевич	16
Силуанов Антон Германович	17
Белусов Андрей Рэмович	18
Песков Дмитрий Сергеевич	19
Греф Герман Оскарович	20

Глава субъекта Российской Федерации			Место в рейтинге
ФИО	Должность	Регион	
Собянин Сергей Семенович	Мэр	Москва	1
Кадыров Рамзан Ахматович	Глава	Чеченская Республика	2
Минниханов Рустам Нургалиевич	Президент	Республика Татарстан	3
Воробьев Андрей Юрьевич	Губернатор	Московская область	4
Беглов Александр Дмитриевич	Губернатор	Санкт-Петербург	5
Моор Александр Викторович	Губернатор	Тюменская область	6
Азаров Дмитрий Игоревич	Губернатор	Самарская область	7
Никитин Глеб Сергеевич	Губернатор	Нижегородская область	8
Дюмин Алексей Геннадьевич	Губернатор	Тульская область	9
Артюхов Дмитрий Андреевич	Губернатор	Ямало-Ненецкая АО	10
Алиханов Антон Андреевич	Губернатор	Калининградская область	11
Никитин Андрей Сергеевич	Губернатор	Новгородская область	12
Кожемяко Олег Николаевич	Губернатор	Приморский край	13
Дрозденко Александр Юрьевич	Губернатор	Ленинградская область	14
Усс Александр Викторович	Губернатор	Красноярский край	15
Текслер Алексей Леонидович	Губернатор	Челябинская область	16
Куйвашев Евгений Владимирович	Губернатор	Свердловская область	17
Хабиров Радий Фаритович	Глава	Республика Башкортостан	18
Кондратьев Вениамин Иванович	Глава администрации (губернатор)	Краснодарский край	19
Развожаев Михаил Владимирович	Губернатор города	Севастополь	20

Сверхцентрализация, подчинение муниципалитетов региональной власти, назначение глав субъектов, – усиливает возможности для губернаторских автократий, определяемых федеральным центром.

В данном случае наблюдается стратегия нейтрализации контрэлит в регионах. Система планомерно централизует все ресурсы и управление ими не только на уровне государства и госкорпораций, но и на уровне предпринимательства.

Экономический базис и, соответственно, возможности региональной элиты сокращаются, но, одновременно с этим растет общественно-политический потенциал федерализации и укрепляется аппарат контроля за всеми жизненно важными процессами в регионах, жители которых не поддерживают централизацию и негативно реагируют на экспорт московских назначенцев в систему региональной власти.

Этой энергией недовольства активно подпитываются региональные контрэлиты, особенно в национальных республиках, которые потеряли свою

субъектность, и по сути перестали иметь какой-либо политический вес. По сути, данный фактор является источником новых конфликтов на уровне «центр-регионы». Следствием которого, может стать фактическое наделение особыми полномочиями Татарстана и появления среди регионов новых фронтиров-вольностей типа Хабаровского края, в которых федеральный центр, не решаясь жестко устанавливать вертикальное управление. Однако, так называемая «репрессия» губернатора Фургала продемонстрировала кальку политической стратегии Системы, направленную на полную афтократизацию страны с нейтрализацией всех несогласных.

С одной стороны, Россия обречена на федерализм, в силу пространственных характеристик, а с другой стороны для федерализма не совсем подходит политический курс и «всеядность» номенклатуры.

В плане политического уклада только Татарстан, по сути, нашел компромисс о балансе с федеральным центром. Остальные регионы Система контролирует и обеспечивает руководящими кадрами самостоятельно (Башкортостан, Сахалин, Оренбург, Омская область, нефтяной север и т.д.). Номенклатуре политическая структура федерализма не нужна. Ей нужна унификация и концентрация ресурсов в федеральном центре. Часть ресурсов они перераспределяют в сторону дотационных регионов, а часть – концентрируют. Поэтому аннексия Крыма и поддержание стабильности в Чечне обходятся регионам достаточно дорого.

У России нет ресурсов для построения сверхцентрализованного и регулируемого государства. Это не Китай. Усиление централизации ведет к усилению миграции и оттоку капиталов из регионов. Окраина просто вымирает. В итоге – это не сверхцентрализация, а сверхконцентрация и оголение периферии. По сути, действует логика саморазрушения пост-империи.

Сверхконцентрация означает, что система государственного управления сокращается и возникает «кротовая нора» между Центром и регионом (Тыва, Северный Кавказ, Дальний Восток). Однако все это может привести к социальному взрыву и образованию конфедерации по феодальному образцу, следствием которой будет усиление региональной контрэлиты, и потеря управляемости со стороны центра (как это было в первые годы президентства Муртазы Рахимова в Башкирии) с последующей опричниной.

Уже сейчас главы нацреспублик очень много ресурсов тратят на то, чтобы формировать оптику взгляда у Системы. Расчет на то, что федеральный центр начнет выдавать ярлыки на правления в духе «берите суверенитета столько, сколько хотите». В долгосрочной перспективе это неминуемо.

Внутренняя нестабильность будет сохраняться, поскольку недовольство населения и социально-экономический кризис продолжает расти, особенно когда регион борется с экономическими последствиями пандемии COVID-19, а его лидеры изо всех сил пытаются оправдать ожидания общестественности в отношении политических и экономических реформ.

Ни один губернатор не может заявить об успешной организации ковид-вакцинирования. Претензии у Системы есть ко всем, но в наибольшей степени негатив получают те, кто ранее обширно и опрометчиво пиарился на своих успехах прививочной кампании. В значительной степени это относится к мэру Москвы С. Собянину.

В сложившихся условиях отсутствия тенденции к самообновлению региональных элит угрозу национальной безопасности России представляет интенсифицирующийся импорт нестабильности, запрашиваемый самим российским обществом извне, а слабое реагирование власти на эти актуальные запросы социума свидетельствует о сильной инерции, которую система не способна преодолеть.

История показывает, что наибольший и искренний патриотизм проявляет, как правило, средний класс (так называемые, мелкие собственники), которому есть, что терять и который без всякой пропаганды и зомбирования заинтересован в сильном государстве и эффективной экономике. В ограниченных условиях для модернизации государственный аппарат утрачивает способность лоялизировать этот опорный сегмент общества.

Система использует экономическую стимуляцию для бедных слоев общества, однако их уровень патриотизма становится прямо зависим от масштабов экономической помощи государства. Это ненадежный способ укрепления патриотических настроений.

Поэтому заметно существенное искажение вектора государственной политики на местах. Получается, что федеральный центр ставит задачи по совершенствованию отечественных отраслей и модернизации системы управления, а непосредственные исполнители на периферии ввиду своей профессиональной деформации вместо прямого исполнения поручений навязывают социуму «безальтернативный патриотизм» по принципу стихов Маяковского – «И тот, кто сегодня поет не с нами, – тот против нас!») и требуют безусловной лояльности государству (прежде всего, среди подрастающего поколения).

Такое производство патриотизма на уровне муштры и индоктринации сознания лишено экономической стимуляции и означает безальтернативность подчинения, но такая конструкция не может быть устойчивой.

В этой связи уместно на законодательном уровне пересмотреть недавние нововведения, предусматривающие уголовную ответственность за попытки «фальсификации или искажения истории», а также за «проявление неуважения к органам власти». Подобная государственная инициатива воспринимается российским обществом в регионах в качестве возрождения знаменитой 58-ой статьи УК СССР и подрывает авторитет (сомнения в объективности подачи информации) отечественной прессы, вынуждая российский социум обращать все большее внимание на зарубежные источники средств массовой информации, что генерирует на этом фоне рост протестной активности.

Помимо этого, стремление государства деполитизировать соцсети – это еще один ограничительный тренд, направленный на превращение граждан в обывателей, что также воспринимается российским социумом в качестве посягательства на свободу информации, что провоцирует общество к потребности укрепления регионального суверенитета на национальной почве.

Исторический аналог соцсетей – это Форум, центральная площадь, место встречи граждан. Этот феномен европейской культуры оформился в Древней Греции как место диалога граждан, которые решали не только хозяйственные, но и политические вопросы. Тут уместно напомнить, что в Древней Греции человек, не занимающийся политикой назывался – «Идиотом». Позднее, это стало символом не сведущего человека вообще [3. С. 38-73].

Средневековые автократы попытались превратить центральные площади в пространство не обсуждения, а пассивного восприятия решения Сеньоров, которые озвучивались глашатаями. Однако формирующийся дух бюргерства противился этому и сформировал многовековое противостояние феодалов и горожан.

В советское время тоталитарные режимы попытались воссоздать режим объектного отношения к человеческим массам с помощью радио и телевидения, а пропаганда стала основной формой коммуникации власти и общества.

В современных российских регионах деполитизация граждан происходит за счет формирования мнения о том, что политика – опасное дело и простым людям не нужно этим заниматься, так как неправильно истолкованная фраза вполне может попасть под статью уголовного законодательства (например, фальсификация истории или неуважение к власти и т.д.). Однако уровень общественных противоречий нарастает и этой «морально-нравственной» сдержки недостаточно. Поэтому систему усиливает стремление наложить ограничения на политическую дискуссию [9. Р. 1669].

Поэтому, преодоление пандемии COVID-19 требует координации усилий всего человечества, а усиление «государства-Левиафана» делу не поможет, оно может создать лишь временный эффект, который в конечном итоге разорвет «социальный договор» и приведет к плачевным для государственного устройства последствиям.

В настоящее время, как никогда востребовано согласованное межрегиональное взаимодействие всех субъектов страны в области пресечения экстремизма и распространения террористической идеологии.

Стоит упомянуть и о том, что летом 2017 года в столице Татарстана прошел ряд митингов, организатором которых выступила организация татарской молодежи «Азатлык», которая ставит целью выход Татарстана из состава Российской Федерации, а в 2020 году в Башкортостане радикалы призывают «сносить все кресты на Урале» [2].

В связи с пандемией COVID-19 на фоне введения большинства регионами режима ограничений и сокращений социальной активности, деятель-

ность международных террористических организаций в соцсетях и интернете стала еще более опасной и соответственно требует к себе конкретных и продуманных предупредительных мер министерств и ведомств.

По сути, отставание России на информационном поприще происходит по причине устаревших приоритетов в информационных технологиях, которые не менялись еще с периода Советского Союза. С распадом СССР и становления современной России конкуренция между капиталистическим и социалистическим блоком на идеологическом уровне прекратилась, а постсоветское общество, как и Мир-Система в целом трансформировалось. Такой, казалось бы, очевидной для советского социума ценностью как совместная победы в Великой отечественной войне невозможно интегрировать региональную молодежь в единую российскую пассионарность. Здесь требуется диалог на уровне совершенно иной интенции.

На данный момент выросло целое поколение, воспитанное на новых ценностных ориентирах. Как следствие, информационные нарративы, применяемые в период Советского Союза не только не достигают должного результата, но вызывают обратный эффект, негативно влияя на ее источник.

Сокращение возможностей активного реагирования на неблагоприятные факторы ведет к росту социальной тревоги и создает благоприятную почву для манипулирования этими страхами. Говоря простыми словами – людям де-факто живется хорошо, никто их не притесняет, однако существует исторический ореол советской диктатуры, который призывает социум к действиям по принципу – «это вам за советское прошлое».

Неслучайно 90% выходящих на несанкционированные митинги в пользу А. Навального имеют высшее образование, а 20% из них ученую степень [5. С. 22-27].

Таким образом можно сделать вывод, что на данный момент российское общество еще не пережило губительное советское сознание, которое подавляло развитие личности, возвышая общество над человеком. Текущие общественные настроения в регионах России не позволяют мобилизовывать общество на образ «внешнего врага» в лице США, и отказаться от стремления к западным ценностям [6. С. 51-54]. Это заставляет государственную информационную систему действовать осторожнее, но не менять привычных алгоритмов. Интенсификация антизападной риторики не воодушевит глубинный народ, но и напротив он открыто возражать не станет. Так как общество российских регионов бессубъектно, а общественное мнение подменяется симулякрами и пропагандистским нарративом федерального центра. Таким образом, общественные настроения учитываются по остаточному принципу. В этом и есть мина замедленного действия для России и ее стремления к централизации власти.

Федеральному центру необходимо выстроить долгосрочный политический план относительно всех своих субъектов. Для того чтобы федераль-

ная государственная власть не стала восприниматься обществом в регионах в качестве врага, нужно возлагать на региональный социум больше политических прав по формированию государственной и муниципальной власти, а не продавливать нужные Центру кандидатуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Владимир Уйба назвал себя Путиным // Коммерсант // <https://www.kommersant.ru/doc/4827272>.

2. В Башкирии прокуратура даст правовую оценку призыву снести кресты на Урале // https://monavista.ru/article/158309/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

3. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2.

4. Лобойко Д.А. Современные механизмы обновления региональной политической элиты в Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 4А.

5. Меркулов П.А. Особенности формирования административно-политических элит в условиях трансформации российского общества // Власть. 2016. № 11.

6. Микрина В.Г. Особенности международно-правового регулирования труда детей и подростков // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114).

7. Рейтинг 100 ведущих политиков России в сентябре 2021 года // АПЭК // http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=100&ELEMENT_ID=7452.

8. Рейтинг влияния глав субъектов РФ. Российские регионы и региональная политика в сентябре 2021 года // http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=101&ELEMENT_ID=7465.

9. Jacques Margeret. Estat de l'empire de Russie, etgrandeduche de Moscovie.

D.A. LOBOIKO

Center "Regional research", director,
Samara, Russia

THE RUSSIAN REGIONAL POLITICAL ELITE AND ITS POTENTIAL FOR SELF-RENEWAL

Russia is facing a difficult situation caused by the COVID-19 pandemic. There is a tendency to increase the centralization of power and reduce the sovereignty of regional entities. The federal center's lobbying of its candidates for posts in state bodies of regional power blocks the self-renewal of political elites, turning the federation into an autocracy. There is a projection of the Soviet nomenclature on the political framework of Russia's domestic policy. According to the author,

this causes an increase in protest activity and the need of the population of the regions of Russia to increase sovereignty. The article pays special attention to the information policy and the inadmissibility of the use of so-called “enforced patriotism.” Modern Russian society has outlived Soviet values and requires other approaches to the formation of a unified interregional Russian passionarity. Despite this, the author believes that the course of the incumbent president of Russia will democratize the current domestic policy of the country and mobilize regional society to self-determination of the political situation.

Key words: *political elite, regional policy, federal center, centralization of power, governors.*

МОЖЕТ ЛИ СОЛИДАРНОСТЬ СТАТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ? УТОПИЯ ВОЗМОЖНА

В статье рассматривается вопрос, имеющий решающее значение для выживания человечества, сформулированный следующим образом: может ли солидарность стать глобальной? Между двумя полюсами оптимистичным и пессимистичным есть еще один аспект, заслуживающий особого внимания: это аргументы в пользу возможного. С этой точки зрения, которая была вдохновлена работой Ричарда Фалька [4], существует возможность глобальной солидарности человечества, однако вероятность того, что это произойдет не является обязательной. Автор обсуждает возможность и невозможность реализации идеи глобальной солидарности, которая стала особенно актуальной в контексте пандемии COVID-19, изменения климата и т.д. Главный аргумент состоит в том, что нынешнее положение дел, которое выглядит довольно мрачно, не предопределяет гармоничную систему международного сотрудничества. Это скорее конструкт, чем результат какого-либо «естественного закона». Более того, в истории известны эпизоды, которые доказывают, что солидарность не только возможна, но и достижима в социальной, региональной и международной сферах. Непреклонный скептицизм не проистекает из какой-либо критической проницательности. Современные проявления человеческого партикуляризма охраняются намеренно, чтобы сохранить статус-кво там, где существует социализм для богатых и капитализм для бедных.

Ключевые слова: *глобальная солидарность, международный порядок, утопия.*

B. VANKOVSKA

*Professor of political science and international relations,
Faculty of Philosophy, Ss. Cyril and Methodius University,
Skopje, Macedonia*

CAN SOLIDARITY GLOBALIZE? UTOPIA IS POSSIBLE

The article deals with a question of critical consequence for the human survival spelled out as: can solidarity globalize? Between the two poles of optimists and pessimists, there is one that deserves a particular attention: the case for possible-ism. In the view of this standpoint, which has been inspired by the work of Richard Falk [4], there is a possibility to globalize human solidarity, which does not necessarily imply probability it would happen. The author discusses (im) possibility of realization of the global solidarity idea, which has been particularly stressed in the context of the COVID-19 pandemic, climate change, etc. The main argument is that the current state of affairs, which looks rather gloomy in terms of harmonious and cooperative international system, is not predetermined. It is a construct rather than a result of any 'natural law'. Furthermore, the history offers episodes that prove that human solidarity is not only possible, but also workable option for a societal, regional and international realm. The unyielding scepticism does not arise from any critical acumen. Contemporary expressions of human particularism have been cherished intentionally, in order to preserve the status quo where there is socialism for the rich and capitalism for the poor.

Key words: *global solidarity, international order, utopia.*

Introduction. At a glance, it seems that international solidarity as an idea and a principle has been among us for quite some time. At least, at a declaratory level... According to the UN Human Rights Office of the High Commissioner, "international solidarity is the expression of a spirit of unity among individuals, peoples, States and international organizations. It encompasses the union of interests, purposes and actions and the recognition of different needs and rights to achieve common goals. International solidarity is a foundational principle underpinning contemporary international law in order to preserve international order and to ensure the survival of international society." [18] Also, in his report to the Human Rights Council (A/HRC/15/32, July 2010), former independent expert Rudi Muhammad Rizki concluded that "international solidarity is a precondition to human dignity, the basis of all human rights, and a human-centred approach to development, and has a bridge-building function across all divides and distinctions. It encompasses the values of social justice and equity; goodwill among

peoples and nations, and integrity of the international community; sovereignty and sovereign equality of all States, and friendly relations among them.” [14] It seems that international solidarity encompasses all essential values of human civilization, but the analysis of each of the listed components and concepts would take volumes. Just to mention an example, one could hardly find a widely accepted definition of social justice.

In reality, it seems as if the majority of people live in a world *de facto* dominated by the TINA principle (*There Is No Alternative*) when it comes to political, economic and even cultural values (defined in accordance to the dominant Western worldview). This is, of course, not quite true, having in mind that the so-called pro-Western part of the world represents a minority (in terms of population and territory). What makes this argument sound correct is the dominant Western epistemology and the hierarchy of knowledge production. This article tries to avoid this trap and offer a different perspective of a border-thinker (in Walter Mignolo's terms), i.e. a one who thinks and analyses the world of today from the 'border region'. Truly, border thinking does not happen irrespective of modernity but in response to it, as part of real life struggles against the oppressive apparatus of the colonial matrix of power. Thus, “border thinking is the epistemology of the exteriority; that is, of the outside created from the inside” [10].

The endeavour of criticizing and challenging the idea of “one-size-fits-all” paradigms in economy, politics, culture and/or social sphere, and furthermore envisaging a better world of tomorrow calls for great (personal and collective) courage, particularly in the so-called border-regions and border-thinkers. No wonder, those who dare imagine and work for a different world are ridiculed or demonized as enemies of the “most perfect world of all”. The critique is welcome and allowed mostly if it is not too radical (i.e. does not go deep to the root causes of the present inequalities and suffering) and if it comes mostly from the Western ('more civilized') part of the world. On the other hand, the dominant knowledge matrix have left us with no semantics and vocabulary to express new ideas without them being seen as empty phrases or to be dismissed as impossible utopias. In that sense, Keller is right pointing out that “even the language needed to express such a 'great transition' struggles to capture the requisite global solidarity. The notion of the global must constantly be distinguished from neoliberalism, the globalism that drives the individualism of capitalism. At the same time, a progressive, planet-embracing globality must be distinguished from modern universalisms that unify an empowered “we” against some not-quite-human race, gender, or nationality, or that homogenize human differences.” [7]

Thus any critique or alternative is seen as an inimical act towards the existing utopia or as a ridiculous and non-scientific/non-academic way of thinking. The Borg's chant from the *Star Tracks: The Next generation* series “resistance is futile” is the subtle message sent from power centres. Militarization has been normalized on a global level, but starting from the bottom, from the school sys-

tem upwards. Elaborating this idea, Merje Kuus [8] deconstructs the existing *cosmopolitan militarism*. She particularly analyses how NATO uses globalist spatial imaginaries to frame military approaches to political problems as enlightened and good (as well as necessary). The promised cosmopolitan subjectivity produces a teleological narrative of a natural progression in which political actors gradually transcend their national contexts and come to see NATO as well as themselves as promoters of cosmopolitan peace (p. 559) [8]. In a nutshell, this legitimation process echoes Orwellian ‘logic’.

It is how the imagination of ‘another now’ - to refer to the latest book of Yanis Varoufakis [19], which is in the genre of science fiction - is kept imprisoned. The aim of this social construct (or maybe even a sort of a social contract) is to silence and discourage any thoughtful, rebellious and critical minds (and groups), who would challenge the state of affairs based on free market economy, liberal political system, membership to NATO and EU, etc. However, the history has taught us that it is impossible to achieve total obedience everywhere, any time and with all people.

Tony Judt [6] described modern captive minds (which, of course, exist both in the ‘West’ and in the ‘East’) in the following way:

“But the true mental captivity of our time lies elsewhere. Our contemporary faith in “the market” rigorously tracks its radical nineteenth-century doppelgänger – the unquestioning belief in necessity, progress, and History. ... But ‘the market’ – like ‘dialectical materialism’ – is just an abstraction: at once ultra-rational (its argument trumps all) and the acme of unreason (it is not open to question). It has its true believers – mediocre thinkers by contrast with the founding fathers, but influential withal; its fellow travellers – who may privately doubt the claims of the dogma but see no alternative to preaching it; and its victims, many of whom in the US especially have dutifully swallowed their pill and proudly proclaim the virtues of a doctrine whose benefits they will never see... Above all, the thrall in which an ideology holds a people is best measured by their collective inability to imagine alternatives. We know perfectly well that untrammelled faith in unregulated markets kills: the rigid application of what was until recently the “Washington consensus” in vulnerable developing countries – with its emphasis on tight fiscal policy, privatization, low tariffs, and deregulation – has destroyed millions of livelihoods.”

Global Solidarity as Seen from the Global South: The people from the so-called Global South (i.e. the non-Western world – i.e. something that has nothing to do with the level of development, education or wellbeing) have much to say about the past, present, and future of the world. Most of all, the non-Western part(s) of the world bear historical experiences and inherited knowledge of the lack of global solidarity. Being on the ‘recipient side’ usually means being given a lower profile, disrespected and even discriminated both in practice and in terms of knowledge epistemology (if not totally subdued). The crumbs of charity, assistance and empathy is what is usually seen as ‘solidarity’ with less fortunate ones.

Strangely, even the ones who used to live in an acting utopia of former Yugoslavia have almost forgotten the unique experiences of socialism with a human face, non-aligned foreign policy, self-management and the culture of peace they grew up with. The free and universal health care along with the free and equally accessible education and retirement systems were all based on the solidarity principle. Also even today's traces of intrinsic solidarity (among the elderly generations) with the Palestinians, Iraqis or any other oppressed groups comes from the school system based on values of non-enmity and antimilitarism, global solidarity and belief in international law.

Yugoslavia was far from a perfect country (or a state system). Yet it was the closest realization of the ideals of the Paris Commune – or at least, that was the official and dominant narrative, which was present also in the educational system. The Yugoslav leadership took a position of thinking beyond the two dominant mantras during the Cold War period: i.e. the Western capitalism and individualism and the Eastern state socialism and collectivism. The peace researcher Hakan Wiberg once compared Yugoslavia (with its internal diversities and contradictions) to a flawed butterfly that was not meant to fly – but it did not know that, so it flew for several decades [17]. Decades later, the Yugoslav successor states and elites (mostly with corrupted and blood-stained hands) almost overnight embraced the TINA principle and introduced a new politics of memory with an aim to make any past achievement and legacy obsolete and non-inspirational. The so-called international community has been insisting on the heavy feeling of guilt, shame and self-blame for the bloody conflicts of the 1990-ies. Instead of imprisoned imagination, here one can talk of killed imagination (and utopia). The public health system (once one of the best in Europe) is now collapsing under the pressure of the COVID-19 pandemic, while the private sector is gaining profit from human misery. The privatization of public services is nothing new, as the new liberal democratic system was established on the ground of the false premise that public good is a collectivistic idea, thus obsolete and non-liberal one. The desert of post-communism is a result of promotion of privatization of the collective and public goods at the expense of the (alleged) personal freedom and liberty [5]. The transition process produced *nouveau riche* on one hand, and a vast majority of poor citizens, on the other.

How to interpret and change the world? With a 'blasphemous' intellectual position, one can hardly talk on behalf of the majority in the region. The majority, especially among the Western educated and/or oriented younger generations, de facto have readily joined what Jan Oberg rightly dubs Military-Industrial-Media-Academic-Entertainment Complex (MIMAEC) [12]. The story of academia and knowledge production is a particularly sad one. Antonio Gramsci would have much to say about today's hegemony, domination, intellectual and moral leadership – and about the pervasive obedience [3]. The problem is that few of the younger scholars have even heard of him and his ideas, because they are

too dangerous and incompatible with ‘our strategic goals of joining NATO and EU’. There is an organic relationship between knowledge and power, and that historical symbiosis is evolving and mutating. There is nothing novel under sun about that – what is interesting is the almost total mesmerizing with Western values and absence of any revolt against dominant forms of knowledge. Epistemic disobedience is hardly possible given its high costs in terms of societal prestige, material and career benefits. All empires have produced knowledge that is compatible with their imperial interests, but today’s knowledge takes form of disposable knowledge, in the words of Hamid Dabashi, which is produced at US and European think tanks. It is interested knowledge manufactured purposefully and then saturating into the public domain. This is ‘fast knowledge’ produced on the model of ‘fast food’ [2].

Under such circumstances, for many of us it is of utmost importance to evoke Karl Marx’s warning from 1852: “Men make their own history, but they do not make it as they please; they do not make it under self-selected circumstances, but under circumstances existing already, given and transmitted from the past. The tradition of all dead generations weighs like a nightmare on the brains of the living.” [9]. It seems that the nations of former Yugoslavia, for instance, have given up the positive and even heroic achievements of their predecessors, and instead embraced the traditions of the past generations in the West as guidance for the allegedly inevitable (bright) future. Instead of seeking friends and showing empathy and solidarity with the ones who are in a more miserable position, they have been confronted with enemies at home and abroad (in the non-Western parts of the world), take part in imperial endeavours of our new colonial masters, and teach the children that war is peace and peace is war. However, a group of younger researchers of ex-YU origin and with Western education have recently launched the project *Yugosplaining the World*. The idea is Gramscian in its essence: “Yugosplaining in our work is meant to counter forms of westernsplaining, to which we have long been subjected.” [16]. These voices dissent against the collective erasures, as they put it “denials of anything good in our past, analytical refusals to engage with complexities of Yugoslav history(ies), forgetting of the Yugoslav global role, simultaneous exclusions and inclusions of Yugoslavia from the rest of the post-communist world (as convenient for particular meta-narratives of liberal triumph, NATO expansion, EU integration etc.)” [16].

Yugoslav version of self-management (in economic, political and societal terms) used to be a school of participatory democracy and mutual solidarity among the members of the community/communities of Yugoslavia and with the wide world. Today, it is egoism, competition and self-interests that are the driving forces for the new generation of ‘entrepreneurs’. The real challenge is: how to work subversively, especially from within academia. Planting the seeds of critical thinking and dissent is essential, and yet possible: step by step, day by day, patiently and stubbornly against the mainstream.

Without personal freedom and self-awareness of the pandemic of inequality that has preceded the COVID-19 pandemic for so long, there can be no collective action in solidarity and for a common goal. The promotion of various forms of global solidarity is a luxury of rare (yet courageous) people able and free enough to appeal for global cause of solidarity. There is an obvious discrepancy of thinking of what global solidarity really means, and if it is impossible on a local, national or (only) global levels. Some thinkers argue that “inasmuch as human solidarity does not globalize, it fails to exist. A solidarity of the human is by definition global, for this species has long been spread around the globe. Human solidarity – not divisible into colored fragments denoting countries on a world map or into solidifications of one human collective over against another – is necessarily planetwide.” [7]. No matter how truthful this position sounds, one should or better – must not disregard and disrespect the crucial efforts on a micro level, where human life takes place on a daily basis and where ideas of humanity is first learned and cherished. They may not be visible and acknowledged widely but they are not less important than any global initiatives. Solidarity grows from within small communities, and only then expand and embrace wider spaces of our Earthland [13]. But those small heroes often need moral and intellectual support, to say the least. The resistance against social injustices is well-alive despite the grim general picture of the world, and it lives in the small pockets of (any) society. It calls for a trigger to be awakened – such as mass tragedies and misfortunes. Even the once war-ravaged part of former Yugoslavia still has the potential to provide for an outburst of mass solidarity in a time of need (be they floods, earthquakes, or something similar). Bearing in mind that all these apparently natural catastrophes are in essence a result of social decay and structural violence embedded in unjust and repressive institutional arrangements, this is obviously not enough. Solidarity could be sustainable only if institutionalized and yet not alienated from the people the system should serve at first place.

It seems as if the smaller the world becomes, the less we know about each other. Even the region I used to belong is not a real region anymore – it looks more as a battlefield of various geopolitical forces. People are self-absorbed with the daily effects of the ‘Leviathan’ in their neighbourhoods, and the grass is always greener on the other side of the fence. There could be no solidarity, regionally or globally, without getting to know each other.

Love and Solidarity in Time of COVID-19. In April 2020, Arundathi Roy [15] hoped that the pandemic was a portal, i.e. a gateway between one world and the next. Indeed, the world is changing even faster than we thought, but there is no guarantee that the results would be on the positive side. The COVID-19 pandemic, and particularly the vaccines issue is just an imminent test for everything else: if we manage to disempower Big Pharma, then anything else will be possible. Our common struggle for a better world should be carried out on many levels and in many forms. We should combine Gramsci’s notion of counter-hegemony

(the creation of an alternative that would confront the dominant cultural hegemony and MIMAEK that have penetrated deeply especially in the educational system) in preparation for radical political change with Varoufakis' warning that the world is moving towards techno-feudalism. Obviously, this is (again) a time of monsters and we need to synthesize the feelings of pessimism and optimism, and to transcend them in a Gramscian way: while our minds may be pessimistic, we should mobilize as many people with strong and optimistic wills as possible.

What should be our common and most urgent goals in this endeavour? Palestine and the pandemic management come first to mind: these urgent affairs combine the local with planetary! Stop for Israeli apartheid and making COVID-19 vaccines (and eventually cures) a global public good. The next step should be universal health care, along with the universal basic income. The global civil society (not the one deliberately created and funded by power centres in order to promote liberal agenda – or better, to sustain the status quo) is to reclaim its independence from any limitations imposed by the 'geopolitical logic' and 'realism'. Free market, neoliberal status quo, militaristic interventionism 'for the sake of humanitarianism, and R2P' – are not outcomes of any natural laws; they are all man-made and their sustainability depend *inter alia* on current hegemony of knowledge.

Wo/men should re-shape the world with the bottom-up approach. Many of us are at the age that does not allow us to seek the impossible as the youngsters in 1968 – but many of us have witnessed 'miracles', realistic utopias on a smaller or a wider level. As someone coming from the academic community (which is hardly a community at all) I would like to see scholars engaged out of the rigid and mentally unhealthy position of seeking career for the sake of career ("publish or perish" is just an expression for that apparently nice cage that keeps the most capable and brilliant minds out of the real life and struggle for Good and Justice. Any of us could start with one's own doubts, ambitions and embedded obstacles, because "Theory is always for someone, and for some purpose" [1. P. 126-155]. Let's then work on a different theory of everything, let's reimagine and adopt sense of possibility, because There Are Thousands of Alternatives (TATA) principle should be our guiding star. By labelling something as utopia we immediately give up the sense of possible-ism. Actually, we have no other choice but to embark on the path fuelled by necessity and desire, without being ashamed by our inherent need to dream and work for a better world. Radmila Nakarada is right arguing that the question "Can solidarity be globalized?" is simultaneously "a question of to what extent have we deciphered the world in which we live, where we can locate the hidden energies of resistance and collective action, and whether the clear articulation of new theoretical insights, beyond ethical and political appeals, can become a "material force," a transformative contribution to the emergence of movements devoted to the recreation of spaces of collective action and solidarity." [11] While being guided by TATA principle, there is just one thing we are not allowed to disregard: the bio-political imperatives that imperil human survival and ecological balance call for unprecedented cooperative energies turned loose.

REFERENCES:

1. *Cox Robert*. "Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory" // Millennium. 1981. Vol. 10. No. 2.
2. *Dabashi Hamid*. Can Non-Europeans Think? London: Zed Books, 2015.
3. *Gramsci Antonio*. Selections from the prison notebooks. New York: International Publishers, 1971.
4. *Falk Richard*. "Global Solidarity: Toward a Politics of Impossibility," opening essay for GTI Forum "Can Human Solidarity Globalize?" // Great Transition Initiative (August 2021) // <https://greattransition.org/gti-forum/global-solidarity-falk>.
5. *Horvat Srećko and Štiks Igor*. Welcome to the Desert of Post-Socialism: Radical Politics after Yugoslavia. London and New York: Verso, 2015.
6. *Judt T.* "Captive Minds, Then and Now" // The New York Review of Books. 13 July 2013 // <https://www.nybooks.com/daily/2010/07/13/captive-minds-then-and-now/>.
7. *Keller Catherine*. "The Im/Possibility of Global Solidarity" // Counterpoint Navigating Knowledge. 8 September 2021 // <https://www.counterpoint-knowledge.org/the-im-possibility-of-global-solidarity/>.
8. *Kuus Merje*. "Cosmopolitan militarism? Spaces of NATO expansion" // Environment and Planning. A vol. 41, 2009.
9. *Marx Karl*. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, 1852 // <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1852/18th-brumaire/ch01.htm>.
10. *Mignolo W.D. & Tlostanova M.V.* "Theorizing from the Borders: Shifting to Geo- and Body-Politics of Knowledge" // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. No. 2.
11. *Nakarada Radmila*. "Locating Power in a Neoliberal Age," contribution to GTI Forum "Can Human Solidarity Globalize?" // Great Transition Initiative (August 2021) // <https://greattransition.org/gti-forum/global-solidarity-nakarada>.
12. *Oberg Jan*. Military-Industrial-Media-Academic Complex, MIMAC // <https://janoberg.me/tag/mimac-military-industrial-media-academic-complex>.
13. *Raskin Paul*. Journey to Earthland: The Great Transition to Planetary Civilization. Boston: Tellus Institute, 2016.
14. *Rizki Rudi Muhammad*. Report of the independent expert on human rights and international solidarity, (A/HRC/15/32) Human Rights Council Fifteenth session, July 2010 // <https://undocs.org/A/HRC/15/32>.
15. *Roy Arundhati*. "The pandemic is a portal" // Financial Times. 3 April 2020 // <https://www.ft.com/content/10d8f5e8-74eb-11ea-95fe-fcd274e920ca>.
16. The Disorder of Things, blog // <https://thedisorderofthings.com/2020/07/02/yugosplaining-the-world-%E2%80%AF/>.

17. *Wiberg Hakan*. “Former Yugoslavia: Nations above all”. In: Kostecki W., Żukrowska K., Goralszyk B.J. (eds). *Transformations of Post-Communist States*. London: Palgrave Macmillan, 2000.

18. UN Human Rights Office of the High Commissioner. Independent Expert on human rights and international solidarity, Purpose of the Mandate // <https://www.ohchr.org/en/issues/solidarity/pages/iesolidarityindex.aspx>.

19. *Varoufakis Yanis*. *Another Now. Dispatches from an Alternative Present*. Vintage: 2020.

ЯПОНИЯ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ «COVID-19»: ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

В статье рассматриваются особенности борьбы японских властей с пандемией «COVID-19» в период 2020-2021 гг. Она включала в себя два этапа: на первом – с 2019 г. до начала Токийской Олимпиады в июле 2021 г. Япония выделялась среди других мировых держав минимальными показателями по числу летальных исходов от «COVID-19», что вызывало немалое удивление во многих странах мира и стимулировало желание последних проанализировать причины такого развития там пандемического процесса. И второй этап охватывал период проведения самой Олимпиады-2020 и время после нее, когда в Японии за сутки фиксировалось максимальное за все время эпидемии число заболевших коронавирусом, достигавшее 20 тыс. инфицированных.

Успехи японских властей в борьбе с «COVID-19» на первом этапе ее распространения были обусловлены, как рядом случайных факторов, так и рядом объективных причин. К последним японские ученые, а также специалисты из других стран относили индивидуальные особенности японской нации, ее национальные традиции, генетический иммунитет японцев к восприимчивости штамма коронавируса «COVID-19». Японские власти на этом этапе отказывались следовать рекомендациям ВОЗ и не проводили массовое тестирование городского населения на «COVID-19»: по данным на конец 2020 г., только 0.27% всех жителей страны сделали тесты на ПЦР (с использованием полимеразной цепной реакции).

Несмотря, однако, на успехи властей в борьбе с пандемией на ее первом этапе, уже с сентября 2021 г. они стали фиксировать заметный рост числа заболевших коронавирусом – в середине августа 2021 г. за сутки коронавирус в Японии был выявлен уже более чем у 20 000 человек. В Токио до 1 сентября 2021 г. действовал режим чрезвычайной ситуации.

Несмотря, однако, на неблагоприятное развитие эпидемической ситуации в Японии в 2021 г., нельзя отрицать, что в этой стране борьба с эпидемией оказалась намного эффективнее, чем в большинстве других развитых стран мира.

Ключевые слова: пандемия «COVID-19», ПЦР тесты, чрезвычайная ситуация, японская модель борьбы с коронавирусом, защитные маски.

Распространение эпидемии «COVID-19» охватило практически все страны мира: этим вирусом оказалось инфицированным население 185 государств (государств-членов ООН насчитывается 193) и каждая страна навсегда теряла часть своих граждан. Причем кто-то попадал в число лидеров в этой печальной гонке, а кто-то – замыкал список с минимальными потерями.

Борьба с пандемией в Японии в период 2020-2021 гг. прошла, как минимум, в два этапа: на первом – с 2019 г. до начала Токийской Олимпиады в июле 2021 г. Япония выделялась среди многих других мировых держав с минимальными показателями по числу летальных исходов от «COVID-19», что вызывало немалое удивление и желание у многих проанализировать причины такого развития там пандемического процесса. И второй этап, охватывающий период проведения Олимпиады и время после нее, когда в Японии за сутки фиксировалось максимальное за все время пандемии число заболеваний коронавирусом, достигавшее 20 тыс. заболевших, что следовало из данных, опубликованных на правительственном сайте, посвященном COVID-19.

Шаг вперед в борьбе японских властей с эпидемией на ее первом этапе в 2020 году. Успехи в борьбе с «COVID-19» в Японии на первом этапе ее распространения были обусловлены, как рядом случайных факторов, так и рядом объективных причин. Сами японские ученые, а также специалисты из других стран высказывали по поводу японских успехов самые различные соображения, начиная от индивидуальных особенностей японской нации, ее национальных традиций и кончая генетическим иммунитетом японцев к восприятию штамма коронавируса «COVID-19» [8].

Показательно, что в феврале 2020 г., когда все клиники китайского Уханя были переполнены больными, зараженными «COVID-19», а весь мир уже начал выстраивать новую «китайскую стену» вокруг этой страны, Япония все еще продолжала принимать китайских туристов, не опасаясь заражений. Тогда, исходя из первых, полученных данных из Китая об особенностях течения эпидемии, японским эпидемиологам стало понятно, что болезнь, в первую очередь, поражала пожилых людей и особенно быстро распространялась при большом скоплении людей в ограниченном пространстве. И кроме того, вирус поражал тех, кто находился в длительном контакте с инфицированным.

Разумеется, все эти факторы присутствовали не только в японском обществе, они были характерны и для народов многих других стран мира. Однако в Японии сохранился высокий процент населения старше 65 лет по сравнению с социумами других стран, да к тому же демографическая обстановка в Японии отличалась высокой плотностью населения в крупных мегалополисах (на 10 января 2021 г. Япония занимала 25-ое место в мире по плотности населения – 336 человек на 1 кв. км). Ведь только численность населения Токио с пригородами превышала 37 млн. человек, причем большая часть из них добиралась на работу в переполненных вагонах метро и электричек. Другими словами, Япония объективно должна была бы оказаться в зоне большого риска и согласно объективным данным, должна была бы демонстрировать высокие цифры заболевших.

Однако ситуация в Японии развивалась по другому сценарию. Японские власти на первом этапе течения пандемии отказались следовать рекомендациям ВОЗ и не стали проводить массовое тестирование своего населения на «COVID-19»: по данным на конец 2020 г., только 0.27% всех жителей страны сделали проверочные тесты на ПЦР (с использованием полимеразной цепной реакции). Кроме того, японские власти не объявляли жесткий локдаун по критериям, заявленным в Европе или в США. И хотя кабинет министров Японии уже в апреле 2020 г. был вынужден ввести в стране «чрезвычайное положение», тем не менее, оно не было строго обязательным, так как рекомендации властей оставаться в своих домах последние принимали самостоятельно, т.е. действовали по своему усмотрению. Несмотря на то, что хотя представителям нежизненно важных отраслей промышленности и бизнеса и было рекомендовано временно закрывать свои предприятия, однако при этом за отказ выполнять такие предписания со стороны властей они не подвергались административному наказанию или штрафу.

Надо отдать должное японским властям – с начала пандемии они действовали весьма оперативно и как только в Японии появилась информация о первых случаях заражения вирусом «COVID-19» в январе 2020 г., они начали принимать неотложные меры профилактики. Уже в феврале того же года премьер-министр Синдзо Абэ объявил о закрытии всех школ в стране до апреля 2020 г., когда в Японии начинается новый учебный год. При этом японские власти не последовали тогда жестким мерам, которые принимали лидеры других стран, многие из которых уже в начале 2020 г. в экстренном порядке закрыли государственные границы и начали проводить широкомасштабное тестирование населения, вводя жесткий двухнедельный карантин для всех тех, кто находился в контакте с инфицированными.

Власти Японии панически тогда не бросились к исполнению строгих мер и смогли сдержать быстрое распространение вируса в обществе несмотря на то, что в стране проживает 126 миллионов человек, около трети

из которых были лицами старше 65 лет. (По данному показателю Япония является абсолютным лидером в мире и опережает даже Италию с ее 23% населения старше 65 лет – М.К.). Более того, Япония не последовала на первом этапе и призывам ВОЗ «тестировать, тестировать и еще раз тестировать» свое население: в первой половине 2020 г. ПЦР-тесты на коронавирус в Японии были взяты всего лишь у 348 тыс. человек, что составляло всего лишь 0,27% всего населения страны [3].

И только 7 апреля 2020 г. во избежание широкого распространения вируса «COVID-19» власти Японии приняли решение ввести в стране режим чрезвычайной ситуации. Впрочем, такое решение не имело юридических последствий о принятии в стране локдауна по европейскому образцу. Правительство просто попросило своих сограждан избегать лишних контактов и ограничить посещение общественных людных мест с большим количеством населения. Здесь уместно отметить, что у многих японцев еще задолго до начала пандемии коронавируса в 2020 г. сформировались устойчивые гигиенические привычки, способствовавшие борьбе с быстрым распространением любой инфекции: это, прежде всего, касалось ношения защитных масок во время болезни, а также высокие стандарты личной гигиены.

Одновременно с объявлением чрезвычайной ситуации из-за распространения коронавируса японские власти сообщили населению о разработке пакета мер по стимуляции экономики в объеме нескольких миллиардов долларов, чтобы не допустить экономического коллапса в стране подобно тому, который поразил многие европейские страны.

Объясняя японской общественности необходимость объявления чрезвычайного положения, премьер-министр Синдзо Абэ подчеркивал, что поскольку в Токио и других густонаселенных мегаполисах страны был зафиксирован некоторый рост число заболевших «COVID-19», он считал необходимым пересмотреть подходы и требования к недопущению распространения эпидемии. Он говорил, что «хотя мы и не наблюдаем резкого всплеска инфекции по стране, однако некоторые районы зафиксировали его увеличения. Поэтому мы не можем позволить себе роскошь не замечать этих явлений и медлить, – подчеркивал Абэ [4].

Глава японского правительства попросил тогда жителей страны сократить контакты друг с другом на 70-80%, подчеркивая, что в случае успеха мер по социальному дистанцированию, пик заболеваемости может быть достигнут уже через две недели. Магазинам, торгующим товарами не первой необходимости, было рекомендовано временно закрыться, однако взимание какого-либо штрафа за невыполнение этого предписания власти брать не предполагали. Режим чрезвычайной ситуации был объявлен сроком до 6 мая 2020 г. и первоначально распространялся только на столичный район Токио и шесть соседних префектур.

В 2020 г. Япония действительно избежала всплеска заболеваемости «COVID-19» и в стране не было зафиксировано большого числа летальных

исходов. На конец 2020 г. там было выявлено всего 3,9 тыс. зараженных коронавирусом, из которых 91 человек – скончались. Данные цифры выглядели весьма умеренными по сравнению со многими западноевропейскими странами, где смертность достигала и 553 тыс. человек, как в США, или 97,5 тыс., как в России [5].

Обращает на себя внимание и тот факт, что по японскому законодательству, власти могли только рекомендовать своим гражданам оставаться дома – но не приказывать им это делать, и поэтому многие жители продолжали свободно перемещаться по территории страны. Никакого наказания за неповиновение властям за это не предусматривалось. Впрочем, исходя из традиционного японского законопослушания, рекомендации властей соблюдало гражданами с высокой степенью поведенческой исполнительности, так как многие японцы уважали рекомендации властей, а также не хотели терять лица в глазах окружения своим «неправильным», вызывающим и нелояльным поведением.

Введенное в Японии в начале апреля 2020 г. чрезвычайное положение уже в мае того же года было отменено. В 126 миллионной Японии его режим был снят даже на пять дней раньше объявленного срока – 6 мая. Общее число погибших от диагноза коронавирус к этому времени составило 900 человек, что по мировым меркам считалось большим успехом [6]. Японский премьер с гордостью заявлял тогда, что остальной мир должен учиться у Японии бороться с эпидемией и перенимать «японскую модель» такой борьбы.

Нельзя отрицать, что в борьбе с пандемией в Японии благоприятную роль сыграл генетический фактор. Когда иностранные журналисты попросили вице-преьера Японии Асо Таро объяснить истоки успехов Японии в борьбе с коронавирусом, он сказал просто, что японцы обладают особым генетическим «супер качеством» нации – особым «миндо» [2]. При этом он пояснил, что такое «особый менталитет японского народа», выделив такие национальные особенности, как высокий уровень интеллектуального развития, т.е. более высокий, чем у многих других народов мира. Последнее высказывание Таро Асо вызвало тогда немалое замешательство у многих из присутствовавших на пресс-конференции журналистов.

Вместе с тем, не только многие рядовые японцы, но и многие японские специалисты-биологи склонны считать, что японцы действительно обладают неким «Фактором Х», который помогает им легче справляться с инфекциями [3]. Такие ученые биологи нередко приводят свои аргументы в подтверждение теории генетической исключительности японской нации. Они, например, говорят об особенностях японского поведенческого этикета, который не допускает тесного контакта между людьми в ходе их приветствия друг с другом, когда встречаясь, японцы не торопятся обниматься или целоваться друг с другом, сохраняя определенную социальную дистанцию между собой и предохраняя, таким образом, друг друга от передачи инфекции.

Другие исследователи склонны считать, что японцы генетически обладают высоким уровнем иммунной защиты своего организма. Так, профессор биологии Токийского университета Тацухико Кодама, занимающийся исследованиями в области реакции японцев на заражение коронавирусом «COVID-19», высказывал мнение, согласно которому население Японии в процессе эволюции своего развития уже сталкивалось со штаммом «COVID-19», хотя он и имел другое название, но тем не менее данный вирус оставил свой «исторический след» в иммунной системе многих японцев.

Таким образом, японский опыт борьбы с пандемией «COVID-19» на первом этапе в 2020 году засвидетельствовал всему миру тот факт, что когда власти страны оперативно сами разрабатывают национальную политику по сдерживанию эпидемии, не оглядываясь при этом на другие государства и не копируя действия их руководителей, результаты приносят свои плоды. В итоге Япония имела минимальное количество летальных исходов, инфицированных и в короткие сроки провела период чрезвычайно ситуации, не нанося большого ущерба собственной экономики. Поэтому можно признать тот очевидный факт, что главным результатом первого этапа борьбы с эпидемией в Японии – стало минимальное число летальных исходов.

Шаг назад и начало второй волны эпидемии «COVID-19» в Японии в 2021 году. Несмотря на успехи в борьбе с пандемией на первом этапе в 2020 г., уже в сентябре 2021 г. японские власти стали фиксировать заметный рост как числа заболевших коронавирусом, который достигал 1 663 024 человек, так и число погибших [9]. Такая статистика следовала из данных, опубликованных на правительственном сайте с мониторингом течения эпидемического процесса. В сентябре 2021 г. в стране за сутки было зарегистрировано 14 207 новых случаев заражения коронавирусом. Предыдущий «рекорд» был установлен 31 июля 2021 г, когда число заболевших достигало 12 337 человек. В Токио, где прошли Олимпийские игры, также был зафиксирован максимум заболевших за сутки – 4 166 новых случаев.

В связи с резким ухудшением эпидемической обстановки в Токио власти вновь ввели режим чрезвычайной ситуации, который действовал до 31 августа 2021 г. и который подразумевал запрет на продажу алкоголя в заведениях общепита и ограничения по допуску зрителей на массовые мероприятия. Антикоронавирусные ограничения также были усилены в префектурах Сайтама, Тоба, Канагава и Осака.

Однако японская общественность не была удовлетворена мерами властей по борьбе с коронавирусом на ее втором этапе после окончания Олимпиады-2020 и выступила с критикой действий правительства Суга в связи с их явной недостаточностью и фактическим продолжением распространения пандемии COVID-19 в стране. Резкое недовольство по этому поводу в обобщенном виде, можно сказать, выразил тогда известный японский писатель Харуки Мураками в своем радишоу на «Токио FM» 30 августа 2021 г.

Он не стеснялся в выражениях в своей критике действий премьер-министра Суга, заявляя, что тот игнорировал серьезную вспышку COVID-19 в стране в период Олимпиады-2020 и сразу после нее. Мураками сформулировал серьезную обеспокоенность японской общественности быстрыми темпами распространения пандемии [10].

24 августа 2021 г. в Японии был зафиксирован пик заражений [1]. При этом 5 773 заражений приходилось на Токио, что стало наибольшим показателем с момента проникновения вируса в Японию в 2020 г. В Токио до 1 сентября 2021 г. действовал режим чрезвычайной ситуации. Как известно, летние Паралимпийские игры в Токио проходили без зрителей из-за ухудшения эпидемиологической ситуации. На летних Олимпийских играх в Токио, завершившихся несколькими днями ранее, почти все состязания также проходили без зрителей на трибунах.

К сожалению, японские ученые-эпидемиологи на сегодня все еще не выработали единой точки зрения по вопросам принятия наиболее результативных методов в борьбе с пандемией. Однако они использовали ряд приемов, которые оказались действенными для сдерживания ее распространения. Во-первых, японцы сами по себе – оказались достаточно здоровой нацией: лишь 4,2% из них страдают от ожирения, что в 10 раз меньше, чем в США (ожирение считается отягчающим фактором при заболевании коронавирусом). Кроме того, у японской нации имеются генетические отличия от европейцев, а некоторые исследователи вообще утверждают, что в далеком прошлом (5000 – 25 000 лет назад) в Восточной Азии уже были эпидемии коронавирусной инфекцией, и азиатские предки японцев еще тогда успели выработать антигены. Поэтому нынешнее поколение японцев отличаются высокой сопротивляемостью к коронавирусу и «защита» от него поддерживается на генетическом уровне.

С 30 сентября 2021 г. власти Японии приняли решение отменить все чрезвычайные меры по борьбе с коронавирусом [7]. На такой шаг новый кабинет Кисида пошел потому, что был крайне заинтересован как можно быстрее восстановить национальную экономику, находящуюся в локдауне с апреля 2021 года. Решение было принято после консультаций чиновников с экспертами. Вместо ограничительных мер кабинет Кисида принял другие меры по борьбе с коронавирусом и в частности, рассматривалось внедрение паспортов вакцинации и обязательные тесты на COVID-19. Отмена ограничений прошла в 27 префектурах. Однако некоторые члены нового правительства Кисида настаивали на том, чтобы в 19 регионах ограничения сохранялись бы еще какое-то время из-за тяжелой там эпидемиологической обстановки.

Однако премьер Кисида отмечал, что чрезвычайная ситуация в Японии может быть восстановлена сразу, как только появятся первые признаки новой волны заболеваемости COVID-19.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Японии подтвержден максимальный прирост заражений SARS-CoV-2 // <https://www.dw.com/ru/v-japonii-podtverzhden-maksimalnyj-prirost-zarazhenij-sars-cov-2/a-58857868>.
2. Генетические истоки японцев // <https://zolord.ru>.
3. Загадка Японии. Почему там низкая смертность от COVID-19, несмотря на факторы риска // BBC News Русская служба // <https://www.bbc.com/russian/news-53291527>.
4. Коронавирус: Япония ввела чрезвычайное положение сроком на месяц // <https://www.bbc.com/russian/news-52182366>.
5. По данным на 31 марта 2021 г. // <https://www.google.com/search?client=firefox>.
6. *Просвирина О.* Победить пандемию и потерять избирателей. Как коронавирус изменил рейтинги // Русская служба BBC. 2 июня 2020 года // <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0861/gazeta09.php>.
7. Япония отменит все чрезвычайные меры по борьбе с коронавирусом // <https://lenta.ru/news/2021/09/28/coronajapan/>.
8. *Hitoshi Kawasuji, Yoshitomo Morinaga, Hideki Tani, Yoshihiro Yoshida, Yusuke Taekgoshi, Makito Kaneda, Yushi Murai, Kou Kimoto, Akitoshi Ueno, Yuki Miyajima, Koyomi Kawago, Yasutaka Fukui, Miyuki Kimura, Hiroshi Yamada, Ippei Sakamaki, Yoshihiro Yamamoto.* SARS-CoV-2 RNAemia with higher nasopharyngeal viral load is strongly associated with severity and mortality in patients with COVID-19. Paper in collection COVID-19 SARS-CoV-2 preprints from medRxiv and bioRxiv.
9. https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/coronavirus.html.
10. <https://style.rbc.ru/repost/612cac579a79476e3ffeacd7>.

M.I. KRUPIANKO

*Doctor of Political Science, Professor,
leading specialists of the Institute of Oriental studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

L.G. ARESHIDZE

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Institute of Asian and African countries of Moscow
Lomonosov State University, Moscow, Russia*

JAPAN FIGHTING WITH PANDEMIC “COVID-19”: ONE STEP FORWARD AND TWO STEPS BACKWARD

Article is analyzing the methods of moderating of Japanese government the pandemic process of «COVID-19» during 2020-2021. The authors emphasize that there were two main period in the pandemic process in Japan. The first was

beginning from 2019 and continued till the opening of Tokyo Olympic in 2021. This period was defined by the minimum of lethal cases that seemed very strange for many countries of the world. And the second period that continued from the end of Tokyo Olympic in 2021 and after when the pandemic process boosted rapidly and reached 20 000 of infected persons per day according to the state statistic Data.

The positive results in containment of pandemic process during the first period were conditioned by the accidental cases as well as objective causes. The last causes were depicted by the individual peculiarities of the Japanese nation, its national traditions, genetic immunology towards the virus of “COVID-19”. Japanese authorities that time refused follow the recommendations of World Health Organization and Japan did not made the tests of urban population – at the end of 2020 only 0,27% of all the population have made the tests of PCR.

In spite of achievements of the Japanese Government in the fighting with coronavirus during the first period begging with September of 2021 there was the burst of infected persons in the mid of August 2021 when during one day were registered more then 20 000 patients.

Though there were problems in the fighting with coronavirus in Japan in the last half of 2021 nobody would deny that the measures to contain the epidemic in Japan were much more effective than in many other countries of the world.

Key words: *pandemic «COVID-19», PCR tests, emergency situation, Japanese model of fighting against «COVID-19», face masks.*

доктор политических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ

аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ

ВЛИЯНИЕ ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА НА ПРОЦЕССЫ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Авторы статьи подводят итоги исследования по одному из самых обсуждаемых и актуальных вопросов, который периодически появляется на повестке армянских парламентариев и ученых, а самое главное, интерес к которому проявляется у большого количества социально-активного населения постсоветского пространства, после политических событий в Республике Армения.

Ключевые слова: *третий сектор, неправительственные организации, гражданское общество, демократия, Республика Армения.*

Общественный сектор в целом имеет важное значение и влияние для развития и прогрессирования государства, но зачастую порядок перегружен, бюджетных ассигнований не хватает для урегулирования и решения всех проблем. Кроме того, правительство часто терпит неудачу, с одной стороны, из-за неэффективности, а с другой из-за политики, основанной на мнениях уязвимых групп, в результате нарушая нормальный ход общественных и политических процессов. Государство, как субъект социальной политики, использует все свои рычаги для содействия процессу урегулирования общественных проблем. Тем не менее, государство не может действовать в одиночку одновременно и эффективно, необходимо содействие частного и третьего сектора.

В настоящее время влияние третьего сектора важно тем, что изо дня в день увеличиваются проблемы, многие из них трансформируются, мы переживаем технологический прогресс, внешние и внутренние конфликты обостряются, перед государствами встают различные вызовы, решение которых требует большего участия граждан и, в частности, групп, пострадавших от негативного влияния проблем.

При наличии вышеуказанных факторов обусловлена вовлеченность и актуальность общественных и неправительственных организаций в деле разработки, реализации, оценки и реформ.

Третий сектор обеспечивает активное участие гражданского общества в управлении и развитии страны. Роль, значение и влияние этого сегмента зависит от общественного порядка и политического режима данного общества.

Основная часть. Гражданское общество «в демократических государствах формирующееся и развивающееся человеческое сообщество, которое является добровольно сформировавшимся во всех сферах жизнедеятельности общества негосударственным структурам (объединениям, организациям, ассоциациям, союзам, центрам, клубы, фонды) – это сеть и совокупность негосударственных отношений» [3].

Даже в условиях тоталитарных, монархических режимов здесь придается важность тому обстоятельству, чтобы каждое лицо четко знало, в каких границах защищено от вмешательства стороны, и в каких случаях государство может влиять на реализацию своих программ. Потому что как тоталитаризм, так и «...монархия абсолютно несовместима с гражданским обществом, следовательно, не может быть формы гражданского управления» [2].

Международный опыт показывает, что активная вовлеченность общественного сектора и неправительственных организаций является залогом осуществления политики контроля, а также построения демократического общества.

Общество, как и государство, не может развиваться, когда частный, государственный и общественный секторы не сотрудничают и не взаимодополняют друг друга в плане использования ресурсов, формирования идеологических и концептуальных основ политики. В основе эффективного управления лежит взаимодействие, взаимодополнение и многоотраслевое взаимодействие социальных и политических субъектов. Чтобы наилучшим образом представить третий сектор, мы должны обратить внимание на особенности и типы, характерные для организаций этого отрывка.

Необходимость существования организаций третьего сектора исходит из следующих обстоятельств:

- Компенсируют неполноценную деятельность государства в решении социальных проблем.
 - С одной стороны, будучи гибкими и инновационными, с другой стороны, используя работу волонтеров, они могут предоставлять более качественные и эффективные социальные услуги, чем государство.
 - Могут решить такие социальные проблемы, решение которых, исходя из политических ограничений, не в состоянии взять на себя государство [4].
- При этом этапы предпосылок формирования гражданского общества подчеркивают также некоторые элементы становления правового и социально-го государства.

Здесь уместно подчеркнуть идею Б. Замбровского о том, что общество формирует не только механизмы, контролирующие деятельность государства, но и «определяет принципы, на основе которых государство может и обязано действовать» [1].

В этот сектор входят добровольные и общинные организации (благотворительные и аналогичные организации, такие как ассоциации, группы самопомощи и общинные группы), социальные предприятия, неправительственные организации.

Характерные особенности организаций третьего сектора из них:

1. Независимы от правительства.
2. Ценностно-ориентированы, то есть мотивированы для достижения социальных целей (например, улучшить общественное благо, окружающую среду или экономическое благополучие, а не получать прибыль) [12].

Организации третьего сектора можно разделить на три типа:

1. Организации по защите интересов, которые на государственном или международном уровне содействуют бенефициарам и гражданам в вопросе озвучивания своих проблем, параллельно осуществляя также посредническую миссию.

2. Функциональные организации, которые обеспечивают уязвимых граждан и бенефициаров соответствующими ресурсами и услугами.

3. Неправительственные организации формируются для регулирования особых проблем в области (Защита прав человека, здравоохранение, охрана природы и т.д.) [13].

Третий пункт – это совокупность неправительственных организаций, призванных служить общественным интересам, концентрируя усилия по защите интересов и функциональным усилиям по социальным, политическим и экономическим целям в таких сферах, как правосудие, образование, здравоохранение, охрана окружающей среды и права человека:

Сейчас рассмотрим проявления и международный опыт процессов разработки и реализации государственной политики.

Формирование государственной политики является важнейшим элементом разработки политики, включающим цели и приоритеты данной политики, расходы, выгоды и внешние факторы. Вовлечение частного сектора и членов гражданского общества, предпринимателей, сотрудников, граждан, общественных групп и общественных организаций в процесс проектирования публичной политики крайне важно, так как дает возможность правительству развивающихся стран улучшить уровень и качество процессов управления, повышая эффективность.

Многие неправительственные организации стараются разместить процесс разработки политики который включает в себя исследовательские работы, мониторинг, оценка, стратегические программы развития, проекты (представляются со стороны местных органов власти) для того, чтобы сде-

лать информацию доступной для сторон посредством публикаций, средств массовой информации, форумов и индивидуальных дискуссий.

Неправительственные организации по защите интересов пытаются обучить общество, поощрять отдельных лиц, чтобы непосредственно обратиться к своим представителям, организовать сбор подписей, грантовые фонды и другие неправительственные организации пытаются повлиять на общественную политику, демонстрируя эффективность альтернативных подходов к общественным вопросам.

Различные политические деятели и политики верят, что непосредственная форма участия в принятии решений граждан может способствовать развитию демократии и рационализму.

Механизмы прозрачности и подотчетности могут быть реализованы, когда мы приводим заинтересованные стороны на один и тот же уровень, создавая новые институциональные платформы для обсуждения политических изменений [7].

Третий сектор, состоящий из ассоциаций и фондов гражданского общества, волонтеров и других гражданских организаций, предлагает возобновляемые и стабильные ресурсы для решения социальных и экономических проблем в Европе.

Социально-экономические катастрофы и ряд других проблем, на решение которых тратятся огромные ресурсы, непосредственно бьют по госбюджету. Решение этой ситуации и альтернативный вариант – это сотрудничество с третьим сектором в деле урегулирования основных проблем во имя активного гражданского общества и развития экономики Европы [10].

Различные международные объединения и организации (например, Оксфам, Гринпис и др.) служат обществу в национальном и международном масштабах. В период укрепления гражданских прав в Европе и Америке, в XVIII-XIX веках, для защиты интересов и прав граждан, оценки потребностей жителей общин, развития общин и стимулирования новой политики были созданы многочисленные организации. В 1980-х годах «гражданское общество» было модным термином, однако было чрезвычайно широким и аморфным. Ученые считают, что третий сектор и неправительственные организации могут иметь более высокий уровень легитимности, чем национальные или государственные органы.

Организации и добровольцы третьего сектора выполняют для общества такие функции, как предоставление услуг, защита интересов, строительство или развитие общин [8]. Основная цель третьего сектора – создать такие знания, которые позволят сделать ценные инвестиции, способствуя социально-экономическому развитию Европы [11].

Действия третьего сектора могут быть проанализированы на макро и микро уровнях. Правительства и международные организации иногда причиняют неудобства и даже угрожают их интересам, но опыт показывает,

что государственные деятели в основном учитывают инновационные идеи и соответствующую информацию, поступающую от неправительственных организаций [5].

Сегодня, принятие решений мировой политики получили беспрецедентное развитие, поскольку к принятию этих решений привлекаются и вовлекаются также организации гражданского общества. В частности, в развивающихся странах переговорный процесс принятия решений включает в себя общество, частный и государственный секторы.

Ни одна система на мировом уровне не доминирует. Некоторые организации гражданского общества есть и в мировой политической системе. Речь идет о духовных организациях, многочисленных негосударственных организациях и ряде социальных движений. Социальное движение – это вид коллективных действий, направленных на четкое решение гражданских или социальных проблем. «Социальным движением», называют также коллективные усилия, которые способствуют или препятствуют тому или иному социальному изменению. Тем не менее, присутствие гражданского общества является слабым, поскольку влияние и полномочия ограничены, а постоянное присутствие – спорным.

Джандоменико Майоне выдвигает модель соотношения правительства и неправительственных организаций, в основе которого лежит концепция стратегических институциональных интересов. Автор выделяет четыре возможных отношения, в зависимости от целей и средств политики, предпочитаемой этими двумя элементами:

1. Сотрудничество (cooperation) – аналогичные цели, аналогичные меры.
2. Столкновение (confrontation) – разные цели, отличительные меры.
3. Взаимодополнение (complementarity) – аналогичные цели, отличительные меры.
4. Кооптация (co-optation) – отличающиеся цели и такие средства.

Такой подход кажется более эффективным, поскольку придает важность не просто характеру правительства (демократической или авторитарной), экономической текстуре (либерально-рыночной или контролируемой экономике), а интересам в отношениях этих двух сторон. Как схема анализа позволяет по-новому взглянуть на проблему возможностей и средств воздействия на политику третьего сектора, возможное развитие и усиление сектора.

Роль третьего сектора в политике особенно ценится в тех подходах, где политика рассматривается не просто как разработанные компетентными должностными лицами правовые указы, а процесс достижения или аргументации какой-либо цели той или иной общиной.

Трудно типизировать ситуацию в Армении, руководствуясь какой-либо из этих четырех моделей, однако в различных сферах и секторах НПО есть все четверо, причем в разных пропорциях [9].

Неправительственные организации стараются сотрудничать с Национальным Собранием Республики Армения, тем не менее, нет никаких попыток неправительственных организаций участвовать в заседаниях Национального Собрания Республики Армения. Прошло всего несколько обсуждений, на которые были приглашены неправительственные организации. Волонтерская работа также не регулируется законодательством Республики Армения, поэтому законность волонтерства из-за правовых упущений становится поводом для различных комментариев.

Поднимая различные мнения и точки зрения, направленные на развитие сектора общественных организаций, мы можем выявить ряд вызовов, связанных с внешней средой. Такова правовая база, которая, по всей вероятности, может стать материалом для защиты интересов, направленных на соответствующую реформу. Она также выявила ряд слабых сторон неправительственных организаций, которые влияют на их работу и узнаваемость.

В последнее время в армянской действительности для развития третьего сектора интернет стал большой опорой, служа виртуальной площадкой для решения различных проблем общественного значения. Сегодня почти все более или менее известные общественные организации, государственные деятели и ведомства имеют свои сайты и социальные сети, посредством которых пытаются развернуть деятельность.

Кроме того, в Армении внедряется система электронного управления. [14]. Так же, создана онлайн-платформа сотрудничества государственных и негосударственных правительственных органов – единый сайт публикации проектов правовых актов [15].

Фактически связь государства и гражданского общества становится не опосредованной, а интерактивной.

Здесь уместно также обратиться к показателю стабильности гражданского общества в Республике Армения. В Армении, согласно показателю, в некоторых сферах улучшилась стабильность. В 2016 году, в декабре, парламент принял новый закон «Об общественных организациях», разработанный при активном участии гражданского общества, которые долгие годы находился на повестке обсуждения гражданского общества и правительства.

Были внесены изменения и в закон о фондах. Гражданская активность увеличилась, неформальные группы осуществили местные инициативы по защите интересов, а неправительственные организации, посредством институциональных площадок, участвовали в процессах государственной политики.

По данным Министерства юстиции Республики Армения, по состоянию на октябрь 2016 года в Армении было зарегистрировано 4573 организации, 1042 фонда и 312 союзов юридических лиц. Эти показатели немного выросли по сравнению с 2015 годом. По оценке экспертов, активными являются лишь около 20% зарегистрированных организаций [6].

Заключение. Данное исследование третьего сектора и неправительственных организаций дает достаточные основания для следующего заключения:

1. Компенсируют неполноценную деятельность государства в решении социальных проблем.

2. Не преследуют прибыли, осуществляют деятельность на местном, национальном и международном уровнях.

3. В основном осуществляют оценку потребностей уязвимых групп, предоставляя поддержку и консультацию.

4. Осуществляют лоббинг и защиту интересов, пытаясь повлиять на политику и программу правительства.

5. Обучают членов общества, повышают уровень осведомленности, стимулируют развитие неформального образования.

6. Улучшают прозрачность, качество работы правительства развивающихся стран, повысив коэффициент эффективности в процессе проектирования и реализации политики.

7. Способствуют демократизации и модернизации общества Республики Армения, становясь посредником между гражданином и государственными структурами.

Таким образом, очевидно влияние общественного сектора, направленное на разработку и реализацию государственной политики, а также на мониторинг и оценку. Представители государственных органов проявляют позитивное отношение к неправительственным организациям, высоко оценивая содействие неправительственных организаций в решении социальных проблем. Несмотря на все это, неправительственные организации и в целом третий сектор все еще сталкивается с организационными трудностями и нормативными препятствиями, более того, иногда и с ограничениями, применяемыми государством. Однако в последнее время картина заметно изменилась. Можно констатировать, что со стороны государственных органов улучшается восприятие третьего сектора как важных факторов, что выражается в росте платформ диалога между гражданским обществом и государственной властью и совместных инициатив на уровне отдельных министерств и ведомств. Местные власти также придают большое значение общественным организациям, благодаря их работе в общинах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Замбровски Б.Я.* К вопросу о формировании гражданского общества и правового государства // Социально-полит. науки. 1991. № 6.

2. *Локк Дж.* Сочинения. В 3-х т. М. Т. 3.

3. Политология / под. ред. Оганесян А.А. М., 1999.

4. *Хохлова М.М., Бачурин Э.А.* Социальная политика. Красноярск, 2010.

5. *Civil Society's Role In Global Policymaking* By Lisa Jordan article, March 2003 // <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/177/31621.html>.

6. CSO Sustainability Index // https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/CSOSI_Report_7-28-17.pdf.

7. *Do Phu Hai*. 'Process of public policy formulation in developing countries', Faculty of Public Policy Graduate Academy of Social Science (GASS), Vietnam // http://achives.ipublicpolicy.org/IMG/pdf/panel_11_s1_hai_phu_do.pdf.

8. *Enjolras B.* 'The third sector has the third largest workforce of any 'industry' in Europe' article, 2016 // <http://nonprofit.xarxanet.org/interviews/bernardenjolras-third-sector-has-third-largest-workforce-any-industry-europe->.

9. *Majone G.* Evidence, Argument, and Persuasion in the Policy Process; Stone, D. Policy Paradox and Political Reason, 1989.

10. NGOs and Global Policy-Making By James A. Paul Executive Director, Global Policy Forum, June 2000.

11. Third Sector Impact article, February 03, 2014-28, 2017 // <http://emes.net/research-projects/third-sector/tsiprject/>.

12. 'What are third sector organizations and their benefits for commissioners' // <https://www.nao.org.uk/successful-commissioning/introduction/what-are-civilsociety-organisations-and-their-benefits-for-commissioners/>.

13. «Պետական քաղաքականության և հկ-ների ազդեցությունը մասնավոր ներդրումների ներգրավման գործում» ԵԱՀԿ հաշվետվություն, 2008, էջ3-4 // <http://www.oecd.org/investment/globalforum/40400836.pdf>.

14. ՀՀ էլեկտրոնային կառավարման պաշտոնական կայք // <https://www.e-gov.am/> (հղումը կատարվել է).

15. Իրավական ակտերի նախագծերի հրապարակման միասնական կայք // <https://www.e-draft.am/> (հղումը կատարվել է).

B.G. KOIBAEV

*Doctor of Political Sciences, Professor
North Ossetian State University K.L. Khetagurov,
Vladikavkaz, Republic North Ossetia Alania, Russia*

A.B. NADZHARYAN

*Post-graduate student, North Ossetian State University
K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic
North Ossetia Alania, Russia*

INFLUENCE OF THE THIRD SECTOR ON THE PROCESS OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF STATE POLICY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

The authors of the article summarize the results of the study one by one of the most discussed and topical issues that periodically appear on the agenda

of Armenian parliamentarians and scientists, and most importantly, the interest in which is shown by a large number the socially active population of the post-Soviet space, after the political events in the Republic of Armenia.

Key words: *third sector, non-governmental organizations, civil society, democracy, Republic of Armenia.*

*доктор исторических наук, профессор кафедры
международных отношений и права Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса,
Россия, г. Владивосток*

*бакалавр кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ЭРОТИЧЕСКАЯ ГРАФИКА АБУНА-Э И СЮНГА ЭПОХИ ЭДО КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ

В данной статье авторы обратили свое внимание на тему, которая является одной из актуальных проблем в исследовании культурной идентичности Японии – влияние эротической гравюры абуна-э и сюнга на массовую культуру японского народа. Надо признать, что за прошедшие столетия эротическое искусство сформировало значимый сегмент мировой культуры. Игнорирование этого в значительной мере упростило бы наше представление, в целом, на развитие всего мирового культурного наследия. На протяжении многовековой истории политическая культура Японии для европейских исследователей оставалась закрытой системой. Когда границы великих восточных государств – Японии, Китая, Кореи открылись, жители Европы были поражены не только многообразием и богатством их культур, но и тем, что не укладывалось в их христианском сознании. В первую очередь речь шла об интимной стороне японцев. Ярким примером служили гравюры абуна-э и сюнга. Для европейцев было непостижимо японское восприятие секса, которое во многом исходит из синтоизма, который не несет сексуальных запретов. Более того, синтоизм рассматривал секс как нечто совершенно нормальное. Исследуя данную проблему, в своей статье авторы делают попытку ответить на вопрос об истоках влияния на массовую культуру Японии такого жанра графического искусства периода Эдо, как абуна-э и сюнга.

Ключевые слова: Япония, период Эдо, жанр эротического искусства абуна-э и сюнга, культурная идентичность Японии, «весенние картинки».

Исследуя круг проблем, касающихся своеобразия массовой культуры Японии, авторы утверждают, что истоки ее были рождены в историческую эпоху Эдо (1603-1867). Именно этот период японской истории был обозначен как период «политики изоляции». Были ограничены контакты с другими государствами. Но исторический феномен заключается в том, что именно в период изоляции произошел полный расцвет городской культуры. Более того, с приходом к власти сегуна Иэясу Токугава в стране наступила эра относительной стабильности и расцвета. В этих условиях улучшалось положение японского среднего сословия – торговцев и купцов. Теперь они могли позволить себе развлечения, прежде доступные лишь знати. Среди них широкое распространение получили эротические рисунки и гравюры, дошедшие до наших дней как значимый сегмент изобразительного искусства, оказавший значительное влияние на развитие всего мирового культурного наследия. Это – эротические гравюры *абуна-э* и *сюнга*.

Сюнга (春画), или «весенние картинки», где многие гравюры изображают половые акты, происходящие весной. Поэтому повторяющейся темой в рамках жанра является изображение вишневого цветка: в Японии они могут символизировать короткую продолжительность жизни женской красоты, что является причиной того, что ими украшались кварталы удовольствий. Весна также является сезоном посадки и, таким образом, связана с плодородием. Сюнга имела ряд поджанров, которые включают в себя: *сюнпон* («весенние книги»), *энпон* или *кош-шокубон* (оба переводятся как «любовные книги»), *мукара-э* («картинки подушек»), иногда они хранились в ящике деревянной подушки, и *хига* («тайные картинки»), что говорит само за себя. Другое название – *абуна-э* («рискованные картинки»), которое обычно применялось к изображениям, которые больше напоминали о сексе, но не изображали его открыто [4]. Иногда эротические картинки также назывались *варай-э* («смешные картинки»), потому что многие из них имели сатирический оттенок и использовались для развлечения. Эротические книги с картинками также можно было бы просто назвать *э-хон*, что обычно означало «книги с картинками», но написанные символами, которые означали «эротические книги». Используемые символы могут быть выражены как *харуга*. Это слово заимствовано из Китая и Кореи, где эротическое искусство также было очень популярно [2].

Хотя буквальное значение слова «сюнга» имеет большое значение. По сути – это сокращение от сюнке-хиги-га. Японское произношение, обозначающее китайский набор из двенадцати свитков. На них изображали двенадцать половых актов наследного принца, который должен был выполнять в качестве требований Инь-Ян [3]. Из истории эротического искусства можно проследить, что японское влияние сюнга восходит к периоду Хэйан (794-1185 гг.). Именно в этот момент гравюра сюнга была найдена среди придворного класса. С помощью повествовательных рукописных листов

изображались сексуальные скандалы при императорском дворе или в монастырях. При этом персонажи, изображаемые на гравюрах, отображали придворных и монахов. Благодаря технике ксилографической печати количество и качество гравюр резко возросло. Были неоднократные попытки правительства запретить «весенние картинки». Первой попыткой стал изданный сегуном Токугава в 1661 году указ, запрещающий эротические книги. Они вошли в историю культуры как кесокубон (буквально «непристойные книги»). В то время как другие жанры, охватываемые эдиктом, такие как произведения, критикующие дайме или самураев, были запрещены, сюнга продолжала создаваться без особых трудностей [2].

В период реформ **Кехо** (в частности эдикт 1722 года), запреты были гораздо более строгими. Был запрещен выпуск всех новых книг. После этого указа сюнга перестала иметь широкое хождение. После этого указа в течение нескольких десятилетий издательские гильдии неоднократно напоминали своим членам не продавать гравюры. Однако, производство и продажи не снижались. Дальнейшие попытки предотвратить производство сюнга были предприняты с помощью реформ **Кансэя** при императоре Кокаку в 1790-х годах.

В свою очередь *абуна-э* также является поджанром эротической гравюры, на которых изображали частично обнаженных женщин. Изображения гравюр повествовали их повседневную деятельность. Например, купание и мытье волос частично обнаженных женщин, наслаждение ими вечерней прохладой. В истории мировой эротической культуры принято считать то, что *абуна-э* была создана в 1772 году. Именно в это время правительство запретило сексуальные картинки. Общепринято и то, что по сравнению с откровенно сексуальной *сюнга* абуна-э является аналогом современной эротики. Эротическое искусство сюнга возникло из движения *укие-э*, которое прославляло и идеализировало жизнь купцов, ремесленников и тому подобных людей. Или, другими словами, средний класс Японии: обычные люди, которым нравится заниматься обычным сексом в уединении своих обычных домов [4].

Таким образом, период развития абуна-э можно считать дальнейшим процессом и популяризации половых актов как искусства в сознании людей. Важно отметить, что сюнгой увлекались не только мужчины, но и женщины. Более того, данные произведения искусства демонстрировали молодому поколению для развития полового воспитания. Старшее поколение также наслаждалось гравюрами, с особым восхищением вспоминая былые времена.

Вот почему большинство сцен сюнга изображены под низким углом. Это был способ образно опустить зрителя до уровня субъекта и, как следствие, приблизить его к совершенно нормальному половому акту. Короче говоря, многие изображения сюнга были направлены на нормализацию сек-

са, в противовес несколько пуританскому конфуцианству, которое доминировало в правительстве Японии в то время (и даже несколько раз запретило эротические фотографии по всей стране). Таким образом, художники сюнга фактически также возвращались к своим культурным корням.

С момента своего зарождения (ориентировочно VII-VIII вв.) сюнга сильно отличалась по качественным и ценовым характеристикам. В то время как некоторые были ограничены в цветовой гамме, некоторые из них были очень сложными в исполнении. Поэтому заказывали их только богатые купцы и дайме. Они были доступны через библиотеки-ссудники, которые путешествовали по сельским районам. Вследствие этого сюнга достигла всех слоев общества. В том числе крестьян, чонинов, самураев и дайме. Характерно то, что работы жанра сюнга, были написаны между XVI и XVIII веками художниками укие-э. Это объясняется простым фактом. Они продавались художниками по более высокой цене, чем их обычные работы. Вследствие высокой востребованности они продавались легче. Характерно и то, что гравюры сюнга выпускались и продавались либо в виде отдельных листов, либо, чаще всего, в виде книги, называемой энпон. Они обычно содержали двенадцать изображений. Эта традиция уходит своими глубокими корнями в китайское шункю Хига. История показывает еще один факт. Сюнга производилась в формате ручного свитка, называемом какэмоно-э. Несмотря на то, что этот формат более дорогим, он также был популярен, так как свитки должны были быть индивидуально окрашены [4].

Качество искусства сюнга различно. Лишь немногие художники укие-э остались в стороне от этого жанра. Только самые опытные из них находили, что им выгодно сосредоточиться на этом производстве. Это привело к появлению сюнга у известных художников, таких как мастер укие-э **Хокусай**. Художники укие-э были обязаны трудиться с целью добывать средства к стабильному существованию. Производство сюнга для высокопоставленного клиента могло принести такому художнику достаточно средств для того, чтобы прожить несколько месяцев. В результате появились новые приемы изображения. Так, всемирно известный японский мастер **Хадзимэ Сораяма** в конце XX-го и начале XXI-го веков использует свою специальную технику ручной живописи, но с сохранением традиций мастеров сюнга прошлых веков. Таких, как художник **Хокусай** [2].

Сюнга, эпохи Эдо, как правило, была более богато окрашена. Однако особенностью является то, что в различных регионах гравюры отличались по богатству красок. Так, в регионе камигата предпочитался более приглушенный, сдержанный стиль, чем, например, те, что производились в Киото и Осаке. Это объясняется разницей в эстетическом вкусе между этими регионами. Это также приводит к большому количеству деталей изображаемого фона в гравюрах сюнга эпохи Эдо. Еще одной особенностью является гравюр является и то, что после 1722 года большинство художников воздер-

жались от подписания своих гравюр. Так, между 1761 и 1786 годами применение новых форм печати стало более мягким. Поэтому многие художники стали скрывать свое имя как особенность картины. Например, каллиграфия на веере, который держит куртизанка или намеки в самой работе. Ярким примером этому служит эмпон **Утамаро** под названием **Утамакура** [3].

Еще одной немаловажной особенностью сюнга эпохи Эдо является то, что данный жанр гравюры стремился выразить разнообразный мир современных сексуальных возможностей. Так, некоторые авторы называют это созданием мира, параллельного современной городской жизни. Где идеализированный, эротизированный и фантастический мир отличается от городского. Присмотревшись к гравюрам сюнга можно с четкостью обнаружить то, что большинство из них изображают сексуальные отношения обычных людей – чонин, горожан, женщин, купцов, ремесленников и фермеров. Куртизанки также составляют предмет многих сюнга. К примеру, такого художника, как **Утамаро**, особенно почитали за его изображения куртизанок. Именно на его гравюрах они предлагали непревзойденный уровень чувствительности. А вот куртизанок художника Токугавы можно было бы назвать знаменитостями своего времени, а район удовольствий – **Есивара**. Из-за своей профессии мужчины считали их высокоэротизированными, но в то же время недостижимыми. Поскольку только самые богатые имели шанс вступить с ними в половую связь. А вот женщины видели в них далеких гламурных идолов. Вследствие этого мода в Японии была навеяна идеалами изображаемых куртизанок. По этим причинам их фетиш пришелся по вкусу многим японцам [4].

Гравюры, изображающие куртизанок, с тех пор начали подвергаться критике за то, что рисовали идеализированную картину жизни. Утверждалось, что они маскировали ситуацию виртуального рабства, в которой жили секс-работники. Однако **Утамаро** – это лишь один пример художника, который был чувствителен к внутренней жизни куртизанки. Например, показывая им тоскливо мечтающих о побеге из **Есивары** через брак [4]. Точно так же часто изображаются актеры кабуки, которые работали жиголо. Они несли в себе тот же самый фетиш секс-работника. Часто их изображали молодыми и вместе с самураями.

Во многих сюнга персонажи на гравюрах полностью одеты. Это происходит прежде всего потому, что в Японии нагота не была изначально эротичной. Люди привыкли видеть противоположный пол обнаженным только в общественных банях. Нагота в гравюрах служила художественной цели. Она помогала читателю идентифицировать куртизанок и иностранцев. Гравюры часто содержали символическое значение. Они привлекали внимание к тем частям тела, которые были открыты – к гениталиям [4].

Мужчины и женщины в гравюрах сюнга часто изображаются в нереалистичных позах и с преувеличенными гениталиями обоих. Объяснение этому

является то, что, во-первых, изображения включают факт ярко выраженную видимость откровенного сексуального содержания и, во-вторых, художественный интерес и психологическое воздействие, когда гениталии интерпретируются как «второе лицо», выражающее первобытные страсти. Именно они являются выражением повседневного лица и обязаны это скрывать. Поэтому гениталии имеют тот же размер, что и голова и из-за неудобного положения расположены неестественно близко к ней. Голландский эксперт укие-э **Уленбек** говорит: «сильные линии, используемые для очерчивания гениталий, создают динамизм, который в противном случае отсутствовал бы», а искусствовед **Тимон Скрич** предположил, что анатомическая/гендерная дифференциация отсутствует. Скорее, одежда отличает мужчин от женщин, и именно поэтому полная нагота встречается относительно редко. Кроме того, увеличенные половые органы обеспечивают окончательный метод для того, чтобы различить людей от женщин. Отсутствие гендерной анатомии в гравюрах заставляет художника сосредоточиться на гениталиях и одежде [4].

С другой стороны, Сюнга став важной частью японского общества приобрела функции, выходящие за рамки ее эстетической привлекательности. Ее основное использование включало просмотр и обмен картинами или книгами с близкими друзьями или сексуальными партнерами. Подобно индийской Камасутре, изображения сюнги также использовались для сексуального воспитания молодых пар. Хотя сюнга была заказана главным образом мужчинами, она была найдена среди приданого, подаренного японской невесте, что говорит о том, что она также высоко ценилась женщинами [4]. Большинство сюнга было создано художниками-ксилографами из популярной школы укие-э, жанр живописи, как уже говорилось, который в основном иллюстрировал жизненные радости, которые были массово выпущены в виде гравюр. Удивительно, но традиционные художники также создали большое количество сюнга, включая членов школы Кано, известных своими новаторскими светскими картинами [4].

К периоду Эдо в начале XVII – середине XIX веков в Японии уже существовала долгая история эротического искусства и светского сексуального выражения, что означало, что сюнга не была чем-то новым. Доисторические общества развивали фаллический культ в связи с их опорой на сельское хозяйство, и мифы о сотворении мира в Японии основаны на человеческом половом размножении. На протяжении веков фаллос и предметы в форме фаллоса (например, грибы) были выдающимися фигурами в резьбе, их можно было найти в святилищах, праздниках и вдоль дорог, и они традиционно и суеверно относились к удаче, здоровью и долголетию [1]. То, что допускало такую открытость сексуальных образов и выражений, было отсутствием какого-либо строгого религиозного кодекса, который контролировал бы сексуальное поведение. В отличие от Запада, где господствовала строгая иу-

део-христианская идеология, в Японии не было никакого морального стыда и стигматизации, связанных с сексом или производством эротических образов – только строгая классовая система, основанная на конфуцианстве, которая диктовала уважение к статусу и оценку личного пространства.

Секс в Японии не имел никакого «мифического» или религиозного значения, как это было в Индии и Китае. Кроме того, юмор и остроумие развивались на протяжении веков как общая часть сексуальности и были включены в более широкую культуру с помощью аллюзий, эвфемизмов, связанных с сексом историй и поэзии. Эти и другие культурные и религиозные факторы позволили рассматривать секс как более натуралистичный, приятный опыт между партнерами, что, в свою очередь, породило широкий спектр приемлемого сексуального поведения в современной Японии, включая однополых партнеров и сексуально связанные продукты, такие как секс-игрушки, руководства и даже сеть секс-магазинов. Ко времени эпохи Эдо нормальность и юмор, присущие сексу, высокоразвитые формы сексуального самовыражения и отсутствие морального или религиозного контроля – все это трансформировалось в раннюю современную культуру, которая позволила сюнге процветать как жанру популярного искусства, а сексу быть открытым, веселым и легко доступным. Изначально сюнга появилась в Китае, где данные иллюстрации использовались в медицинских пособиях. На сюнгу большое влияние оказали иллюстрации в руководствах по китайской медицине, начиная с эпохи Муромати (1336-1573 гг.). **Чжоу Фан**, известный китайский художник эпохи Тан, также считается влиятельным человеком. Он, как и многие художники его времени, склонен был рисовать гениталии в чрезмерной манере. Именно его преувеличение размеров половых органов установило особенность гравюр.

Вестернизация культуры и внедрение новых технологий (в частности импорта методов фоторепортажа) в начале эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.) стало серьезным фактором для жанра сюнги. Какое-то время продолжала использоваться ксилография. Но на гравюрах стали появляться фигуры в западной одежде и прическах. В конце концов, сюнга больше не могла конкурировать с эротической фотографией, что привело к ее упадку [4].

В период с 1918 по 1939 год появился новый подвид укие-э *эро гуру нансэнсу* (от англ. «erotic», «grotesque» и «nonsense»). Данный жанр также был связан с эротикой, но был омрачен эстетикой насилия, что приносило как удовольствие, так и отвращение. Эро гуру проявлялся еще во времена сюнги, например, в работе **Хокусая** «Сон жены рыбака». Страшные образы, фигурирующие в подобных произведениях, олицетворяют скорее иронию по отношению к влиянию европейского отношения к эротическому искусству Японии, которое воспринималось как что-то ужасное и отвратительное.

В настоящее время искусство сюнга послужило источником вдохновения для искусства **Сева** (1926-1989 гг.) и **Хэйсэй** (1989-2019 гг.). Это про-

слеживается в японских видеоиграх, аниме и манга, известных в западном мире как хентай и официально известных в Японии как «дзю-хати-кин» (только для взрослых, буквально – «18-ограниченный»). Как и сюнга, хентай в своих образах является сексуально откровенным.

Таким образом, гравюры сюнга имеют выразительную историю, которая в той или иной степени отражается на культурной идентичности Японии. Сюнга со своими сюжетами показывает тонкости повседневной жизни японцев, находя в этом, как и частичку юмора, так и поучительные инструкции. Не у многих мировых культур их уникальность, от части, заключается в идеях либерализации сексуальных тем, которые имеют невероятные воплощения. Но самым важным является то, что культурные достижения Японии прошлых веков, являются, по сути своей, вдохновением и мотивацией развивать те, или иные художественные приемы, и отражать их в новых видах искусства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Cezary Jan Strusiewicz. Shunga: 3 Essential Things to Know About Japanese Erotic Prints // Japan Objects. 2020 // <https://japanobjects.com/features/shunga>.

2. Redjou Rachael. Shunga: Erotic Art in the Tokugawa Era // Western Libraries Undergraduate Research Award. 2016 // https://cedar.wvu.edu/library_researchaward/10.

3. Shunga: Japan's Ancient Erotica // Tofugu LLC. 2014 // <https://www.tofugu.com/japan/shunga-japanese-erotica/>.

4. What is Shunga? // Shunga Gallery // <https://shungagallery.com/what-is-shunga/>.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Law
of the Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia*

D.A. ZHIVOTOVA

*Bachelor of the Department of International
Relations and Law of the Vladivostok State University
of Economics and Service, Vladivostok, Russia*

EROTIC GRAPHICS OF ABUNA-E AND SHUNGA OF THE EDO ERA AS A SOURCE OF FORMATION OF JAPAN'S MASS CULTURE

In this article the authors paid their attention to the topic, which is one of the actual problems in case of the research of Japanese cultural identity – the influence

of abuna-e and shunga engraving on common Japanese culture. Ignorance can simplify our view of world cultural heritage. During the centuries political culture of Japan for the European scientists was a closed system. When the borders of great eastern countries – Japan, China and Korea were opened, the European residents were amazed by the variety and wealth of their culture. Firstly, it was the intimate part of the Japanese culture. The brightest examples were abuna-e and shunga engraving. For the Europeans it was incomprehensible perception of sex, mostly coming from Shintoism, which does not bear sexual prohibitions. Moreover, sex was considered as something normal. During the research of the problem the authors try to answer the question about the origins of influence on the common Japanese culture of this genre of graphic art of the Edo Era like abuna-e and shunga engraving.

Key words: *Japan, the Edo Era, the genre of the erotic art abuna-e and shunga, cultural identity of Japan, «spring pictures».*

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.018

УДК 327.7: 341.1: 578.834.1

А.Г. КУЗЯКИН

аспирант Гуманитарного института
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

С.Н. ПОГОДИН

доктор исторических наук, профессор
Гуманитарного института Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

РОЛЬ ВОЗ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

Рассмотрено влияние коронавирусной инфекции на жизнедеятельность мирового сообщества, на системы здравоохранения с позиции поддержки ВОЗ. Дана характеристика пандемии коронавируса COVID-19 как мировой глобальной проблемы, что требует решения на международном уровне и в частности координации со стороны ВОЗ. Уделено внимание новому термину, введенному ВОЗ в связи с пандемией коронавируса – инфодемия. Охарактеризована деятельность ВОЗ и экспертов по ее заданию относительно угроз COVID-19 для мирового сообщества, его последствий и направлений преодоления. Проанализирована критика деятельности ВОЗ и ее эффективности по преодолению пандемии со стороны правительств и экспертов. Определены основные меры и необходимые изменения в деятельности ВОЗ для преодоления пандемии COVID-19 и готовности к возможным будущим пандемиям.

Ключевые слова: ВОЗ, COVID-19, пандемия коронавируса, координирующая роль, эпидемиологический кризис.

События, получившие огласку зимой 2020 года, навсегда войдут в историю как катастрофа планетарного масштаба. Именно планетарного, поскольку пандемия COVID-19 коснулась каждой страны мира, а Всемирная организация здравоохранения данную ситуацию назвала беспрецедентным явлением. Истории человечества известны и другие пандемии (чума, испанский грипп и т.д.), но ни одна из них столь коренным образом не изменила весь мир.

Феномен пандемии как своеобразный эпидемиологический кризис представляет собой распространение нового заболевания в мировых мас-

штабах. По данным ВОЗ, пандемию объявляют, когда новая болезнь, от которой у человека нет иммунитета, непредсказуемо распространяется по всему миру [2].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ, 2020 г.) определяет вспышку COVID-2019 как «чрезвычайную ситуацию в отрасли общественного здравоохранения, что имеет международное значение» [8]. COVID-19 превзошел все другие инфекции, повлек масштабную вспышку респираторной болезни, которая быстро превратилась в глобальную пандемию с далеко идущими последствиями. Около 3 миллиардов лиц по всему миру находятся в разных формах изоляции. Происходит масштабный «естественный эксперимент» (по А.Ф. Лазурскому [5]).

7 апреля 2021 исполнилось 75 лет со дня принятия устава Всемирной организации здравоохранения. На фоне пандемии коронавируса, она столкнулась как с увеличением запросов на поддержку от стран мира, так и с резкой критикой, ведь в данной ситуации выкристаллизовались и проблемы в деятельности организации [1].

Представляя список крупнейших угроз в январе 2020 года, ВОЗ заявила, что пандемия вируса «неизбежна, но страны во всем мире продолжают тратить больше на реагирование на эти чрезвычайные ситуации, чем на подготовку к ним» [4].

С начала вспышки ВОЗ работает с глобальной сетью экспертных лабораторий по всему миру для поддержки тестирования и лучшего понимания COVID-19 [6]. Исследовательские группы совершили секвенирования SARS-CoV-2 и опубликовали результаты в общедоступных базах данных. Это позволило ученым из разных стран мира лучше отслеживать вирус и его изменения.

В сеть ВОЗ входит специальная рабочая группа по эволюции вирусов SARS-CoV-2, которая имеет целью быстро выявлять новые мутации и оценивать их возможное влияние. При этом, организация также призвала страны, которые могут проводить секвенирование вирусов самостоятельно, обмениваться полученными данными с другими государствами, что позволит лучше отслеживать распространение COVID-19 и реагировать на его эволюцию.

Также ВОЗ разрабатывает рекомендации относительно поведения во время пандемии и обновляет их, в зависимости от полученных данных. Среди основных рекомендаций, которые с начала пандемии начал выполнять мир: ношение масок, соблюдение социальной дистанции минимум в один метр, избегание больших скоплений людей и регулярное использование антисептиков [10].

Кроме того, ВОЗ регулярно подчеркивает, что мир можно обезопасить от продолжения пандемии только в том случае, если все государства мира получат «справедливую долю» вакцины против COVID-19 [9]. Для обеспечения равного доступа к вакцинам под эгидой ВОЗ создана инициатива

COVAX [7]. Она, прежде всего, ориентирована на поддержку стран со средним и низким уровнем дохода.

ВОЗ также призывает мир отказаться от внедрения «зеленых паспортов вакцинации», прежде всего из-за того, что пока нет данных о том, как долго будет держаться иммунитет после прививки. Однако эту рекомендацию часть стран игнорирует: 20 марта 2021 г. Европейская комиссия предложила создать «зеленые» цифровые паспорта, которые позволят вакцинированным против COVID-19 гражданам путешествовать в пределах Европейского Союза. Паспорта вакцинации также уже ввели в Израиле и Великобритании.

В компетенцию организации также входит исследование происхождения коронавируса. В январе 2021 ВОЗ получила от КНР разрешение на приезд экспертов, которые расследовали причину пандемии COVID-19. По результатам расследования, эксперты пришли к выводу, что «очень маловероятно», что коронавирус возник из-за утечки из лаборатории в Ухане. Зато наиболее вероятной версией группа назвала передачу вируса от летучих мышей [11].

Медицинские работники признаны такими, что входят в группу наибольшего риска заражения [12]. ВОЗ принято временное наставление об обеспечении безопасности и здоровья медицинских работников в условиях COVID-19 [3], ключевыми моментами которого следует выделить следующие:

- медицинские работники должны продолжать пользоваться своим правом на достойные и безопасные условия труда в контексте COVID-19;
- первичная профилактика COVID-19 среди медицинских работников должна базироваться на оценке рисков и вводе соответствующих мер;
- следует рассмотреть другие профессиональные риски, усиленные пандемией COVID-19, включая насилие, преследование, стигматизацию, дискриминацию, большую рабочую нагрузку и длительное использование средств индивидуальной защиты;
- всем медицинским работникам следует обеспечить услуги по охране здоровья на работе, психического здоровья и психосоциальной поддержки, надлежащие санитарные условия, средства гигиены и возможности отдыха;
- заведения здравоохранения должны иметь программы по вопросам здоровья на работе вместе с программами профилактики инфекций и инфекционного контроля;
- работодатели несут общую ответственность за обеспечение всех необходимых профилактических и защитных мер относительно минимизации профессиональных рисков для медицинских работников;
- медицинские работники несут ответственность за соблюдение установленных правил защиты своей безопасности и здоровья на работе.

Работа ВОЗ оказалась в центре мирового внимания на пороге полномасштабной пандемии коронавируса в январе 2020 года, ведь в распоряжении организации есть тысячи экспертов и возможности координировать

мировое реагирование на новую болезнь. Однако на фоне распространения нового вируса, ВОЗ подверглась резкой критике за поддержку Китая и даже потеряла финансовую поддержку США: в апреле 2020 45-й президент США Дональд Трамп заявил, что ВОЗ «пропустила звонок» по-новому коронавирусу, обвинил ее в том, что организация «ориентирована на Китай» и приостановил финансирование со стороны США.

Обвинения в поддержке Китая появились после того, как в конце января генеральный директор ВОЗ Тедрос Адхан Гебрейесус встретился в Пекине с президентом КНР Си Цзиньпин и похвалил его работу в сдерживании эпидемии и открытость страны по обмену информацией. Такое заявление Гебрейесус сделал на фоне сообщений правозащитников о преследовании жителей Уханя, которые пытались распространять информацию о реальном положении вещей с заболеванием в городе. В частности, суд Китая приговорил к четырем годам заключения гражданскую журналистку Чжан Чжянь, которая рассказывала миру о том, что происходило в Ухане во время вспышки коронавируса.

То, что организация слишком подвержена влиянию КНР заявлял и Тайвань: страна не относится к ВОЗ, поскольку только частично признана миром отдельным государством и фактически остается частью Китая. Поэтому Тайвань заявлял, что не может вовремя получать информацию о коронавирусе, а значит – адекватно реагировать на распространение болезни.

Кроме того, ВОЗ продолжают обвинять в слишком медленном реагировании на пандемию. Так, в январе 2021 швейцарская Независимая группа по обеспечению готовности к пандемии и реагирования на нее подготовила отчет с соответствующим заключением. В частности, в документе отмечается, что ВОЗ не объявляла эпидемии коронавируса пандемией до марта 2020 года, несмотря на то, что некоторые эксперты в области здравоохранения уже использовали этот термин, а в мире на тот момент уже насчитывалось 118 000 случаев и более 4000 смертей.

«Хотя термин пандемия не используется и не определен в международных медицинских правилах (2005 г.), Его использование действительно служит для сосредоточения внимания на серьезности событий, связанных со здоровьем», – говорится в отчете.

Авторы отчета отметили, что ВОЗ не выполняет ожидаемую от нее работу, имеет «существенные ограничения» полномочия по проверке сообщений о вспышках заболеваний на предмет пандемического потенциала или поддержке на местах.

В апреле 2020 Австралия заявила, что не может полагаться на рекомендации ВОЗ в вопросах борьбы с коронавирусом и только пандемия закончится, выйдет из организации.

Спикеры ВОЗ осуществляют работу по распространению важной информации для общественности, чтобы люди могли соблюдать необходимые

и надлежащие меры предосторожности, а правительства могли планировать и реагировать соответствующим образом. Невзирая на то, что представители общественного здравоохранения стремятся сдержать распространение вируса и смягчить губительные последствия для здоровья населения, во всем мире растет тревога, усиливается реакция на стресс.

Следует отметить, что ковидная пандемия внесла множество новых терминов и явлений в отрасли здравоохранения. В частности, с началом пандемии параллельно развивалась такая болезнь в сфере человеческой психики и интеллектуальных способностей, как инфодемия. Под ней понимается распространение чрезмерного количества информации об определенной проблеме, из-за чего решение ее становится еще сложнее. Данный термин появился в начале 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения начала говорить о нашествии фальшивых и тревожных новостей о пандемии COVID-19. Ежесекундно интернет, социальные медиа и различные информационные службы распространяли на огромную аудиторию информацию, которая часто была некорректной, неправдивой и в определенной степени вредной. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебреисус назвал инфодемию одним из наибольших вызовов нашего времени. Она, по его словам, вызывает лишнюю панику и путаницу, а также разъединяет людей. Исследователи из Университета Восточной Англии выявили, что дезинформация во время эпидемий инфекционных заболеваний может сделать эти вспышки серьезнее.

«COVID-19 – это Чернобыль 21-го века» по заключению экспертов в независимом отчете, который заказала Всемирная организация здравоохранения. Независимая рабочая группа по готовности к пандемии и реагированию на них, которая подготовила отчет, резко раскритиковала и ВОЗ, и правительства стран мира за то, как они реагировали на нынешнюю пандемию. По словам экспертов, это реагирование было «токсичным коктейлем».

Независимые эксперты в своем исследовании выявили слабые места в каждом элементе цепочки готовности и реагирования. Подготовка была непоследовательна и недофинансирована. Система предупреждения была слишком медленная и слишком мягкая. Всемирная организация здравоохранения имела слишком мало полномочий. В реагировании были преувеличены неравенства. Глобальное политическое управление отсутствовало. Все это – главные выводы исследования, которое по заказу ВОЗ подготовила Независимая рабочая группа по готовности к пандемии и реагирования на них.

Но, предлагая ряд мер в связи с нынешней пандемией, авторы отчета предупреждают: мир не может себе позволить сосредоточиться только на COVID-19 – он должен вынести уроки из нынешнего кризиса и уже начать планировать ответ на следующий, иначе опять будут потеряны такие ценные время и импульс к действию. Мир должен быть готов предотвратить превращение следующей вспышки какого-то заболевания пандемии,

говорится в отчете под названием «COVID-19: пусть это будет последняя пандемия». Рабочая группа из 13 экспертов, назначенная по решению ВОЗ, работала над этим 86-страничным отчетом восемь месяцев.

В частности, по данным исследователей, медики в китайском Ухане быстро определили необычные вспышки пневмонии неизвестного происхождения в конце декабря 2019 года. Но процедуры официальных сообщений и объявления чрезвычайной ситуации, предусмотренные действующими Международными правилами в области здравоохранения, были слишком медленными, чтобы вызвать быструю реакцию на опережение, которая была бы необходима для противодействия новым быстро распространяемым респираторным патогенам. Из-за этого было потеряно столь ценное время.

Но и после того, как 30 января 2020 была объявлена чрезвычайная ситуация международного значения в области здравоохранения, слишком много стран заняли выжидательную позицию вместо того, чтобы прибегнуть к энергичной стратегии сдерживания, – что могло бы приостановить мировую пандемию.

Заболевания распространялось на новые страны, а национальные и международные системы не справились с удовлетворением неотложных потребностей в поставках.

Страны, которые медлили с реагированием, также характеризовались отсутствием координации, непоследовательными или отсутствующими стратегиями и не учетом значимости научных данных при принятии своих решений.

Также отсутствовало глобальное скоординированное лидерство в противостоянии пандемии, этому противостоянию не хватало средств, а наращивание финансирования в этом направлении было слишком медленное. Работники ВОЗ делали все, что могли, чтобы предоставить странам советы и поддержку, но страны-члены этой организации предоставили ей слишком мало полномочий, чтобы она могла сделать надлежащую ей работу, говорится в исследовании.

Все это привело к все большим неравностям между странами в противостоянии пандемии с непропорциональным общественно-экономическим влиянием на женщин, уязвимые и маргинализированные группы населения, в частности на мигрантов и работников неофициального трудового сектора. Для людей с тяжелым состоянием здоровья это еще усложнило ситуацию, а обучение миллионов детей, которые находились в наиболее невыгодной ситуации, пандемия просто прекратила.

При этом выяснилось, что богатство страны не было залогом успеха. Целый ряд стран с низкими и средними доходами успешно воплотила такие меры в здравоохранении, которые удержали заболеваемость и смертность на минимуме. А целый ряд стран с высокими доходами не сделал этого.

Полномочия и деятельность ВОЗ не смогла защитить мир от пандемии COVID-19. И если не изменить статус ВОЗ сейчас, то она не защитит

и от последующей пандемической угрозы, которая может наступить в любой момент.

Поэтому эксперты, проанализировав развитие ситуации при нынешней пандемии, предложили ряд рекомендаций. Одна группа их направлена на обуздание этой пандемии, другая имеет целью превратить международную систему готовности к пандемии и реагирования на них таким образом, чтобы не дать в будущем любой вспышке инфекционного заболевания превратиться в пандемию.

Первая группа рекомендаций предусматривает, что страны с высокими доходами и возможностями производить вакцины должны обязаться предоставить 92 странам с низкими и средними доходами по программе COVAX по крайней мере один миллиард доз не позднее, чем до 1 сентября 2021 года, и еще более двух миллиардов к середине 2022-го.

Кроме того, Всемирная торговая организация и ВОЗ, по мнению экспертов, должны устроить собрание на уровне главных стран-производителей вакцин и самих производителей с тем, чтобы они согласились на добровольную передачу лицензий и технологий для производства вакцин против COVID-19. Если же этого не произойдет, то предлагается изъять права на интеллектуальную собственность на эти вакцины.

Для противостояния в будущем пандемии эксперты советуют повысить уровень готовности. В частности, по их мнению, следует создать Совет по глобальным угрозам общественному здоровью во главе с главами государств или их правительств. Также эти государственные руководители должны на специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2021 принять политическую декларацию и обязаться изменить подход к готовности к пандемии и реагирования на них, а в течение следующих шести месяцев должна быть принята рамочная конвенция по пандемии.

Также должна быть обеспечена финансовая независимость ВОЗ с увеличением взносов стран-членов в бюджет организации, повышен авторитет и независимость генерального директора ВОЗ, с тем, чтобы на эту должность выбирали на единый семилетний срок (сейчас этот срок составляет пять лет), но без права на переизбрание, а также расширен мандат ВОЗ, в частности в области ведущей и координирующей роли в оперативных аспектах реагирования на пандемии в чрезвычайных ситуациях, но без того, чтобы в большинстве случаев перебирать ответственность за поставки.

А еще все правительства стран должны в течение следующих шести месяцев обновить свои собственные планы готовности к противостоянию пандемии в соответствии с целями и показателями, которые должна установить ВОЗ.

ВОЗ же должна создать новую глобальную систему наблюдения, которая основывалась бы на открытости и прозрачности всех сторон, и получить прямые полномочия публиковать информацию о вспышках заболеваний

с пандемическим потенциалом немедленно, без предварительных одобрений правительствами отдельных стран, а также исследовать патогены с пандемическим потенциалом с возможностью доступа к соответствующим местам, с правом сбора образцов и получения для международных экспертов многократных виз для посещения мест вспышек.

Необходимым является создание Международного фонда финансирования в случае пандемий, в который в течение 10-15 лет, по мнению экспертов, следует вносить по 5-10 миллиардов долларов каждый год, чтобы получить возможность в случае кризиса предоставить незамедлительно суммы в 50-100 миллиардов долларов. Большую долю взносов в такой фонд должны предоставлять крупные и богатые экономики.

В целом можно констатировать, что на сегодня ВОЗ уже наработаны инструменты для того, чтобы положить конец тяжелым болезням, смертям и общественно-экономическому вреду, которые вызвала пандемия COVID-19, однако еще предстоит принять ряд мер для вывода данного вируса из списка пандемий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акимов А.В.* Роль ВОЗ в борьбе с COVID-19. Итоги первого года пандемии // *Международная жизнь*. 2021. № 5.
2. ВОЗ: регулярные отчеты про ситуацию // <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports>.
3. Временные рекомендации «COVID-19: безопасность труда и здоровья медицинских работников» от 2 февраля 2021 года.
4. Клиническое ведение случая COVID-19. Временные рекомендации от 27 мая 2020 г. Женева: Всемирная организация здравоохранения // [https://www.who.int/publications/i/item/clinical-management-of-severe-acute-respiratory-infection-when-novel-coronavirus-\(ncov\)-infection-is-suspected](https://www.who.int/publications/i/item/clinical-management-of-severe-acute-respiratory-infection-when-novel-coronavirus-(ncov)-infection-is-suspected).
5. Критическая подготовленность, готовность и реагирование на COVID-19. Временные рекомендации от 4 ноября 2020 г. Женева: ВОЗ // <https://www.who.int/publications/i/item/critical-preparedness-readiness-and-response-actions-for-covid-19>.
6. *Лазурский А.Ф.* Естественный эксперимент и его школьное применение: Сборник статей / под ред. А.Ф. Лазурского. П., 1918.
7. Механизмы передачи вируса SARS-CoV-2 и их значение для выбора мер профилактики // Резюме научных исследований ВОЗ 9 июля 2020 г.
8. Портал про коронавирусы // <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019>.
9. Рекомендации по разработке национального плана развертывания вакцинации и иммунизации против COVID-19. Временные рекомендации от 16 ноября 2020 г. Женева: Всемирная организация здравоохранения // https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/336603/WHO-2019-nCoV-Vaccine_deployment-2020.1-eng.pdf.

10. Советы для общественности от ВОЗ // <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters>.

11. Эксперты Китая и ВОЗ завершили исследования источника происхождения коронавируса в Ухане // *Международная жизнь*. 09.02. 2021 // <https://interaffairs.ru/news/show/29016>.

12. *Chow R., Dana T., Buckley D.I., Self S., Fu Rongway, Totten A.M.* Epidemiology and Risk Factors for Coronavirus Infection in Health Care Workers: Current Concise Review // *Ann Intern Med*. 21.07.2020. № 173 (2).

A.G. KUZYAKIN

*Ph.D. candidate, Humanities Institute,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russia*

S.N. POGODIN

*Doctor of Historical Science professor,
Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*

WHO'S ROLE IN COUNTERING THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC

The impact of coronavirus infection on the life of the world community, on health systems from the standpoint of WHO support is considered. The characterization of the COVID-19 coronavirus pandemic as a global global problem is given, which requires a solution at the international level and, in particular, coordination by WHO. Attention is paid to a new term introduced by WHO in connection with the coronavirus pandemic – infodemic. The activities of WHO and experts on its assignment regarding the threats of COVID-19 for the world community, its consequences and directions for overcoming are characterized. The criticism of WHO's activities and its effectiveness in overcoming the pandemic from governments and experts is analyzed. The main measures and necessary changes in the activities of WHO have been identified to overcome the COVID-19 pandemic and prepare for possible future pandemics.

Key words: *WHO, COVID-19, coronavirus pandemic, coordinating role, epidemiological crisis.*

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.019

УДК 94(497.4) «190/192»

А.А. ЧЕМШИТ

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политических наук и философии
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,*

Россия, г. Севастополь

А.А. КОВАЛЕВСКИЙ

*аспирант кафедры политических наук и философии
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета,*

Россия, г. Севастополь

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В БОЛГАРИИ

Часть I

В центр внимания статьи вынесена Болгария – старейшее государство в Европе, возникшее в своих нынешних границах уже в 700-х гг. задолго до возникновения большинства других стран, ныне составляющих Европейский Союз. Обращение к обозначенной теме вызвано динамично развивающимися на Балканах сложными, конфликтными процессами, в которых немаловажное место занимает Болгария, как «осевое» государство региона. Статья имеет цель осмысление формирования болгарского видения своего места и роли в мире и регионе, своих национальных интересов, культурно-исторических, ментальных и когнитивных предпосылок и оснований современной внешней политики Болгарии, основных противоречий, проявляющихся в современном национальном геополитическом дискурсе, тенденций изменений болгарского общественного мнения по геополитическим проблемам и поиске связанных с этим осмыслением возможностей для укрепления геополитических позиций России в этой стране, на Балканах и в Черноморском регионе.

Ключевые слова: *геополитика, глобализм, геополитическое сознание, Запад, Россия, Турция.*

Хотя Республика Болгария не играет и не может играть никакой значительной роли в мировой политике, оценка глобального соотношения сил и его влияния на политику страны является обязательным элементом адек-

ватного анализа, оценки и планирования ее международного поведения. В основном болгарский геополитический дискурс в этом аспекте не отличается оригинальностью. В нем присутствуют характерные для Европы в целом разделения «глобализм – альтерглобализм», «европеизм – евроскептицизм», «русофилия – русофобия», а общая проблема отношения к исламу и исламу преломляется здесь прежде всего в отношении к Турции и туркам («туркофилия – туркофобия»). Тем не менее, отдельные болгарские исследователи претендуют на продуцирование относительно оригинальных концепций.

Так, по мнению Димитра Чуровского, в существующих определениях геополитики отсутствует одна важная составляющая – битва за будущее человечества, которая стала особенно значительной и ожесточенной после распада мировых империй в конце Первой мировой войны и в которой столкнулись идеологии, нацеленные на мировое господство – коммунизм, национал-социализм и финансовизм. Сегодня, после провала идеологий коммунизма и фашизма, на исторической сцене наблюдается противостояние двух идеологий – финансовизма с его курсом на создание нового мирового порядка и панисламизма с его идеей мирового халифата. Когда возникла необходимость теоретически обосновать идеологию финансовизма, из-за кулис вышел Джордж Сорос, человек сомнительной морали, обогатившийся на финансовых спекуляциях, член закрытого Бильдербергского клуба. Он основал Фонд «Открытое общество», название которого отражало образ нового мирового порядка как униполярного «открытого общества», в котором господствует финансовый капитализм и действует мировое правительство. В противовес этой идеологии некоторыми радикальными представителями мусульманского мира был предложен проект «Мировой халифат», однако оба эти проекта бесперспективны. Также в последние годы появилась и другая, многополярная модель.

Д. Чуровский отмечает, что финансовый капитализм порождает глобальные проблемы, которые не решаются вызывающей их системой. Он считает объективно predetermined смену финансового капитализма и сегодняшней властной элиты посткапиталистической организацией и новым механизмом управления. Это подразумевает «переход от иерархической к сетевой структуре, переход от демократии к коллабократии или, вообще, к построению общества, основанного на сотрудничестве» [11]. По словам Чуровского, «ирония истории заключается в том, что могильщиком капитализма оказался не рабочий класс, как предположил Маркс в середине XIX в., а банкиры, соблазненные их жадностью, эгоизмом, самолюбием и высокомерной верой в то, что Бог избрал их править миром. Но у Бога нет избранных, он олицетворяет объективный фактор» [12].

При этом он обращает внимание, что Россия, Китай и Индия так и не сформулировали свои модели будущего. Он предполагает, что «после

краха мировой революции и распада СССР Россия находится в состоянии посттравматической депрессии, Китай распят на двойственную государственную систему, а Индия все еще не может вырваться из комплексов своего колониального прошлого. Это ставит их в невыгодное положение, поскольку, не принимая униполярную модель и пропагандируемый ею новый мировой порядок, они не предлагают альтернативную модель реорганизации общества».

По его словам, «геополитика сегодня – это борьба за навязывание однопольярной или многопольярной модели в международных отношениях. Эта борьба не является решением, которое определяет будущее, потому что в принципе она включает в себя противостояние и бесконечный конфликт. Сегодня война возможна, даже вероятна, но в то же время совершенно бессмысленна. Если что-либо можно с абсолютной уверенностью предсказать как результат такой войны, то это то, что финансовый капитализм как система рухнет, финансизм как идеология уйдет в историю, как коммунизм и фашизм, и нынешняя властная элита исчезнет, как и все элиты, которые правили миром со времен римских патрициев до бывшей коммунистической номенклатуры. Также очевидно, что цена, которую человечество заплатит сегодня за некомпетентность, высокомерие и безрассудство правящих элит, будет многократно превышать цену, уплаченную за Первую и Вторую мировые войны.

Вместе с тем, для него «несомненно, что в какой-то момент одна или несколько глобальных проблем поставят мир перед лицом апокалиптической катастрофы, и тогда геополитика перейдет от геополитики идеологий мирового господства к геополитике выживания человечества» [11]. Этот переход будет обусловлен обостряющимся противоречием между ошеломляющим развитием науки и техники и сопровождающим его ужасным упадком морали, что он образно определяет, как «апокалиптическую бомбу», способную уничтожить не только человечество, но и высшие формы жизни на планете. К сожалению, как отмечает Чуровский, правящие элиты сегодня все еще понимают геополитику как расширенный синоним международных отношений и остаются плененными идеологическими иллюзиями в то время, когда она становится борьбой за выживание человечества. А это – не борьба за однопольярную или многопольярную модель организации мирового общества, как сегодня представляется. Выживание требует переосмысления самой парадигмы социальной жизни.

На данный момент наиболее вероятным сценарием этого перехода является столкновение уже сформированных полюсов, что аналогично ошибке, которую мировые империи совершили, спровоцировав Первую мировую войну, с иллюзорными представлениями о своих силах и способностях и с наивной надеждой, что любая из них станет мировой державой. В результате этой войны четыре мировые империи исчезли с карты мира, и вме-

сте с ними безнадежно устаревшие и неспособные управлять более современным индустриальным обществом более мелкие монархии [11].

В начале XX в., когда геополитика превратилась из борьбы за территории и контроля морей и океанов в идеологическую битву за мировое господство, правящие элиты феодальной аристократии, представленные королями и императорами, не смогли реализовать эту тенденцию развития, спровоцировав Первую мировую войну, и были сметены ею. Сегодня ситуация похожая. Геополитика находится в переходе от идеологической битвы за мировое господство к борьбе за выживание человечества. Для сегодняшней правящей элиты вполне закономерно и объяснимо не знать об этой тенденции развития, подобно феодальной элите сто лет назад. Очевидно, что правящим элитам всех времен легче исчезнуть с исторической сцены, чем изменить свое мышление и принять новую парадигму мира – но такова диалектика исторического развития и социальной эволюции [12].

Взгляд Ангела Димова, представленный в его книге «Болгарская геополитика», может служить примером более классического геополитического мышления. Еще в первом издании книги он доказывает, что мир становится многополярным, хотя США используют различные механизмы навязывания однополярного мирового порядка. Из этих несколько противоречивых положений вытекает по сути, что однополярная и многополярная модели ныне как-бы сосуществуют. По словам Димова, «в однополярном мире имеет место неolibеральный тип глобализации. Его главной движущей силой является зарубежная финансовая и неосионистская олигархия. Представители этой олигархии используют глобализацию в интересах современных военных, спекулятивных и мафиозных капиталов» [2. С. 44-45]. Наряду с неolibеральными инструментами используются такие средства, как «замена неудобных правительств и создание послушных марионеточных правительств; пропагандистская, компроматная, шпионская и диверсионная деятельность; создание фондов и «благотворительных» и других «неправительственных организаций»; агрессия СМИ (в основном газетная, радио и телевизионная); военное вмешательство» [2. С. 44].

А. Димов отмечает, что Россия, ставшая самым мощным ядерным государством на нашей планете, и социалистический Китай, который является крупнейшей экономикой мира, играют в этом ведущую роль. Тезис Димова заключается в том, что в многополярном мире Болгария может идти своим собственным, болгарским путем геополитического и социально-экономического развития, но для этого ей следует выйти из военных структур НАТО и преодолеть валютный колониализм. По его мнению, в многополярном мире Болгария может оставаться членом ЕС, если ей будет разрешено иметь общий болгарско-российский рынок и вступить в Евразийский экономический союз. Сам ЕС как капиталистическая организация должен состоять из независимых и суверенных наций, обеспечивать свободное передвиже-

ние людей между государствами-членами и координировать их торговую и инвестиционную деятельность [2. С. 9].

Вместе с тем, А. Димов обращает внимание на проводимую политику формирования глобального общества, включающую методический и целенаправленный курс на завоевание России, на то, чтобы она снова не стала мировой державой. В частности, «постоянно принимаются меры по ее изоляции от бывших советских республик и некоторых славянских балканских народов и стран», а также по изолированию Германии от России, чтобы пресечь любую попытку создать политический и военный союз между двумя европейскими странами. По словам Димова, «возможное появление такого альянса обеспечит саморазвитие Европы». Также политика формирования глобального общества направлена на установление глобального контроля над запасами нефти, усиление влияния исламских государств и народов на Балканском полуострове, чтобы усложнить интеграцию балканских и западноевропейских народов, и, наконец, дальнейшее заокеанское подчинение Европы. Последнее достигается путем поддержки и контроля политического объединения европейских государств и «избрания» их президентов, канцлеров и премьер-министров, которые послушны американским представителям финансовой и неонацистской олигархии [2. С. 39-40, 43].

Важное место в геополитическом дискурсе занимает отношение к НАТО, доверие к которому в болгарском обществе традиционно остается низким (38% в 2019 г. при уровне недоверия в 41%, по данным «Gallup International»). Внешне парадоксальным образом 45% болгар высказались одновременно против того, чтобы покинуть Североатлантический альянс (за – 26%) [7]. После вступления Болгарии в альянс большинству болгар стало очевидно, что система «коллективной обороны» (и агрессии) НАТО основана главным образом на военной промышленности США и отчасти Великобритании. Развитие крупных компаний ВПК великих держав предполагает появление и поддержание внутренних и межгосударственных военных конфликтов, и социальной напряженности, а также локальных, гражданских, этнических и других войн [2. С. 55]. По словам Димова, «зарубежная финансовая и неосионистская олигархия не заинтересована в превращении НАТО в общеевропейскую систему и глобальной безопасности с участием всех стран, включая Россию. Скорее представители современной финансовой олигархии продолжают укреплять и расширять вооруженные силы НАТО, чтобы уничтожить российское государство и сохранить его мировое господство и авторитет. Межгосударственная военная организация НАТО – это инструмент для сохранения их господства над нациями и для завоевания их огромного богатства» [2. С. 56].

Несмотря на все это, с 1997 г., «когда наше общество увидело полное господство новой мафиозной буржуазии», в Болгарии стал активно проводиться курс на вступление Болгарии в НАТО. А. Димов видит в этом спо-

соб «сохранить разграбленную государственную собственность и деньги» и «добросовестное обслуживание зарубежных интересов в Европе». По его словам, «как хорошо известно, это интересы евроатлантической финансовой и несионистской олигархии и включают в себя: присутствие войск и ракет НАТО на европейском континенте; обеспечение свободного доступа влиятельных и конкурентоспособных транснациональных компаний на европейские рынки» [2. С. 60].

Эта политика нашла конкретное выражение во время войны НАТО (1999 г.) с соседней Югославией. Болгарское правительство предоставило наземное и воздушное пространства, военные базы и транспортные средства войскам НАТО для воздушных ударов по братскому югославскому народу. Оно также предоставило материально-техническую поддержку тем, кто бомбил соседнюю страну и рассеивал токсичные вещества через болгарские пограничные районы. Реализация пронатовской политики сопровождалась постепенной ликвидацией болгарской военной промышленности. Это делалось главным образом путем насильственного разрушения традиционных болгарско-российских научно-технических, промышленных и коммерческих связей в военном секторе; установления евроатлантического контроля над болгарской торговлей оружием; разрушения эффективно функционировавшей до 1989 г. международной системы торговли оружием; импорта военной техники, оборудования и других товаров из стран НАТО. В результате к концу XX в. почти все предприятия ВПК (по производству автоматического оружия, бронетранспортеров и т.д.) в Казанлыке, Сопоте, Пловдиве и других городах оказались на грани банкротства. За период 1987-2000 гг. экспорт вооружений из Болгарии сократился с 1,5-2 млрд. долл. до примерно 60-100 млн. долл. в год. Военный сектор в Болгарии больше не в состоянии обеспечить оружие для вооружения собственной армии и экспорта на международные рынки [2. С. 62]. Вообще с вступлением Болгарии в НАТО доступ болгарских производителей к огромным российским, азиатским и арабским рынкам был искусственно ограничен.

После вступления в ЕС жизнь показала болгарам, что в капиталистическом Европейском Союзе невозможно примирить интересы отдельных государств-членов, что практически невозможно интегрировать страны, между которыми существует большая разница в степени социально-экономического развития, что такой союз не помогает выровнять уровни развития промышленно развитых и деиндустриализированных стран, таких как Болгария – напротив, вместо обещанного «улучшения» происходит ухудшение «условий жизни и работы» большинства болгар. По словам А. Димова, «обычно в таком капиталистическом союзе эксплуатация трудящихся увеличивается, а разрыв между существующими богатыми и бедными странами увеличивается» [2. С. 104]. Страны-члены ЕС не могут гарантировать «гармоничное развитие» своих экономик «путем сокращения различий,

существующих между различными регионами» и преодоления «отсталости менее развитых» [2. С. 108]. Вместо этого ЕС способствует углублению и усилению «неравенства» между странами и народами. По настоянию Еврокомиссии после расширения ЕС на восток (2004 и 2007 гг.) фермеры Болгарии и других стран Центральной и Восточной Европы получили в четыре раза меньше субсидий, предоставляемых фермерам в 15 старых странах-членах, так что находящиеся в неблагоприятном положении восточноевропейские фермеры вынуждены были ликвидировать свои хозяйства или производить главным образом зерновые, подсолнечник и рапс, а также ограничить капиталоемкое, но высокодоходное производство молока и мяса [2. С. 111-112].

Как отмечает Борис Димитров, ныне на Европейском континенте реализуется т.н. «мондиалистский» проект построения единой Европы. Он рассматривает Европу как «плавильный котел» европейских наций, вписывающийся в контекст утопического «единого мира», построенного по американской модели, в соответствии с едиными правилами глобального Запада и управляемого общим мировым правительством. Это сценарий, упорно внедряемый США в качестве альтернативы другому проекту объединения континента – «Европе наций», который предусматривает сохранение коллективной идентичности. То, что американский проект «обезличенной Европы» проваливается буквально на наших глазах, дает возможность перезапустить весь европейский проект в новом формате – как «Европу наций», освобожденную от плотной опеки Вашингтона. Именно эта новая Европа открывается в условиях распада Шенгенской зоны и, возможно, зоны евро [1].

Болгарские аналитики говорят о том, что ориентация Европы на Атлантику расколола ее изнутри: «Некомпетентная и рабская евроэлита, а также вассальная позиция ЕС относительно мировой гегемонии Америки раскололи Старый континент из нескольких уровней: бедные и богатые, восток и запад, север и юг, Европа и Россия. Целые страны, такие как Греция и Украина, были принесены в жертву и брошены в пропасть хаоса и руин. Для все большего числа европейцев стало ясно, что Европа является заложницей заинтересованности США в безусловном планетарном господстве». По образному сравнению Х. Христовой, хотя «недостижимый технологический стандарт мирового гегемона бесспорен, но в капсуле, которую Америка запустила в будущее, на Марс и на всю вселенную, ей не удалось освободить место для самой важной части – для человеческой души». Народы начали видеть марионеточный характер правящих элит и сами правящие элиты поняли, что народы это уже видят. Это означает, что система полностью исчерпана. В связи с этим возникает ожидание того, что «система рухнет, крысы убегут, а хамелеоны приобретут новый цвет» [10], и в ожидании этого краха ставится вопрос о том, что в Болгарии должна быть создана новая интеллектуальная, духовная и политическая элита. Решению этой задачи,

однако, препятствует ухудшение возможностей для хорошего воспитания и качественного образования, что ведет к постоянному снижению уровня интеллекта молодого поколения, развитию агрессивного примитивизма, как массовой модели поведения и потребления, конформизма, культуры чалга, доминирующей в болгарском обществе.

Представитель молодого поколения болгарских политологов Димитр Милчев, живущий последнее время в Брюсселе и связанный с Global Relations Forum и с Институтом политики и устойчивого развития, воплощает собой пример критицистского восприятия европейской действительности. По его словам, «Западная Европа – единственное место, где история, кажется, заканчивается (не на пути Фрэнсиса Фукуямы, конечно). Постмодернистского либерального человека постоянно убеждают отрицать его прошлое, критиковать его цивилизацию, ненавидеть себя за крестовые походы, колониализм или мировые войны. Практически везде в западных системах образования процессы редактирования национальной памяти созвучны современным политкорректным клише». Констатируя эти обстоятельства, он отмечает, что «самокритика и культура обязательного «прощения» являются добродетелями, только если остальной мир думает так же, как вы. В противном случае они становятся недостатками. Нигде вы не увидите чувства ненависти к себе за исторические грехи турок, русских или американцев; даже в Японии давняя идеология пацифизма была переосмыслена, чтобы ответить на современные угрозы безопасности» [6].

После четверти столетия «активной интеграции» в евроатлантические и европейские структуры Болгария не может похвастаться какими-либо значительными положительными результатами. До этого на протяжении более четверти века Болгария занимала 16-е место в Европе, согласно данным Венского института мировой экономики и политики за 1988 г., значительно опережая Венгрию, Польшу, Румынию и Югославию, а сегодня она занимает последнее место в ЕС и первое по бедности, демографическому спаду, эмиграции, быстро падая все дальше и дальше вниз. С точки зрения доходов и расходов населения Болгария является наиболее отсталым государством-членом ЕС: доходы болгарских домохозяйств примерно на 70% ниже, чем в среднем по ЕС, а их расходы на конечного потребителя в абсолютном выражении более чем в четыре раза ниже, чем в среднем по Европе и самые низкие в ЕС [9].

Обращая на это внимание, К. Методиев делает вывод, что «Болгария почти полностью провалилась в членстве в ЕС». Болгары – самая исчезающая нация не только в ЕС, но и на планете, а Болгария – самая бедная страна в ЕС с огромным социальным неравенством и с самой низкой продолжительностью жизни в Евросоюзе – 71,3 года для мужчин, а для женщин – 78,4. В ней исчезают целые областные центры – Видин, Ловеч, Хасково (где, помимо прочего, существует огромный дефицит базовой социальной инфра-

структуры по уходу за детьми и качеством жизни – круглосуточные аптеки, врачи и т.д.). Согласно данным Всемирного банка, Болгария имеет самый низкий ВВП в ЕС. (Болгария – 7 612 долл., Румыния – 9 530 долл., Хорватия – 13 807 долл. К тому же Болгария – самая коррумпированная страна ЕС. Согласно официальной переписи населения 2011 г., около 15% болгарского населения являются неграмотными или полуграмотными. В 2018 г. она оказалась первым председательствующим в Совете ЕС с мониторингом коррупции, судебной системы и организованной преступности – мониторингом со стороны того же Союза, в котором она председательствовала, – и это стало примечательным явлением. Наконец, страна занимает последнее место в ЕС по свободе слова, равно как по всем основным экономическим, технологическим, социальным, демографическим и другим показателям. Как справедливо замечает К. Методиев, «в тот момент, когда мы являемся последними в ЕС по всем ключевым показателям, мы не можем претендовать на какое-либо серьезное участие, вес или роль в Европейском союзе. Нет такой логики, нет прецедента в мире» [5].

Интеграция Болгарии в ЕС носила исключительно геополитический характер, но и здесь она не дала Болгарии реального укрепления геополитических и геоэкономических позиций ни на Балканах, ни в Европе, не говоря уже о мире. Напротив, она означала полную потерю всех прежних экономических преимуществ, утрату экономического присутствия на региональных и мировых рынках, отрицательный внешнеторговый баланс, почти 100%-ную зависимость от иностранного капитала и финансовых ресурсов ЕС, рост долгового бремени. Крупного национального производительного капитала за прошедшее время не было создано вообще, несмотря на миллиарды, оказавшиеся в частной собственности в ходе приватизационных кампаний. Зато достигнута чрезвычайно высокая степень корпоративной монополии иностранного капитала во всех сферах болгарской экономики без возможности защиты национальных экономических интересов и интересов болгарских потребителей. К тому же произошла тотальная и необратимая деиндустриализация страны, а материально-техническая база болгарской экономики отчаянно технически и морально устарела. По производительности труда Болгария занимает одно из последних мест в мире. Но одновременно происходит и явная деаграризация экономики, сопровождаемая латифундизацией сельского хозяйства. Свежие овощи и фрукты – это теперь забытая прошлая слава болгарского сельского хозяйства. Все это дополняется деинтеллектуализацией Болгарии, в том числе в результате эмиграции лучших профессиональных кадров не только в экономике, но и в медицине, образовании и других социально значимых сферах. Дефицит рабочей силы по всему квалификационному диапазону уже достиг критической точки. Этому также способствует искусственно созданный кризис в системе образования и внедрение Болонской стратегии европейского образования.

Болгария в качестве члена ЕС не может похвастаться каким-либо реализованным национальным проектом с важными геоэкономическими характеристиками. Запускаются лишь второстепенные энергетические проекты, лишь еще более увеличивающие зависимость страны от конкурентов – Турции, Греции, Румынии, Сербии. Напротив, все проектные геоэкономические инициативы на Балканах и в Черном море, в которых наша страна могла бы стать лидером, заблокированы. Перспективы превращения Болгарии в энергетический центр на Балканах окончательно похоронены.

Из суверенного субъекта международных отношений Болгария постепенно стала объектом этих отношений и активированным объектом гибридной войны не в результате каких-либо подрывных действий с Востока, а в результате преднамеренного давления со стороны Запада. При этом Болгария оказалась вовлечена в различные «гибридные конфликты», за которыми стоят иностранные интересы. Между тем, в стране получило распространение убеждение, что ведущие геополитические акторы рано или поздно мирно, или с помощью различных форм конфронтации придут к консенсусным решениям, и поэтому для Болгарии чрезвычайно важно иметь предсказуемую геополитическую позицию для действий, приближающихся к тактике нейтралитета, но она не может быть реализована правящей элитой, которая утонула в своей мелочности и стремлении обогатить себя и своих наследников за счет нынешних и будущих поколений.

В этом смысле риторический вопрос профессора Софийского университета Нако Стефанова: «Является ли неадекватность болгарской политической и другой элиты ключевой угрозой национальной безопасности для нашей страны?» [3] представляется довольно актуальным и оправданным. Другими словами, вопрос ставится уже в такой плоскости: есть ли у Болгарии будущее и что делать? Положительный ответ на него связывается с необходимостью «нового Возрождения», консолидации духовной энергии всех болгар во всем мире и концентрацию ее с тем, чтобы сохранить «ядро» – т.е. территориальное, физическое и духовное пространство, «обозначенное» как болгарское с древнейших времен. По некоторым оценкам, болгарская диаспора в мире насчитывает 14 миллионов человек, из которых 2 миллиона являются мигрантами переходного периода. Это требует отказа от нынешней позиции, которую можно образно охарактеризовать как «молчание ягнят», и переосмысления своей исторической миссии [4].

Марин Русев обращает внимание на то, что «не существует стратегического видения для реализации потенциала страны как посредника между различными культурами и асимметричными экономическими пространствами, вытекающего из ее географического и геополитического положения. На практике Болгария играет роль заднего двора для европейской идеи и буфера для незаконного трансконтинентального перемещения товаров, оружия, наркотиков и людей в Европу. Не существует эффективных внеш-

неполитических инициатив по раскрытию интеграционного потенциала в отношениях с периферийными странами ЕС – Черным морем, Кавказом, Центральной Азией и Ближним Востоком. Наша страна является пассивным отражателем импульсов и процессов, катализируемых в соседних странах и регионах» [8].

Почти все субрегиональные инициативы на Балканах сегодня намеренно блокируются из-за ориентации на небалканские геополитические интересы. С помощью балканского сотрудничества и интеграции Болгария могла бы хоть отчасти компенсировать финансовые и геоэкономические потери, которые она понесла в «переходный» период, но заинтересованные стороны даже боятся таких терминов, как «балканское сотрудничество и интеграция», а принцип «открытого регионализма», который широко применяется в Азиатско-Тихоокеанском регионе, де-факто неприемлем для ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Димитров Б.* Миграционната криза и новите заплахи пред Европа // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/142-2016/broi-2-2016/2407-migratsionnata-kriza-i-novite-zaplahi-pred-evropa>.

2. *Димов А.* Болгарската геополитика. С.: Христо Ботев, 2015.

3. Эксперт: След 30 години българите ще са по-малко от ромите // <https://vesti.bg/bulgaria/obshtestvo/ekspert-sled-30-g.-bylgarite-shte-sa-po-malko-ot-romite-6041669>.

4. *Маринов Г.* България: геополитическа и геоикономическа прогноза в началото на XXI век // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/163-2017/broy-4-2017/2670-balgariya-geopoliticheska-i-geoikonomicheska-prognoza-v-nachaloto-na-xxi-vek>.

5. *Методиев К.* Времето за еволюция в България изтече. Изходът е радикален скок // <http://www.memoriabg.com/2018/06/11/vremeto-za-evoliucia-izteche-izhodut-e-skok/>.

6. *Милчев Д.* Западна Европа през погледа на един млад българин, живещ в Брюксел // <http://www.memoriabg.com/2016/04/12/zapadna-evropa-prez-pogleda-na-edin-mlad-bulgarin/>.

7. Над 40% от българите нямат доверие в НАТО // <https://www.5gmedia.bg/1006/nad-40-ot-blgarite-nyamat-doverie-v-nato>.

8. *Русев М.* България – обща и регионална география на песимизма // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/128-2013/broi-6-2013/1980-balgariya-obshta-i-regionalna-geografiya-na-pesimizma>.

9. *Тодорова С.* Социално-икономическото състояние на районите в България в контекста на стратегията «Европа 2020» // <https://geopolitica.eu/spisanie-geopolitika/133-2014/broi-5-2014/2126-sotsialno-ikonomiceskoto-sastoyanie-na-rayonite-v-balgariya-v-konteksta-na-strategiyata-qevropa-2020q>.

10. *Христова Х.* Европа е пред своето ново начало // <http://www.memoriabg.com/2016/06/22/evropa-e-pred-svoeto-novo-nachalo/>.

11. Чуровски Д. Геополитиката днес – Нов световен ред или Смяна на парадигмата? // <http://www.memoriabg.com/2017/04/18/geopolitikata-dnes-nov-red-ili-smiana-paradigmata/>.

12. Чуровски Д. Геополитиката като битка за бъдещето на човечеството // <http://www.memoriabg.com/2017/09/29/geopolitikata-kato-bitka-za-budeshteto-na-chovechestvoto/>.

Продолжение статьи читайте в следующем номере

A.A. CHEMSCHIT

*D.Sc. (political science), Professor,
Professor at the Department of Political Science and Philosophy,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia*

A.A. KOVALEVSKIY

*Postgraduate student the Department of Political
Science and Philosophy, Institute of Social Sciences and
International Relations, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia*

GLOBAL AND EUROPEAN CONTRADICTIONS IN THE MODERN GEOPOLITICAL DISCOURSE IN BULGARIA Part I

The article focuses on Bulgaria, the oldest state in Europe, which emerged in its current borders already in the 700s, long before the majority of other countries, now composing the European Union. This topic is caused by the dynamically developing complex conflict processes in the Balkans, in which Bulgaria, as the “axial” state of the region, occupies a not insignificant place. The article aims to comprehend the formation of the Bulgarian vision of its place and role in the world and the region, its national interests, cultural, historical, mental and cognitive preconditions and foundations of Bulgaria’s modern foreign policy, the main differences appearing in the modern national geopolitical discourse, the trends of changes in the Bulgarian public opinion on geopolitical pressures and the search for opportunities associated with this comprehension of the possibilities of strengthening the Russian geopolitical position in this country, the Balkans and the Black Sea region.

Key words: *geopolitics, globalism, geopolitical consciousness, the West, Russia, Turkey.*

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

В статье проанализированы исторические предпосылки формирования государственной идеи современной Венгрии, влияние процесса формирования венгерской нации на содержание и особенности проявления национализма, его противоречивый характер.

Цель работы: выявить влияние исторического фактора на изменение содержания и формирование особенностей современного венгерского национализма.

К началу XX века на государственном уровне национализм проявляется как агрессивный, реваншистский, антиславянский и антирумынский.

За прошедшие десятилетия венгерский национализм изменился, утратил свой привычный характер. Анализ современных партийных программ и заявлений государственных деятелей и партийных лидеров позволяет констатировать исчезновение традиционной славянофобии и антигерманизма.

Венгерских националистов в настоящее время принято оценивать, как евроскептиков, антиглобалистов, ультраконсерваторов, антисемитов и цыганофобов. Особую опасность, с точки зрения европейских либералов, представляет нарастание пантюркистских и туранистских настроений, проявляющихся в идеологии не только ультраправой партии «Йоббик», но и правящей «ФИДЕС».

В качестве основополагающей особенности современного венгерского национализма выступает его реализация на уровне государственной политики правых, бесспорно находящихся у власти с 2010 года. Сегодня венгерский национализм внеэтничен и патриотичен. Интересные перспективы исследования трансформации содержания национализма в Венгрии представляются в связи с развитием идеологии Хунгаризма, претендующей на роль государственной, призванной поддержать претензии на лидерство в новом геополитическом евразийском проекте.

Ключевые слова: национализм в Венгрии, славянофобия, туранизм, хунгаризм, цыганофобия, этнический разъединяющий национализм, державно-государственный национализм.

В настоящее время наиболее актуальной становится проблема будущего единой Европы. «Brexit» и процессы, происходящие вокруг выхода Великобритании из Евросоюза, отражают чаяния евроскептиков, которых активно поддерживает Венгрия. Евроскептицизм действующего венгерского правительства и жесткую позицию в отношении миграционной политики ЕС и новых европейских ценностей либеральная Европа склонна оценивать, как проявление национализма и скатывания к авторитаризму. Автор уже обращался к этой проблеме: «Особенность Венгрии и заключается в том, что здесь традиционализм проявляется на государственном уровне, а не в рамках общественных движений и партий правого националистического толка, как в Германии и Франции» [5. С. 124]. В качестве проявления государственного национализма представляется преамбула Конституции Венгрии «Боже, благослови венгров!», повторяющая первую строку венгерского гимна. Однако при внимательном изучении «Национального кредо», в основном документе страны прослеживается вполне толерантная позиция: «Мы обязуемся сохранять и беречь наше наследство – уникальный язык, венгерскую культуру, языки и культуры народов, которые проживают на территории Венгрии, ценности Карпатского бассейна, созданные природой и людьми» [3].

Свидетельством реализации данного принципа может служить система образования в Венгрии, также уже рассмотренная автором: «В отличие от Украины, национальные меньшинства в Венгрии, к которым относят этнические группы, не имеющие материнских (национальных) государств, имеют ряд преимуществ, в том числе, возможность создания национальных школ, причем, нескольких типов: школы, где язык меньшинства является языком обучения, школы, где гуманитарные предметы преподаются на языке меньшинства, а остальные – на венгерском, и школы, где национальный язык является вторым языком или преподается как отдельный предмет» [7. С. 249].

Болезненной проблемой для Венгрии, как и для целого ряда европейских государств, традиционно является цыганский вопрос. Доля цыганского населения в Венгрии всегда была достаточно велика, а традиции цыган, проблемы в социализации, нежелание адаптироваться к оседлому образу жизни способствовали развитию цыганофобии. Сегодня, тем не менее, цыганофобия в большей степени прослеживается скорее на бытовом уровне, чем на государственном. Государство активно предпринимает меры для социализации цыганского населения. Инструментом влияния становится политика в сфере образования и социального обеспечения, поскольку детские пособия зачастую являются единственным легальным источником средств к существованию для цыганских семей. Условием выплат становится посещения детьми дошкольных учреждений, что способствует, прежде всего, ценностной интеграции в единое социокультурное пространство. Можно заметить, что Венгрия демонстрирует готовность к формированию кросс-

культурной среды в государстве, традиционно признаваемом этнически однородным [7].

В сложившихся условиях особый интерес вызывает не только анализ особенностей проявления национализма в Венгрии, но и выявление исторических предпосылок его формирования. Венгерский национализм сегодня неоднороден и противоречив, он принимает форму государственной идеологии, и это явление имеет глубокие исторические корни.

Проблема сохранения самоидентичности в рамках формирования государства возникает уже в период «обретения венграми Родины» в конце IX в., когда этническая территория мадьяр граничила со славонцами (предки современных хорватов) и словаками. Эти этнические группы сохранялись как этнокультурные общности и, сливаясь с мадьярами, оказывали влияние на развития у них хозяйства и культуры.

Наряду с угрозами самобытности со стороны окружающего этнического многообразия, Венгрия испытывала серьезные препятствия в сохранении самобытности и в связи с частой сменой династий и правителей. С 1301 г. со смертью последнего короля из династии Арпадов, делается ставка на представителей иноземных династий, не имевших материальных, прежде всего, земельных, ресурсов внутри страны, в чем были заинтересованы венгерские магнаты, не желавшие усиления кого-нибудь из своей среды.

Большое влияние на формирование менталитета венгров – мадьяр – всегда оказывала внешняя угроза. Центральное положение в Европе на пересечении торговых и военно-стратегических путей, привлекало многочисленных завоевателей. Потери в населении короли вынуждены были компенсировать привлечением переселенцев из-за границы, усложняя этническую структуру государства. Титульная территория венгров на протяжении полутора столетий оставалась театром военных действий. Очередная волна иммиграции проводилась насильственно и властями Порты в результате завоевания большей части территории: районы, обезлюдившие в ходе войн, сначала стихийно заселялись сербами и влахами, затем процесс направляется и контролируется османами.

Из всех этнических групп региона больше всего пострадали венгры. Другие народы оказались компактно либо под властью Порты, либо Австрии, как, например, хорваты, славонцы, словаки, русины-украинцы. В результате распада венгерского государства перестал существовать единый этносоциальный организм, утративший не только территориальную основу, но и общность социально-экономической структуры. Этнокультурная общность была разделена и оказалась в новом этническом окружении, каждый из элементов которой имел свои особенности и разную степень интенсивности контактов.

В этих условиях и закладывается фундамент венгерского национализма со своими особенностями. Если цыганофобия и антисемитизм выглядят

традиционными компонентами европейского национализма, то с герма-нофобией и славянофобией все обстоит гораздо сложнее. Как ни странно, 150-летнее пребывание в рамках Османской империи не сформировало устойчивого антитуркизма или антиисламизма: как мы видим, историческая память вовсе не препятствует новой идеологической модели. Но годы османского господства сформировали устойчивую славянофобию, поскольку завоеватели активно применяли практику выселения венгров с завоеванных территорий и расселения на них славянских народов, вызывая неприятие именно по отношению к переселенцам, а не к политике властей, ее проводивших.

В 1687 г. Государственное собрание Венгрии признало права мужской линии Австрийской ветви Габсбургов на наследование венгерской короны. Венгерское королевство почти на 250 лет превращается в наследственное владение австрийской династии, сопровождаемое активной германизацией. Вена предпринимала активные попытки насильственной германизации, используя, как предлог, тезис о «слабости» и «несовершенстве» национально-го венгерского языка. Во второй половине 1780-х гг. борьба за равноправие венгерского языка с немецким приобретает ярко выраженный протестный характер, параллельно открывая эпоху борьбы за единство нации, в т.ч. социальное, с разрушением сословных перегородок.

Переход к дуалистической монархии в 1867 г. означал для Венгрии полный отказ от идеи независимости в ближайшей перспективе. Трагичный финал военного противостояния в ходе революции 1848-1849 гг. показал, что это была единственная реальная альтернатива революционному пути. В Транслейтании было закреплено господствующее положение мадьярской нации. Лайош Кошут, вынужденный эмигрировать после разгрома революции, резко критиковал соглашение в своих опубликованных письмах, адресованных Ференцу Деаку, идейному вдохновителю дуализма, и известных как «Письма Кассандры». Новое положение Венгрии, по его мнению, означало «смерть нации», поскольку соединяло судьбы венгров с империей, обреченной на гибель, что Кошут уподоблял самоубийству. Особую проблему представляла невозможность добиться взвешенного разрешения национального вопроса в «лоскутной империи». Соглашение возлагало на Венгрию совместную с Австрией ответственность за ущемление прав многочисленных этнических образований, обостряя отношения, прежде всего, с соседями – румынами и сербами. Кошут не был одинок в своих опасениях: «В то же время либерально настроенные отцы-основатели «новой» Венгрии Ф. Деак и Й. Этвеш понимали необходимость определенного компромисса с другими немадьярскими народами страны. Деак указывал, что, если венграм пришлось «властвовать над инородцами в пределах Венгрии, не следует иметь изначальной целью их мадьяризацию, а необходимо заставить их полюбить Венгрию... но не допуская при этом никакого насилия и варварства, чтобы не сделать их врагами Венгрии» [2. С. 216-217].

В период до завершения Первой мировой войны основной угрозой Венгрии видела реальную консолидацию славян вокруг России в рамках идеологии панславизма. Позиция России в подавлении революций 1848-1849 гг., проводимая ею политика в отношении славянских народов Балкан, в первую очередь сербов, в духе панславизма, создавали идеологические предпосылки для распространения венгерского национализма и шовинизма. Правящая элита поддерживала интерес к национальному языку, традициям, костюму. Например, при коронации австрийских императоров как венгерских королей использовался не только древний ритуал и регалии, но обязательным было ношение венгерских национальных костюмов не только королем, но и его свитой [4. С. 38].

Антигерманский настрой проявился особенно ярко в рамках празднования Венгерского Миллениума – тысячелетия обретения венграми Родины в 1896 г. Символичная дата была использована для прославления венгерской нации и, в определенном смысле, противопоставления имперской столице – Вене. В Будапеште была построена первая в континентальной Европе ветка метро, вызывая аналогии с Лондоном, великой имперской столицей, здание парламента, оперный театр, Рыбацкий бастион, Площадь Героев. В сборнике «Национализм в мировой истории» историческая экспозиция выставочного комплекса Варошлигет представлена так: «Первые шесть с лишним веков истории Венгрии как суверенного королевства были представлены в экспозиции по династическому принципу, однако, после утери государственной независимости и территориальной целостности в битве с османами при Мохаче главным стал мотив освобождения: сначала от турок, затем от «западных влияний», под которыми прежде всего подразумевался габсбургский абсолютизм» [1].

Празднование Миллениума позволило идеологически оформить официальную концепцию венгерской истории как истории, безусловно, европейского народа, обладающего величием и правом не только на государственный суверенитет, но и культурную гегемонию над невенгерскими народами Австро-Венгрии.

Таким образом, можно выделить основные аспекты венгерского национализма к началу Первой мировой войны, обусловленные историческими факторами: антигерманский, антиславянский и антирусский, с традиционными компонентами антисемитизма и цыганофобии, характерными для европейского национализма в целом.

В дуалистическом государстве, где Венгрия занимала подчиненное положение, национализм, сообразно сочетанию типологии Т. Снайдера и Э.А. Позднякова, может оцениваться в свете представленных фактов как разъединяющий национализм, этнический по отношению к Австрии, с одной стороны, и державно-государственный по отношению к румынам, сербам, словакам, русинам, с другой.

Конкретное содержание националистической идеологии корректировалось, но не менялось принципиально в связи с Трианонским договором

1920 г., по которому Венгрия утратила две трети своей территории и половину населения. При этом почти 1,5 млн венгров, проживая на сопредельных территориях, оказались «соотечественниками за рубежом», представляющими особый интерес и в XXI веке для современной Венгрии и являющимися определенной козырной картой в ее отношениях с соседними государствами. Национализм периода диктатуры адмирала М. Хорти может быть оценен как агрессивный национализм, носящий ярко выраженный реваншистский характер. Максимальный акцент был сделан на антиславянский (словаки, сербы, хорваты, русины) и антирумынский аспекты, поскольку именно ко вновь образованной Югославии, Чехословакии и расширенной Румынии отошли земли, рассматриваемые венграми как исконные. Особенностью национализма этих лет была ограниченность бытового национализма и приоритет государственного. Еще одно существенное отличие – ограниченное проявление антисемитизма и цыганофобии. В отличие от нацистской идеологии, национализм хортизма не расширился до холокоста и поголовного уничтожения цыган. Антисемитская политика сводилась к принятию в 1938 и в 1939 гг. «Еврейских законов», устанавливавших квоту на максимальную долю еврейского населения в трудовой занятости и предпринимательстве. Принятые законы определяли еврейство не как религию, а как расу, что повлияло на статус евреев, принимавших христианство. Правление Хорти идеологически опиралось скорее на принципы консервативного национализма, не допускающего крайне правых идей, которые регент считал опасными для национальных интересов. Силовые акции против евреев и цыган развернулись после отстранения Хорти от власти и германской оккупации Венгрии в 1944 г. 22 февраля 2010 г. Парламент Венгерской республики принял закон, предусматривающий уголовное преследование за отрицание Холокоста.

В послевоенный период Венгерская народная республика стала частью социалистического содружества, основанного на идее интернационализма. На рубеже 80-90-х гг. XX в. на волне «бархатных революций» в Восточной Европе венгры выбрали европейскую интеграцию. Политические и экономические реформы в стране протекали достаточно безболезненно по сравнению с соседними Югославией и Чехословакией. В этот период прослеживается определенный спад националистических настроений.

Правительство премьер-министра (1990-1993 гг.) Йожефа Анталла предложило гражданам страны альтернативную социалистическим ценностям систему приоритетов – евроатлантическая интеграция, добрососедская политика ради стабильности в регионе, национальная политика, в т.ч. поддержка венгров, живущих за пределами этнической родины. Сегодня эта политика в части евроинтеграции претерпевает существенные изменения. Разочарование в либеральных реформах и европейских ценностях, наряду с тяжелым экономическим положением страны, сложная демографическая

ситуация, угрозы со стороны мигрантов, – все это актуализирует нарастание националистических настроений и на уровне общественного мнения, и со стороны властей. В современных условиях Венгрии уготована роль периферии ЕС, бедной и бесправной, а будущее видится отнюдь не светлым и перспективным, что идеологически оправдывает обращение к героическому и славному прошлому, «Великой Венгрии», идее «Великого Турана».

В контексте исследования исторических условий формирования венгерского национализма и оценки его современного состояния очевидна его противоречивость, но обращение к прошлому сегодня – это попытка компенсировать весьма туманные перспективы будущего. Глубокое разочарование в итогах евроатлантической интеграции используется Виктором Орбаном для продвижения традиционализма и национализма на государственном уровне. Особенно ярко это проявляется на примере миграционной политики. Антиисламский ее характер не препятствует продвижению хунгаризма, заимствующего идеи у внерелигиозного пантюркизма и туранизма.

Венгерских националистов оценивают не только как евроскептиков, антиглобалистов, ультраконсерваторов, антисемитов и цыганофобов, что стало уже привычным. Особую опасность, с точки зрения европейских либералов, представляет нарастание хунгаристских, пантюркистских и туранистских настроений, о чем уже писал ранее автор [6]. Причем правящая партия «ФИДЕС» открыто симпатизирует данным идеям. Депутат парламента от партии «Йоббик» Иштван Саваи заявил: «Финно-угорская теория была придумана австрийскими учеными, чтобы подавить венгерскую идентичность. Мы не против финно-угорского родства, но мы встраиваем эту теорию в более широкую концепцию происхождения древних венгров от туранских народов. Мы хотим заменить устоявшееся мнение о финно-угорском родстве и доказать теорию о гуннском происхождении наших предков» [8]. Один из лидеров партии «Йоббик» Габор Вона провозгласил ислам «последней надеждой во тьме глобализма и либерализма» [8], несмотря на характерный для крайне правых христианский ультраконсерватизм.

Сочетание проиранизма и протюркизма, антисиионизма и происламизма, протурецкой и прогерманской геополитической ориентаций связано с обращением к исторической памяти – союзу гуннов с готами, т.е. предков венгров, тюрков и ираноязычного мира с германскими племенами. Соответственно, обращение к пантюркизму вовсе не означает отказ от европейской самоидентичности, допуская возможность лидерства в некоем новом «геополитическом проекте» [6].

Обширные культурные связи с Россией призваны содействовать поддержанию идей хунгаризма, поскольку позволяют встраиваться в пространство Великого Турана, одновременно поддерживая и угро-финскую идентичность, и тюркскую через соответствующие народы и народности, представленные на территории нашей страны) [6].

Анализ исторического фактора и современных проявлений как на уровне политических элит и субъектов власти, так и на уровне общественного сознания позволяет оценить современный венгерский национализм как внеэтнический, хотя венгры и возводят свой язык и национальную идентичность в ранг государственной идеи. Венгерский национализм формируется как реакция на внешние вызовы и трансформируется сообразно их изменению, демонстрируя определенную гибкость. Кроме выраженной цыганофобии, характерной для народов, на протяжении длительного времени проживавших в тесном контакте с одним из самых загадочных этносов, и бытовых проявлений антисемитизма, трудно выделить устойчивые линии направленности, сохранившие актуальность до настоящего времени. Национализм в Венгрии сегодня полиэтничен, патриотичен и рационален, меняя содержание сообразно ситуации, находя новые идеи и новых союзников, поскольку прежде всего ориентируется на интересы нации, олицетворением которой и считается венгерское государство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Венгерский миллениум – национальный триумф в зените славы // <https://texts.news/sotsiologiya-politiki-nauka/vengerskiy-millennium-natsionalnyiy-triumf-46068.html>.

2. *Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. М.: Наука, 1991.

3. Конституция Венгрии 2012 г. // http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf.

4. *Крючков И.В.* Национальная политика дуалистической Венгрии: национализм или межкультурный диалог? // Проблемы всеобщей истории и политологии. Сборник научных трудов / под ред. докт. полит. наук, проф. Б.Г. Койбаева; ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. Вып. 5.

5. *Мусина Р.И.* Мигранты и проблема традиционализма в Венгрии // Архаизация и традиционализация современного политического пространства в странах Центра и Периферии: причины и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 мая 2016 г. / отв. ред. Т.В. Карадже, А.Г. Глинчикова. М.: МПГУ, 2016.

6. *Мусина Р.И.* Особенности проявления «мягкой силы» во внешней политике Венгрии: Материалы X Конвента РАМИ «25 лет внешней политике России». Москва, 8-9 декабря 2016 г. / общ. редактор А.В. Мальгин // Россия и современный мир: политика и безопасность. Ч. 2. Москва: МГИМО-Университет, 2017. Т. 2.

7. *Мусина Р.И.* Политика Венгрии в сфере образования как инструмент «мягкой силы» // Образование и наука: современные тренды. Коллективная

монография / под ред. О.Н. Широкова. Серия: «Научно-методическая библиотека». Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2018.

8. Новый национализм в Венгрии // Svargaman. 12.02.2014. Международные дела // <http://voprosik.net/novyj-nacionalizm-v-vengrii/>.

R.I. MUSINA

*PhD in Political Sciences, Docent,
Department of History and Politics
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

ORIGINS AND FEATURES OF NATIONALISM IN MODERN HUNGARY

The article analyzes the historical premises for the formation of the state idea of modern Hungary, the influence of the process of the Hungarian national formation on the content and features of the manifestation of nationalism, its contradictory nature.

Purpose of the work: to reveal the influence of the historical factor on the change in the content and the formation of the characteristics of modern Hungarian nationalism.

At the beginning of the twentieth century, at the state level, it manifests itself as aggressive nationalism, revanchist, anti-Slavic and anti-Romanian.

Over the past decades, Hungarian nationalism has changed and lost its traditional character. An analysis of modern party programs and speeches by statesmen and party leaders allows us to state the disappearance of traditional Slavophobia and anti-Germanism.

Hungarian nationalists are rated not only as Eurosceptics, antiglobalists, ultra-conservatives, anti-Semites and gypsies, which has become customary, but also as a particular danger, from the point of view of European liberals, in the growing pan-Turkist and Turanist sentiments, which are manifested not only in the ideology of the far-right «Jobbik» party, but in the ruling «FIDESZ» as well.

The implementation of nationalism at the level of state policy of the right-wingers, who have been in power since 2010, is regarded as a fundamental feature of modern Hungarian nationalism. Today Hungarian nationalism is non-ethnic and patriotic. Interesting prospects for studying the transformation of the content of nationalism in Hungary are provided in connection with the development of the new Hungarian ideology «Hungarism», which claims to be a state one, designed to support claims to leadership in a new geopolitical Eurasian project.

Key words: *nationalism in Hungary, slavophobia, Turanism, Hungarianism, Gypsy phobia, ethnic divisive nationalism, sovereign-state nationalism.*

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЧИЛИ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Пандемия поразила чилийскую экономику с нескольких сторон, стагнация экономического роста в результате падения частных инвестиций, ограничения на потребление и производство и последствия безработицы еще больше ослабляют ситуацию со спросом и предложением. Чилийская экономика также сильно пострадала от международного контекста, особенно из-за падения цен на медь и повышения стоимости доллара и евро. Однако ключевой целью работы является анализ приоритетов внешней политики Чили во время пандемии.

Ключевые слова: *внешняя политика, пандемия, средства личной гигиены, китайско-американская торговая война, ротационный карантин.*

После локализации вспышки, невыполнении или задержки выполнения социальных задач, возобновление социальной нестабильности в Чили представляют собой ключевые задачи правительства в приоритетах внешней политики Чили во время пандемии. Проведение объявленных социальных реформ сохранит стабильность, напротив, возрождение и углубление социальных конфликтов может усилить и продлить глубокую рецессию, вызванную вспышкой. Неопределенность, вызванная процессом переписывания Конституции Чили, может стать тормозом для внутренних и иностранных инвестиционных решений.

С начала вспышки (2019 года) во всем регионе наблюдается значительный отток капитала, который превышает уровни, достигнутые после финансового кризиса 2008 года. Ожидается, что в глобальном масштабе ПИИ упадут от 30% до 40%, особенно в странах, наиболее сильно пострадавших от пандемии [1]. Этот отток также привел к сильному падению фондового рынка с начала 2020 года. Хотя кризис COVID-19 возник не в финансовом секторе, он затронул рынки и создал высокую волатильность. На рисунке 1 представим динамику импорта в Чили за 2008-2020 года. Что касается внешней торговли, то согласно статистическим данным Национальной таможенной службы, коммерческий обмен Чили снизился на 14,2% в первом

полугодии 2020 года, в то время как импорт достиг США. 26 388,3 миллиона долларов, что на 18,5% меньше уровня 2019 года [4]. В свою очередь динамика объемов экспорта представлено на рисунке 2 [10].

Несмотря на сокращение экспорта в Чили в течение первого полугодия, поставки в Китай, основного торгового партнера Чили, выросли на 7,5% до 11 896,7 млн долларов США и составила – 34,9% от общего объема импорта, за которыми следуют США с 14,3% и Японией с 9,1%. Экспорт, связанный с добычей полезных ископаемых, составил 51,7% от общего объема поставок, достигнув 17 616 млн долларов США, что привело к снижению на 3,1% по сравнению с 2019 годом. Экспорт продукции, не связанной с добычей полезных ископаемых, составил 16 455 миллионов долларов США, что на 16,1% меньше 2019 года [5].

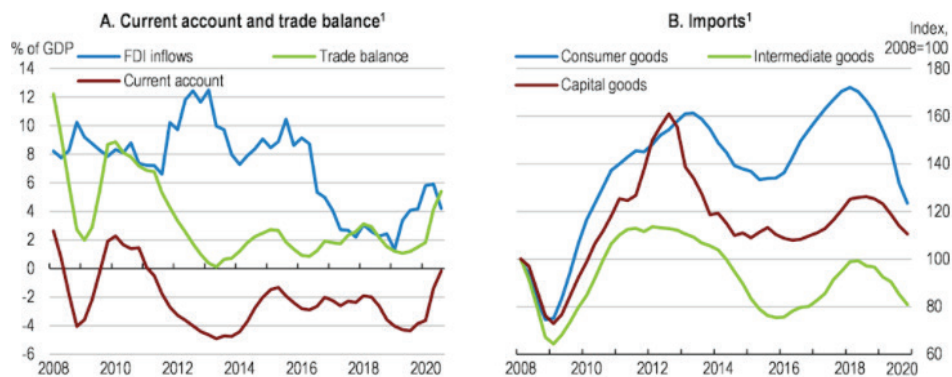

Рисунок 1. Динамика импорта в Чили за 2008-2020 года

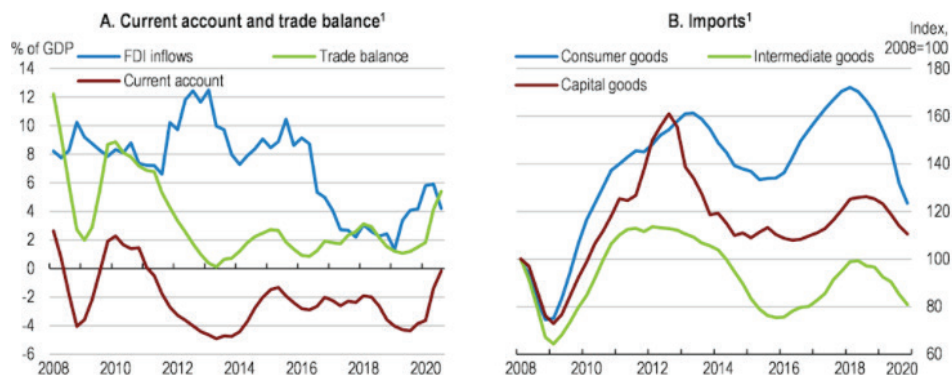

Рисунок 2. Динамика экспорта в Чили за 2008-2020 года

С другой стороны, импорт снизился на 18,5%, что эквивалентно 26 388 миллионов долларов США. Китай, даже будучи основным продавцом, на долю которого приходится 25,5% от общего объема международных закупок, снизил объемы на 8,1%.

При поддержке Международного валютного фонда страны всего мира принимают чрезвычайные меры для смягчения воздействия COVID-19 на благосостояние населения и экономику; в Чили Министерство финансов объявило Чрезвычайный экономический план как экономическую поддержку семей, рабочих и малых предприятий (МСП) [3]. Аргументы, представленные Чили в этом фискальном пакете, включают увеличение расходов на здравоохранение, дополнительные трансферты всем муниципалитетам страны, специальный фонд страхования от безработицы, а также отсрочку налоговых платежей для компаний с меньшими продажами в размере в 12 миллионов долларов [7].

Правительство Чили определило стратегию, направленную на поэтапное применение карантина (ротационный карантин), которые не сработали. Некоторые меры были уместными, например, подготовка системы здравоохранения путем покупки вентиляторов и увеличения количества коек, а также закупки гораздо большего количества тестов, чем в других странах региона [6].

В данной работе основное внимание будет уделено приоритетам внешней политики Чили во время пандемии в разрезе обеспечения населения средствами индивидуальной защиты. Во время пандемии ключевым партнером по обеспечению населения средствами индивидуальной защиты являлся Китай, где китайские поставки медицинского оборудования и оборудования в Чили в основном осуществлялись разными китайскими игроками, имеющими местный опыт работы в Чили. Они адаптировались к уникальной чилийской системе управления чрезвычайными ситуациями и стихийными бедствиями [8].

Как и во многих других странах, Чили обнаружила, что в первые месяцы пандемии масок, аппаратов искусственной вентиляции легких и другого медицинского оборудования не хватало. Правительство Чили обратилось к различным китайским фирмам, чтобы восполнить пробел во время первой волны пандемии.

Стоит выделить точные способы адаптации китайской масковой дипломатии в Чили к уникальным институциональным и политическим условиям страны. В частности, Китай использовал компании с инвестиционными интересами в Чили, чтобы делать и распределять там большую часть своих пожертвований в связи с пандемией.

Многие китайские компании, которые недавно инвестировали в Чили, присоединились к кампании пожертвований по настоянию Шмидта. Именно компании с инвестициями в Чили, а не прямые пожертвования китайского правительства, стали основными спонсорами кампании «Китай помогает

Чили». Одним из доноров была Tianqi Lithium, бывшее местное государственное предприятие, которое впоследствии было выкуплено частными инвесторами и стало вторым по величине производителем лития в мире. В 2018 году Tianqi Lithium приобрела 23,8% акций крупнейшей литиевой компании Чили, SQM, за 4,1 миллиарда долларов, что стало крупнейшей китайской инвестицией в Латинской Америке в том году [9].

К 2020 году, когда Шмидт убедил компанию сделать пожертвование в размере 80 000 долларов на деятельность Чили по борьбе с пандемией, у фирмы возникли финансовые проблемы, и она не выполнила свои обязательства по займам, которые она взяла в 2018 году на финансирование своей доли в SQM, на сумму почти 1,9 миллиарда долларов. Tianqi передала в дар 120 000 масок, несмотря на финансовые проблемы.

Еще одним донором была частная компания по прокату автомобилей DiDi, в которой работает около 120000 водителей в Чили, которая значительно выросла на рынке пассажирских перевозок с момента выхода на чилийский рынок в начале 2019 года, где она конкурирует с Uber и Cabify.

Третий пример – Jingdong, крупная китайская компания электронной коммерции и второй по величине интернет-магазин в Китае после Alibaba, который внес примерно 549 000 долларов. У Jingdong особые отношения с Чили, потому что она продает чилийскую вишню на своей платформе. В настоящее время Китай потребляет 85 процентов всего экспорта чилийской вишни, и Jingdong вместе с чилийским агентством по продвижению экспорта.

Чили столкнулась с двумя препятствиями, связанными с безвозмездной передачей предметов медицинского назначения, которые в конечном итоге открыли экономические возможности для Китая. Первым было объединение продаж и пожертвований китайских аппаратов ИВЛ, что, по крайней мере частично, привело к дипломатическому затруднению определению такой помощи (так называемое дело Ventilator-Gate). Во-вторых, в первые недели пандемии возникла острая нехватка медицинских принадлежностей, особенно масок, перчаток и защитных масок. Эти ошибки позволили понять, как поступали с пожертвованиями и как личные связи между китайскими и чилийскими бизнесменами и дипломатами имели решающее значение для смягчения нехватки медикаментов в Чили, а позже оказались решающими в успешной последующей сделке между Чили и Sinovac Biotech по закупке вакцин.

Дело Ventilator-Gate важно, потому что оно показывает, что успех масковой дипломатии Пекина – как внешнеполитической инициативы, направленной на улучшение имиджа Китая за рубежом – не обязательно зависел от участия китайских посольств в странах-получателях. Чилийские официальные лица отказались от усилий правительства по закупке аппаратов ИВЛ и обратились к частному сектору. Обладая выделенным частным фондом в размере около 23 миллионов долларов, Чилийская конфедерация производства и торговли взяла на себя инициативу.

В дальнейшем это означало, что Чили начала стремиться покупать аппараты ИВЛ без публичных торгов, а частный агент пожертвовал закупленные аппараты ИВЛ Министерству здравоохранения. Этот фонд, известный как *Solidaridad e Innovación Empresarial* (Фонд солидарности и бизнес-инноваций) управляет взносами крупнейших бизнес-ассоциаций Чили на финансирует различные мероприятия и инициативы в области корпоративной социальной ответственности.

Чилийское общество во время пандемии буквально переживает шторм, в котором три ситуации экономического кризиса (китайско-американская торговая война, социальная вспышка и пандемия) связаны друг с другом. Таким образом, процесс обеспечения населения Чили средствами индивидуальной защиты Китаем (как основным партнером внешней политики Чили), который безвозмездно обеспечил и средствами индивидуальной защиты, но также и ИВЛ и вакцинами, имел серьезные ошибки и нуждается в совершенствовании с учетом того, что политическая система находится в кризисе, без серьезного руководства, которое позволяет организовать общество в целом, или проектов, которые могут направлять требования и неопределенности, возникающие в связи с пандемией, и обеспечивающие эффективные ответы на возникающие проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Новая внешняя политика Чили. Презентация новой внешней политики Чили с участием министра иностранных дел страны Геральдо Муньоса // <https://www.wilsoncenter.org/event/chiles-new-foreign-policy>.

2. *Урдинес Ф.* Китайская импровизированная дипломатия в масках в Чили // <https://carnegieendowment.org/2021/04/06/china-s-improvised-mask-diplomacy-in-chile-pub-84251>.

3. *Albert Hirschman Centre on Democracy.* Chile's politics in the pandemic // <https://www.graduateinstitute.ch/communications/news/chiles-politics-pandemic>.

4. *Diego Telias and Francisco Urdinez.* "China's Foreign Aid Determinants: Lessons From a Novel Dataset of the Mask Diplomacy During the COVID-19 Pandemic". Research Gate, August 2020 // https://www.researchgate.net/publication/344035590_China's_Foreign_Aid_Determinants_Lessons_from_a_Novel_Dataset_of_the_Mask_Diplomacy_During_the_COVID-19_Pandemic.

5. *Josh Lederman.* "Chinese Consulates Deploying 'Mask Diplomacy' in U.S. Communities" // NBC News. June 15, 2020 // <https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/chinese-consulates-deploying-maskdiplomacy-u-s-communities-n1231031>.

6. *John Bartlett.* REPORT. Meet the Candidates Who Might Write Chile's New Constitution. Many Chileans are hopeful that the upcoming constitutional drafting process can address long-standing issues.

7. OECD Economic Surveys: Chile 2021. Key policy insights // <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e5a68274-en/index.html?itemId=/content/component/e5a68274-en>.

8. Post-Pandemic Chile's Foreign Policy: Internal Factors that Determine a New International Strategy (HYBRID) // <https://kellogg.nd.edu/wip-fernando-alvarado>.

9. *Raj Verma*. "China's Diplomacy and Changing the COVID-19 Narrative" // *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis* 75, no. 2 (2020) // <https://doi.org/10.1177/0020702020930054>.

10. The World Bank In Chile. Real GDP prospects before and after the pandemic // <https://www.worldbank.org/en/country/chile/overview#1>.

N.S. ANISKEVICH

*Candidate of Sciences (political science),
Lecturer at the Faculty of Technological Management
and Innovation of ITMO University,
Moscow, Russia*

PRIORITIES OF CHILE'S FOREIGN POLICY DURING THE PANDEMIC

The pandemic has hit the Chilean economy from several sides, the stagnation of economic growth as a result of falling private investment, restrictions on consumption and production, and the effects of unemployment further weaken the supply and demand situation. The Chilean economy has also been hit hard by the international context, especially due to the fall in copper prices and the appreciation of the dollar and euro. However, the key objective of the work is to analyze the priorities of Chile's foreign policy during the pandemic.

Key words: *foreign policy, pandemic, personal hygiene products, Sino-American trade war, rotational quarantine.*

СТЕКЛЯННЫЙ ПОТОЛОК МАРИН ЛЕ ПЕН

Марин Ле Пен, лидер ультраправой политической партии Национальное объединение, в третий раз выдвигает свою кандидатуру на пост президента Франции. Каждый раз ее шансы на победу увеличиваются, как и не останавливается многоплановая работа по «нормализации» имиджа партии. За год до очередных президентских выборов 2022 г. уровень доверия Марин Ле Пен был идентичен уровню действующего президента Эммануэля Макрона. А опрос Ipsos предрекал 44% для М. Ле Пен против 56% для Э. Макрона во втором туре предстоящих президентских выборов, по сравнению с 34% против 66% в 2017 году. Между тем прошедшие региональные выборы в июне 2021 г. оказались провальными для партий М. Ле Пен и Э. Макрона. Рекордно низкая явка их электората отчасти намекала, что избиратели устали от этой пары, неизбежно конкурирующей в финале президентской кампании. Помимо социального пессимизма М. Ле Пен столкнулась с традиционной для своей партии преградой на выборах – элитарной солидарностью, не позволившей Национальному объединению закрепиться ни в одном регионе Франции. И это не единственная ловушка для М. Ле Пен на выборах. Увлечись расширением потенциальной электоральной базы второго тура, лидер французских ультраправых рискует потерять своего ключевого избирателя, усилить внутривнутрипартийные разногласия и потерпеть поражение еще в первом туре выборов. Тем временем ее основной конкурент Э. Макрон активно поддерживает мозаичность политического ландшафта с целью не допустить к президентским выборам каких-либо иных весомых конкурентов помимо ограниченной своим «стеклянным потолком» М. Ле Пен.

Ключевые слова: Национальное объединение, Национальный Фронт, Марин Ле Пен, национализм, правый радикализм, популизм, президентские выборы во Франции 2022 года.

Марин Ле Пен вступила в ряды Национального фронта (так называлось Национальное объединение до 2018 г.) в 1986 г., в возрасте 18 лет. Основателем партии считается ее отец, французский ультраправый политик Жан-Мари Ле Пен. Получив юридическое образование, М. Ле Пен начала активно строить свою карьеру в партии отца. В 1998-2004 и 2010-2015 гг. она была региональным советником в Нор-Па-де-Кале, в 2004-2010 гг. – в Иль-де-Франс, с 2015 г. – в О-де-Франс. С 2004 по 2011 г. М. Ле Пен являлась членом Европарламента, а в 2011 г. при поддержке большинства однопартийцев была избрана новым лидером Национального фронта. С этого момента началась новая веха как в карьере М. Ле Пен, так и в истории партии. Авторитет и личная власть М. Ле Пен в партии начали расти с каждым годом. Трижды она выдвигает своею кандидатуру на пост президента Франции в 2012, 2017 и 2022 годах, каждый раз демонстрируя все большие шансы на победу.

Существенно трансформировалась и сама партия за десять лет лидерства М. Ле Пен – в кадровом и отчасти идейном плане – ради смягчения ее радикального имиджа и расширения электоральной базы. Неизменной оставались популистская, националистская и антииммиграционная риторика, перешедшая главным образом в антисламистскую, хотя из рядов Национального фронта постепенно были исключены многие компрометирующие члены, позволяющие себе явные антисемитские, гомофобские и прочие нелиберальные высказывания, в том числе сам основатель партии Жан-Мари Ле Пен. Наконец, в 2018 г., партия была переименована в «Национальное объединение» с целью дальнейшего улучшения ее образа и расширения возможности формирования коалиций в преддверии очередных выборов в Европарламент.

Резко увеличившиеся потоки нелегальных мигрантов и волна жестоких террористических актов во Франции в 2015-2016 гг. еще больше укрепили поддержку М. Ле Пен. В этот период за ее партию готовы были отдать свои голоса более четверти всех избирателей Франции [5]. В ходе президентской кампании 2017 г. М. Ле Пен обещала навести порядок и сделать Францию «свободной», «безопасной», «справедливой», «процветающей», «независимой», «гордой» и «сильной» страной [12]. Столь привлекательные лозунги на фоне неудач системных партий обеспечили М. Ле Пен выход во второй тур президентских выборов, а ее националистической ультраправой партии совершенно новый уровень присутствия в политическом процессе. Последующие 2017-2021 гг. показали, что старая двухпартийная система во Франции погрузилась в реформирование, а на смену ей пришла мозаичность политического пространства с определенными полюсами притяжения: правых и правоцентристов, социалистов и левых, а также добившегося высокого рейтинга, но не имеющего союзников ультраправого Национального объединения.

Почему же даже в условиях укоренившейся политической фрагментарности и, несмотря на титанические усилия М. Ле Пен над улучшением имиджа ее партии, продолжается бойкотирование Национального объединения? «Экстремальный национализм и авторитаризм» – вот, что ставит в упрек М. Ле Пен французский политолог Жан-Ив Камю, директор Центра политического радикализма в Фонде Жана Жореса. Он же рекомендует ни при каких условиях не допускать «антисистемное» Национальное объединение к управлению страной [15]. Истеблишмент следует его совету. Его усилия вкупе с мажоритарной избирательной системой продолжают наилучшим образом демонстрировать управляемость политическими процессами, сводя к минимуму шансы Национального объединения попасть во власть или занять политически значимые позиции в государстве. Так на региональных выборах 2021 г. ультраправые не смогли закрепиться ни в одном регионе Франции. М. Ле Пен возлагала особые надежды на победу Национального объединения в регионе Прованс – Альпы – Лазурный берег, где список партии возглавил Тьерри Мариани, перебежчик от республиканцев и бывший министр транспорта Франции. Он действительно занял первое место в первом туре голосования, но кандидат от левых проявил элитарную солидарность и снял свою кандидатуру для того, чтобы преградить путь Национальному объединению. Во втором туре Т. Мариани потерпел поражение от республиканца Рено Мюзелье. Так, в очередной раз французские ультраправые столкнулись с тем самым «потолком» выше которого они не в состоянии пока «прыгнуть», какие бы усилия ими не прилагались, и как бы благоприятно не складывались внешние условия.

Пределы идеологических трансформаций и внутривнутрипартийный «потолок» М. Ле Пен. Касательно идеологических установок Национального объединения, специалисты и исследователи применяют весьма широкий спектр определений: национализм, национал-консерватизм, социальный консерватизм, ксенофобия, протекционизм, евроскептицизм, суверенизм, антиглобализм, экономический национализм. Все реже звучат в адрес партии обвинения в фашизме, расизме и яром экстремизме. Марин Ле Пен действительно преуспела в борьбе с демонизацией партии и ее адаптации к демократическим основам европейского общества, четко отделив себя от прочих маргинальных, экстремистски настроенных неонацистских элементов, игнорирующих демократические институты, являющихся насильственно опасными и политически неэффективными. Однако исследователи продолжают относить Национальное объединение к внесистемным и обобщенно именуют партию крайне правыми или праворадикальными популистами.

Популизм бесспорно присущ французским ультраправым. Это особый политический стиль, который фактически разделяет общество на две противостоящие друг другу группы – народ и коррумпированную элиту, не борю-

щующая за интересы простых людей. Популистские партии могут возникать в любой части политического спектра, но популизм – недостаточная характеристика идеологического движения. В конечном счете он оказывается привязан к идеологии своего хозяина [17]. В случае с Национальным объединением, популизм работает во благо правого радикализма с такими характерными для него признаками, как нативизм (симбиоз национализма и ксенофобии) и авторитаризм. Крайние формы нативизма допускают расизм и этноцентризм, при этом любые чужеродные элементы, в том числе люди и идеи, рассматриваются как угроза национальному государству. Среди авторитарных тенденций французских ультраправых можно выделить сильное лидерство и четкую партийную иерархию, агрессивное отношение к политическим противникам, а также стремление к строго организованному обществу, готовому сурово наказывать всех правонарушителей, вплоть до депортации или даже смертной казни. Так, только в 2017 г. в ходе президентской кампании М. Ле Пен впервые заявила о предпочтении пожизненного наказания смертной казни, даже если она выступает за последнюю [12].

В подобных авторитарных организациях довольно сложно происходит смена власти. Жан-Мари Ле Пен покинул пост действующего президента Национального объединения в возрасте 82 года, по сути передав полномочия дочери. Но и у нее были серьезные конкуренты, а именно Б. Гольниш, который неоднократно назначался приемником Ж.-М. Ле Пен и идейно был более близок лидеру партии. В то время как Марин Ле Пен еще с конца 1990-х гг. начала продвигать идею «раздемонизации» партии, (критиковала антисемитизм, демонстрировала гибкое отношение к абортам и открытость новым влияниям) [2. Р. 501-507]. Это вызывало скептическое отношение у ее отца, но в конце концов родственные узы победили, тем более, что М. Ле Пен смогла ранее продемонстрировать личную преданность и всестороннюю поддержку партии в период ее раскола, вызванного уходом из партии Б. Мегре со сторонниками.

Оказавшись у руля партии в 2011 г., М. Ле Пен активно взялась за работу по улучшению имиджа партии. М. Ле Пен смогла укрепить собственную авторитарную власть в партии путем исключения из нее всех компрометирующих и влиятельных членов. В 2017 г. с ее молчаливого согласия Национальное объединение покинули Ф. Филиппо и Марион Марешаль, которые на протяжении 5 лет были влиятельными членами партии и представляли ее два противоборствующих крыла.

Ф. Филиппо, вступив в ряды Национального объединения в 2011 г., стал ближайшим советником М. Л. Пен, а в 2012 г. получил должность стратегического директора ее президентской кампании и вице-президента партии. Столь стремительный карьерный рост объяснялся идейной близостью двух политиков. Стоит отметить, что Ф. Филиппо не стал скрывать своей нетрадиционной ориентации, чем привлек на сторону Националь-

ного объединения представителей ЛГБТ-сообщества. Помимо смягчения отношения к абортам, сексуальным меньшинствам и прочим социальным явлениям, М. Л. Пен существенно сдвинула свои экономические программные установки в сторону суверенных и протекционистских позиций, импонирующих более бедным слоям населения, рабочим, лицам, потерявшим работу на фоне глобализации производства и роста иммиграции. Данный дискурс тяготел в большей мере к северу Франции и его сторонники, в том числе сама М. Ле Пен оказались в рядах «филиппинистского» крыла партии. В противовес патерналистским убеждениям «филиппинистов» возник «лепенистский» фронт партии названный так в честь бывшего лидера партии Ж.-М. Ле Пена, тяготеющий к югу страны, где проживает зажиточный средний класс, не желающий оплачивать социальные пособия иммигрантов и предпочитающий правоконсервативную экономическую программу. Негласным лидером этого менее государственнического и более чувствительного к вопросам идентичности крыла партии стала М. Марешаль, внучка Ж.-М. Ле Пена и племянница М. Ле Пен, ставшая в 2012 г., в возрасте 22 лет, самым молодым депутатом Национального собрания, представляющим Национальное Объединение. Будущую стратегию для Национального объединения М. Марешаль видела в «союзе консервативной буржуазии и народа посредством вопроса идентичности» [10]. Политолог Ж.-И. Камю называет М. Марешаль, как и ее деда Ж.-М. Ле Пена, наследниками пужадизма. В отличие от М. Ле Пен, М. Марешаль не прерывала отношений с основателем партии и высказывала сожаление, что ее мнение не учитывается текущим лидером партии, на которого оказывает чрезмерное влияние вице-президент Ф. Филиппо.

При всем этом, социологические опросы в январе 2017 г. показывали, что линия М. Марешаль существенно ближе активистам партии. Ее поддерживали 52% опрошенных против 29% сторонников Ф. Филиппо [7]. Президентские и парламентские выборы 2017 г. прошли не так успешно для Национального объединения, как это ожидалось, что еще в большей степени усилило внутрипартийные разногласия. Уход из партии Ф. Филиппо и М. Марешаль стали для М. Ле Пен по сути необходимостью в деле укрепления собственного авторитета и ее обновленческой стратегии. Уже в следующем 2018 г. был принят новый устав партии и изменено ее прежнее название [16]. На смену Национальному фронту (фр. *Front National, FN*) пришло Национальное объединение (фр. *Rassemblement national, RN*). На европейских выборах 2019 г., на которых явка избирателей была выше обычного, партия заняла первое место в стране и набрала 23.3% голосов французов, получив 22 из 79 мест, выделенных для Франции в Европарламенте [19]. Однако последующие муниципальные выборы в 2020 г. и региональные в июне 2021 г. закончились провалом Национального объединения. Положение дел ухудшилось санитарным кризисом на фоне коронавирусной

пандемии и рекордно низкой явкой избирателей. На региональные выборы не пришли более 71% от потенциального электората М. Ле Пен [4]. Партия потеряла 30% мест в региональных советах [9]. Но на конгрессе партии в июле 2021 г. М. Ле Пен практически единогласно с результатом 98% переизбирается на пост президента Национального объединения. Ее личные рейтинги высоки не только внутри партии, но и сопоставимы с действующим президентом Франции Э. Макроном. Летом 2021 г. за каждого из них на предстоящих президентских выборах 2022 г. готовы были отдать свои голоса 25% опрошенных [6].

Предвыборная ситуация в лагере М. Ле Пен. На время своей президентской кампании с сентября 2021 г. М. Ле Пен передала свой пост президента Национального объединения 25-летнему Джордану Барделла, которого газета Liberation назвала «марионеткой Марин Ле Пен». Он состоит в отношениях с дочерью сестры М. Ле Пен, при этом гордится своим простым происхождением и соответствующей социальной принадлежностью [1] в рамках модернистской партийной линии М. Ле Пен, симпатизирующей бедным слоям населения. М. Ле Пен, в свою очередь, никоим образом не отказалась от своей прежней стратегии «нормализации» и ведет аккуратную тактическую борьбу с несогласными членами партии или теми, кто претендует на чрезмерный авторитет.

Не исключено, что М. Ле Пен в своей тактике руководствуется не только личными убеждениями, но делает ставку на более многочисленную часть населения Франции, которое в последние годы стремительно беднеет и в котором перманентно уменьшается доля того самого среднего класса, импонирующего либерально-консервативной и ксенофобской повестке Ж.-М. Ле Пена. Если с 1991 по 2010 г. процент взрослого населения, живущего в домохозяйствах со средним доходом, продолжал расти с 72% до 74% [8], то с 2011 г. он начал снижаться, достигнув в 2019 г. 68%, при этом больше половины из них сообщали, что едва сводят концы с концами [18]. Согласно другим источникам, а именно Национальному институту статистики и экономических исследований Франции (*фр. INSEE*) средний класс составляет во Франции лишь 50% населения. 30% относится к категории бедных, получающих значительную долю социальных пособий и чей месячный уровень жизни составляет менее 1371 евро [13]. В 2018 г. 9,3 млн человек жили во Франции за чертой бедности, что составляет 14,8% населения страны. Индекс Джини, отражающий степень неравенства в распределении доходов внутри различных групп населения, вырос до 0,298 [13]. Коронавирусная пандемия и последующий за ней санитарный кризис в 2020-2021 гг. окончательно закрепили тенденцию размывания среднего класса во Франции.

В подобных условиях исключительное следование либерально-консервативной позиции отца безусловно сузит электоральный потенциал М. Ле Пен, и ей приходится бесконечно лавировать как среди внутривпар-

тийных лагерей, так и между избирателями, выражающими зачастую противоположные интересы. Выработка четкой экономической программы вызывает у М. Ле Пен особые трудности.

Так, программа президентской кампании 2017 г. носила антиглобалистский характер. М. Ле Пен предлагала провести референдум о членстве Франции в ЕС и призвала вернуть четыре «суверенитета» стране (территориальный, денежный, законодательный и экономический) [12]. К 2022 г. повестка лидера Национального объединения кардинально изменилась. М. Ле Пен не выступает за Фрекзит и отказ от Евро, она уже не в рядах суверенистов, а скорее на стороне евроинтеграционалистов, вспомнив об объединяющем всех «европейском духе» [14].

В июле 2021 г. Национальное объединение подписало совместную декларацию о будущем Европы с 15 другими правыми и крайне правыми европейскими партиями с целью создания в будущем совместной группы в Европейском парламенте. Впервые в истории этого органа осуществляется попытка объединить столь яркие, харизматичные и националистически настроенные партии, некоторые из которых являются правящими в своих странах. А именно: «Фидес» во главе с Виктором Орбаном, «Право и Справедливость» Ярослава Качиньского, «Лига» под руководством Маттео Сальвини, испанский «Голос» и итальянские «Братья Италии», Фламандский интерес и Истинные финны, Датская народная партия, Австрийская партия свободы и другие. Подписанты осуждают бюрократическую и технократическую идеологию Брюсселя, которая навязывает свои стандарты во всех аспектах повседневной жизни и выступают за Европу, уважающую свободные народы и нации, за создание национальных-конституционных судов, которым не будет указывать Люксембургский [11]. Намечающийся политический союз ведущих ультраправых партий ЕС в очередной раз доказывает, что ярый евроскептицизм не является неотъемлемой идеологической составляющей правых радикалов.

Марин Ле Пен, как и ее отец, не упускает возможности побороться за власть в стране. Президентские выборы 2022 г. станут для нее уже третьими по счету, и М. Ле Пен рассчитывает если не победить, то выйти во второй тур и побить свой прежний рекорд президентской кампании 2017 г. в 33.9% голосов избирателей. Такой высокой электоральной поддержки лидер Национального объединения смогла добиться путем кропотливой работы над имиджем партии, укрепления в ней собственной авторитарной власти и тактического сдвигения некоторых партийных установок. Смягчение позиций французских ультраправых по ряду социальных вопросов, таких как аборт и ЛГБТ, а также отказ от евроскептицизма никоим образом не изменил праворадикальную сущность Национального объединения. Ребрендинг рас-

ширил электоральную базу ультраправых, увеличил доверие избирателей, вывел партию на новый политический уровень, пошатнув традиционную двухпартийную политическую систему во Франции. Однако для истеблишмента Национальное объединение по-прежнему остается нерукопожатным и антисистемным. Мажоритарная избирательная система и элитарная солидарность справляются с растущей популярностью националистов, пресекая их попытки занять важные государственные должности. М. Ле Пен сталкивается с трудностями и внутри собственной партии. Ее чрезмерная открытость и готовность к компромиссам, смещение экономического курса от либерально-консервативного в сторону протекционизма вызывает недовольство у радикального крыла партии, «лепенистского», верного идеям основателя партии Жана-Мари Ле Пена. По сути М. Ле Пен оказывается в ловушке как внешних, так и внутренних факторов: мажоритарная система и отношение истеблишмента преграждает ей путь к власти, а внутрипартийное напряжение очерчивает предельные возможности дальнейшей идеологической трансформации Национального объединения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Berteloot T.* Portrait. Jordan Bardella, poupée de Front pour les européennes // Liberation. Décembre 26, 2018 // https://www.liberation.fr/les-pouvoirs/2018/12/26/jordan-bardella-poupee-de-front-pour-les-europeennes_1699848/?outputType=amp.
2. *Camus J.Y.* «Le Front national français: entre projet de normalisation démocratique et positionnement anti-système». Observatori del conflicte social, 2012.
3. *Delmas F., Guillaneuf J.* En 2018, les inégalités de niveau de vie augmentent // INSEE. Septembre 9, 2020 // <https://www.insee.fr/fr/statistiques/4659174>.
4. Des jeunes, des électeurs de Mélenchon ou Le Pen... Qui sont les abstentionnistes des regionaux? // BFM TV. Juin 21, 2021 // https://www.bfmtv.com/amp/politique/elections/regionales/des-jeunes-des-electeurs-de-melenchon-ou-le-pen-qui-sont-les-abstentionnistes-des-regionales_AV-202106210070.html.
5. *Faye O.* Le FN capte l'attention d'une partie de l'électorat gay // Le Monde. Avril 12, 2016 // http://mobile.lemonde.fr/politique/article/2016/04/12/l-attraction-en-hausse-du-front-national-aupres-de-la-communautaire-gay_4900269_823448.html?xtref=acc_dir.
6. France – 2022 presidential election voting intention // <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/france/>.
7. *Galiero E.* Marine Le Pen face aux deux lignes du Front national // Le Figaro. Janvier 18, 2017 // <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/01/18/35003-20170118ARTFIG00388-marine-le-pen-face-aux-deux-lignes-du-front-national.php>.
8. *Kochhar R.* Middle Class Fortunes in Western Europe // Pew Research Center. May 25, 2017 // <https://www.pewresearch.org/global/2017/04/24/middle-class-fortunes-in-western-europe/>.

9. *Lehot M.* Après les élections régionales et départementales, le RN perd un tiers de ses élus // Franceinfo. Juin 28, 2021 // https://www.francetvinfo.fr/elections/infographies-apres-les-elections-regionales-et-departementales-le-rn-perd-un-tiers-de-ses-elus_4681905.amp.

10. *Lejeune G.* Le testament politique de Marion Maréchal-Le Pen // Valeurs actuelles. Mai 17, 2017 // <https://www.valeursactuelles.com/politique/exclusif-le-testament-politique-de-marion-marechal-le-pen-2/>.

11. *Le Pen M.* Déclaration sur l'avenir de l'Europe. Juillet 2, 2021 // [https://rassemblementnational.fr/wp-content/uploads/2021/07/Déclaration_sur_l_avenir_de_leurope_MLP.pdf](https://rassemblementnational.fr/wp-content/uploads/2021/07/D%C3%A9claration_sur_l_avenir_de_leurope_MLP.pdf).

12. *Le Pen M.* Les 144 engagements présidentiels // <https://rassemblementnational.fr/pdf/144-engagements.pdf>.

13. Niveau et composition des revenus moyens en France // La Finance pour tous. Mars 25, 2021 // <https://www.lafinancepourtous.com/decryptages/finance-perso/revenus/niveau-et-composition-des-revenus-moyens-en-france/>.

14. Rassemblement national: Marine Le Pen n'envisage plus de suspendre les accords de Schengen. Janvier 21, 2021 // <https://m.20minutes.fr/amp/a/2965123>.

15. *Soullier L.* Deux ans et demi avant l'échéance, Marine Le Pen se déclare candidate à la présidentielle de 2022. La chef de file de l'extrême droite française avait déjà fait part de ses ambitions en fin d'année dernière // Le Monde. Janvier 16, 2020 // https://www.lemonde.fr/politique/article/2020/01/16/deux-ans-et-demi-avant-l-echeance-marine-le-pen-se-declare-candidate-a-la-presidentielle-de-2022_6026133_823448.html.

16. Statuts du Rassemblement National. Adoptés par l'Assemblée Générale Extraordinaire du 10 mars 2018 // <https://rassemblementnational.fr/statuts-du-rassemblement-national/>.

17. *The Populist Radical Right: A Reader.* Cas Mudde (ed.) Routledge, 2017.

18. Under pressure. The squeezed middle class // OECD. 2019 // <https://www.oecd.org/fr/france/Middle-class-2019-France.pdf>.

19. 2019 European election results. France // <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/france/2019-2024/>.

A.S. BADAeva

Candidate of Political Sciences,

Researcher of the Primakov National

Research Institute of World

Economy and International Relation RAS,

Moscow, Russia

MARINE LE PEN AND HER GLASS CEILING

Marine Le Pen is President of the National Rally. It's the third time when she's announcing her candidacy for the President of the French Republic. Each time

her chances of winning increase and the work of her party image normalization does not stop. A year before the 2022 French presidential election, Marine Le Pen's approval rating was identical to the rating of current President Emmanuel Macron. The Ipsos poll put Le Pen at 44 percent against 56 percent for Macron in the second round, compared with 34 to 66 in 2017. Meanwhile, Macron and Le Pen fail to make ground in 2021 French regional elections. Record low turnout of their voters showed electoral fatigue from this couple inevitably competing in the final part of the French presidential election. As usual, Le Pen faced her traditional obstacle: elite solidarity didn't permit her far-right party to entrench in any French region. In addition, Le Pen goes too much into expanding of the second round electoral base, which can cause the loss of National Rally's key voters, the increasing of inner-party disagreement and even the defeat in the first round of the 2022 French presidential election.

Key words: *National Rally, National Front, Marine Le Pen, Nationalism, Populism, far-right politics, 2022 French presidential election.*

ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИЙ РАСЫ И ЭТНОСА В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ США

На протяжении столетий США проводили перепись населения, но никогда в истории такое количество американцев (13 млн. человек, 4% населения страны) не идентифицировали себя с двумя и более расовыми и этническими категориями как в переписи 2020 года. Увеличение многонациональности и смешение рас заставляют федеральное правительство искать новые подходы к национальному вопросу. В статье рассматривается то, как менялось представление о темнокожих американцах, американцах азиатского происхождения, латиноамериканцах и американских индейцах в переписях населения США, которые четче всего отражают государственный подход к сложному вопросу.

Ключевые слова: *раса, перепись населения, население США, испаноязычные, латиноамериканцы, темнокожие, афроамериканцы, демография США.*

Изучению расовых и этнических изменений в американском обществе посвящено множество теоретических работ. Не только потому, что «страна иммигрантов» представляет собой интересное поле для исследования по теме, но и потому что отцы-основатели предоставили возможность отслеживать изменения, благодаря введению требования об обязательном проведении переписи населения (Статья 1, раздел 2 Конституции США). Однако, раса не является устойчивой биологической категорией. Хотя ее можно определить через внешние физиологические признаки, они могут меняться и не являются (как часто ошибочно считают) поверхностными проявлениями более глубоких фундаментальных различий.

Раса остается чрезвычайно мощной движущей силой, часто определяющей социальные, политические, профессиональные шансы человека, поэтому, даже имея статистику переписей населения на руках, следует с осторожностью сравнивать данные из-за изменчивого характера социальной конструкции расы, которую необходимо понимать в конкретном политическом и историческом контексте.

В переписях населения США существует множество примеров того, как расовые категории и формат сбора данных менялись с течением времени. Одним из самых ярких примеров стали американские индейцы. С 1970 г. их доля выросла главным образом в результате увеличения числа людей, которые сами решили идентифицировать себя как американские индейцы. До 1970 г. расу определял переписчик, основываясь либо на предоставленных документах, либо на своих представлениях о расе опрашиваемого. А большая часть тех, кто по-разному идентифицировал свою расовую принадлежность от одной переписи к другой, как правило, относились к смешанной расе и только с 2000 г. смогли указывать более одной расы, а с 2020 г. – более двух. Решение давать несколько ответов на вопрос о расе оказало незначительное влияние на измерения расового состава населения США в 2000 г. – 2,4% населения указали две расы – став заметным лишь в 2020 г., когда «две и более» расы указали 4% населения.

Можно спорить, что первично для изменения категорий, которые указывает Бюро переписи населения США: являются ли они навязанным социальным конструктом, каковым некоторые исследователи считают и само понятие «национальность», или же категории в переписи населения отражают изменения в представлениях американцев о расе и этнической идентичности? В современном мире часто смешиваются понятия национальность, гражданство, нация, этнос и религиозная принадлежность людей, добавляя прочие не связанные между собой категории.

Национальность в современном глобальном мире – по сути абстрактный конструкт, который начал формироваться под влиянием великих философов, включая Фридриха Гегеля (1770-1831 гг.), измыслившего германскую нацию задолго до объединения Германии (1871 г.) и политиков, включая Массимо д'Адзельо – борца за объединение Италии, которому принадлежит известная фраза: «мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев» [1] (часто приписываемая Камилло ди Кавуру). Термин часто поддается манипуляции в политических целях и сегодня, когда цитата из «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова «Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире!» как никогда актуальна, национальная «надстройка» начинает шататься под натиском исторического процесса.

Вместе со становлением национальных государств, общепринятым стало разделение: национальность – принадлежность человека к определенной идентичности (при этом открытым остается вопрос, кто эту идентичность определяет, кто внедряет те или иные «скрепы», связывающие представитель той или иной национальности? Снова вспоминается пример Ф. Гегеля и М. Д'Адзельо); гражданство – де юре принадлежность к определенной стране (в большинстве современных европейских языков и в документах термин *nationality* обозначает гражданство); этнос – исторически сложившаяся совокупность людей, объединенных общими объективными либо

субъективными признаками (географическое происхождение, язык, культура, физиологические особенности и прочее), при этом они все подвержены изменению, так как «этнос» подвижен под влиянием необратимого хода истории.

Из-за сложности определений, перепись населения может служить хорошим примером изменений в представлениях американских политиков и граждан страны о расе и этнической принадлежности. Социальный конструктивизм определяет расовые и этнические группы в качестве искусственной надстройки, а не биологически заданной реальности. Ведь относительно очевидные физические различия или обычаи, которые мы используем для категоризации групп, могут изменяться с течением времени, а общество конструирует их значение, чаще всего придавая ему оценочный оттенок. Редко изменения являются результатом воздействия сил из внутри расовой или этнической группы, чаще – из-за выгоды подачи той или иной позиции или из-за давления электората, которое уже невозможно игнорировать.

В одной из самых цитируемых работ по расовой идентичности в США «Этническая и расовая принадлежность: Формирование идентичности в меняющемся мире», авторы Стивен Корнелл и Дуглас Хартманн используют термины «утверждение» и «присвоение» для иллюстрации взаимодействия сил, формирующих идентичность: «расовая и этническая идентичность включает в себя не только обстоятельства, но и активные реакции на обстоятельства со стороны отдельных людей и групп» [3. Р. 77]. Им вторит другой известный автор Джоан Нагель, утверждая, что «этническая идентичность – это диалектический спор между внутренней идентификацией и внешним приписыванием» [5. Р. 21].

Возможность утверждать или присваивать какую-то идентичность себе зависит от расовой группы. Белые американцы могут быть более подвижны («флюидны») относительно своей идентичности: они могут подчеркнуть свою особенность, выбирая определенный этнос и менять его в переписи населения, в зависимости от исторической, культурной и социальной ситуации. Расовым меньшинствам, имеющим узнаваемые «маркеры» (это могут быть как физические – цвет кожи, юридические – фамилия или культурные – акцент) такая свобода выбора не доступна – их идентичность в значительной степени определяется социумом.

Если вновь обратиться к истории американских индейцев, можно увидеть, как их «этническое обновление» было спровоцировано социальными сдвигами (движение за гражданские права, изменения федеральной политики в отношении индейцев), а также всеамериканскими потрясениями (Вторая мировая война, война во Вьетнаме). Изменения привели к пересмотру федеральным правительством (что было отражено в переписи населения 1970 г.) понимания категории американских индейцев и дало шанс многим людям, которые ранее относили себя к какой-либо другой расе, указать «*native*

American». Это привело к более мягкому восприятию потомков межрасовых браков внутри племен, которые стали включать в свои ряды тех, кого раньше не считали индейцами. В этой ситуации этническая идентичность изменилась параллельно – на государственном и на индивидуальном уровне.

Некоторые расы и этносы кажутся менее подверженными переменам и более устоявшимися, чем другие. Расовая категория «темнокожий» или «афроамериканец» является относительно закрытой и статичной категорией из-за общепринятого антропологического правила гиподесценции, согласно которому любое количество темнокожих предков, независимо от того, насколько оно незначительно, делает человека афроамериканцем. Такое восприятие, конечно, является следствием исторического процесса насильственного переселения рабов из Африки на Американский континент с последовавшим многовековым отношением к темнокожим людям как к низшим, в сравнении с белой расой. У темнокожих американцев меньше возможностей самоидентифицироваться в рамках какой-либо другой расы и почти нет шансов добиваться социального признания. Люди с одним темнокожим предком во втором или третьем поколении и со всеми остальными белыми предками испытывают трудности с утверждением неафроамериканской идентичности.

Стоит отметить еще одну причину простоты или сложности перехода из одной расовой категории в другую – различная степень распространенности межрасовых браков. Коренные американцы исторически часто вступали в брак с представителями белой или иной расы. А вот среди американцев азиатского происхождения и латиноамериканцев уровень межрасовых браков был низким до середины XX века. Потомки межрасовых браков стоят перед выбором, как идентифицировать себя в расовом и этническом отношении. Чтобы проследить изменения концепции расы и этноса, важно знать конкретные обстоятельства (исторические и политические) и изучать, как они повлияли на процессы изменения или сохранения расовой идентичности в каждой отдельной группе.

Темнокожие американцы. В соответствии с исторически сложившимися в США обстоятельствами, включение в категорию «темнокожих» происходит в соответствии с правилом гиподесценции. Темнокожий в США – это человек с любым известным темнокожим прямым родственником.

Чтобы считаться темнокожим в Соединенных Штатах, не обязательно иметь и половину предков с африканскими корнями. До 1960-х гг. такой вид принадлежности был известен как «правило одной капли», означающее, что одна капля «черной крови» делает человека темнокожим. Оно также известно, как «правило одного темнокожего предка», в некоторых судебных делах его называли «правилом прослеживаемого количества» [4. Р. 5-6]. Правило гиподесценции возникло на американском Юге и стало национальным и общепризнанным как определившими его белыми, так и расовыми мень-

шинствами. Впрочем, у темнокожих американцев не было другого выбора. И даже в XXI в. такое определение считается естественным юристами и протестующими сторонниками движения «Черные жизни имеют значение» (*Black Lives Matter – BLM*) так же, как и ку-клукс-клановцами и правыми сторонниками расистского движения «Гордые парни» (*Proud boys*).

Однако термины темнокожий (*black*) и афроамериканец (*African-American*) стали общеупотребимыми лишь с конца 1960-х гг., когда движение за права темнокожих достигло пика и пришли на смену термину «негр» (*Negro*) – в американской коннотации синониму слова «раб». Термин «темнокожий» точнее передает идентичность, ведь в отличие от «афроамериканец» не сужает этническую принадлежность к предкам из Африки южнее Сахары. В США проживает большое количество темнокожих американцев, ничего не знающих о далеких предках из Африканских стран и идентифицирующих себя с предками из стран Центральной и Латинской Америки.

Также стоит обратить внимание на термины «мулат» и «цветной». Термин «мулат» первоначально использовался для обозначения ребенка от брака «чистого африканского негра» и «чистого белого». Постепенно «мулат» в американской коннотации стал означать потомков от любого количества темнокожих предков [4. Р. 23]. Термин «цветной» относился к очень светлым рабам, в том числе и тем, которые казались белыми и в XIX-XX вв. он стал эвфемизмом для определения всех небелых американцев. В конечном итоге, в первой половине XX в. термины «мулат», «цветной», «негр», «темнокожий» и «афроамериканец» стали означать людей с любым известным количеством темнокожих предков.

С середины XIX в. стали использоваться более точные термины «квартероны» (если есть смешение темнокожих с белыми во втором поколении) и «октороны» (если есть смешение темнокожих с белыми в третьем поколении). Квартерон на одну четвертую часть темнокожий и поэтому легко классифицировался в США как «негр», однако три из четырех бабушек и дедушек этого человека – белые. У окторона семь белых прабабушек и прадедушек из восьми, и он обычно выглядит белым или почти белым, поэтому в переписи населения его могли классифицировать как белого. Большинство родителей детей темнокожих американцев XXI в. сами принадлежат к двум и более расам, но как мы увидели, люди с афроамериканскими корнями (какими бы глубокими они ни были) имеют социально навязанную идентичность.

Количество межрасовых браков среди афроамериканцев, хотя и остается меньшим, чем среди других групп населения, но привело к появлению значительного числа мультирасовых людей (относящиеся к двум или более расовым группам). Такие дети, родившиеся в XXI в. (напомню, что перепись населения позволила указывать две расы с 2000 г. и три – с 2020 г.) гораздо чаще идентифицируют себя как мультирасовые. Такая широкая

вариация среди людей с одинаковым расовым происхождением указывает на то, что «правило одной капли» может постепенно исчезнуть.

Американцы азиатского происхождения. Исследование расовой идентичности американцев азиатского происхождения должно основываться на изучении важных различий. Несколько подгрупп, таких как китайцы, японцы и филиппинцы, включающиеся в азиатскую расовую категорию, обычно идентифицируют себя со своей конкретной подгруппой, чем с панэтнической идентичностью.

В 2020 г. американцы азиатского происхождения составили 19 618 719 человек или 5,4% населения США. Американцы китайского происхождения остались самой большой подгруппой азиатских американцев (24% азиатского населения, 5,4 млн. человек). Следующие две крупнейшие подгруппы – американцы индийского происхождения (21% от общего числа, 4,6 млн. человек), и филиппинцы (19% от общего числа, 4,2 млн. человек). Следом идут имеющие Вьетнамские корни (10% от общего числа, 2,2 млн. человек), Корейские корни (9% от общего числа, 1,9 млн. человек) и Японские корни (7% от общего числа, 1,5 млн. человек). Остальные 13 подгрупп составляют 12% всех азиатов США, в общей сложности 2,7 млн. человек, при этом ни одна из них не превышает 600 тыс. человек. Оставшиеся 3% азиатов указали другое происхождение или заявили, что они азиаты, но не указали конкретное происхождение. Почти половина азиатов США (45%) проживает на Западе, причем почти треть (6,5 млн) в штате Калифорния. Далее следуют Нью-Йорк (1,9 млн), Техас (1,6 млн), Нью-Джерси (958 000) и Вашингтон (852 000). В этих пяти штатах проживает большинство азиатов США (55%).

Подгруппы сильно различаются по языку, культуре, образованию, уровню доходов и истории иммиграции, поэтому большинство американцев азиатского происхождения связывают себя с конкретной идентичностью и использование термина «азиат» может скрыть важные различия между подгруппами. Разные азиатские подгруппы прибывали в США, не имея представления о расовой категоризации азиатов. Это справедливо для всей истории иммиграции в США – большинство европейцев приехали в США, не имея представления об общеевропейской идентичности, то же самое можно сказать о темнокожих американцах и латиноамериканцах. Учитывая то, что в отличие от латиноамериканцев, у азиатов не существует такого фактора, как язык, который объединял бы большую часть населения; а в отличие от темнокожих американцев, не существует единого исторического контекста (даже самого отдаленного) или общего культурного слоя – для членов азиатских подгрупп гораздо важнее была не «азиатская» идентичность, а то, что они являются, например, китайцами, японцами или филиппинцами, в то время как американское общество (даже сегодня, на уровне переписи населения до 2020 г., когда стало возможно указывать более двух расовых или этнических групп) не обращает внимание на подгрупповые различия и объединяет всех в расовую категорию азиатов.

Мультирасовые, не испаноязычные американцы азиатского происхождения составляет подавляющее большинство (83%) всех азиатов в стране. Это самая быстрорастущая расовая или этническая группа. В период 2000-2021 гг. их численность выросла на 81%, опередив рост среди латиноамериканцев (70%) и темнокожих американцев (20%), в то время как численность белого населения практически не изменилась. Мультирасовые и испаноязычные азиаты составляют 14% и 3% азиатского населения США соответственно. Американцы японского происхождения чаще всего идентифицируют себя как мультирасовые не испаноязычные (32%), за ними следуют филиппинцы (18%) и корейцы (15%).

По прогнозам исследовательского центра *Pew Research Center*, к 2060 г. азиатское население обгонит по численности латиноамериканское население [2]. Во время переписи населения 1870 г. примерно 63 тыс. человек были классифицированы как азиаты, в 1970 г., когда респонденты переписи впервые смогли выбрать свою расу, 980 тыс. человек назвали себя азиатами, в 2000 г. азиатское население страны выросло до 11,9 млн человек, а в 2020 г. почти удвоилось до 20 млн человек – рост на 88% за два десятилетия. Сейчас азиаты составляют около 5,5% всего населения страны, а к 2060 году их численность, по прогнозам, превысит 46 миллионов человек, что почти в четыре раза больше, чем сейчас.

Латиноамериканцы и испаноязычные американцы. Как и среди американцев азиатского происхождения, среди латиноамериканских и испаноязычных подгрупп существуют большие различия. По данным переписи населения 2020 г. эта группа достигла 62 080 044 человек, по сравнению с 50,5 млн. человек в 2010 году. Рост латиноамериканского и испаноязычного населения за 10 лет составил 23% и превысил темпы роста населения страны (+7%), но был медленнее, чем рост азиатского населения (+36%). Почти каждый пятый житель США идентифицирует себя как испаноязычный или латиноамериканец (19,5%), по сравнению с 16% в 2010 г. и 5% в 1970 году.

Сложность заключается еще и в том, что в переписи населения (а значит на государственном уровне) «испаноязычный» и «латиноамериканец» считается этнической, а не расовой принадлежностью. Они могут расово идентифицироваться как белые, черные, азиаты или коренные американцы. При этом «латиноамериканец» географическая категория – выходец из стран Центральной и Южной Америки и не обязательно испаноязычный, а «испаноязычный» не обязательно латиноамериканец (как, например, иммигранты из Испании).

Со второй половины XX в. значительное число латиноамериканцев стали заключать межнациональные браки. В 2000-х гг. более 20% испаноязычных женщин и 15% испаноязычных мужчин состояли в браке с не испаноязычными партнерами, а значит дети от этих союзов могут сделать иной

выбор в отношении своей самоидентификации. Дело упрощается тем, что в переписи населения с 2000 г. вопрос о латиноамериканском или испаноязычном происхождении задается отдельно от вопроса о расе.

Данные переписи населения 2020 г. были опубликованы в августе 2021 г., накануне национального месяца испаноязычного наследия (*National Hispanic Heritage Month*), который ежегодно начинается 15 сентября. В 1968 г. Конгресс объявил Неделю испаноязычного наследия, а в 1988 г. она была расширена до месяца. Праздник начинается в середине, а не в начале сентября, потому что он совпадает с национальными днями независимости в нескольких странах Латинской Америки: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор отмечают 15 сентября, Мексика – 16 сентября, Чили – 18 сентября и Белиз – 21 сентября.

Латиноамериканцы и испаноязычные американцы сыграли важную роль в обеспечении роста населения США за последнее десятилетие. В период 2010 – 2020 гг. население США выросло на 22,7 млн. человек, и на долю латиноамериканцев приходится 51% этого прироста, более, чем на любую другую расовую или этническую группу.

Резко возросло число латиноамериканцев, которые называют себя мультирасовыми. По данным переписи населения 2020 г., таковыми себя считают более 20 млн. латиноамериканцев, в то время как в 2010 г. их насчитывалось всего 3 миллиона. Это увеличение может быть связано с рядом факторов, включая изменения в форме переписи, которая с 2020 г. дает возможность указать более двух рас.

Латиноамериканцы стали самой большой расовой или этнической группой в Калифорнии. По данным на 2020 г. в Калифорнии проживает около 15,6 млн. латиноамериканцев (составляя 39% населения штата), по сравнению с 14 млн. в 2010 году. Белое население штата за тот же период сократилось с 15 млн до 13,7 млн человек, отражая общенациональную тенденцию. В двух следующих по численности латиноамериканского населения штатах, Техасе (11,4 млн.) и Флориде (5,7 млн.), латиноамериканцы составили 36% и 26% жителей соответственно. В Нью-Мексико проживает 1 млн. латиноамериканцев – 48% населения, что является самой высокой долей в стране.

Коренные американцы. Самоидентификация коренных американцев также является сложным вопросом: история племен, отношения коренных американцев с правительством США и межрасовые браки – вот основные факторы, влияющие на их расовую идентичность. Система договоров с американским государством и перемещение племен в географически отдаленные районы усилили племенную, но не расовую идентичность. Ситуация осложняется извне – из-за разности способов определения идентичности коренных американцев.

Для того, чтобы попадать под федеральные программы и получать положенные услуги, индейские племена должны быть признаны на государ-

ственном уровне. Большинство племен требуют определенного процента происхождения или «количества крови» для того, чтобы человек считался коренным американцем, а из-за большого количества межрасовых браков, многие потомки индейцев уже не принимались как часть племени и их относили к другим расовым и этническим категориям. После того как все проживающие в США получили возможность самостоятельно указывать принадлежность в переписях населения, стали учитываться лица, не считавшиеся коренными американцами в предыдущих случаях.

Американские индейцы вступают в межрасовые браки даже чаще, чем американцы азиатского и латиноамериканского происхождения. В 2000-х гг. 60,2% процента женщин коренных американок и 58,8% процента мужчин коренных американцев состояли в браке с представителями другой расовой группы. По мере того, как социальная и политическая атмосфера в США делала идентичность индейцев более привлекательной, росло и число тех, кто причислял себя к коренным американцам.

Будущие изменения концепции рас и этносов. Перепись населения США 2020 г. показала, что страна становится все более многонациональной, больше людей выбирают причастность к двум или более расовым и этническим группам. За фактическими изменениями приходит и смена представлений об идентичности, поскольку иммиграция (хоть и сократившаяся в последние годы и в особенности в период пандемии COVID-19) продолжает подпитывать рост азиатского и испаноязычного населения, растет число межнациональных браков, а социологи начинают видеть последствия самоидентификации людей смешанного расового наследия или происхождения.

На то, как американцы воспринимают себя и друг друга, серьезно влияют федеральные схемы расовой и этнической классификации. Поэтому, для сохранения политического влияния в меняющемся американском обществе, современным партиям и политикам следует максимально вдумчиво подходить к вопросу расы и этнической принадлежности. Современное понятие о расе и этносе, пожалуй, первый социальный конструкт, который действительно необходимо оставить в прошлом для сохранения современной политической системы. И разница между результатами переписей населения США 2000 и 2020 гг. (в первую очередь выбором количества рас и этносов) является лишь новейшим подтверждением глобальных изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Abbiamo fatto l'Italia, ora dobbiamo fare gli Italiani / Storia e storie di Torino // <https://www.torinoxl.com/litalia-ora-dobbiamo-gli-italiani/>.
2. Budiman A., Ruiz N. Key facts about Asian Americans, a diverse and growing population // Pew Research Center. April 29, 2021 // <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/04/29/key-facts-about-asian-americans/>.
3. Cornell S., Hartmann D. Ethnicity and race: Making identities in a changing world. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998.

4. *Davis J.* Who Is Black? One Nation's Definition. Pennsylvania: Penn State University Press, 2001.

5. *Nagel J.* American Indian ethnic renewal: Red power and the resurgence of identity and culture. New York: Oxford University Press, 1996.

A.A. FILIPPENKO

*Candidate of historical Sciences,
Senior researcher, Institute of the United States
of America and Canada studies,
Moscow, Russia*

CHANGES IN RACE AND ETHNICITY AS CONCEPTS IN THE U.S. CENSUS

For centuries the United States has been conducting censuses, but never in history have so many Americans (13 million people, 4% of the country's population) identified themselves with two or more racial and ethnic categories as in 2020 census. The increase in multiculturalism and the mixing of races has forced the federal government to seek new approaches to the national question. This article examines how the representation of black Americans, Asian Americans, Hispanics, and Native Americans has changed in the U.S. Census, which most clearly reflects the government's approach to a complex issue.

Key words: *race, census, U.S. population, Hispanic, Latino, Black, African-American, U.S. demographics.*

кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

кандидат исторических наук,
кафедра теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ

Миграционная проблема в Италии не является новым явлением для внешней и внутренней политики Италии. Апеннинский полуостров всегда был местом межкультурной коммуникации, начиная с периода становления Рима как важного геополитического актора в античности. Однако возвращаясь в современность, именно события последних семи лет, начиная с 2014 года, вызвали не просто обострение миграционного вопроса для Италии, а тяжелый кризис с последствиями, которые уже изменили модель итальянского общества.

Явление миграции в Италии приобрело структурный и долгосрочный характер, требующий совместной ответственности не только всех стран-членов ЕС, но и стран-источников миграционных потоков. Решение данной проблемы находится только в правовой плоскости, так как именно соблюдение норм и законов способно предотвратить эскалацию конфликта, понизить градус напряженности среди общества и между странами, а также выработать алгоритм действий, направленный на минимизацию ущерба от миграции, и, если возможно, превентивные меры по стабилизации социально-экономической и политической ситуации в странах-источниках миграции.

Ключевые слова: Италия, миграционный кризис, ООН, международные организации, ЕС, двустороннее сотрудничество.

В контексте правового урегулирования миграционного вопроса правительство Италии приняло комплексный подход, сочетающий солидарность и безопасность, в решении миграционных потоков в Средиземноморье [2].

Анализ миграционной политики Италии позволяет условно разделить ее регулирование на трех уровнях: международном, региональном и двустороннем. На международном уровне это конвенции и протоколы ООН; на региональном уровне – нормативно-правовые акты Европейского союза; на двустороннем уровне – это соглашения между Италией, отдельными странами ЕС и странами-источниками миграционных потоков. Естественно, это деление представлено для систематизации процесса, который стоит рассматривать как единый подход в решении миграционного кризиса.

Международный уровень регулирования. Правовая база для борьбы с незаконной миграцией в Италии в первую очередь основана на законодательстве, устанавливающем права беженцев, Конвенции о статусе беженцев 1951 года [19]. В конвенции говорится, что решение миграционного вопроса является обязанностью государственных органов власти, которые должны следить за соблюдением прав и свобод беженцев, а также за обеспечением на общих основаниях правового положения, которым пользуются прибывшие в иностранное государство.

На международном уровне миграционный вопрос также регулируется Протоколом 1967 года, касающимся статуса беженцев [13], а также Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющим Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [17].

Региональный уровень регулирования. Развитие европейских институтов в конце XX века затронуло также и миграционный вопрос, что является крайне важным для Италии, так как, являясь страной-членом ЕС, страна обязана соблюдать принятые в Евросоюзе регламенты в отношении миграции. Важным шагом в области правового регулирования миграции на европейском уровне стала ответственность государства-члена ЕС в отношении рассмотрения ходатайств от граждан стран, не являющихся членами Евросоюза, о предоставлении убежища.

Вопросы миграции также были затронуты в Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года между правительствами государств экономического союза Бенилюкс, Германии и Французской Республики. В частности, в Шенгенской конвенции устанавливаются конкретные процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища.

Важнейшей составляющей правовой основы миграционной политики Италии является принятие Дублинской Конвенции [5], которая устанавливала правила определения государств, ответственных за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, поданных на территории страны-члена ЕС.

С правовой точки зрения целесообразно отметить, что Шенгенская конвенция была заключена между странами-членами ЕС, но вне правового поля Европейского союза, а Дублинская конвенция стала самостоятельным международным правовым документом.

Особенность Дублинской системы заключается в концепции невовлечения третьего государства. Согласно этой концепции, мигрант имеет право попросить убежище в стране той ЕС, в которую он прибыл. При дальнейшем передвижении мигранта по территории Европейского союза, к нему может быть применена санкция по возвращению в государство-член ЕС, на территорию которого он прибыл.

Таким образом, Дублинская конвенция лишает человека, ищущего убежища в ЕС, права выбора страны, в которой он хотел бы получить статус беженца [6]. Эта проблема дополняется отказом стран-источников миграции принимать обратно своих граждан, которые являются нелегальными мигрантами. Для решения этого вопроса Европейский союз заключает соглашения о реадмиссии со странами-источниками миграции, что закреплено в европейском законодательстве как обязательная норма, несмотря на ее сомнительный характер [6].

Развитие правового регулирования миграционной политики Италии в рамках системы права ЕС продолжилось в 2000 году с принятием Eurodac [7], постановления о создании системы контроля отпечатков пальцев с целью совершенствования контроля миграционной политики ЕС. Эта система содержит как базу данных отпечатков пальцев лиц, просящих убежище, так и нелегальных мигрантов на территории Европейского союза.

Важным прогрессом в системе европейского права по миграционной политике стало принятие в 2003 году постановления о критериях механизма определения страны-члена, ответственной за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища на территории государства-члена ЕС. Этот регламент, более известный как «Дублин II» [8], заменил Дублинскую конвенцию 1990 года. Данный регламент установил принцип, целью которого является избежать пересылки просителей убежища из одной страны в другую, а также предотвратить злоупотребление системой путем подачи одним лицом нескольких заявлений о предоставлении убежища.

Таким образом, новый дублинский регламент вместе с вышеуказанными постановлениями, устанавливающими подробные правила применения этого регламента, условно являются системой, которую в общем смысле принято называть Дублинской системой [1. С. 193].

Эта система на практике показала свою неэффективность. Усиление напряженности в Средиземноморье, вызванное «арабской весной» и гражданской войной в Сирии, стало одним из факторов, побудивших страны ЕС разработать и принять в 2013 году новый пакет законов, который можно считать вторым этапом общей европейской системы решения миграционной проблемы.

Этот этап характеризуется, в первую очередь, принятием европейскими органами нового постановления, известного как регламент «Дублин III» [15], которое расширило деятельность наднациональных институтов ЕС, допол-

нило критерии и механизмы определения страны ЕС, ответственной за рассмотрение ходатайства о защите, поданного на территории Европейского союза гражданином третьей страны.

Новый дублинский регламент действует до сих пор и является частью права ЕС. В третьей редакции были изложены основные критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение заявлений, поданных гражданами третьих стран или лицами без гражданства. Однако «Дублин III» не решил основную проблему, заключающуюся в справедливом распределении прибывших мигрантов на территории ЕС среди стран-членов Союза.

Следует отметить, что недостатки современной Дублинской системы, тесно взаимосвязаны с особенностями процессов европейской интеграции, которая основана на функциональном методе интеграции, подразумевающим прогрессивное развитие, основанное на достижении определенных целей и последующем переходе к более значительным задачам. Анализ дублинских регламентов показывает их эволюцию. Так, дублинская конвенция 1990 года в общих чертах закрепила обязательства стран ЕС, национальные институты незначительно влияли на миграционную политику. Регламент «Дублин II» принял принцип недопустимости разлучения ближайших родственников при ходатайстве об убежище, а также ответственности принимающей стороны в обеспечении правом международной защиты несовершеннолетним лицам. Регламент «Дублин III» расширил полномочия европейских институтов и круг регулируемых вопросов.

В европейском сообществе были надежды на совершенствование системы с началом миграционного кризиса и развитии проекта регламента «Дублин IV» [4]. Однако сила миграционных волн 2014-2018 годов выявила определенную тенденцию, что страны ЕС предпочитали в первую очередь обеспечить безопасность своих границ и не допустить проникновение мигрантов вглубь ЕС.

Двусторонний уровень регулирования. С началом миграционного кризиса правительством Италии было определено три основных направления поиска решений миграционной проблемы: консенсус и поддержка ЕС; инициатива по созданию коалиции из трех стран, имеющих выход к средиземному морю: Испании, Италии и Франции, а также Германии, для решения миграционной политики; разработка крупных двусторонних инициатив со странами происхождения миграции, которые должны политически и финансово поддерживаться через европейские институты [14; 16].

По сообщениям Европейской комиссии, после принятия весной 2016 года декларации между ЕС и Турцией [9], которая позволила сократить поток мигрантов в восточном Средиземноморье, итальянское правительство решило активизировать свои действия по решению миграционной политики ЕС на юге страны [17].

В соглашении по миграции, предложенном в апреле 2016 года [10] премьер-министром Маттео Ренци, подчеркивается необходимость более тесного сотрудничества со странами-источниками, особенно африканскими, для стратегического управления миграционными потоками. Позже эта инициатива была одобрена в новых рамках Европейской повестки дня по миграции с третьими странами.

Соглашение о миграции [10], предложенное в апреле 2016 года премьер-министром Маттео Ренци, подчеркнуло необходимость более тесного сотрудничества со странами происхождения, особенно африканскими странами, для стратегического управления миграционными потоками. Эта инициатива позже была одобрена в новых рамках Европейской повестки дня по миграции с третьими странами.

На основе этих документов Министерство иностранных дел Италии подготовило в 2017 году документ, содержащий основные положения по созданию безопасных, упорядоченных и регулярных миграционных потоков. В документе отмечаются два основных принципа, которыми руководствуется Италия в своей миграционной политике: принцип общей ответственности (совместная ответственность за управление миграционными потоками, пограничный контроль, борьба с контрабандой и торговлей людьми, транснациональной организованной преступностью, терроризмом) и принцип партнерства между странами происхождения, транзита и назначения. В докладе также указывается на необходимость консенсуса между всеми странами на основе прав человека, консенсуса между миграцией и развитием, а также балансом между правом на мобильность и правом государств определять критерии допуска людей на свою территорию [18].

Положения данного документа, задачей которых является активизация внешнего измерения миграционной политики, прежде всего связаны с пониманием факта, что проблема миграции, в первую очередь нелегальная, не может быть решена только внутренними мерами или пограничным контролем, поэтому необходимо заключать соглашения о сотрудничестве со странами-источниками миграции. Такая политика актуальна в условиях отсутствия договоренности между странами ЕС о критериях и механизмах распределения ответственности за управление мигрантами внутри ЕС.

Началом нового периода двусторонних соглашений между Италией и странами-источниками миграции по решению проблемы миграционного давления стало подписание Меморандума о взаимопонимании между Италией и Ливией. Активизация сотрудничества Италии с Ливией в области контроля миграции повысило авторитет страны как борца за решение проблемы миграции в ЕС [12]. В дополнение к усилению контроля сухопутной границы путем сотрудничества с органами местного самоуправления и официально признанным ООН правительством в Триполи правительство Италии поставило задачу укрепить ливийскую береговую охрану, а также

разработать Кодекс поведения для международных неправительственных организаций.

На уровне развития диалога со странами-источниками миграционного кризиса значимым событием для Италии стала конференция «Общая ответственность за общую цель: солидарность и безопасность» 2017 года [3]. В мероприятии приняли участие государственные чиновники из стран-источников миграции и государств-членов ЕС, участвующих в управлении миграционными потоками: Алжир, Австрия, Чад, Египет, Эстония, Эфиопия, Франция, Германия, Ливия, Мальта, Нидерланды, Нигер, Испания, Судан, Тунис. В конференции также приняли участие Волкер Тюрк, заместитель Верховного комиссара ООН по делам беженцев, и представители Европейской службы внешних действий Европейского Союза, и Уильям Свинг, генеральный директор Международной организации по миграции.

По итогам конференции, страны-участники подчеркнули важность соблюдения принятых международных обязательств в области прав человека и обеспечения защиты мигрантов и беженцев; Важным итогом стала договоренность о реадмиссии. Участники конференции также подтвердили поддержку деятельности международных организаций, задействованных в решении миграционных проблем, в частности, Международной организации по миграции и Верховной комиссии ООН по делам беженцев. Договоренность о расширении сотрудничества в борьбе с торговлей людьми и необходимости устранения коренных причин миграции также стали итогами конференции.

Важным шагом в развитии сотрудничества Италии со странами Африки по ослаблению миграционного давления стал указ МИД Италии о создании «Фонда для Африки» [11].

Деятельность фонда направлена на развитие инициатив в таких областях, как помощь в борьбе с торговлей людьми; техническая поддержка; информирование о нарушениях прав человека; развитие сообществ; защита беженцев и уязвимых групп мигрантов, особенно несовершеннолетних. «Фонд для Африки» профинансировал через компетентные международные организации в области миграции, такие как УВКБ ООН и Международной организации по миграции ряд мероприятий во многих странах-источниках миграции.

Взаимодействие между финансирующими органами Италии и ЕС демонстрирует тот факт, что основным источником взноса Италии в Чрезвычайный целевой фонд ЕС для Африки (EUTF) стал итальянский «Фонд для Африки», а также тот факт, что ряд проектов, финансируемых EUTF, находились в ведении Министерства внутренних дел Италии.

Еще одной инициативой, поддерживаемой Италией через МИД и МВД страны, является программа «Гуманитарный коридор», которая регулируется межконфессиональным соглашением (Община Сант-Эгидио, вальден-

ские общины и Федерация евангельских Церквей) в сотрудничестве с УВКБ ООН. Эта инициатива направлена на переселение в Италию особо уязвимых мигрантов, нуждающихся в международной защите.

Модель правового урегулирования миграционной политики Италии характеризуется децентрализацией, которая проявляется в наращивании двусторонних попыток руководства Италии решить проблему со странами-источниками миграции.

По результатам проведенного сравнительного, структурного и институционального анализа определены следующие основные проблемы в правовом регулировании миграционной политики Италии: отсутствие единой эффективной стратегии на общеевропейском уровне; недостаточность финансирования двусторонних инициатив Италии со стороны ЕС по причине экономического кризиса.

В качестве мер по усовершенствованию правового урегулирования миграционной политики Италии представляется необходимым предпринять следующие меры. Во-первых, целесообразно выработать и принять в качестве официального документа концепцию национальной безопасности Италии, которая позволила бы сочетать ее принципы с европейским правом. Во-вторых, инициировать на общеевропейском уровне пересмотр дублинской системы, не отвечающей интересам стран, первыми принимающих удары миграционной волны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гончарова Ю.Н.* Реализация права на убежище в Европейском союзе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44).
2. A Shared Responsibility for a Common Goal: Solidarity and Security, 2017 // https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/07/06.07_joint_declaration.pdf.
3. *Alfano A.* Shared Responsibility for a Common Goal: Solidarity and Security. Italy's foreign minister's report. 2018/06/02 // https://www.esteri.it/mae/en/sala_stampa/interventi/2018/02/discorso-dell-on-ministro-alla_22.html.
4. *Capicchiano Young S.* Dublin IV and EXCOM: Aspirational Blunders and Illusive Solidarity // European Journal of Migration and Law. 2017. Vol. 19. Issue 4.
5. Convention Determining the State Responsible for Examining Applications for Asylum lodged in one of the Member States of the European Communities ("Dublin Convention" // <https://www.refworld.org/docid/3ae6b38714.html>.
6. *Costello C.* The Asylum Procedures Directive and the Proliferation of Safe Country Practices: Deterrence, Deflection and the Dismantling of International Protection? // European Journal of Migration and Law. 2004. Vol. 7. Issue 1.
7. Council Regulation (EC) No 2725/2000 of 11 December 2000 concerning the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective

application of the Dublin Convention // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000R2725>.

8. Council Regulation (EC) No 343/2003 of 18 February 2003 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an asylum application lodged in one of the Member States by a third-country national // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32003R0343>.

9. European Council. EU-Turkey statement, 18 March 2016 // <http://www.consilium.europa.eu/it/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement>.

10. Italian Government. Migration compact: contribution to an EU strategy for external action on migration, 15 Aprile 2016 // <http://www.governo.it/node/4509>.

11. Italian strategy in the Mediterranean stabilizing the crises and building a positive agenda for the region // <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/11/rapporto-med-maeci-2017-eng.pdf>.

12. *Loschi C., Raineri L.* Perceptions about the EU's Crisis Response in Libya, EUNPACK Policy Briefs. 2017.

13. OHCHR. Protocol relating to the Status of Refugees, 1967 // <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/ProtocolStatusOfRefugees.aspx>.

14. *Palm A.* Leading the Way? Italy's External Migration Policies and the 2018 Elections: An Uncertain Future, IAI Commentaries. 2018. N 18/12 // <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom1812.pdf>.

15. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013R0604>.

16. Seventh Report on the Progress made in the implementation of the EU-Turkey Statement. (CoM/2017/470) // https://www.avrupa.info.tr/sites/default/files/2018-03/Seventh%20Report%20on%20the%20Progress%20made%20in%20the%20implementation%20of%20the%20EU-Turkey%20Statement%20-%20September%2006%202017_0.pdf.

17. Third Report on the Progress made in the implementation of the EU-Turkey Statement. (CoM/2016/634) // https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/news_corner/migration/com_2016_634_fl_other_act_863309.pdf.

18. UN. Refugees and Migrants. Towards the 2018 Global Compact for a Safe, Orderly, and Regular Migration. Italian Vision. 2018 // <https://refugeesmigrants.un.org/italy-non-paper>.

19. UNHCR. The Refugee Convention, 1951 // <https://www.unhcr.org/4ca34be29.pdf>.

E.V. DANILOVA
*PhD, Associate Professor, Department
of Theory and History of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

V.V. DANILOV
*PhD, Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

LEGAL BASIS OF ITALIAN MIGRATION POLICY

The migration problem in Italy is not a new phenomenon for Italian foreign and domestic politics. The Apennine peninsula has always been a place of intercultural communication, starting with the formation of Rome as an important geopolitical actor in antiquity. However, returning to modernity, it is the events of the last seven years, beginning in 2014, that have caused not just an aggravation of the migration issue for Italy, but a severe crisis with consequences that have already changed the model of Italian society.

The phenomenon of migration in Italy has become structural and long-term, requiring the shared responsibility not only of all EU member states, but also of the source countries of the migration flows. The solution to this problem lies only in the legal plane, since it is the observance of norms and laws that can prevent the escalation of conflict, reduce the degree of tension among society and between countries, and develop an algorithm of action aimed at minimizing the damage caused by migration and, if possible, preventive measures to stabilize the socio-economic and political situation in the source countries of migration.

Key words: *Italy, migration crisis, UN, international organizations, EU, bilateral cooperation.*

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.025

УДК 32.327

А.Н. ИОНОВА

*магистр кафедры государственного и
муниципального управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),*

Россия, г. Москва

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва*

ПОЛИТИКА РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА И ПЕРЕРАБОТКИ ТВЕРДЫХ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ В ГЕРМАНИИ

В статье изложены авторские наблюдения и размышления об опыте обращения с твердыми коммунальными отходами в Федеративной Республике Германия. Осмысливается существующая нормативная правовая база, регулирующая вопросы исследуемой сферы в стране, анализируется введенная в 1990 году Дуальная система сбора, сортировки и утилизации отходов.

Ключевые слова: *отходы, твердые коммунальные отходы, муниципальные отходы, Дуальная система, европейское законодательство, федеральное законодательство Германии, экономическая стабильность, политическая стабильность.*

Федеративная Республика Германия – государство, характеризующееся активным развитием отрасли экономики, которое занимает одно из первых мест в мировой структуре производства и потребления. На сегодняшний день страна выступает лидером по переработке твердых коммунальных отходов (муниципальных отходов) в Европейском союзе. Муниципальные отходы – это отходы, образующиеся от частных домашних хозяйств и аналогичных объектов, таких как административные здания, школы, детские сады, больницы и дома престарелых, а также сюда относят бытовые коммерческие отходы. Муниципальные отходы вместе с тем включают в себя крупногабаритные отходы, биологические отходы и отдельно собранные вторичные материалы, такие как стекло и бумага. Опираясь на данные Федерального статистического управления, в 2019 году на каждого жителя страны приходилось примерно 457 кг муниципальных отходов [5].

Область обращения с твердыми коммунальными отходами в Германии базируется на принятом европейском законодательстве и федеральном законодательстве Германии в отношении исследуемой сферы.

Одним из основных документов исследуемой области является Рамочная Директива по отходам 2008/98/ЕС [2]. Директива 2008/98/ЕС закрепляет основной понятийный аппарат в сфере обращения с отходами, а также иерархию управления отходами, определяющую соответствующие ценностные ориентиры управления и переработки отходов в отношении базовых условий по экологически безопасной системе управления отходами государств-членов Европейского союза. Документ является общим сводом правил в отношении сферы обращения с отходами на общеевропейском уровне. Статья 4 Директивы 2008/98/ЕС закрепляет следующую иерархию по предотвращению образования отходов и обращению с ними (по мере снижения приоритетности направления):

1. Предотвращение образования отходов (запрет веществ, опасных для окружающей среды).

2. Подготовка их к повторному использованию (например, сбор макулатуры).

3. Рециклинг (способ утилизации отходов, в результате которого компоненты отходов подвергаются переработке и становятся пригодными для их повторного использования).

4. Другие виды утилизации, например, получение энергии в результате применения плазменного метода.

5. Окончательное удаление отходов (например, путем захоронения).

Указанные меры направлены на достижение экономической, а, следовательно, и политической стабильности общества.

Вместе с тем, в статье 4 Директивы 2008/98/ЕС закрепляется обязанность государств-членов Европейского союза соблюдать утвержденную иерархию по предотвращению образования отходов и обращению с ними, при этом учитывая соответствующие принципы управления отходами. Выбор способа обращения с отходами базируется на оценке жизненного цикла отходов. Однако в представленной редакции Документа, данную норму при этом можно трактовать как возможность применения более гибкого подхода в отношении принятия тех или иных мероприятий в процессе управления отходами, которые будут исходить на основании имеющегося на определенной территории того или иного экономического и социального потенциала.

Помимо всего прочего важно отметить, что в 2018 году в Директиву 2008/98/ЕС Европейским парламентом Страсбурга были приняты поправки об усилении уже принимаемых мер для предотвращения образования отходов, рециклинга и иных способов удаления отходов, которые позволяют их использовать в различном качестве. Так, например, государства-члены Европейского союза устанавливают отдельный сбор для бумаги, металлов, пластика и стекла и до 1 января 2025 года для текстиля.

Кроме того, на национальном уровне Германии конкретизированным сводом правил в отношении исследуемой сферы выступило Постановление об упаковке (VerpackV), которое было опубликовано Федеральным правительством Германии 12 июня 1991 года и вступило в силу в полном объеме с 1 января 1993 года [7]. Одной из главных задач Постановления об упаковке выступал повсеместный сбор упаковки на территории страны. Выделяют следующие виды упаковки:

1. Транспортная упаковка представляет собой упаковку, которая используется для безопасной транспортировки товаров, таких как бочки, коробки, картонные коробки или поддоны.

2. Торговая упаковка.

3. Внешняя упаковка – дополнительная упаковка к торговой упаковке. К ним как правило относятся блистеры, фольга или картонная упаковка для бутылок, банок, чашек или тюбиков.

В соответствии с положениями Постановления об упаковке главным обязательством в отношении материалов упаковки, которые сортировались, выступало предписание об их направлении на утилизацию с целью получения вторичного сырья. «Гарантом» выполнения таких обязательств выступали различные организации, выполняющие данный функционал работ. Стоит отметить, что с 2003 года на территории страны был расширен круг организаций-операторов расширенной ответственности производителя, что соответственно подразумевало наличие конкуренции на данном рынке. Сбор торговой упаковки организациями осуществлялся по следующим фракциям:

1. Картонная упаковка.

2. Стекло.

3. Облегченная упаковка, представляющая собой упаковку из белой жести, алюминия.

В этой связи, важным является то, что система сбора и сортировки отходов по вышеуказанным фракциям позволила уменьшить объем коммунальных отходов, а также уменьшить частоту их вывоза муниципалитетами.

Однако наличие конкуренции между операторами расширенной ответственности производителя, а также большое их количество, порождало менее «прозрачную» систему по сбору и сортировке отходов, что вызывало сложность в процессе их контроля со стороны властей. В этой связи важно отметить, что 1 января 2019 года был принят Закон об усовершенствовании раздельного накопления отходов, содержащих вторичное сырье на уровне домохозяйств от 5 июля 2017 года (VerpackG, Закон об упаковке) [8].

Одними из приоритетных положений Закона об упаковке выступили следующие закреплённые требования:

- создание Центрального органа, по ведению реестра упаковки;
- увеличение показателей по рециклингу;

– стимулирование процесса производства из вторичного сырья.

Опираясь на данные Федерального статистического управления в 2019 году в коммерческом секторе Германии, было собрано 4,9 млн. тонн использованной транспортной, внешней и торговой упаковки [6]. Большая часть этой упаковки состояла из бумаги и картона – почти 3,1 млн. тонн, что составило 62% от общего количества. 49% от общего количества всей коммерческой упаковки, направляется на дальнейшую переработку. Другая половина, которая составляет 51% от общего количества, направляется предприятиям по торговле отходами или компаниям по переработке, например, таким как стекольные или бумажные фабрики.

Кроме того, еще одним нормативным правовым актом, регулирующим круг вопросов в исследуемой сфере, выступил Закон Федеративной Республики Германия об экономике замкнутого цикла от 24 февраля 2012 года (KrWG, Закон об экономике замкнутого цикла) [4]. Цель Закона об экономике замкнутого цикла заключается в поощрении внедрения замкнутых циклов производства, направленных на сохранение природных ресурсов, защиту людей и окружающей среды при производстве и управлении отраслью обращения с отходами. Нормы Закона закрепляют основные принципы и правовые основы в отношении деятельности по обращению с отходами в Германии.

Также, на территории каждой федеральной земли Германии принимаются собственные нормативно-правовые акты регулирующие общественные отношения и закрепляющие правовые нормы, ответственность в отношении сферы управления отходами.

В 1990 году на территории страны была введена дуальная система сбора, сортировки и утилизации отходов под названием «*Duales System Deutschland GmbH*» (Дуальная система) и в качестве одной из предпосылки ее создания выступил тот факт, что до конца 1980 года утилизация муниципальных отходов в стране осуществлялась методом их захоронения на полигоны. Однако с каждым годом ситуация становилась более острой, поскольку к началу 1990 года мощности полигонов были исчерпаны. Дуальная система представляет собой некое дополнение частного организованного сбора отходов по предотвращению образования отходов и получению вторичного сырья к уже существующей системе утилизации отходов муниципальными операторами. Данное объединение производителей и предприятий стали носителями знака «*Der Grüne Punkt*» (товарный знак «Зеленая точка») компании *Duales System Deutschland GmbH*. В европейских странах фундаментом данной системы выступает принцип расширенной ответственности производителя за сбор и переработку упаковки после ее использования, который законодательно закреплен на территории страны. Те компании, которые на территории Германии вводят в оборот товары с упаковкой, оплачивают платежи, предусмотренные в рамках Дуальной системы, поскольку

ку упаковка, оставшаяся после использования товаров, представляет собой коммунальные отходы. Иначе говоря, производители упаковки обязаны или самостоятельно собрать и переработать свою упаковку после ее использования, или делегировать это специализированной коммерческой организации. В Германии управление бытовыми отходами относится к исключительной компетенции муниципальных органов власти. Вместе с тем, осуществление услуг сбора и утилизации отходов выполняют и частные компании. Все компании, как правило, являются региональными, и лишь малая доля из них работают на всей территории страны.

Основной целью Дуальной системы является сокращение потока муниципальных отходов путем их использования повторно в качестве вторичного сырья. Товарный знак «Зеленая точка» является международным и в настоящее время широко используется во всех странах Западной Европы, где существует дуальная система сбора и переработки отходов.

В рамках Дуальной системы предполагается сортировка муниципальных отходов, которая осуществляется по наиболее распространенным упаковочным материалам, представляющие следующие фракции: бумага и картон, стекло, вторичное сырье, органические отходы, смешанные отходы, другие (специальные) отходы.

Для сбора и сортировки муниципальных отходов используются только контейнеры. Для каждого контейнера был присвоен определенный цветовой индикатор, отражающий вид выбрасываемой упаковки, а именно:

1. Для бумаги и картона – синий индикатор цвета.
2. Стекло (стеклотару) как правило жители доставляют самостоятельно в специально предназначенные для этого контейнеры, разделенные по двум или трем фракциям цвета: коричневое, зеленое или прозрачное стекло, либо прозрачное и смешанное стекло
3. Вторичное сырье утилизируется в контейнеры желтого цвета.
4. Для органических отходов – зеленый или коричневый индикатор.
5. Смешанные отходы (кроме пищевых) относятся к категории «остальных» отходов, которые не предназначены для переработки, они утилизируются в черный контейнер.
6. Сбор других (специальных) отходов, например, элементов электропитания осуществляется в специальные контейнеры. В случае, если электроприборы становятся непригодными к эксплуатации, производители бесплатно по заявке их забирают у потребителей.

Плата за услугу вывоза рассчитывается на каждого человека в соответствии с установленным нормативом относительно неотсортированных отходов. В связи с тем, что в стране действует Дуальная система, которая предусматривает сортировку полезных фракций в контейнеры с различными цветовыми индикаторами, то оплата платежей за вывоз отходов осущест-

вляется только за те отходы, которые не подлежат вторичной переработке, размещенные в черных контейнеры.

Подводя итоги изложенного, можно отметить, что за счет централизованной системы утилизации муниципальных отходов, немцам удастся эффективно использовать все собранные муниципальные отходы для получения новых изделий путем их вторичной переработки, где лишь небольшая часть отходов населения страны направляется на захоронение на полигоны. Опираясь на данные Немецкого общества по международному сотрудничеству уже на сегодняшний день уровень рециклинга в стране достигает показателя в 66%.

Вопросы экологической безопасности очень остро стоят в политической повестке текущего времени. В этой связи в нашей стране следует организовать информирование общества о шагах предпринимаемых государством в данном направлении, в том числе с помощью политической и социальной рекламы. Поскольку именно социальная и политическая реклама выступает как информационно-психологический фактор воздействия на сознание, культуру поведения и действия общественно-политических субъектов [1]. Одновременно, было бы полезным повнимательнее присмотреться к опыту ФРГ в части использования и переработки коммунальных отходов и, по возможности, самые передовые элементы этой политики перенести на российскую почву.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гришин О.Е., Жильцов С.С., Иванова Е.А., Михайлова Н.В., Попов С.И., Степанов С.А. Проблемы политической науки // Сборник методических материалов / коллектив авторов. Москва, 2014.

2. Директива 2008/98/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза от 19 ноября 2008 года «Об отходах и отмене определенных директив» (Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives) // Опубликована в Официальном журнале Европейского союза. 2008. № L 312.

3. ООО «Экологический правовой центр «БЕЛЛОНА»: Официальный сайт. 1990-2021 // <https://bellona.ru/about/>.

4. KrWG: Official website // Bundesgesetzblatt // https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl112s0212.pdf#__bgbl__%2F%2F%*%5B%40attr_id%3D%27bgbl112s0212.pdf%27%5D__1634460817879.

5. Statistisches Bundesamt (Destatis): Official website // Statistisches Bundesamt (Destatis) // <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online?sequenz=tabelleErgebnis&selectionname=32121-0001&zeitscheiben=2#abreadcrumb>.

6. Statistisches Bundesamt (Destatis): Official website // Statistisches Bundesamt (Destatis) // https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2021/05/PD21_242_321.html.

7. VerpackV: Official website // Internet Archive: Wayback Machine // https://web.archive.org/web/20180610023958/https://www.gesetze-im-internet.de/verpackv_1998/index.html.

8. VerpackG: Official website // Bundesgesetzblatt // https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl117s2234.pdf#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl117s2234.pdf%27%5D__1634460343423.

A.N. IONOVA

*Master Department of State and Municipal Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

S.I. POPOV

*Ph.D. in Political Science, Associate Professor,
Department of Policy Analysis and Management,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

SYSTEM FOR SEPARATE COLLECTION AND PROCESSING OF MUNICIPAL SOLID WASTE IN GERMANY

The article presents the author's observations and reflections on the experience of handling solid municipal waste (municipal waste) in the Federal Republic of Germany. The existing normative legal base regulating the issues of the investigated sphere in the country is highlighted, the Dual system of collection, sorting and disposal of waste introduced in 1990 is analyzed.

Key words: *waste, municipal solid waste, municipal waste, dual system, European legislation, German federal legislation, economic stability, political stability.*

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Новые независимые государства предстали перед необходимостью выработки собственных концептуальных основ построения гражданского общества, адекватно отвечающего потребностям их развития в изменившихся условиях. С учетом разнородности состава и разновекторности политических и социально-экономических устремлений новых государств характер и динамика процессов строительства гражданского общества развивались в них разнопланово. В ряде других стран события в постсоветский период отличались острым драматизмом вплоть до вспышек, так называемых цветных революций, радикально менявших в них политическую структуру общества и ориентиры социально-экономического развития.

В данной статье проанализировано развитие гражданского общества в Кыргызской Республике. Несмотря на то, что гражданское общество в Кыргызстане считается самым развитым из всех государств, расположенных в Центральной Азии, изучение данной тематики вызывает весьма широкий интерес со стороны ученых общественников. В своей работе мы попытались раскрыть роль гражданского общества в политических процессах происходящих на территории Кыргызской Республики.

Ключевые слова: *гражданское общество, модернизация, политический процесс, диалог, политика, государственные органы, общественные волонеры, демократия, свобода.*

На современном этапе развития гражданское общество и его институты в Кыргызстане являются союзниками государственных органов, в некоторых случаях гражданское общество выполняет функции государственных органов. Гражданское общество опирается на опыт прошлых лет. В новых модернизированных условиях гражданское общество расширяется и увеличивается его влияние на развитие государства [1. С. 12-25]. На заре независимости существовала идея построения развитого сильного общества.

И эта идея частично стала реальностью наших дней. Но для полного формирования каждый гражданин, член гражданского общества должен всегда действовать во благо общества и государства с чувством ответственности перед собой. Истинная демократическая свобода и осознанная ответственность граждан являются решающими факторами для дальнейшего развития гражданского общества в Кыргызстане. Именно сильное гражданское общество, как выше нами отмечалось, становится главным фактором политической модернизации.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Однако проблему развития гражданского общества и политической стабильности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

По существу если проанализировать политические процессы, которые приводили к смене власти в стране трижды, основной движущей силой этих процессов выступало гражданское общество, которое пыталось модернизировать политическую систему, консолидировать общество во благо государства и этого самого общества.

Но, в реальности политические события, произошедшие в 2005 и 2010 годах в стране, не привели к серьезным изменениям как в политической, так и экономической жизни страны. Большинство исследователей – конфликтологи и политологи – считают, что протестные настроения в обществе существуют в силу ряда причин. В первую очередь не выполняются и не решаются те проблемы, которые послужили предпосылками политических волнений. Во-вторых, к власти приходят абсолютно не готовые управлять страной и обществом люди [2. С. 25-30]. В-третьих, политическое сознание кыргызского общества остается низким. И все эти причины периодически вызывают протесты, которые отрицательно сказываются на развитии государства и общества.

И наша страна оказалась в такой сложной ситуации трижды в новейшей истории. Как правило когда в любом государстве происходят протесты и митинги страна остается на некоторое время без управления. Сразу же возникает вакуум в государственном управлении, что чаще всего приводит к большим негативным последствиям для страны. И в такие сложные периоды для страны и общества именно институты гражданского общества, как показывает практика, обеспечивают общественную безопасность и стабилизируют обстановку в стране. Так, гражданское общество в последних политических событиях, которые произошли в октябре 2020 года, выступило гарантом стабильности страны. Гражданские активисты организовано действовали в городах и в регионах, обеспечивая общественную безопасность

во время политического кризиса в стране. А так же активно участвовали в налаживании политического диалога.

Основными причинами общественных волнений стали очень сложная ситуация после карантина, связанного с коронавирусной инфекцией, и неспособность властных институтов повести открытые и конкурентные парламентские выборы. Эти причины вызвали большое недовольства в обществе, что в конечном итоге привело к смене власти в стране [3. С. 156].

Развитое гражданское общество является главной отличительной чертой Кыргызстана от соседних стран. Но в первую очередь оно ассоциируется с неправительственными организациями и для этого есть объективные причины. После обретения независимости международные «доноры» пытались создать в Кыргызстане модель гражданского общества по примеру западного гражданского общества.

Таким образом были созданы структуры НПО. В процессе эволюции неправительственного сектора в построении общественной системы страны гражданское общество и начало ассоциироваться с НПО. За 30 лет независимости активность гражданского общества всегда использовали как политические индивиды во власти, так и политики которые были в оппозиции. Но повторяющиеся политические события в стране невольно наталкивают экспертов на вопрос о том в каком направлении будет развиваться гражданское общество? Безусловно, развитое гражданское общество строит развитую страну. Важно понимать, что гражданское общество – это не только активные граждане, которые поднимают вопросы в разных сферах, это каждый отдельный гражданин, являющийся членом общества.

Дальнейшее развитие гражданского общества во многом будет зависеть от молодых активных граждан, разнообразных политических групп интересов. Мы полагаем, что гражданское общество в нашей стране развивается по модернизированной системе. И обретает более независимый характер. Такое положение гражданского общества показывает развитие в целом общества. Такой результат является эффектом и эволюцией гражданского общества. Можно отметить, что гражданское общество будет дальше развиваться в позитивном русле. Вместе анализируя реальную политическую обстановку нам важно по новому методу строить взаимоотношения государственных органов власти. В данное время создается некое неравное положение при построении коммуникаций между гражданским обществом и властными структурами страны. В этом контексте нам представляется важным осуществление на государственном уровне построение эффективных путей взаимодействия гражданского общества и институтов власти. Для дальнейшего развития институтов гражданского общества важно поднять политическую культуру общества. Особенно важным является укрепление прав и свобод граждан во всех сферах жизнедеятельности общества. Достижение этих целей зависит в первую очередь от установления стабильной ком-

муникации между гражданским обществом и властью. Ибо без объединения сил для решения масштабных общественных задач невозможно будет построить современное модернизированное гражданское общество.

Как уже отмечалось ранее, на сегодняшний день гражданское общество нашей страны считается самым развитым среди государств Центральной Азии. Такое положение, как отмечают эксперты, прежде всего связано с тем, что зачастую функциональные обязанности исполнительной власти выполняют институты гражданского общества. Главной причиной в сложившейся ситуации является то что институты государственной власти, даже спустя тридцать лет со дня обретения независимости, не сформировались полноценным образом. В этом плане гражданское общество выступает, по нашему мнению, главным элементом модернизации всей политической системы страны.

Модернизация по своей сути обозначает обновление, то есть измениться должен сам стержень политической системы нашей страны. В современных условиях модернизация должна проводиться с учетом развития современных мировых тенденций. Следует принимать решения опираясь на общество. Ведь первые человеческие общества развивались на основе общего равноправия. Равноправие в обществе дает возможность создавать гармоничное общество, которое способно отвечать вызовам времени. Если смотреть с точки зрения эволюции гражданского общества в Кыргызстане, за все время независимости нашей страны, то институт гражданского общества прошел колоссальный путь в своем развитии. Последнее десятилетие члены гражданского общества в Кыргызстане активно участвуют в политических и экономических процессах страны. Именно представители гражданского сектора становятся в большинстве случаев двигателем того или иного проекта государственного масштаба. Такая активность гражданского общества дает импульсы развития таких важных для государства сфер как образование и экономика. Ведь каждый год силами представителей гражданского общества, с целью развития инфраструктуры, экономики и страны в целом, привлекаются большие инвестиции. Это является еще одним фактором того, что именно гражданское общество выступает по нашему мнению, главной опорой для политической модернизации страны в целом.

На наш взгляд гражданское общество в современном Кыргызстане является развитым. Но, для дальнейшего развития общества в целом нужно решить ряд стратегических задач, это продолжение укрепления прав и свобод индивида в стране. Конечно, решение таких задач в первую очередь зависит от государственных институтов. Горький опыт прошедших политических социальных потрясений показывает, что нужно доводить до конца процесс политической модернизации в стране, который начался еще с обретения независимости страны. На государственном уровне совместно с представителями гражданского общества необходимо принятие реальных стратегиче-

ских политических концепций, которые могли бы привести в надлежащий порядок общественно-политическое устройство нашей страны. Ибо, только от крепкого взаимодействия государственных органов с гражданским обществом зависит будет ли в Кыргызстане модернизированное общество и государство.

На наш взгляд, политическая модернизация в Кыргызстане будет иметь успех только тогда когда будет соблюдаться равенство граждан на участие в этом процессе. Наше общество, будучи смешанным обществом, сочетающим в себе традиционное и современное устройства, всегда имело множество источников для внутренних и внешних конфликтов. Чтобы избежать социально-политических конфликтов и напряженности важным является слаженная работа государственных органов власти с гражданским обществом.

Вместе с тем, череда последних политических событий позволяет утверждать, что у кыргызского общества начался новый этап развития. Конечно, у всех возникает вопрос как будет в дальнейшем развиваться гражданское общество в Кыргызстане. Многое зависит от взаимодействия власти и гражданского общества. Без сомнения, что гражданскому обществу необходимо самым активным образом принимать участие во всех процессах, проходящих в стране. В настоящее время растут новые группы и слои гражданского общества, которые активно участвуют в формировании современного трендового гражданского общества в Кыргызстане.

Все эти тенденции показывают, что гражданское общество является тем институтом, который влияет на проведение политической модернизации в государстве. Для того, чтобы политическая модернизация в стране достигла своей цели в стране должно существовать сильное гражданское общество. В век глобализации, когда происходит манипулирование массовым сознанием граждан, сложным становится создание гражданского общества, которое могло бы быть независимым от негативно влияющих факторов развития политического процесса в стране. Для создания такой модели необходимо выстроить конструктивных политический диалог между гражданским обществом и органами государственной власти. Каждый гражданин, член общества должен чувствовать ответственность перед обществом и правильно трактовать истинные демократические ценности. В современное время гражданскому обществу необходима смелости и решительность в своих действиях, для того чтобы соответствовать вызовам времени. Гражданское общество в Кыргызстане должно продолжать выбранный курс развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003.
2. Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы. Б., 1998.

3. Джаманкулов Б.С. Экономический прогресс и национальное развитие: вопросы теории и методологии. Б., 2014.
4. Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000.
5. Джусупбеков А.К. Этническая идентичность номадов. Б.: Илим, 2009.
6. Иванов П.В., Плотников Д.И. Стабилизация политической системы через государственную политику национального примирения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).
7. Кулакова Н.Н. Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).
8. Маканбаев Б.М. Приграничные конфликты в Центральной Азии: варианты разрешения и стабилизации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
9. Медведев Н.П. Межпартийные конфликты как источник общественно-политического развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 4.
10. Никлаус А.А. Роль культурного самоопределения территориальных меньшинств в процессе формирования внутрорегионального пространства государств: отечественный и европейский опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72).
11. Слизовский Д.Е., Шульгина Н.В. Содружество независимых государств: новые актуальности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).
12. Сулейманова Ш.С. Роль интернет-технологий в формировании политической среды // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).
13. Эгембердиев А.К. Инструменты и способы коммуникации среди трудовых мигрантов из Кыргызстана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9 (78).

ZHANYSHBEK UULU AZAMAT

*Researcher at the Department of Expertise
of Socio-Political Research and Problems of Public
Administration, National Academy of Sciences of the
Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic*

DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN THE KYRGYZ REPUBLIC

The newly independent states faced the need to develop their own conceptual foundations for building a civil society that adequately meets the needs of their

development in the changed conditions. Taking into account the heterogeneity of the composition and the diversity of the political and socio-economic aspirations of the new states, the nature and dynamics of the processes of building civil society developed in them in different ways. In a number of countries, the events in the post-Soviet period were characterized by acute drama, up to the outbreaks of the so-called color revolutions, which radically changed the political structure of society and the guidelines of socio-economic development in them.

The article analyzes the development of civil society in the Kyrgyz Republic. Due to the fact that civil society in Kyrgyzstan is considered the most developed of all the states located in Central Asia, the study of this topic arouses a wide interest on the part of learned public figures. In our work we tried to reveal the role of civil society in the political processes taking place in the territory of the Kyrgyz Republic.

Key words: *civil society, modernization, political process, dialogue, politics, state authorities, public unrest, democracy freedom.*

DOI 10.35775/PSI.2021.74.10.027

УДК 32.327

С.М. ПЛИЕВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского
государственного университета им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, г. Цхинвал*

Л.Т. КУЛУМБЕГОВА

*старший преподаватель кафедры
политологии и социологии Юго-Осетинского
государственного университета им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, г. Цхинвал*

И.Б. САНАКОЕВ

*кандидат политических наук, профессор
кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского
государственного университета им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, г. Цхинвал*

А.С. БУТОРОВ

*кандидат исторических наук,
ассистент кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ МЯГКОЙ СИЛЫ ГРУЗИИ В ОТНОШЕНИИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

В исследовании рассматриваются основные подходы Грузии к реализации концепции мягкой силы в отношении Южной Осетии. В работе проанализированы основные стратегии и программы мягкой силы Грузии и отслежена динамика трансформации подходов, начиная с 2008 года по сегодняшний день. Анализ показал, что на современном этапе данные программы не могут работать в полной мере в Республике Южная Осетия из-за отсутствия выявленных в ходе исследования условий. Данная работа показала, что несмотря на переход от методов и инструментов жесткой силы к методам и механизмам мягкой силы, цели Грузии в отношении Республики Южная Осетия остаются неизменными.

Ключевые слова: Мягкая сила, Южная Осетия, Грузия, манипуляции, методы влияния.

В статье выясняется, является ли стратегия и программы мягкой силы Грузии действенным механизмом в реваншистской политике Грузии по отношению к Республике Южная Осетия. Исходя из данной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать инструменты и механизмы «мягкой силы»;
- определить схожесть и разницу между пропагандой и «мягкой силой»;
- проанализировать документационную базу Грузии, включая нормативно-правовые акты, касающиеся стратегии мягкой силы.

Политику Грузии в отношении Республики Южная Осетия можно характеризовать как переход от жесткой силы к мягкой. С 1989 года по 2008 год Грузия в основном использовала инструменты жесткой силы: открытые боевые действия, экономическая и энергетическая блокада, снайперская война, точечные террористические акты, жесткая информационная война и т.д. После того, как Россия признала независимость Южной Осетии 26 августа 2008 года и подписала договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия [2] от 17 сентября 2008 года, по которой Россия фактически стала основным гарантом безопасности Южной Осетии, Грузия за неимением возможности применять методы жесткой силы, изменила свою тактику и стала использовать механизмы мягкой силы.

Грузия, понимая окончательную потерю Абхазии и Южной Осетии приняла попытку удержать эти территории в своем правовом поле. В связи с этим в Республике Грузия принимается закон «Об оккупированных территориях» в октябре 2008 года. Целью этого закона является «определение статуса территорий, оккупированных в результате военной агрессии Российской Федерации, установление особого правового режима на этих территориях» [3]. Закон ограничивает въезд иностранных граждан на территорию Южной Осетии и Абхазии, экономическую и инвестиционную деятельность, а также любые операции с недвижимостью без согласования с грузинскими властями. Нарушение норм данного закона влечет за собой жесткие секционные меры.

В декабре 2009 года Евросоюз согласовал Параметры политики непризнания и вовлеченности для Абхазии и Южной Осетии, целью которых являлось нахождение такого политико-правового пространства, в котором стало бы возможным изыскание механизмов взаимодействия европейских структур с новообразованными государствами без признания их статуса. Однако эта программа не принесла ожидаемых результатов, так как население не желало вхождения в состав Грузии.

В январе 2010 года Грузия приняла Стратегию в отношении «оккупированных территорий»: Вовлечение путем сотрудничества. В преамбуле документа говорится о главной цели Грузии по отношению Республики Южная Осетии и Абхазии, посредством реализации данной программы: «Стратегия

выражает неуклонное решение Грузии достичь полной деокупации Абхазии и Южной Осетии, сделать обратимым процесс аннексии оккупированных Российской Федерацией территорий и мирным путем реинтегрировать данные территории и население в единое конституционное пространство Грузии» [6]. Основные направления: экономическое – попытка ввести Южную Осетию в свое внутреннее и международное экономические пространство; социальное – предоставить возможность доступа к качественному образованию и новым достижениям в области медицины; правозащитное – защита прав и свобод жителей Южной Осетии, акцентируя внимание на право на свободное передвижение.

В Грузии еще со времен президентства Михаила Саакашвили, в частности с 2010-ого года, действует Государственная программа реферальных услуг, которая предназначена для тех граждан, которые, проживают в республике Южная Осетия и Абхазия, не имеют грузинского паспорта или удостоверения личности. В рамках данной программы ведущие клиники страны предоставляют пациентам бесплатные медицинские услуги. Примечательно, что при необходимости, в неотложных медицинских случаях, Грузия берет на себя транспортировку пациента в медицинское учреждение.

Институт развития свободы информации проанализировал расходы на медицинские услуги пациентов, проживающих в Южной Осетии и Абхазии. В ходе анализа организация выявила следующие главные моменты:

В 2014-2017 годах в рамках программы покрытия из госбюджета медицинских расходов для абхазских и осетинских пациентов в целом потрачено более 6,5 млн. долларов США, а медицинскую услугу получили в совокупности 6188 пациентов, из которых 3595 абхазов и 2650 осетин. По сравнению с 2010-2014 годами число пациентов увеличилось в 2,4 раза и выделенная сумма из бюджета увеличилась вдвое [5].

Приблизительно в то же время Грузия разработала идею создания нейтральных документов для жителей Абхазии и Южной Осетии, что было раскритиковано со стороны представителей гражданского общества и властей Абхазии и Южной Осетии, т.к. у них уже есть гражданство и паспорта Российской Федерации и в непонятных нейтральных документах нет необходимости. Тем более, что после войны 1989-1992 гг., когда советские паспорта, в связи с распадом этой страны, стали недействительными, были неоднократные обращения с просьбой выдачи ООНовских/нейтральных паспортов для жителей Абхазии и Южная Осетия, но Грузия и ООН категорически отвергли это предложение [1].

Данная программа работала 7 лет, были вложены большие финансовые средства, однако ожидаемый результат не был достигнут, что привело к скептицизму в обществе Грузии по отношению к такого рода программам и к раздражению со стороны жителей Грузии, так как в отличие от жителей Южной Осетии и Абхазии, для них эти услуги весьма дорогостоящие [4].

В 2018 году в Грузии появлялась новая программа «Шаг к лучшему будущему» [7]. Она работает по следующим направлениям:

Первое – расширение и упрощение торгово-экономических возможностей вдоль разделительных линий путем создания новых возможностей для жителей Южной Осетии и Абхазии, через созданные прагматичные и гибкие механизмы. Обеспечение доступа товаров из Абхазии и Южной Осетии на внутренние и внешние рынки, используя статус – нейтральные механизмы.

Второе – создание дополнительных возможностей для получения жителями Южной Осетии и Абхазии образования как в Грузии, так и в США, Европе и Азии.

Кроме этого, Грузия создает механизм, который упрощал бы доступ жителей Абхазии и Южной Осетии к тем преимуществам, которые есть у жителей Грузии. В частности, право на безвизовое посещение стран Шенгенской зоны, право на свободную торговлю со странами Запада и т.д.

Теоретически концепция «мягкой силы» и ее механизмы выглядят очень привлекательно. Однако для реализации этих подходов нужны определенные условия, такие как доступ к субъектам мягкой силы, деизоляция, возможность разно-уровневого диалога сторон, свободное передвижение и т.д. Реализация стратегии мягкой силы Грузии в отношении Республики Южная Осетия затруднена в виду того, что отсутствуют все вышеперечисленные условия.

После признания независимости Республики Южная Осетия Российской Федерацией, в октябре 2008 года Грузия принимает закон об «оккупированных территориях», тем самым введя Южную Осетию в режим жесткой изоляции. Наличие данного закона уже противоречит реализации стратегии программ мягкой силы Грузии. Кроме того, прошло недостаточно времени после окончания боевых действий на территории Южной Осетии, раны пока еще свежи, грузино-осетинский конфликт все еще находится в стадии неразрешенности. Поэтому население негативно относится к такого рода инициативам и к любому сближению с грузинской стороной. Тем более, что жителями Южной Осетии факт отказа подписания мирного договора со стороны Грузии расценивается как угроза потенциальной агрессии.

Важно подчеркнуть, что для того чтобы работали программы по торгово-экономическим отношениям, должно в полной мере функционировать транспортное сообщение между Южной Осетией и Грузией, чего нет, так как границы между двумя сторонами, начиная с 2008 года по сегодняшний день, закрыты. Что касается вопроса получения образования за рубежом, жители Южной Осетии будут сталкиваться с проблемой выездных документов. В большинстве своем, граждане Южной Осетии имеют российское гражданство. Жители Южной Осетии не могут использовать российские паспорта в качестве выездного документа, так как эти программы Республики Грузия и рассчитаны для граждан Грузии. Для выезда за рубеж, по этим программам, жителям Южной Осетии необходимо будет взять биометриче-

ский паспорт гражданина Грузии, отказавшись от российского гражданства. Что невозможно по объективным и субъективным причинам.

Тем не менее, необходимо отметить, что, начиная с 2010 года жители Южной Осетии пользуются реферальными услугами Грузии, в частности, медицинской программой. Это касается, в первую очередь, тяжелых больных, которые на месте не могут получить квалифицированную медицинскую помощь из-за низкого уровня медицины в Южной Осетии и не могут быть транспортированы на территорию Российской Федерации в виду дальности и сложности перевозки через горный перевал. Поэтому в виду альтернативности, жители ЮО пользуются бесплатными, качественными медицинскими услугами реферальной программы Грузии, тем более, когда речь идет о жизни и здоровье человека.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что эти программы, в первую очередь, рассчитаны на Европейскую аудиторию, но не как не на Южную Осетию и Абхазию, по отношению к которым идеологические цели Грузии существенно не изменились. Целью этих программ является демонстрация Грузией доброй воли, мирных инициатив, продвижения ценностей демократии и прав человека Западу с расчетом на ускорение процесса вступления в Евросоюз и сохранения поддержки международного сообщества в плане непризнания Южной Осетии и Абхазии.

Что касается самой Грузии, то здесь у общества нет больших ожиданий по поводу результатов этих стратегий, но есть надежда, что хоть несколько человек могут воспользоваться этими программами, что в будущем может дать положительный эффект.

Необходимо отметить, что, если Грузия реально заинтересована в налаживании отношений и восстановлению доверия, она должна перестать смотреть на конфликт с Южной Осетией через преломление российско-грузинских (российско-западных) непростых отношений и через призму российско-грузинской войны. Она должна отменить закон «Об Оккупированных территориях», который негативно отражается на реальных процессах и признать Республику Южная Осетия как полноправного актора Международных Отношений.

Все, что произошло между Грузией и Южной Осетией – это вера в мифы, которые себе создала Грузия и нежелание видеть реальные политические процессы, которые происходили и происходят в Южной Осетии. И сейчас, анализируя новые программы Грузии в рамках стратегии «мягкой силы», можно сделать вывод, что и сегодня она не осознает ту реальную действительность, в которой находятся Южная Осетия и она сама. Изменилась риторика по отношению к Южной Осетии, но не изменились отношение и цели. Одни методы сменились на другие, но суть осталась прежней. Без равноценного партнерства, без равноправия двух сторон не может быть никаких изменений в сторону налаживания диалога, не говоря уже о сближении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Два взгляда на нейтральные паспорта для Абхазии и Южной Осетии // <http://newcaucasus.com/society/13029-dva-vzglyada-na-neytralnyie-pasporta-d.html>.
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 года // <http://www.kremlin.ru/supplement/199>.
3. Закон Грузии об оккупированных территориях от 31 октября 2008 года // <https://svaneti.livejournal.com/269209.html>.
4. *Леков Р.В.* Формирование новой Грузии: результаты реформ // <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-novoy-gruzii-rezultaty-reform>.
5. Нападение на Абхазию и Цхинвальского региона в 2014-2017 годах потрачено более 6,5 млн. долларов // <http://abkhazeti.info/abkhazia/2018/1523561082.php>.
6. Стратегия «Вовлечение путем сотрудничества» // <https://sputnik-georgia.ru/spravka/20100509/213153532.html>.
7. Шаг к лучшему будущему // <https://smr.gov.ge/ru/page/40/nabiji-uketesi-momavlisen>.

S.M. PLIEV

*Ph.D., Associate Professor of the Department
of Political Science and Sociology, South Ossetian
State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia*

L.T. KULUMBEGOVA

*Senior Lecturer, Department
of Political Science and Sociology, South
Ossetian State University, Tskhinval, Republic
of South Ossetia*

I.B. SANAKOEV

*Ph.D., Professor of the Department
of Political Science and Sociology, South
Ossetian State University, Tskhinval,
Republic of South Ossetia*

A.S. BUTOROV

*Candidate of Historical Sciences,
Assistant of the Department of Theory and History
of International Relations, RUDN University,
Moscow, Russia*

IMPLEMENTATION OF GEORGIA'S SOFT POWER MECHANISMS IN RELATION TO SOUTH OSSETIA

The study examines the main approaches of Georgia to the implementation of the concept of soft power in relation to South Ossetia. The paper analyzes the main strategies and programs of Georgia's soft power and traces the dynamics of the transformation of approaches, starting from 2008 to the present day. The analysis showed that at the present stage, these programs cannot fully work in the Republic of South Ossetia due to the lack of conditions identified during the study. This work showed that despite the transition from methods and instruments of hard power to methods and mechanisms of soft power, Georgia's goals in relation to the Republic of South Ossetia remain unchanged.

Key words: *soft power, South Ossetia, Georgia, manipulations, methods of influence.*

ТУРЦИЯ И ЕГИПЕТ: ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ И НАЧАЛО «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» (2002-2021 гг.)

После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), отношения Турции и Египта прошли ряд этапов. С устранением от власти в Египте М. Мурси ПСР лишилась важного союзника на Ближнем Востоке, это привело к обострению турецко-египетских отношений. Новый виток ухудшения отношений наблюдается из-за противоречий двух стран по решению проблем в Восточном Средиземноморье и Ливии. Вместе с тем в последние годы, несмотря на углубление кризиса в отношениях двух стран, наблюдалась активизация торгово-экономического сотрудничества. С 2021 г. отмечается стремление Турции восстановить связи с Египтом, и первые шаги уже сделаны.

Ключевые слова: *Турция, Египет, турецко-египетские отношения, Восточное Средиземноморье, Ближний Восток.*

В 2002 г. с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) Турция после относительной пассивности на Ближнем Востоке начала проявлять активность в данном регионе.

Турция и Египет – два влиятельных игрока в Средиземноморье и исламском мире. Многовекторная внешняя политика ПСР и взаимные визиты на высшем уровне способствовали развитию политического и экономического сотрудничества с Египтом.

В 2009 г. состоялась встреча Х. Мубарака и А. Гюль, в рамках которой было высказано взаимное стремление по расширению сотрудничества двух стран. К тому времени, благодаря соглашению о свободной торговле, товарооборот между Турцией и Египтом достиг 3 млрд долл.

По мнению Египта, Турция могла сыграть конструктивную роль в мирном процессе на Ближнем Востоке. Также отмечалось, что правительство Р. Эрдогана проводит более пропалестинскую политику, чем его предшественники, что укрепляло отношения двух стран.

Победа на парламентских выборах в Египте партий, представляющих интересы движения «Братья-мусульмане» и избрание на пост президента М. Мурси в 2012 г. были встречены в Анкаре с большим оптимизмом. Религиозно-идеологическая близость ПСР с египетскими исламистами укрепила надежды турецкого руководства в возможность принять активное участие в переустройстве Египта, а также на приобретение в лице М. Мурси союзника, при поддержке которого станет возможным усиление влияния и позиций Турции на Ближнем Востоке. За счет удачно складывавшихся отношений с Египтом турецкое руководство пыталось восполнить свои пробы на ближневосточном направлении, возникшие в результате конфронтации с ближайшими соседями: Сирией, Ираком, Ираном.

Турция поддержала инициативу М. Мурси о создании «четверки» региональных игроков (Египет, Турция, Иран и Саудовская Аравия) с целью выработки приемлемого для сторон решения по Сирии.

Устранение от власти президента М. Мурси (3 июля 2013 г.) в Турции было охарактеризовано как государственный переворот. После ухода с политической арены в Египте «Братьев-мусульман» прекратила существование «ось Турция – Египет», которая должна была стать наиболее прочным и влиятельным союзом в регионе. А у Турции не осталось союзника, с которым можно было создать нечто подобное.

Турецкое правительство побуждало своих партнеров оказать политическое давление на новый режим в Египте. Однако этот призыв был проигнорирован, а изоляция Турции в регионе усилилась.

Критические высказывания Р. Эрдогана в адрес нового египетского руководства были встречены негативно и расценивались как вмешательство во внутренние дела страны. Египетские дипломаты также выступали против антиегипетской риторики турецкого руководства.

23 ноября 2013 г. посол Турции в Египте Х. Ботсала был объявлен персоной нон-грата, и Египет отозвал своего посла из Анкары. Турецко-египетские отношения были понижены до уровня поверенного в делах.

По мнению политического обозревателя газеты «Милят» Х. Аслана, невозможно улучшение турецко-египетских связей на высшем уровне без участия третьих игроков или организаций. Возникший серьезный конфликт, также, как и вопрос о путях нормализации турецко-египетских отношений задевал интересы и вызывал озабоченность политических элит обеих стран. По мнению автора, логично, если бы турецкие экономические структуры при поддержке правительства направили бы ресурсы на интегрирование с переживающей кризис экономикой Египта.

Во время работы 69 Генеральной Ассамблеи ООН в 2014 г. была достигнута договоренность о двусторонней встрече министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу с его египетским коллегой С. Шюкри. Однако встреча была отменена. Так как во время своего выступления в ООН прези-

дент Турции Р. Эрдоган вновь подверг резкой критике «переворот в Египте» и ООН, которая фактически узаконила этот переворот.

Доктор политологии турецкого Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETA) М. Озкан отметил, что сама попытка встречи министров иностранных дел Турции и Египта свидетельствует о том, что «в подходах Турции и Египта друг к другу обозначилось определенное смягчение, но в краткосрочной перспективе нельзя ожидать нормализации турецко-египетских отношений» [13].

Турецкий специалист по ближневосточным проблемам Саид эль Хадж в своем интервью 24 декабря 2014 г. также заявил, что сближение неизбежно, но трудно ожидать его в ближайшем будущем. На первом этапе надо отказаться от взаимных обвинений. Такое положение на протяжении последних месяцев привело к изоляции Турции, причинило ей не только экономический ущерб, но и политический. Из-за антиегипетской позиции Турция не получила место временного члена в Совете Безопасности ООН.

После того, как Катар отказался поддерживать «Братьев-мусульман», единственной страной, продолжавшей поддерживать их, оставалась Турция. Заместитель премьер-министра Турции Б. Арынч сделал заявление о том, что турецкое руководство должно сделать выбор между этой организацией и Египтом [10]. Но даже в Египте никто не считал, что такой лидер, как Р. Эрдоган, быстро пойдет на возврат прежних отношений с этой страной или внезапно откажется от своих слов. Однако присутствовала уверенность, что такое положение не может долго продолжаться, и Турция почувствует необходимость не наносить вред своему имиджу в мусульманском мире [11].

В декабре 2014 г. министрами иностранных дел Турции и Египта было дано разъяснение подходов сторон к двусторонним отношениям. Так, турецкий министр иностранных дел М. Чавушоглу в интервью JRT Haber заявил: «У Турции нет никаких проблем с египетским народом, мы протестуем против насилия, которое осуществляет против него руководство ас-Сиси, захватившее власть путем военного переворота. Если египетское руководство сделает шаги в сторону демократии: остановит насилие и ущемление прав человека – конечно же, мы урегулируем наши отношения. Мы всегда будем на стороне египетского народа» [11].

Тогда же глава египетского МИД С. Шюкри заявил, что «египетский народ испытывает положительные чувства к турецкому народу так же, как и турецкий народ испытывает аналогичные чувства к египетскому народу» [5]. Но при этом египетский министр подчеркнул следующее: «Турция стремится продвигать свои интересы в арабском регионе, в том числе в Египте. Если Турция воздержится от вмешательства во внутренние дела Египта, мы всегда готовы к позитивным отношениям» [5]. Далее С. Шюкри указал: «Египет никогда не демонстрировал негативной позиции в отношении Турции, однако от турецких компетентных лиц поступают послания, настолько противоречивые, что мы не знаем, какую позицию Турции они отражают» [5].

Ухудшение турецко-египетских отношений в 2013-2015 гг. связано с тем, что турецкое руководство продолжало считать вмешательство военных незаконным, оказывало поддержку «Братьям-мусульманам» и выступало с критикой нового режима, что привело к разрыву турецко-египетских отношений. В этой ситуации, по мнению С. Кохена, наиболее проигравшей стороной оказалась Турция. Многие региональные роли Анкары были «перехвачены» Каиром, не говоря уже о том, что Турция понесла немалые экономические потери. Как писал С. Кохен: «Турции следует изменить свой подход на более реалистичный и прагматичный и вновь отрегулировать свою политику в отношении Египта» [8].

Новый виток обострения пришелся на 2019 год. В январе 2019 г. по итогам встречи в Каире, Египет, Израиль, Кипр, Греция, Италия, Иордания и Палестина объявили о создании Газового форума стран Восточного Средиземноморья (East Mediterranean Gaz Forum, EMGF), который позволит участникам управлять газовой политикой в регионе и предлагать конкурентоспособные цены. Штаб-квартирой форума стал Каир [3. С. 67]. Турция на форум приглашения не получила. Вскоре после этого Турция провела несколько военных учений в регионе и стала проводить в Средиземном море незаконное бурение нефтяных и газовых скважин. Египет также решил увеличить свои военно-морские возможности в регионе.

Параллельно с этим, затяжное противостояние между Правительством национального согласия (ПНС) во главе в Ф. Сараджем и Ливийской национальной армией (ЛНА) под командованием маршала Х. Хафтара в Ливии так же стало причиной ухудшения египетско-турецких отношений. Ф. Сараджа и лояльные ему формирования поддерживают Турция и Катар. Маршала Х. Хафтара поддерживают Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Франция.

В ноябре 2019 г. Анкара подписала с правительством Ф. Сараджа соглашение о военном сотрудничестве, а 2 января 2020 г. парламент Турции предоставил правительству мандат на размещение на ливийском фронте ограниченного турецкого контингента. Вскоре после этого Анкара направила на помощь ПНС воинский спецназ и боевую технику. Х. Хафтар попросил у египетского президента ас-Сиси дополнительной военной поддержки. Это привело к новому этапу интернационализации конфликта и обострению противостояния между воюющими в Ливии сторонами и их союзниками.

Другими подписанными Р. Эрдоганом и Ф. Сараджем документами были меморандум об ограничении юрисдикции на море и конвенция о континентальном шельфе (фактически признание ливийской стороной права Турции на оспариваемые ею морские территории) и меморандум о взаимопонимании по морским зонам, по которому к Турции отходила значительная часть греческой экономической зоны. 2 декабря 2019 г. Турция опубликовала карту морских зон с учетом турецко-ливийских меморандумов, а 5 декабря он был ратифицирован турецким парламентом. За Турцией за-

креплялся континентальный шельф шириной 200 миль, лишая шельфа принадлежащие грекам острова в Эгейском море, в том числе Крит.

Греческое правительство заявляет, что права Греции на морские зоны ее островов установлены международным правом и не подлежат обсуждению. Египет и заседающий на востоке Ливии парламент, назвали турецко-ливийские меморандумы незаконными и недействительными.

Таким образом, для Турции устойчивость позиции ПНС жизненно необходима, поскольку с ним подписаны меморандумы, отвечающий интересам Анкары в Восточном Средиземноморье. Если Х. Хафтар захватит Триполи, у Турции не останется ни одного союзника в этом районе, и в этих условиях претендовать на добычу природного газа в Восточном Средиземноморье будет еще более сложно.

Обеспокоенности Египта, касательно ситуации в Ливии связаны с протяженной египетско-ливийской границей, в районе которой действуют террористические и преступные группировки, беженцы [12]. Поэтому, поддерживая ЛНА, Египет заинтересован в завершении войны, установлении контроля на ливийско-египетской границе и ликвидации всех исламистских группировок, действующих на территории Ливии, включая «Братьев-мусульман», поддерживаемых Турцией.

8 января 2020 г. главы России и Турции призвали ЛНА и ПНС установить режим прекращения огня. Позже состоялась встреча Ф. Сараджа и Х. Хафтара в Москве. Затем прошла конференция в Берлине, в которой приняли участие представители государств, играющих важную роль в урегулировании ливийского конфликта (России, Турции, Франции, Италии, ОАЭ). Участники договорились воздерживаться от вмешательства в ливийский конфликт, способствовать его урегулированию, соблюдать оружейное эмбарго.

Однако в Триполи прибыла большая партия турецкой тяжелой военной техники. В том числе боевые машины пехоты (БМП) ACV-15, 35-мм зенитные установки и самоходные гаубицы T-155 *Firtina*. Кроме того, Турция вела переговоры с правительством Ф. Сараджа о строительстве небольшой военной базы недалеко от Триполи. Некоторые игроки, которые надеялись на победу войск Х. Хафтара в гражданской войне, тоже успели нарушить оружейное эмбарго [1].

Несмотря на грозную риторику Турции и Египта, эксперты исключали их прямое столкновение в Ливии. У Анкары и Каира другие интересы, и война им только помеха. Так эксперт Российского совета по международным делам Г. Лукьяненко так характеризует суть проблемы: «Турция стремится закрепить соглашение с ПНС о разделе средиземноморского шельфа – таким образом, Анкара усилит позиции на переговорах об экспорте газа со странами Восточного Средиземноморья. А столкновение с Египтом на ливийской территории поставит на этом крест». В отношении Египта Лукьянов считает, что «риторика Египта о готовности вторгнуться в Ливию –

скорее демонстрация. Но нацелена она как раз на предотвращение военных действий. Открытое противостояние не в интересах Каира» [6].

Новый виток эскалации напряженности в регионе был вызван подписанием 6 августа 2020 г. между Египтом и Грецией соглашения о делимитации морских границ. Этот документ был принят в пику аналогичным договоренностям, достигнутым между Анкарой и ПНС, и, по сути, отменил их.

Анкара, однако, продолжала буровые работы в спорных зонах под охраной турецких военных кораблей. В свою очередь, греки тоже пошли на принцип. Дело дошло до того, что греческий фрегат *Limnos* соприкоснулся с турецким военным кораблем *Kemal Reis*, вероятно, из-за попыток последнего таранить греческих моряков.

О своей готовности поддержать Грецию в защите ее морских прав дали знать французы. Президент Э. Макрон заявил о временном усилении французского военного присутствия в Восточном Средиземноморье. На стороне Греции оказались египтяне, у которых с турками свои счета по Ливии. Более того, Израиль, который не хотел осложнить свои отношения с Анкарой, тоже выразил поддержку и солидарность с Грецией. Даже Армения выступила с осуждением турок, что вызвало особенно болезненную реакцию Анкары.

Тем не менее, несмотря на углубление кризиса в отношениях Египта и Турции в вопросах политического характера, в последние годы наблюдается активизация торгово-экономического сотрудничества между ними. В 2018 г. они установили рекорд по объему двусторонней торговли. Объем турецкого экспорта в Египет достиг 3,05 млрд долл., египетский экспорт в Турцию составил 2,19 млрд долл.

Экономическое сотрудничество между Каиром и Анкарой развивается, несмотря на отсутствие шагов по нормализации дипломатических отношений двух стран. Во-первых, АРЕ переживает глубокий экономический кризис. Снижение уровня торговой кооперации с Турцией, занимающей третье место среди государств-импортеров египетской продукции, неминуемо ударит по экономике Египта. Во-вторых, Турция активно развивает экономическое взаимодействие со странами Африки. Значительная часть грузоперевозок осуществляется через Суэцкий канал, и прерывание экономических связей с Египтом негативно скажется на торговле не только с АРЕ, но и с другими африканскими странами.

Шагом к улучшению в турецко-египетских отношениях стало разрешение Египту экономической деятельности на континентальном шельфе Турции с 18 февраля по 1 августа 2021 г. [2]. Далее последовали заявления главы МИД Турции М. Чавушоглу о том, что его страна может начать с Египтом диалог по разграничению морской зоны в Средиземноморье и возобновить контакты на дипломатическом уровне.

Известный турецкий политолог С. Кохен подчеркивает: «Эти заявления показывают, что в напряженных отношениях между Турцией и Египтом на-

чалось новое оживление и даже возможность нормализации... и это может способствовать формированию новых отношений» [7].

В мае 2021 г. в Каир прибыла делегация высокопоставленных чиновников Турции во главе с заместителем министра иностранных дел С. Оналом. Все это происходило на фоне заявлений представителей правящей ПСР о том, что турецкий парламент единогласно одобрил создание внутрипарламентского комитета дружбы с Египтом. Состоявшиеся переговоры были сосредоточены вокруг четырех базовых аспектов: восстановление дипломатических отношений, координация в ливийском конфликте, сотрудничество в Восточном Средиземноморье, а также сокращение поддержки Турцией «Братьев-мусульман». Особое внимание обращает на себя четвертый пункт переговоров, который стал локомотивом всех дальнейших шагов по улучшению двусторонних отношений и был воспринят Каиром как готовность к возобновлению всеобъемлющего диалога.

Турецкий политолог Б. Достер, подводя итоги антитурецкой политики Египта в последние годы, показывает, что здесь основную роль сыграли внешнеполитические ошибки Турции. «Вмешательство Турции во внутреннюю политику Египта, открытая поддержка организации «Братья-мусульмане», поддержка М. Мурси в его предвыборной кампании – все это было ошибками. Эти ошибки оставили Турцию в одиночестве в Восточном Средиземноморье и подтолкнули Египет к сближению с Грецией и греческой части Кипра. А этим странам оказали поддержку Израиль, Саудовская Аравия, ОАЭ, США и ЕС. И таким образом Турция в энергетической конкуренции оказалась ослабленной» [4]. Нельзя забывать, что сотрудничество Анкары и Каира укрепит позиции Турции в Восточном Средиземноморье.

Анкара и Каир обменялись позитивными сигналами об установлении контактов и диалога, включая возможные переговоры по демаркации их морских границ в Восточном Средиземноморье [9]. Это говорит о восстановлении связей после более чем 7 лет напряженности.

Итак, первые шаги на пути нормализации и развития отношений Анкара и Каир сделали и в дальнейшем, как отметил министр иностранных дел Египта С. Шукри, движение вперед будет проходить поэтапно. Такова основная динамика турецко-египетских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бочаров И. Углубление кризиса в отношениях Турции и Египта // РСМД. 13.10.2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/uglublenie-krizisa-v-otnosheniyakh-turtsii-i-egipta/>.

2. Гасанов К. Рука Макрона? Египет мирится с Турцией // Вестник Кавказа. 04.03.2021 // <https://vestikavkaza.ru/analytics/ruka-makrona-egipet-miritsa-s-turciej.html>.

3. Горбунова Н., Иванова И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2 (12).

4. Достер Б. Кому пойдет на пользу сближение Турции и Египта? // Cumhuriyet. 05.05.2021 // <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/baris-doster/turkiye-misir-yakinlasmasi-kime-yarar-1833586>.

5. Египет говорит: если Турция не будет вмешиваться в наши внутренние дела, мы наладим наши отношения // Sol. 29.12.2014 // <https://haber.sol.org.tr/dunya/misir-turkiye-icislerimize-karismazsa-iliskileri-duzeltiriz-104141>.

6. Ибрагимов Г., Мельничук С. «Красных линий нет». Что удерживает Турцию и Египет от войны в Ливии // РИА Новости. 24.07.2020 // <https://ria.ru/20200724/1574816777.html>.

7. Кохен С. Новое начало в отношениях с Египтом? // Milliyet. 09.03.2021 // <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/misirla-yeni-bir-baslangicmi-6450228>.

8. Кохен С. Правда о Египте // Milliyet. 24.12.2014 // <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/sami-kohen/misir-gercegi-1988975>.

9. МИД Египта: турецко-египетские отношения могут развиваться постепенно // МК-Турция. 15.06.2021 // <https://mk-turkey.ru/politics/2021/06/15/mid-egipta-turecko.html>.

10. Новая страница в отношениях Египта и Катара // TRT haber. 24.12.2014 // <https://www.trthaber.com/haber/dunya/misir-katar-iliskilerinde-yeni-sayfa-158079.html>.

11. Нормализуются ли отношения Египта и Турции? // Türkiye. 25.12.2014 // <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/politika/218998.aspx>.

12. Озджан Н. Треугольник: Турция, Египет, Ливия // Milliyet. 23.06.2020 // <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/nihat-ali-ozcan/turkiye-misir-ve-libya-ucgeni-6241832>.

13. Озкан М. «Холодный мир» и другие вопросы в турецко-египетских отношениях // Aljazeera TURK. 29.09.2014 // <http://www.aljazeera.com.tr/gorus/turkiye-misir-iliskilerinde-soguk-baris-ve-otesi>.

I.I. IVANOVA
*Dh.D. (History), associate Professor
of Middle East Languages Department of the Moscow
State Institute of International Relations, MGIMO-University,
Moscow, Russia*

E.A. VASILEVA
*Lecturer of Department of Middle East
Languages of the Moscow State Institute of International
Relations, MGIMO-University,
Moscow, Russia*

TURKEY AND EGYPT: PROBLEMS OF RELATIONS AND THE BEGINNING OF “RESET” (2002-2021)

Relations between Turkey and Egypt have gone through a number of stages since the Justice and Development Party (AKP) came to power in Turkey. With the removal of M. Morsi from power in Egypt, the AKP lost an important partner and ally in the Middle East, which led to an aggravation of relations between Turkey and Egypt. A new round of deterioration in relations is observed due to the contradictions between the two countries on solving problems in the Eastern Mediterranean and Libya. At the same time, in recent years, despite the deepening crisis in relations between the two countries, there has been an intensification of trade and economic cooperation. Since 2021, Turkey has been striving to renew ties with Egypt, and the first steps have already been taken.

Keywords: *Turkey, Egypt, Turkish-Egyptian relations, Eastern Mediterranean, Middle East.*

ПОДХОДЫ РОССИИ И ШВЕЙЦАРИИ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ», УЧАСТИЕ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ДАННОЙ КОНЦЕПЦИИ

В современном мире, в условиях усиления противоборства ведущих держав, развития глобализационных процессов на основе информационно-коммуникационных технологий, использование подходов «мягкой силы» на основе инструментов публичной дипломатии приобретает новую важность и актуальность. Субнациональные регионы являются значимыми участниками реализации данной концепции. Цель статьи – исследовать основные принципы и формы реализации концепции «мягкой силы» в современных условиях на основе показательных кейсов – России и Швейцарии, а также проанализировать участие субнациональных регионов в данных процессах.

Ключевые слова: субнациональный регион, мягкая сила, публичная дипломатия, субъект Российской Федерации, кантон Швейцарии.

В современном мире, характеризующимся формированием полицентричности, усилением противоборства ведущих государств, применением ограничительных мер и санкционной политики, вплоть до разрыва дипломатических отношений (1), использование инструментов «мягкой силы» приобретает новую значимость и актуальность. Как констатирует А.В. Торкунов, «мягкая сила» – новый ресурс лидерства в современном мире. По его мнению, «данная стратегия включает в себя прежде всего такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей» [10. С. 85].

Россия и Швейцария, обладая значимыми ресурсами формирования «мягкой силы», такими как, – история, культура, наука, образование, являются активными участниками использования данных инструментов в своей внешнеполитической деятельности. Так, согласно рейтинга «The Global Soft Power Index 2020» [6], Россия в 2020 году заняла 10-ю позицию в мире, а Швейцария 8-ю.

Являясь одними из мировых лидеров в сфере формирования и использования инструментов «мягкой силы», Россия и Швейцария имеет ряд специфических черт, обусловленных историческими особенностями, культурным и научным потенциалом государств. Как отмечают П.И. Касаткин и Н.В. Ивкина, «для России «мягкая сила» – это, прежде всего, мягкость подходов: активное взаимодействие гражданских обществ, продвижение своего языка и культуры, быстрая реакция на перемены с увеличением использования «новых технологий» [4. С. 27].

Концепт «мягкая сила» в Российской Федерации закреплен в официальных документах. Так, в 2013 году данное понятие появилось в «Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [5]. В статье 20 Концепции определялось, «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом» [5].

С целью реализации концепции «мягкой силы» в Российской Федерации созданы ряд структур, такие как: Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Российский совет по международным делам, телеканал «Russia Today». «Фонд поддержки публичной дипломатии имени Л.М. Горчакова» и другие, которые имеют государственное финансирование. В частности, в «Концепции внешней политики РФ» отмечается, что необходимо «развивать, в том числе с использованием ресурса общественной дипломатии, международное культурное и гуманитарное сотрудничество как средство налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами» [13. С. 154].

М.В. Харкевич отмечает важность и акцентирует внимание на специфике реализации «мягкой силы» в России – «российские власти, таким образом, признают значение «мягкой силы» в мировой политике, стараются повышать привлекательность России с помощью СМИ и институтов гражданского общества, однако понимание данной концепции сводится у них зачастую к лоббизму, пропаганде и форме информационного прикрытия для вмешательства во внутренние дела суверенных государств» [12. С. 26-27].

Об особенностях формирования и реализации концепции «мягкой силы» в России высказался основоположник данной концепции Дж. Най в работе «What Russia and China Don't Get About Soft Power», по его мнению, Россия неверно считает, что правительство является основным инструментом мягкой силы. В современном мире большого количества информации, внимание аудитории зависит от достоверности. Правительственная пропаганда редко вызывает доверие. Лучшая пропаганда – это не пропаганда. Несмотря на все усилия по превращению государственного телевидения в конкурентов CNN и BBC, для хрупкой пропаганды мало международной аудитории. Пропаганда правительством исторических символов, не будет иметь глобальной привлекательности. «Мягкая сила не работает таким образом» – резюмирует Дж. Най [17].

Тем не менее, стоит констатировать, что несмотря на определенные особенности, реализации концепции «мягкой силы» в России уделяется большое внимание – данный концепт закреплён в официальных документах, Россия реализует цивилизационный проект «Русский мир» [2. С. 191], основанный преимущественно на инструментах «мягкой силы», сформирован целый ряд институтов и организаций, призванных способствовать продвижению российской «мягкой силы» в мире. Значимым является субнациональное измерение «мягкой силы» России, когда субъекты федерации формируют долгосрочные программы сотрудничества в культурной, гуманитарной, научной сферах с зарубежными государствами и субнациональными регионами, а в некоторых случаях, публичная дипломатия регионов «пробивает» изоляцию, сформированную санкционной политикой государств, как например с Республикой Крым.

Для Швейцарии, основой внешнеполитической деятельности которой является политика нейтралитета, налагающая существенные ограничения на участие в политических и военных союзах, инструменты «мягкой силы» являются одними из основных ресурсов участия в мировой политике. Согласно исследованию центра «The USC Center on Public Diplomacy (CPD)» рейтинга стран по использованию «мягкой силы» – «A Global Ranking of Soft Power», в 2019 году Швейцария вошла в число лидирующих стран, заняв 6 место в мировом рейтинге [14].

По мнению исследователей, Швейцария на сегодняшний день занимает первое место по показателю «политические ценности государства» (2), а также имеет сильные позиции по «индексу привлекательности экономической модели», а также «использованию информационно-коммуникационных технологий в использовании публичной дипломатии, социальных коммуникаций и политических процессах», как отмечено в данном исследовании, «ядро мягкой силы Швейцарии заключается в ее традиционном нейтралитете. Швейцария имеет высокий уровень доверия во всем мире, принцип жизни «не навреди», является залогом успеха для швейцарской «мягкой силы» [14. С. 53].

О важности инструментов «мягкой силы» в швейцарской внешней политике говорит Генеральный консул Швейцарской Конфедерации в Санкт-Петербурге Мишель Файетта: «Вот где, на мой взгляд, должна выйти на сцену «мягкая сила». Из-за размера страны, небольшого населения, конституции и статуса постоянного нейтралитета Швейцария не обладает «жесткой силой», чтобы убедить другие государства принять ее идеи и предложения. Поэтому мы возражаем, используя публичную дипломатию, культурную дипломатию и диалог – проще говоря, «мягкую силу» [16. С. 10].

Концепт «soft power» приведен в документе Федерального департамента иностранных дел Швейцарии «Перспективное видение швейцарской внешней политики на период до 2018 года» (Aussenpolitische Vision Schweiz 2028 – Avis28) [15], данной теме посвящена глава 3.4. «Использование мягкой силы Швейцарии для более мирного и стабильного мира» [15. Р. 28].

Как отмечают швейцарские исследователи, Швейцария должна сосредоточиться на сильных сторонах, которые заложены в собственной политической системе, используя их в качестве своей «мягкой силы». Основные сильные стороны Швейцарии будут все больше играть роль на международной арене. Швейцария имеет сильные стороны в следующих областях:

- Управление – Швейцария имеет опыт и авторитет, в сферах верховенства закона, эффективного управления, прав человека, близость к гражданам и субсидиарность.
- Образование – опыт Швейцарии в сфере образования на всех уровнях, особенно профессионального образования, может улучшить перспективы молодых людей в развивающихся странах с формирующейся рыночной экономикой. Образование становится важнее, чем когда-либо, для экономического развития.
- Окружающая среда и изменение климата – Швейцарская индустрия чистых технологий может помочь предоставить решения в этой сфере. Экспертиза в борьбе с более частыми и интенсивными стихийными бедствиями и решение основных проблем в области водоснабжения будет все более востребованным в мире [15. Р. 28].

В качестве инструментов продвижения «мягкой силы» Швейцарии следует отметить информационный портал swissinfo.ch. Бывшее швейцарское международное радио входит сегодня на правах автономного подразделения в состав швейцарской общественной негосударственной телерадиокомпании SRG SSR. Его главная задача – отражать мировые новости с точки зрения Швейцарии и объяснять Швейцарию окружающему миру [3].

В целях продвижения швейцарского искусства и культуры за рубежом создан «Швейцарский совет по культуре Pro Helvetia», который финансируется государством, в частности, на период 2016-2020 гг. в рамках Послания по культуре Парламент Швейцарии выделил Pro Helvetia 210,9 млн франков [7].

Региональные офисы «Pro Helvetia» находятся в Китае, Египте (для арабского региона), Индии (для Индийского субконтинента), ЮАР (для стран Юга Африки), и с 2017 года – в России. «Pro Helvetia» поддерживает двусторонние резиденции, в деятельности которых могут принять участие швейцарские художники и деятели культуры. В свою очередь, деятели искусства из этих регионов, включая Россию, могут подать заявку на участие в резиденции в Швейцарии [8].

Следует отметить роль субнациональных регионов в реализации концепции «мягкой силы» на основе инструментов публичной дипломатии. Международная деятельность субъектов Российской Федерации, согласно Федерального закона «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», осуществляется в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной областях [11]. Таким образом очевидно, что большая часть сфер международного сотрудничества субнациональных регионов относится к инструментам «мягкой силы», которые реализуются посредством инструментов публичной дипломатии, так как даже представители региональных властей не являются официальными представителями государства, и их позиция может, в какой-то мере, отличаться от внешнеполитического курса государства.

В этой связи показательна публичная дипломатия регионов Италии с Республикой Крым. Контакты региональных политических партий и неправительственных ассоциаций с Россией, в том числе Крымом, внесли значимый вклад в изменения общественного мнения итальянских регионов и позиции областных представительных органов. Региональное собрание провинции Венето проголосовало 18 мая 2016 г. за признание Крыма частью Российской Федерации, осуждение дискриминационной политики Евросоюза в отношении России и республики Крым. Совет провинции Венето призвал правительство Италии осудить международную политику Евросоюза в отношении Крыма [1. С. 300].

Региональные власти субъектов РФ принимают различные программы по гуманитарному, культурному, экологическому, образовательному международному сотрудничеству, формируя таким образом субнациональное измерение публичной дипломатии Российской Федерации. Так, в качестве примера можно привести «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики». Данная программа формирует механизм гуманитарного сотрудничества и координации мероприятий по региональному гуманитарному сотрудничеству и народным обменам между администрациями областей и краев Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и правительствами провинций и автономного района Северо-Востока Китайской Народной Республики. Установ-

ление отношений сотрудничества между российскими и китайскими художественными школами, музеями, библиотеками, обмен представителями разных областей искусства, специалистами, организация совместных выступлений и творческих мероприятий [9. С. 191].

Таким образом, можно констатировать, что Россия и Швейцария имеют значительные ресурсы реализации инструментов «мягкой силы» ввиду большого потенциала государств в культурной, исторической, научно-образовательной, инновационной сферах и являются мировыми лидерами по использованию данных инструментов. Тем не менее, Россия и Швейцария имеет значительную специфику в реализации концепции «мягкой силы» в своей внешнеполитической деятельности. Для России – это значительная роль государства при формировании направлений и институтов, реализующих концепцию «мягкой силы», для Швейцарии – это политика постоянного нейтралитета, запрет на участие в военных союзах и крайне осторожное участие в международных организациях, что делает подходы концепции «мягкой силы» основными для участия Швейцарии в мировой политике. Следует отметить участие субнациональных регионов в реализации концепции «мягкой силы». Являясь комбинированными (государственно-негосударственными) акторами мировой политики, регионы России и Швейцарии обладают уникальными возможностями в реализации подходов «мягкой силы» на основе инструментов публичной дипломатии и сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере, являясь в ряде случаев единственным каналом межгосударственного взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В XXI веке государства более 20 раз разрывали между собой дипломатические отношения, в том числе Российская Федерация с Грузией в 2008 году.

(2) В данном исследовании под этим термином подразумевается уровень развития свободы личности, прав человека, возможности развития гражданского общества, безопасность, эффективность правительства, привлекательность модели государственного устройства, социальная защищенность граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Баранов А.В. Международное сотрудничество регионов и бизнеса Италии с Крымом как проявление публичной дипломатии // В сборнике: 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ: В 5-и томах. 2017.

2. *Ермина Н.В.* «Русский мир» в евразийских интеграционных процессах // В книге: Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. 2018.

3. Информационный портал Swissinfo.ch // <https://www.swissinfo.ch/rus/2019B4/45692566>.

4. *Касаткин П.И., Ивкина Н.В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Информационный портал «Гарант» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>.

6. Официальный сайт консалтинговой компании «Brand Finance» // <https://brandirectory.com/globalsoftpower/>.

7. Официальный сайт Швейцарского совета по культуре «Pro Helvetia» // <https://prohelvetia.ch/en/facts-and-figures/>.

8. Официальный сайт «Pro Helvetia». Москва // <https://prohelvetia.ru/ru/>.

9. *Седунов А.В.* Культурная дипломатия как инструмент публичной дипломатии в Забайкальском крае РФ // Научный альманах. 2017. № 9-1 (35).

10. *Торкунов А.В.* Образование как «мягкая сила» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4.

11. Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Информационный портал «Гарант» // <http://ivo.garant.ru/#/document/179963/paragraph/55:0>.

12. *Харкевич М.В.* «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35).

13. *Шлапек Е.А.* Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 1 (40).

14. A Global Ranking of Soft Power. The USC Center on Public Diplomacy (CPD). Portland, 2019.

15. Aussenpolitische Vision Schweiz 2028 – Avis28 // Официальный сайт Федерального департамента иностранных дел (FDFA) // <https://www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/fdfa/aktuell/dossiers/alle-dossiers/avis28.html>.

16. *Failletaz M.* The soft power of Switzerland: Dialogue with World Powers and Small Nations alike. СПб.: СПбГУП, 2016.

17. *Nye Joseph S.* What Russia and China Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013 // http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/04/29/what_china_and_russia_don_t_get_about_soft_power.

M.I. KOLYKHALOV
*Candidate of political sciences,
Associate Professor at the Department of World Economy and
tourism SGUPS, Novosibirsk, Russia*

APPROACHES OF RUSSIA AND SWITZERLAND TO THE USE OF SOFT POWER, PARTICIPATION OF SUBNATIONAL REGIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THIS CONCEPT

In the modern world, in the context of increasing confrontation between leading powers, the development of globalization processes based on information and communication technologies, the use of “soft power” approaches based on public diplomacy tools is acquiring new importance and relevance. Subnational regions are significant participants in the implementation of this concept. The purpose of the article is to study the basic principles and forms of the implementation of the concept of “soft power” in modern conditions based on illustrative cases – Russia and Switzerland, as well as to analyze the participation of subnational regions in these processes.

Key words: *subnational region, soft power, public diplomacy, constituent entity of the Russian Federation, canton of Switzerland.*

АЗЕРБАЙДЖАН НА ПУТИ ВО ВСЕМИРНУЮ ТОРГОВУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ: ОЖИДАЕМЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Азербайджанская Республика придает большое значение вступлению во Всемирную торговую организацию, насчитывающую 165 членов. Заявление страны о членстве в ВТО было подано в Секретариат ВТО 23 июня 1997 года. Азербайджан также имеет тесные связи с Европейским Союзом. Как известно, в 2004 году Азербайджан был включен в Европейскую политику соседства, а в 2009 году – в ее программу «Восточное партнерство», которая является форматом многостороннего сотрудничества. Помимо политических и экономических выгод, которые членство в ВТО может принести стране, в этой статье обсуждаются текущие перспективы и ключевые моменты, которых страна может достичь в результате этого членства, а также необходимость ускорения процесса членства в ВТО в текущих условиях.

Ключевые слова: *Всемирная Торговая Организация, перспективы членства для Азербайджана, Европейский Союз, статус развивающейся страны.*

Азербайджанская Республика придает большое значение вступлению во Всемирную торговую организацию, насчитавшую 165 членов. Заявление страны о членстве в ВТО было подано в Секретариат ВТО 23 июня в 1997 году. К настоящему времени проведено 14 заседаний соответствующей рабочей группы. Азербайджан имеет тесные связи с Европейским Союзом. Как известно, в 2004 году Азербайджан был включен в Европейскую политику Соседства, а в 2009 году – в ее программу «Восточное партнерство», которая является форматом многостороннего сотрудничества. ЕС занимает первое место среди торговых партнеров Азербайджана. Европейский Союз предлагает подписать Соглашение об ассоциации со своими соседями в рамках Восточного партнерства. Как известно, одним из требований этого соглашения является вступление страны в Соглашение об ассоциации, но оно не подписано и существуют разногласия, в мае 2021 года президент Ильхам Алиев объяснил, что Соглашение об ассоциации являет-

ся инструктивным документом для стран, и Азербайджан не подпишет Соглашение. В своем выступлении он сказал, что Азербайджан подписал документы о стратегическом партнерстве с 9 странами-членами ЕС. Ни одна из стран Восточного партнерства не подписала документ о стратегическом партнерстве с девятью странами-членами ЕС. Азербайджан работает над равноправным соглашением с Европейским союзом, а не над соглашением об ассоциации [24].

Несмотря на экономический успех Азербайджана, ему необходимо выйти в мировое торговое пространство и сделать свою местную экономику более конкурентоспособной. Для Азербайджана важно вступить в ВТО не как развитая, а как развивающаяся страна. Членство в ВТО подразделяется на «развитые», «развивающиеся» и «слабо развитые» группы, конкретных критериев для определения этих подразделений нет. Разделение стран на развитые или развивающиеся зависит от обсуждений и рекомендаций рабочей группы, созданной для членов этой страны. Поэтому, хотя некоторые страны предлагали принять Азербайджан в ВТО в качестве развитой страны в связи с его доходами от нефти и темпами развития за последнее десятилетие [15. S. 37], азербайджанская сторона подчеркнула невозможность этого и что членство будет возможно только в качестве развивающегося государства.

Прежде всего, следует отметить, что около 2/3 членов ВТО являются развивающиеся страны, и этот статус дает им особые права [17. S. 97]: статьи 37 и 4 ГАТТ, Дифференциальный и благоприятный режим: Соглашение 1979 года предусматривает, что развитые страны предоставляют более благоприятные и различные режимы (преференциальные тарифы) для развивающихся стран [19. S. 38]; Развивающиеся страны получают больше времени и дополнительное время для выполнения требований и обязательств ВТО по соглашению о членстве; При принятии определенных мер в рамках ВТО (антидемпинговые, технические барьеры в торговле и др.). К развивающимся странам применяется особый преференциальный подход; Согласно статье 12 GATS, развивающиеся страны могут использовать торговые ограничения для решения проблем платежного баланса: Статья 13 ГАТТ позволяет развивающиеся страны ограничивать импорт для регулирования своего финансового положения и реализации программ экономического развития. Уровень государственной поддержки сельского хозяйства установлен не более 5% для развитых стран и 10% для РС; Им предоставляется техническая помощь для улучшения их внутренних систем после членства в ВТО и поддержка их адаптации к требованиям ВТО [17. S. 99]; В Секретариате есть Институт профессиональной подготовки и технического сотрудничества со специализированными юрисконсультами для оказания помощи развивающимся странам. Они предоставляют этим странам юридические консультации по разрешению споров в рамках ВТО. Развивающиеся страны регулярно пользуются этой услугой.

Учитывая все это, перспективы членства Азербайджана в ВТО можно рассматривать следующим образом. Прежде всего, следует отметить, что высокая доля нефти и углеводородных продуктов в ВВП Азербайджана, резкие колебания цен на нефть в последние годы, тем самым пытаясь предотвратить возникновение голландского синдрома в экономике страны, недостаточное развитие нефтяного сектора, высокая стандартизация и не применение высоких технологий на уровне международных требований к качеству, не конкурентоспособность отечественного производства и, самое главное, оккупация Арменией 20% земель Азербайджана до ноября 2020 года, 1 миллион беженцев и статус ВПЛ оправдывает членство Азербайджана в ВТО как развивающейся страны. Получение этого статуса может помочь нам в развитии различных секторов экономики, таких как сельское хозяйство, туризм, информационные и коммуникационные технологии, строительство и транспорт, для достижения более высокого уровня жизни и устойчивого развития.

В настоящее время одним из наиболее важных вопросов для Азербайджана на многосторонних переговорах является наличие технической поддержки для принятия необходимых мер в области товаров и услуг, которые являются минимальными и чувствительными к конкуренции в пределах 10% (как развивающаяся страна). Соединенные Штаты, Швейцария, Европейский Союз, Китай и Индия уже приняли ряд мер по технической поддержке, обучению и наращиванию институционального потенциала, чтобы помочь Азербайджану вступить в ВТО [24. S. 128].

Для членства Азербайджанской Республики требуется согласие всех членов ВТО. Этот фактор также ставит вопрос об усилении лоббистских усилий в Азербайджане. Армения также является членом ВТО. Так что это может помешать достижению консенсуса. Подняв этот вопрос, азербайджанская делегация достигла того чтобы Армения взяла на себя официальное обязательство не препятствовать членству Азербайджана в ВТО. Азербайджан и Армения не будут сотрудничать как члены международной организации, в том числе в ВТО. Армения вступила в ВТО без права голоса за членство Азербайджана. В прошлом Турция не блокировала членство Армении. По словам политолога Расима Мусабекова, даже если Азербайджан примет обязательства перед ВТО, Армения не будет среди его торговых партнеров [10].

Конечно, членство Азербайджана в ВТО не останется незамеченным для его политической и экономической среды. Кроме того, основными перспективными преимуществами, которые Азербайджан получит от этого членства, являются:

1. Ускорить процесс интеграции в мировую экономику. Несмотря на критику интеграции, эта интеграция важна для Азербайджана, освободившего свои земли от оккупации. Именно в результате этих интеграционных уси-

лий сегодня Азербайджан смог утвердиться в мировой политической сфере и закрепиться. Азербайджану нужна интеграция, как политическая, так и экономическая. Эти вопросы особенно важны в то время, когда страна сталкивается с развитием ненефтяного сектора.

2. Участие Азербайджана в мировой торговле в правовой системе и возможность продвижения национальных интересов в создании новых правил. Этот фактор имеет большое стратегическое значение для национальной экономики, и это означает, что при разработке новых правил экономической игры Азербайджан также имеет право предлагать то, что соответствует его интересам, не соглашаться с теми, кто этого не делает, препятствовать консенсус [21. S. 16].

3. Снижение роли государства в управлении экономикой, регулировании внешнеэкономической деятельности, что стимулирует внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество. Снижение роли государства в регулировании экономики в некоторых отношениях отрицательно. Но если мы хотим присоединиться к рыночной экономике, тогда необходимо добиться рыночного саморегулирования.

4. Снижение подпольного товарооборота за счет упрощения внешне-торговых процедур, прозрачности системы учета и отчетности импортных и экспортных операций, устранения искусственных бюрократических барьеров [8]. Конечно, это во всех смыслах послужит оживлению экономики страны. Азербайджан уже перешел на международные системы бухгалтерского учета.

5. Доступ товаров местных производителей на внешние рынки на более выгодных условиях, без дискриминации. Продукция Азербайджана формирует на мировом рынке бренд «Сделано в Азербайджане» [15. S. 61].

6. Снижение цен на товары и услуги на рынке Азербайджана. Сегодня определенная часть продуктов питания местного производства в Азербайджане отстает от продуктов питания зарубежных производителей. Когда на рынок поступают более дешевые западные продукты питания, некоторые местные предприятия пищевой промышленности могут обанкротиться. Но с другой стороны, оставшиеся на рынке сильные начнут производить конкурентоспособную продукцию. Евросоюз, который круглый год производит искусственные продукты питания, окажется беспомощным перед полностью натуральными азербайджанскими продуктами: например, местное население не будет покупать иностранные продукты вместо азербайджанских гранатов, помидоров или картофеля [18. S. 9].

7. Добиться конструктивного разрешения торговых споров с помощью системы разрешения споров ВТО. Сегодня экспорт Азербайджана ограничен, в основном в страны-партнеры и соседние страны, поэтому серьезных торговых споров не было. Также в условиях членства могут быть случаи, когда торговые интересы в более глобальном пространстве затрагивают ин-

тересы Азербайджана. В то же время использование системы разрешения споров укрепит репутацию Азербайджана как светской и мирной страны. Известно, что Армения, не соблюдая нормы и принципы международного права, грубо нарушая свои обязательства перед ВТО и двусторонние соглашения во внешнеэкономических и торговых отношениях, обманым путем экспортировала продукцию, произведенную на оккупированных территориях Азербайджана до освобождения оккупированных территорий обманывая государство-импортер и его потребителей [10]. При вступлении Армении в ВТО он подтвердил, что условия и обязательства, вытекающие из членства в организации, а также обязательства Армении по соглашениям ВТО и положения этих соглашений, применяются только к признанным ООН территориям республики Армении. Согласно правилам ВТО и внутреннему законодательству, потребители имеют право получать точную информацию о происхождении товаров. Руководствуясь этим, Министерство Иностранных Дел осудило любую незаконную экономическую деятельность, осуществляемую Арменией на оккупированных территориях Азербайджана, а также продажу произведенной Арменией продукции на рынках СНГ и ЕС с поддельными этикетками, что является грубым нарушением ВТО [12]. Однако полностью предотвратить это не удалось. Если Азербайджан станет членом ВТО, нарушения Арменией норм ВТО будет первая проблема которую Азербайджан предъявит в систему урегулирования споров.

8. Интенсификация притока иностранных инвестиций в страну за счет либерализации рынка товаров и услуг. До сих пор основной объем инвестиций в Азербайджан приходился на минеральные ресурсы, и роль этих инвестиций в развитии нефтегазового сектора неоспорима. Так что теперь нам нужны такие инвестиции в других сферах. Эти секторы также должны достичь адекватного развития. Это требует приватизации и поднятия сектора на более высокий уровень.

9. Приобретение права гарантированного транзита по территории всех стран-членов ВТО. Сегодня Азербайджан – важный транзитный узел. Также он использует территорию других стран в качестве транзита. В нынешней ситуации Азербайджан не даст право Армении – члена ВТО использовать ее территорию в связи с обязательствами ВТО [16. S. 85]. Эта позиция Азербайджана, как пояснялось ранее, уже доведена до ВТО.

10. Создание среды, способствующей привлечению международных инвестиций в страну с установлением торговой политики и экономических норм организации в законодательстве Азербайджана. С притоком прямых иностранных инвестиций в страну начнут поступать как ноу-хау, так и новые технологии. Это повысит эффективность производства азербайджанской продукции, обеспечит соответствие международным требованиям качества и безопасности [3. С. 16].

11. Более быстрое развитие местных отраслей и предприятий за счет снижения конкуренции с иностранными компаниями и протекционистских

мер, увеличения ассортимента как иностранных, так и отечественных товаров и услуг, доступа к более качественным и более дешевым товарам, усилению конкуренции; Конечно, по мере роста конкуренции на рынке местным компаниям придется повышать качество.

12. Создание условий для роста инвесторов в Азербайджане и расширения их деятельности в странах-членах ВТО.

13. Повышение престижа страны как глобального игрока, снижение ее инвестиционного и кредитного риска за счет укрепления ее авторитета как участника международной торговли. В частности, в результате девальвации в 2015 и 2016 годах Азербайджан стал одной из самых рискованных стран в области инвестиций, банковского дела и кредита, и сегодня инвесторы неохотно вкладывают средства в Азербайджан и находятся в резерве. В этом случае членство в ВТО также выгодно Азербайджану для стимулирования инвестиций.

14. Использование ценовых методов и механизмов во внешней торговле, отказ от таможенных тарифов и нетарифного регулирования. Азербайджану придется снизить таможенные тарифы и налоговые ставки. Самый высокий таможенный тариф, применяемый в Азербайджане, составляет 15%, а средний – 7,5%. Однако Азербайджан показывает высокие ставки, чтобы получить достаточно времени от ВТО [17. С. 4].

15. Увеличение экспорта, диверсификация товарной структуры и географического охвата; Как подчеркнул Президент страны в отчете Кабинета Министров в начале 2016 года, укрепление местного производства и увеличение экспорта является сегодня одной из стратегических целей Азербайджана. Для этого необходимо членство в ВТО.

Возможные побочные эффекты включают:

1. Доминирование иностранных компаний на местном рынке, ослабление местного бизнеса в некоторых сферах.

2. Снижение доходов государственного бюджета. В случае краха малых неконкурентоспособных предприятий их налоговые платежи будут отменены, что приведет к сокращению доходов государственного бюджета [1. С. 8].

3. Снижение или отмена государственной поддержки по ряду направлений, что приведет к банкротству местных компаний и росту безработицы; Сегодня AZAL, Бакинский метрополитен, Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (SOCAR) и другие, предприятия субсидируются государством. Их ценовое регулирование ниже стоимости.

4. Повышение стоимости оплаты комиссионных за использование патентов при импорте технологий и уменьшение их выигрыша в ценовой конкуренции [1. С. 9].

5. Столкновение с трудностями в экономической правовой системе Азербайджана путем принятия правил игры международной организацией. Например, в соответствии с требованиями ВТО, сократить и постепенно

отменить массовую приватизацию, тарифные и нетарифные меры по либерализации рынка, снять ограничения, предложенные азербайджанской стороной на все способы оказания услуг в соответствии с Общим Соглашением о торговле услугами (GATS) создаст серьезные экономические трудности для страны на начальных этапах.

6. Местный рынок труда более уязвим для притока иностранных рабочих в страну [2. С. 10]. Сегодня в Азербайджане растет количество квалифицированных кадров с иностранным образованием. Однако это не на уровне поддержания потенциала иностранной рабочей силы. В частности, сегодня неконкурентоспособны высококвалифицированные профессиональные нанотехнологии, международное право, управленческий персонал в сельском хозяйстве. Поэтому местный рынок труда должен быть к этому готов.

Позиция Азербайджанской Республики по членству в ВТО основана на 6 принципах и целях [7. S. 12]: Во-первых, Азербайджан хочет получить преимущества в рамках ВТО. За семь лет вступления в ВТО России было предоставлено право на уступки. Азербайджан также может использовать эти возможности. Во-вторых, применение правил ВТО и максимально длительный переходный период для приведения законодательства в соответствие с ним, в-третьих, применение высоких импортных пошлин на товары, важные для экономики и промышленности страны, и, в-четвертых, снижение пошлин является обязательным, по крайней мере, добиться более низких тарифов на менее важные товары. Пятая и шестая цели – попытаться предоставить Азербайджану особый и дифференцированный преференциальный режим для развивающихся стран во время переговоров по услугам и предоставить субсидию в размере 10% годового сельскохозяйственного производства во время переговоров по сельскохозяйственным субсидиям [9. S. 13]. Потому что правительство утверждает, что основным источником занятости в Азербайджане является аграрный сектор. По-прежнему существует потребность в субсидиях и помощи в развитии этого сектора в долгосрочной перспективе. В форме достижения всех этих целей Азербайджан может получить большую выгоду от членства, если он станет членом организации. Следует отметить, что Россия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова и Армения также получили определенные уступки, вступив в ВТО в качестве развивающейся страны.

Учитывая отсутствие у Азербайджана прямого выхода к Мировому океану и его зависимость от нефтегазового сектора, членство в ВТО также является хорошей возможностью для страны достичь целей своей экономической политики [4. С. 14].

Анализируя перспективы членства Азербайджана в ВТО, необходимо отметить еще одну точку регионального влияния: Азербайджан расположен в геостратегическом географическом районе. В интервью БС Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев отметил, что страна имеет вы-

годное географическое положение и инфраструктуру для экспорта китайских товаров из Азербайджана в Турцию, а оттуда в Европу [11]. Аналитики призывают Азербайджан реформировать транспортную и таможенную систему, вступить в ВТО с целью интенсификации транзитного маршрута между Западом и Востоком [12. S. 2].

Перспективы членства Азербайджанской Республики в ВТО можно резюмировать следующим образом на основе анализа вышеуказанных факторов:

В рамках законодательных реформ Азербайджан приведет свое законодательство в соответствие со стандартами, применяемыми 165 странами мира. Потому что Азербайджан, как активный игрок глобализации, должен говорить на «торговом языке», на котором говорит большая часть мира [7. S. 37].

Присоединение к ВТО не означает конец отечественного производства. Пример соседних стран-членов ВТО показывает, что эта организация – не средство уничтожения отечественного производства, а обязательный инструмент его развития. Главный вопрос – это условия приема. В результате членства на рынок выйдет иностранная продукция. Это означает, что конкуренция возрастет, качество повысится, а цена упадет [7. S. 14].

Увеличение иностранного капитала в банковском секторе укрепит банковскую и страховую системы и предоставит более выгодные кредиты. Азербайджан не будет снижать таможенные тарифы и налоги в день вступления в ВТО, этот процесс будет постепенным, потребуются время от ВТО. После вступления в ВТО процесс снижения тарифов займет около 5-10 лет. Этого времени достаточно для развития местного бизнеса и создания средств защиты.

Членство в ВТО важно для Азербайджана, чтобы в полной мере воспользоваться китайской инициативой «Один пояс, один путь» (BRI) и увеличить экспорт в Китай. Китай дискриминирует товары, импортируемые из стран, не входящих в ВТО. В отличие от других членов ВТО, Китай не применяет автоматически преференциальные торговые тарифы к нечленам [19]. Азербайджанские товары с наибольшим потенциалом для экспорта в Китай находятся в неблагоприятной ситуации, поскольку на них распространяется ставка Общего торгового тарифа (GTR), а не тариф MFN, который применяется ко всем членам ВТО.

В настоящее время, когда Азербайджан проводит политику устранения монополий, в малом частном бизнесе по-прежнему доминируют определенные монополии. Слабо развиты малые и средние предприятия. Следовательно, членство в ВТО приведет к либерализации, большей прозрачности и независимости бизнеса [5. С. 6].

Самым большим вызовом для Азербайджана станет улучшение сельского хозяйства и сокращение государственной поддержки. Как уже отмечалось, ВТО призывает к сокращению государственной поддержки, в то вре-

мя как Азербайджан в настоящее время добивается 10-процентного порога поддержки. Россия хочет уступки от ВТО, не процентного лимита, а конкретной суммы, с государственной поддержкой сельского хозяйства в размере 9 миллиардов долларов в год [20. S. 18].

После полной подготовки Азербайджан может стать членом ВТО. Членство в ВТО не разрушит национальную экономику, поможет укрепить бизнес, сделать его более устойчивым и получить доступ к иностранным рынкам за счет усиления конкуренции. На рынках будут качественные товары по более низким ценам. Будет риторика в формировании мировой торговли. Для этого необходимо полностью развить сельское хозяйство, привести его в соответствие с международными стандартами, а государственные предприятия приватизировать на выгодных условиях. Членство в этой организации означает привнесение в нашу страну международных стандартов так как по-прежнему существуют трудности с применением международных стандартов. Значительное количество производимой в Азербайджане продукции не соответствует стандартам ВТО. Эти стандарты необходимо применять. Как только Азербайджан будет соответствовать требованиям ВТО по качеству и правовым стандартам, он сможет начать двусторонние переговоры с Европейским союзом и экспортировать больше продукции в ЕС. Европейский Союз – один из важнейших инвесторов и торговых партнеров Азербайджана. Таким образом, 42,4% внешнеторгового оборота Азербайджана приходится на Европейский Союз. Но, конечно, импорт из ЕС в Азербайджан во много раз превышает экспорт. Членство в ВТО так же необходимо для устранения этого разрыва, то есть для увеличения экспорта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Байрамов В.И.* Вступление Азербайджана в ВТО: начало конца или новые перспективы? 19 ноябрь 2011.

2. Типичные заблуждения относительно ВТО // Центр Экспертизы по вопросам ВТО.

3. Трещины в имперской мечте Путина // ВВС. 09 январь 2015.

4. *Хелд Д.* Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура / Д. Хелд, Д. Гольблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. Москва: Праксис, 2004.

5. *Швейкина Н.* Роль международных экономических организаций в глобальном политическом управлении (на примере Всемирной торговой организации) / Дис. для получения уч. степени кандидата политических наук. Москва, 2009.

6. Энциклопедия международных организаций // Международные неправительственные организации / С.В. Бахин, Л.Н. Галенская, В.С. Иваненко и др. СПб.: Издательский дом СпбГУ, 2003. Том 1.

7. *Abdullayev S.H.* Azərbaycan Respublikasının Xarici Ticarət Sahəsində Qanunvericiliyin Təhlili / S.H. Abdullayev, G.F. Dadaşova, C.Ə. Feyzullayev. Bakı: Adiloğlu, 2005.

8. “Azərbaycan Respublikasının Ümumdünya Ticarət Təşkilatına üzv olması prosesi ilə əlaqədar qanunvericiliyin Ümumdünya Ticarət Təşkilatının tələblərinə uyğunlaşdırılması üzrə Tədbirlər Planı”nın təsdiq edilməsi barədə Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. Bakı, 2006. № 1583.

9. Azərbaycanın ÜTT-yə üzvlüyü ilə bağlı növbəti danışıqların tarixi açıqlanıb // Azərbaycan qəzeti. 4312-ci sayı. 23.06.2016.

10. *Bayramov V.İ.* Azərbaycanın ÜTT-ə Üzvlük Prosesinin Qiymətləndirilməsi üzrə Siyasət Sənədi. Bakı: İqtisadi və Sosial İnkişaf Mərkəzi, 2010.

11. *Həsənov Ə.M.* Azərbaycan Respublikasının Milli İnkişaf və Təhlükəsizlik Siyasəti. Bakı: Letterpress, 2011.

12. *Xarici Siyasət və Beynəlxalq Məlumatlar.* Azərbaycan Respublikası Prezidentinin İşlər İdarəsinin Prezident Kitabxanası. Məlumat bülleteni 2. Bakı, 2008.

13. *Kavass İ.İ.* ÜTT-yə üzv olma: Prosedur, tələblər və maliyyətlər. ÜTT-yə Üzv Olma nəşrlər seriyası. Bakı: Teymur Poligraf, 2006.

14. *Kazımov S.* Azərbaycanın İpək Yolundan faydalanmaq imkanı: ÜTT-ə üzvlük və Rusiya ilə rəqabət // BBC kanalı üçün. 11.12.2015-ci il.

15. *Ömərov V.A.* Azərbaycanın dünyaya inteqrasiyasında beynəlxalq təşkilatların rolu. Bakı: Səs, 2013.

16. *Bulut C.* Azərbaycanın Dünya Ticarət Örgütü Üyeliğinin Değerlendirilməsi // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi 9/2, 2007.

17. *Laçiner S.* Türkler ve ermeniler: bir uluslararası ilişkiler çalışması. Genişlendirilmiş İkinci Baskı. Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu Derneği. USAK. 2005.

18. *Yenipazarlı A.* Dünya Ticarət Örgütü (DTÖ), Gelişmekte Olan Ülkelerdeki Rolü, Önemi ve Türkiye. Adnan Menderes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü / Yüksek lisans tezi. İstanbul, 2015.

19. *Andersen T.B.* How much did China's WTO accession increase economic growth in resource-rich countries? / T.B. Andersen, M. Barslund, C.W. Hansen, T. Harr, P.S. Jensen. CEPS Working Document. 2013. No 384.

20. *Goldstein J., Rivers D., Tomz M.* Institutions in International Relations: Understanding the Effects of the GATT and the WTO on World Trade. January 2007. Volume 61. Issue 1.

21. *Sagadiyev K.* Kazakhstan's Membership of the WTO: Problems, Consequences and Prospects // Kazakhstan International Business Magazine. 2013. № 1.

22. *Youwakim F.* Azerbaijan and the WTO. Challenges and opportunities // WTO and Azerbaijan: Where to from here? // Impact Azerbaijan. Publication of American Chamber of Commerce in Azerbaijan. Baku, 2007. Issue 1.

23. *Bachetta M., Drabek Z.* Les effets de l'adhésion à l'Organisation mondiale du commerce sur la politique des États souverains: leçons préliminaires tirées de l'expérience récente des pays en transition // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2002. Vol. 33. Num. 4.

24. *Huseynov R.* Welfare and Economy – Wide effects of Azerbaijan's Accession to the World Trade Organization: A quantitative Assessment // *Inaugural Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Agrarwissenschaftgen*. Bonn, 2015.

S.E. HUSEYNOVA

*Postgraduate student working for the
Doctoral Degree at the Academy of Management under the
President of the Republic of Azerbaijan, Baku,
Republic of Azerbaijan*

AZERBAIJAN ON THE WAY TO THE WORLD TRADE ORGANIZATION: EXPECTED PERSPECTIVES

Membership to the 65-member World Trade Organization WTO is on the agenda and of importance for the Republic of Azerbaijan attaches great importance. The country's application for WTO membership was submitted to the WTO Secretariat on 23 June 1997. Azerbaijan also has close ties with the European Union. As it is known, in 2004 Azerbaijan was included in the European Neighborhood Policy, and in 2009 in its Eastern Partnership program, which is a format of multi-lateral cooperation. Today, globalization is an irresistible «compulsory» process, and Azerbaijan can not stay away from this process. In addition to the political and economic benefits that WTO membership can bring to the country, this article discusses the current prospects and key points for the country to achieve from this membership, as well as the need to accelerate the WTO membership process in the current context.

Key words: *World Trade Organization, membership perspectives for Azerbaijan, European Union, status of the developing country.*

УСКОРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ПРОПАГАНДЫ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В данной статье проанализированы актуальные на сегодняшний день вопросы цифровизации общества и ее специфики во всех сферах общественной жизни во всем мире, а также практики духовно-просветительской работы и широкого внедрения метода «цифровой пропаганды» в деятельность, связанную с пропагандой.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация общества, пропаганда, национальная экономика, стратегия действия.

Цифровизация в эпоху глобализации меняет нашу жизнь и общество с беспрецедентной быстротой и небывалым размахом, создавая при этом как огромные возможности, так и колоссальные трудности. Новые технологии могут внести значительный вклад в достижение целей в области устойчивого развития, однако получение положительных результатов отнюдь не гарантировано. Чтобы в полной мере раскрыть социально-экономический потенциал цифровых технологий, избегая при этом нежелательных последствий, необходимо как можно скорее укрепить международное сотрудничество [2. С. 29-32].

В последние годы информационные технологии стремительно проникают в развитие каждой отрасли и образа жизни каждого человека. Другими словами, XXI век стал веком цифровизации для всего мира. На сегодняшний день вопрос цифровизации является одним из важнейших вопросов как для правительства, так и для общественности во всех странах. Проекты цифровизации в большинстве стран мира напрямую поддерживаются главами государств и признаны фактором развития.

В Узбекистане 2020 год объявлен годом науки, просвещения и развития цифровой экономики. 28 апреля 2020 года был подписан указ президента Республики Узбекистан «О мерах по широкому внедрению цифровой экономики и электронного правительства» [7], 5 октября 2020 года «О мерах по утверждению и эффективной реализации стратегии», «Цифровой Узбе-

кистан – 2030» [8]. В соответствии с ним в качестве основных задач обозначена цель ускоренного развития цифровой индустрии в Республике, повышения конкурентоспособности отраслей национальной экономики, а также обеспечения выполнения задач, определенных государственной программой реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017-2021 годы в «год развития науки, просвещения и цифровой экономики». **«Оцифровка» и «цифровизация» – два разных термина, не связанных друг с другом. Прежде всего, важно различать эти два термина.** Таким образом, «оцифровка» – это перевод информации в «цифровую форму» (статистика, инфографика, бухгалтерский учет и т.д.). Без изменения внешнего вида информации и без изменения смысла [4]. **«Цифровизация»** (digitalization) – создание новых данных в цифровом формате с функциональной задачей и аудиторией, нацеленных на конкретную цель [1. С. 19]. Цифровизация признана учеными как продукт Фазы IV эволюции производства (Industry 4.0) [6. С. 56].

Следовательно, по мере того, как процесс цифровизации каждой сферы и каждой отрасли становится все более популярным, безусловно, цифровизация духовно-просветительской и пропагандистской работы и широкое внедрение в нашу деятельность метода «цифровой пропаганды».

Цифровая пропаганда – это специфический метод, реализующий коммуникацию в политико-экономических, научно-социальных, культурных, духовных и образовательных отношениях с использованием цифровых технологий. В цифровой пропаганде, в отличие от традиционной, утрачивает силу субъективная эмоциональная позиция пропагандиста, и продвигаемый материал представляется оцифрованным (механически) без человеческого фактора.

При использовании метода цифровой пропаганды:

- Уменьшается субъективное влияние человеческого фактора на передачу информации;
- Автоматическое воздействие на слушателя в той же мере;
- Достигается предоставление данных в виде точного времени, точного объема, точного пространства;
- При небольшом количестве рабочей силы достигается охват большой аудитории.

В настоящее время Интернет наряду с реализацией функции системы информационных услуг, затрагивающих все сферы деятельности общества, растет и уровень воздействия на образовательно-воспитательную среду молодежи, а также на психологический образ жизни населения. Поэтому широкое использование цифровой пропаганды в нашей деятельности, превращение ее в наше основное методическое оружие на сегодняшний день очень актуально. Потому что сегодня на сцену в качестве движущей силы выходит поколение, формирующееся под новым социокультурным и тех-

нологическим влиянием. По той же причине сегодня цифровая пропаганда считается более эффективной и важной, чем традиционная пропаганда. Как упоминалось ранее, с помощью цифровой пропаганды можно добиться большей эффективности в краткосрочной перспективе за счет небольшого числа пропагандистов по сравнению с традиционной пропагандой.

Кроме того, наиболее фундаментальным и выигрышным аспектом цифровой пропаганды по сравнению с традиционной является то, что информация доставляется быстро и возвращает импульс ответа с высокой скоростью, а также самое главное большое отличие заключается в том, что она независима и демократизирована [12].

Цифровая пропаганда – это своеобразный метод, и для того, чтобы повысить степень воздействия продвигаемой информации, необходимо уделить особое внимание следующим вопросам:

1. Обоснованность информации: предоставляемая информация основана на объективных фактах, собранных в результате сравнительного анализа различных мнений и взглядов;

2. Полнота информации: все факты учтены, указаны первоисточники и создана удобная программа для перехода на нее;

3. Уникальность (не повторяемость) информации: осязаемость особого подхода автора;

4. Доказуемость информации: наличие цифровой, статистической информации;

5. Объективность информации: учет мнений различных конфликтующих сторон.

Научная организация цифровой пропаганды – новый метод исследования в нашей стране сегодня. Но с другой стороны, концепция цифровизация пропагандистской работы – это не тренд, который возник неожиданно или является новым направлением в нашей общественной жизни.

Этот процесс является предсказуемым процессом до тех пор, пока мобильные устройства и гаджеты не станут неотъемлемой частью правительства и повседневной жизни людей, то есть в те времена, когда начали появляться первые компьютеры [10]. Термин «цифровизация» был впервые определен Н. Негроптоном в его книге «Быть цифровым», в которой говорится, что если самая маленькая частица в материальной вселенной – это атом, то самая маленькая частица в цифровой вселенной – это бит, и любая информация из комбинации атомов может быть сгенерировано в будущем [11].

В последующие годы процесс цифровизации прошел несколько этапов, но отраслевые эксперты говорят, что 2000-е и 2010-е годы – это так называемая «революция в Твиттере» [3], которая считается значительным скачком в процессах оцифровки. Потому что в этот период Twitter является поистине революционным этапом в продвижении и обмене идеями в европейских странах и даже в доставке определенной идеи на высшие уровни правительства. Использование правительством США «твиттер дипло-

матии» (twiplomacy) в ответ на «твиттерную революцию» является ярким свидетельством того, что даже применение цифровизации в современной политике стало требованием времени. Онлайн-голосование, проведение социологических опросов в режиме онлайн – самый быстрый и прозрачный способ определения мнения, позиции населения по поводу социально-политических процессов, проводимых реформ.

На сегодняшний день все посольства США имеют свои аккаунты в сети «Фейсбук и Твиттер», а в управлении правительства действуют специальные отделы, которые не только осуществляют мониторинг деятельности посольств, но и реагируют на любые негативные высказывания против государства и политики [5]. Хотя цифровая пропаганда в нашем регионе еще не достигла уровня «революции», с каждым днем мы становимся свидетелями расширения сферы влияния. Прежде всего, следует отметить, что с психологической точки зрения результативность любой пропаганды измеряется степенью добровольного восприятия информации слушателем [9]. Опросы, проведенные среди молодежи в 2002 году, показали, какой из средств массовой информации предпочитают? если 87,4% молодежи ответили, что телевидение, 13,2% радио, 2,2% пресса, то к 2021 году мы увидим, что для 93,7% населения социальные сети (интернет) являются основным и самым быстрым средством сбора информации сегодня. Поэтому важно формировать у пользователей интернета навыки синтеза информации, повышать культуру восприятия информации. Говоря языком науки, сегодня, когда мы живем в эпоху цифровизации, одной из актуальных задач сегодня является повышение уровня «медиаграмотности» каждого пользователя цифровой пропаганды. Потому что большая часть информации, представляемой сегодня в СМИ, представляется нам с четкой позицией и взглядами, с выводами и анализом. Известно, что в передаче информации участвуют ее дополняющие компоненты (звук, движение, цвет, музыка, эмоции и т.д.) чем больше используется, тем более гарантированно будет перенаправление на заключение. Возьмем, к примеру, простую картинку (фото). Простые на первый взгляд фотографии являются наиболее прозрачной информацией для объективного вывода. А медиаграмотность учит нас тому, что на фотографии мы можем видеть только то, что нам хочет показать человек, который фотографирует, за камерой может быть другая информация, которая может это отрицать. Каждую секунду наши умы могут быть затронуты тысячами таких данных. Прежде всего, при работе с числовыми данными желательно, чтобы у человека были сформированы 3 основных компетенции:

1. Доступность – возможность пользоваться Интернетом и цифровыми устройствами.

2. Анализ – осознание того, что любая информация влияет на наше мировоззрение, поступки, эмоции и позицию, умение различать информацию от нужной и ненужной.

3. Возможность создавать (участвовать) – самостоятельно создавать контент и оказывать влияние на людей через медиа-устройства, создавать

мультимедийные продукты, блоги, онлайн-игры, общаться в чатах и активно участвовать.

В заключение можно сказать, что по мере того, как процессы оцифровки развиваются все более быстрыми темпами, их отрицание или хромота в этой области равносильны движению назад. Цифровая трансформация в мире все еще продолжается. Даже в развитых странах этот процесс не завершен, и уровень оцифровки сильно варьируется от сети к сети. Переход на цифровизацию всех сфер в нашей стране – это залог того, что она будет в числе развитых стран с определенной позицией на международной арене.

Эффективность развития цифровизации в нашей стране выражается в высоком уровне развития современных информационно-коммуникационных технологий, внедрении новых механизмов взаимодействия государственных органов с населением, создании электронных государственных услуг. Также неопределима роль метода цифровой пропаганды в обеспечении эффективности духовно-просветительской пропагандистской работы, доведении до населения максимальной информации в кратчайшие сроки, защите от субъективных эмоциональных воздействий при передаче информации.

Тот факт, что цифровизация может облегчить бремя людей во всех аспектах нашей жизни, сэкономить время и помочь им выполнять работу качественно, был доказан сегодня в мире. Технологии в этой области ускоряют темпы развития во всех областях и помогают быстрее и лучше достигать конечных целей.

Одной из актуальных задач, стоящих перед нами на данный момент, является создание методического пособия по использованию цифровой пропаганды и его широкое внедрение в жизнь. В конце концов, жизнь в социальных сетях, информация, циркулирующая мыслей в несколько раз быстрее, чем традиционное воздействие и пропаганда, имеет широкий охват и высокую вероятность повторного ответа.

Невозможно синтезировать всю информацию, которая продвигается в социальной сети, или разделить ее на хорошее и плохое. Информация передается с одинаковой скоростью и в масштабе всем, независимо от мировоззрения, возраста, пола, образования и других характеристик людей. Для нас также важно повысить медиаграмотность населения, чтобы мы могли индивидуально отличать эти данные от хороших и плохих, а также от ненужных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Грибанов Ю.* Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции // Иктисоциет фанлари доктори даражасини олиш учун авт. реф. Санкт-Петербург, 2019.

2. *Жусипова М.Ш., Ахмедьярова М.В., Дильдебаева Ж.Т.* Производства развития цифровой экономики Казахстана как движущиеся сила // Наука и инновационные технологии. Бишкек, 2019. № 4 (13).

3. *Коньков А.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13.

4. *Контелов А.* Готов ли ваш бизнес к цифровой трансформации? // <https://www.executive.ru/management/itforbusiness/1985479-gotov-li-vash-biznes-k-tsifrovoi-transformatsii>.

5. *Цветкова Н., Ярыгин Г.* Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях.

6. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция // Top Business Awards. Эксмо, 2016.

7. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Рақамли иқтисодиёт ва электрон ҳукуматни кенг жорий этиш чора-тадбирлари тўғрисида»ги». ПҚ-4699-сон қарори, 28.04.2020 йил.

8. Ўзбекистон Республикаси Президентининг «Рақамли Ўзбекистон – 2030» стратегиясини тасдиқлаш ва уни самарали амалга ошириш чора-тадбирлари тўғрисида ги ПФ-6079-сон Фармони, 05.10.2020 йил.

9. *Aronson E., Pratkains E.* Age of Propaganda. The Everyday Use and Abuse of Persuasion. St. Petersburg, Praim-Evroznak.

10. *Hacker K., van Dijk J., eds.* Digital Democracy: Issues of Theory and Practice, SAGE Publication LTD. London, 2000.

11. *Nergoptone N.* Being Digital, Knopf. New York, 1995.

12. *Woolley Samuel S., Guilbeault Douglas R.* Computational Propaganda in the United States of America: Manufacturing Consensus Online // Working Paper. 2017. № 5.

TO‘RAQULOV ZOHID

*Deputy Director of the Republican
Center for Spirituality and Enlightenment
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

ACCELERATING DIGITAL PROMOTION: AN ANALYTICAL POINT OF VIEW

This article analyzes the current issues of digitalization and its specifics in all spheres of public life around the world, as well as the practice of spiritual and educational work and the widespread introduction of the method of «digital propaganda» in activities related to propaganda.

Key words: *information technology, digitalization of society, propaganda, national economy, strategy of action.*

ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРПИМОСТИ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Данная статья посвящена роли религии в условиях глобализации, религиозная толерантность и межконфессиональное согласие как основной фактор в обеспечении стабильности страны.

Ключевые слова: религия, толерантность, стабильность, конфессия, терпимость.

Проблема религиозной толерантности закономерно входит в число наиболее актуальных и активно обсуждаемых вопросов в современном мире. Религиозную толерантность следует рассматривать как комплексное явление общественного сознания, в котором мировоззренческие и социально-психологические установки, сочетают и допускают правомерность множественных религиозных традиций. Механизмы формирования религиозной толерантности связаны со всей системой общественных отношений, с возможностью полноценной реализации конституционно-демократических прав и свобод, с уровнем духовной культуры личности и социума.

Возникнув еще в античные времена, проблема религиозной толерантности, стояла, наиболее остро там, где народы с различными вероисповеданиями были вынуждены жить вместе в пределах великих империй. Так, основатель первой мировой империи – Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.) Кир II Великий вошел в историю как один из самых веротерпимых правителей древнего мира. В Библии он называется «помазанником божьим», «орлом от Востока» (Исайя 45:1, 46:11). Кир придерживался учений персидского пророка Зороастра и поклонялся Ахурамазде – богу, который считался творцом всего доброго. Зороастр, представлял Бога как нравственное совершенство [3].

В главном источнике зороастризма «Авесте» важно отметить следующее высказывание: «Внемлите ушами, узрите душою явное, чтобы для себя самого каждый выбрал веру». Здесь находит свое место одно из наиболее ранних выражений в древнем мире идеи о признании прав человека на свободу вероисповедания.

Традиции религиозной толерантности в ее многообразных проявлениях находили свое особое выражение на всех этапах развития общественно-философской мысли у ученых Центральной Азии, что может быть проиллюстрировано на отдельных, наиболее ярких примерах.

Многие великие мыслители исходили из идеи о праве народов, отдельных личностей избирать религию с учетом своих особенностей и обстоятельств. Так, аль-Фараби писал: «...одна группа или один народ может представить ... вещи в подражательных образах иными, чем другая группа или другой народ. Вот почему различны добродетельные народы, и добродетельные города могут иметь различные религии, и верят в одно и то же счастье» [2].

Знаменитый суфий Ходжа Ахмад Ясави призывал людей к терпимости по отношению к религии других народов: «Если будет перед тобой Неверный, не делай обиды ему. От сердца жестокого, от души обидчика отвращается Господь. О, Аллах, истинный! Такому рабу уготована преисподняя ада».

В условиях глобализации, когда происходит сжатие пространства всемирной истории, развитие религиозной веротерпимости наиболее действенно, при параллельном культивировании межрелигиозной межконфессиональной солидарности.

Следует отметить, что в условиях глобализации религиозная толерантность и межконфессиональное согласие играют важную роль в обеспечении стабильности страны. Именно за годы независимости позитивное отношение к состоянию религиозной толерантности и межконфессионального согласия в нашей стране заложило фундамент новой эры в развитии нашей страны.

В частности, в развитии культуры толерантности и гуманности, религиозной толерантности, атмосфера межконфессионального согласия, в свою очередь, играет важную роль в воспитании наших граждан, особенно подрастающего поколения, в духе преданности Родине. Исходя из этого 16 апреля 2018 года Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиев подписал указ № ПФ-5416 «О мерах по кардинальному совершенствованию деятельности религиозно-образовательной сферы» [7]. Данный документ направлен на обеспечение преемственности системы религиозного образования в Узбекистане: от начального этапа (средние специальные исламские учебные заведения или медресе) до высшего и последующего религиозного образования.

В свою очередь, эти факторы были определены как один из важнейших приоритетов государственной политики в Узбекистане.

В соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиеева от 7 февраля 2017 года «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан», безопасность, межнациональное согласие и религиозная толерантность, проведение внешней политики, представляющей взаимный интерес и практичность, обеспечение религиозной тер-

пимости и межконфессионального согласия в укреплении независимости нашего государства и международного престижа нашей страны [4].

Именно эти факторы создают основу для развития страны, обеспечивая мир, стабильность, межнациональное согласие и религиозную терпимость в мире в глобальном масштабе. Представители зороастризма, буддизма, христианства, монизма и ислама всегда жили в нашей стране в гармонии и мире.

В частности, во многих городах страны есть мечети, церкви и синагоги. В свою очередь, в этих святых местах нации и народы разных религий свободно совершали свои религиозные обряды [6].

Следовательно, данную ситуацию можно увидеть на примере взаимодействия всех наций и народов, живущих сегодня в нашей стране, исповедующих разные религии. История показала, что в процессе провозглашения независимости Республики Узбекистан не было религиозных конфликтов между всеми религиями в укреплении основ мира и устойчивого развития через межнациональное согласие и религиозную терпимость. В этой связи, как отметил Президент Шавкат Мирзиёев: «Наше государство – многонациональное и многоконфессиональное государство».

Сегодня более 130 национальностей и этносов проживают в нашей стране как дети одной семьи. В этой связи не вызывает сомнений, что древние традиции толерантности нашего народа играют важную роль». Это, в свою очередь, является уникальным примером межнационального согласия, религиозной терпимости, межконфессионального согласия и солидарности в Узбекистане, а также положительным примером толерантности ко всем религиям. Следовательно, являясь неотъемлемой частью нашей духовности, корни этнической, культурной и религиозной терпимости, присущие нашему народу, уходят далеко в прошлое, как это признают представители других религий.

Следует отметить, что существующие религии мира по своей сути воплощают в себе идеи добра, мира, добра, дружбы и созидания. В частности, религия призывает людей к честности и чистоте, доброте, солидарности и терпимости. Религии ислама и христианства пропагандируют моральные нормы, воплощающие идеи гуманизма: милосердие, сострадание, честность, чистоту души, мужество и торжественность. Одна из мировых религий, христианство, поощряет своих верующих проявлять сострадание на основе религиозных и моральных идей, говорить правду, помогать угнетенным и трудящимся, упорно трудиться, жить в гармонии.

Таким образом, во всех мировых религиях проблема религиозной терпимости поглощается как общечеловеческими, так и религиозно-нравственными качествами. Таким образом, религия стала одним из наиболее эффективных способов воздействия на человеческий разум. В свою очередь, религиозные учения помогают людям преодолевать испытания, проблемы и трудности в жизни, укрепляя доверие к людям, влияя на культуру и духовность в жизни любого общества.

Сегодня в нашей стране в гармонии и согласии живут более 130 наций и народов. Республика является многоконфессиональной страной, и в настоящее время в Узбекистане действуют 2239 религиозных организаций 16 конфессий.

Следует отметить, что царившая в нашей стране атмосфера межнационального согласия, религиозной толерантности, дружбы и солидарности, в свою очередь, играет важную роль в дальнейшем укреплении имиджа Узбекистана на международной арене путем обеспечения мира и стабильности.

Сегодня обеспечение мира и развития в Узбекистане имеет большое значение. Все религии одинаково заинтересованы в атмосфере мира, спокойствия, стабильности и благополучия в республике.

В свою очередь, государство способствует установлению взаимного примирения и уважения между гражданами разных религий и негражданами, религиозными организациями, принадлежащими к разным религиям, не допускает действий, направленных на противодействие и обострение отношений к религиозному и иному фанатизму и экстремизму, эскалацию вражды между различными конфессиями. Размышляя над этим вопросом, глава нашего государства Шавкат Мирзиёев отметил: «...в настоящее время в разных регионах мира растет напряженность между национальностями и религиями, растет национализм и религиозная нетерпимость. Эти пороки пропитывают государство, разрушают общество и становятся идеологической основой для радикальных групп и течений. В такой сложной ситуации дальнейшее укрепление дружбы и солидарности между людьми разных национальностей и религий становится для нас в нашей стране все более важным. Без сомнения, это служит надежной гарантией мира и спокойствия на нашей земле, основой повышения творческого потенциала нашего народа, его уверенности в завтрашнем дне» [1].

В частности, обеспечение отношений межнационального согласия и религиозной толерантности в Узбекистане, в первую очередь, путем предотвращения межрелигиозных конфликтов, создает основу для формирования взаимного сотрудничества, солидарности и взаимопонимания между представителями разных религий. Этот фактор напрямую способствует миру и развитию страны, развитию общечеловеческой культуры и духовности.

В республике способствует миру и согласию между религиозными конфессиями. Прозелитизм, как и любая другая миссионерская деятельность, запрещен. Уточняется, что виновные в нарушении этого правила будут привлечены к ответственности в соответствии с законом. Архиепископ Ташкентский и Средней Азии Владимир (Иким) сказал: «К сожалению, силы, пытающиеся фальсифицировать наши религии, также угрожают миру, единству нашего народа и процветанию в Центральной Азии. Это фана-

тизм, прозелитизм, экстремизм, лжерелигиозная политика. Эти злые силы маскируют основы наших религий под видом как христианских, так и мусульманских религий. Их цель – разделить общество, создать духовную нестабильность и создать межрелигиозные и межэтнические конфликты», – сказал он. Поэтому укрепление в Узбекистане атмосферы религиозной толерантности ко всем религиям, прежде всего, играет важную роль в обеспечении взаимной солидарности, согласия и согласия между гражданами нашей страны [5].

Сегодня, как положительный результат мудрой государственной политики, проводимой нашим государством, тот факт, что представители всех религиозных конфессий в нашей стране беспрепятственно соблюдают свои религиозные традиции, обычаи и обряды, является ярким подтверждением нашего мнения.

Таким образом, как видно, из результатов исследования, в условиях, когда больше половины жителей нашей планеты считают себя религиозными людьми религиозная толерантность общества в пространстве культурно-цивилизационного бытия, есть основа и залог будущего стабильного развития республики в контексте снижения уровня вызовов и угроз современности, что придает нашему обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абу Наср Форобий*. Фозил одамлар шахри. Т.: Фан, 1993.
2. *Авеста в истории и культуре Центральной Азии*. Душанбе, 2001.
3. *Дандамаев М.А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в до н.э.). М.: Изд. восточ. лит., 1963.
4. *Муртазаева Р.Х.* Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар ва бағрикенглик. Ўқув қўлланма. Т.: Университет, 2007.
5. *Муртазаева Р.Х.* Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Т.: Узбекистан, 2010.
6. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 7 февраля 2017 г. «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017 г. № 6.
7. Указ Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиеева № ПФ-5416 «О мерах по кардинальному совершенствованию деятельности религиозно-образовательной сферы».

B.A. UROKOV
*Head of the Department at the Republican
Center of Spirituality and Enlightenment, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

**UZBEKISTAN'S EXPERIENCE
IN ENSURING RELIGIOUS TOLERANCE
AND INTERFAITH COOPERATION**

The article is devoted to the role of religion in the conditions of globalization, religious tolerance and interfaith harmony as the main factors in ensuring the stability of the country.

Key words: *religion, tolerance, stability, denomination, tolerance.*

аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета, член Национального Союза Политологов, Россия, г. Москва

В ОБЩИХ ИНТЕРЕСАХ ВОПРОТИВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ: СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НЕРЕГУЛИРУЕМОГО ПРОМЫСЛА В АРКТИКЕ ВСТУПИЛО В СИЛУ

В статье представлен анализ «Соглашения о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана». В ходе исследования определяются важные моменты заключенного соглашения, его важность и актуальность для Арктической зоны и стран, имеющих выход к бассейну Северного Ледовитого океана. Выделяются основные цели, задачи, предпосылки и условия Соглашения. В результате даются выводы о ценности и значимости рассматриваемого документа.

Ключевые слова: *нерегулируемый промысел, Арктическая зона, международные соглашения, арктические морские ресурсы.*

В настоящее время в центральной части Северного Ледовитого океана коммерческий рыболовный промысел не ведется, однако, из-за воздействия климата в данном районе планеты могут появиться коммерчески интересные рыбные запасы, что в среднесрочной перспективе может привести к активной промысловой деятельности.

3 октября 2018 года в гренландском Илулиссате было подписано Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктической зоне такими участниками, как США, Российская Федерация, Королевства Норвегия и Дания, КНР, Исландия, Южная Корея и Евросоюз. Однако, для того, чтобы документ вступил в силу, понадобилось еще 2,5 года, так как в соответствии с 11 статьей данного Соглашения, для его вступления в силу необходимо, чтобы все участвующие стороны сдали ратификационные документы депозитарию, в роли которого выступило канадское Правительство. После того, как все участники Соглашения смогли ратифицировать его в соответствии с внутренними законодательствами, 25 июня 2021 года Соглашение вступило в силу на 16 лет с опцией автоматического продления на 5 лет.

Благодаря данному Соглашению произойдет формирование международной правовой базы регулирования рыболовного промысла и Совместной программы научных исследований для выявления текущих рыбных запасов и допустимых объемов будущего рыбного промысла на территории центральной Арктики, по размеру равной Средиземному морю. В данной статье будет проведен анализ основных моментов Соглашения и определена его значимость для арктической экосистемы.

Соглашение состоит из 15 статей и вступления, подчеркивающего исходные предпосылки документа. Так, во вступительной части Соглашения упоминаются такие факторы, как:

- Раннее пребывание центральной Арктики под ледяным покровом и его таяние в силу климатических изменений;
- Значимость устойчивости морских экосистем для питания;
- Непредсказуемость климатических изменений и человеческой деятельности для безопасности территории;
- Интересы близлежащих стран и их инициатива, выраженная еще в Декларации 2015 года;
- Предыдущие международные соглашения, касающиеся морского рыбного промысла, такие как Конвенция ООН по морскому праву от 1862 года и Кодекс ответственного рыболовства 1995 года;
- Интересы коренных народов Арктики;
- Важность превентивных мер по малоизученным вопросам и научно обоснованных подходов к использованию ресурсов.

На основании всех этих факторов и было принято Соглашение.

Первая статья раскрывает основные термины: район действия, рыба, рыболовство, промышленное рыболовство и судно.

Во второй статье раскрывается ключевая цель Соглашения – предотвращение нерегулируемого промысла на данном участке Северного Ледовитого океана за счет мер по сохранению, управлению и устойчивому использованию ресурсов.

Далее, в рамках третьей статьи раскрываются временные меры, разрешающие судам под флагами стран-участниц Соглашения вести рыболовство в центральной Арктике в рамках таких ограничений, которые позволят управлять рыбными запасами устойчиво и бережливо, и которые могут быть установлены впоследствии. Также, в этой части дается рекомендация осуществлять научные исследования и мониторинг участка в рамках будущей Совместной программы. Статья закрепляет за Сторонами обязанность самостоятельно контролировать свои суда, обеспечивать соблюдение всех необходимых мер и осуществлять информационный обмен.

Четвертая статья касается будущей Совместной программы исследований и мониторинга, которую Стороны обязуются принять в течение следующих двух лет для координации и совместного понимания расположен-

ных в центральной Арктики рыбных ресурсов и дальнейших возможностей по коммерческому промыслу в этой морской зоне. В течение двух лет также необходимо принятие протокола о формате обмена информацией между сторонами и задействованных для этих целей институтах: научных и технических организаций, отдельных органов или программ. Текущая статья также обязывает стороны не реже 1 раза в 2 года проводить регулярные научные собрания для обмена результатами исследований и предоставления научно-обоснованных рекомендаций всем остальным сторонам.

Пятая статья касается обзора выполнения Соглашения в будущем. Так, на основании проведенных исследований и мониторинга будет приниматься решение о создании региональных рыболовных организаций. Также, речь идет о дальнейшей консолидации действий, в том числе и с учетом местных сообществ.

В шестой статье раскрываются условия принятия и согласования решений, где разделяются процедурные вопросы и вопросы существа (которые признаются такими, если любая из сторон считает их вопросами существа).

В седьмой статье дается отсылка на Соглашение 1995 года, на основании 8 части которого будут разрешаться возможные в будущем споры между сторонами.

Остальные статьи касаются возможных будущих участников и поощрения принятия ими мер, соответствующих Соглашению, условиям подписания, присоединения, выхода из Соглашения, сроков действия и условий пролонгации и соотношения с другими международно-правовыми документами.

Далее, подробнее рассмотрим важность и значимость Соглашения.

Вступление Соглашения в силу можно считать историческим успехом – документ защищает хрупкие и малоизученные морские экосистемы от неконтролируемого рыболовного промысла и заполняет важный пробел в международной системе управления океанами. Теперь, остается убедиться, что Соглашение выполняется в полном объеме, говорится в статье, размещенном на официальном сайте одной из сторон – Европейского Союза [2]. В этой статье утверждается, что Соглашение применяет осторожный и научно обоснованный подход к рыболовству, запрещая нерегулируемой и неконтролируемый рыболовный промысел в арктической зоне. Также, выделяется особая роль будущей Совместной программы, формируемой для совместного улучшения понимания местной экосистемы.

Данное Соглашение позволяет обеспечить основу для сотрудничества и взаимодействия участвующих сторон с целью лучшего понимания экосистем центральной Арктики и прилегающих к ней зон. Договор предотвращает коммерческий промысел до такого момента, пока не будет доступна адекватная научная информация для принятия решений относительно жизнеспособности и устойчивости любой потенциальной будущей промысловой деятельности.

Согласно положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, прибрежные страны могут осуществлять юрисдикцию над зонами рыболовства в границах 200 морских миль (около 370 километров) от береговых линий. При этом, в силу расположения береговых линий, в некоторых случаях зоны рыболовства соседних стран полностью охватывают зону «открытого моря» за пределами их рыболовной юрисдикции, и могли происходить некоторые неудобства в определении допустимых для рыболовства зон.

Последние климатические исследования позволяют предположить, что к 2030 году центральная Арктика, нагревающаяся в три раза быстрее, чем остальная Земля, может полностью освободиться ото льда, и уже сейчас эта зона частично освобождена, что открывает возможность для рыболовных судов осуществлять здесь промысел в летние месяцы. А отсутствие адекватных научных данных и понимания потенциала местной экосистемы и видах рыб могут привести к катастрофическому для этих мест сценарию. И данное Соглашение способно предотвратить такой сценарий, ограничивая текущую и ближайшую промысловую деятельность до тех пор, пока стороны не придут к общему научному пониманию ситуации.

Основная ценность Соглашения заключается в том, что оно достаточно необычно и дальновидно решает общую экологическую проблему до того, как она может возникнуть. В основном, события происходят таким образом, что правительства вынуждены реагировать на случившуюся проблему, одновременно устраняя негативные последствия от нее.

Что касается Совместной программы, то ее функция двояка:

– Программа позволит повысить уровень знаний об одном из самых малоизученных участков мирового океана;

– Стороны смогут получить больше данных, позволяющих в будущем принимать более взвешенные и научно-обоснованные решения, например, о замене Соглашения другим договором, который сформирует механизм открытия устойчивого коммерческого рыболовного промысла на основании сформированной в будущем научной базы.

Также, заслуживает отдельного упоминания следующий аспект: Соглашение подразумевает использование знаний местного и коренного населения в разработке и применении Совместной программы, а, следовательно, это обеспечивает гарантию участия коренных народов и их интересов в будущем освоении Арктики. Так, Соглашением признаются существенные интересы коренных жителей в предотвращении нерегулируемого рыболовного промысла. И даже несмотря на то, что эти народы не занимаются промыслом в районе открытого моря, возможное истощение рыбных запасов в районе открытого моря может поставить под угрозу морские ресурсы возле берега, где от них зависят местные сообщества. Поэтому в трех делегациях: от Канады, США и Дании (представляющей Фарерские острова и остров Гренландия), были представители общин коренных арктических народов, представившие убедительные точки зрения и идеи [3].

С одной стороны, Соглашение о рыболовстве в центральной Арктике не является чрезвычайной и насущной проблемой всего мирового сообщества, и как проблема, сопровождаемая последствиями, еще не существует. С другой стороны, Соглашение примечательно тем, что воплощает в себе ряд достижений. Во-первых, оно превентивно, что может быть хорошим прецедентом. Во-вторых, оно опирается на научную базу. В-третьих, чуть ли не впервые в истории, учитывает интересы малых коренных народов. Оно экологично, дальновидно и позволяет улучшать договоренности в будущем на основании результатов научных исследований и мониторинга экосистемы центральной Арктики. Как отметил руководитель Росрыболовства И.В. Шестаков, подписавший соглашение от России, «В Арктическом регионе сформирована уникальная экосистема, сохранение которой должно относиться к одной из приоритетных задач мирового сообщества. Это убедительный пример превентивного реагирования заинтересованных государств на глобальные изменения климата, возрастающее антропогенное воздействие и показатель общей готовности принимать согласованные меры по сохранению биоразнообразия Арктики» [1]. Таким образом, Соглашение демонстрирует, что страны могут найти способы действовать в своих общих интересах даже перед лицом серьезной геополитической напряженности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Россия подписала соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике // Интернет-портал информационного агентства ТАСС. 3 октября 2018 г. // <https://tass.ru/ekonomika/5633940>.
2. Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана (вступило в силу для Российской Федерации 25 июня 2021 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. 28.06.2021 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035?index=0&rangeSize=1>.
3. Arctic: Agreement to prevent unregulated fishing enters into force // Официальный сетевой ресурс Европейского Союза. 25 июня 2021 г. // https://ec.europa.eu/oceans-and-fisheries/news/arctic-agreement-prevent-unregulated-fishing-enters-force-2021-06-25_en.
4. *Balton D.* The Arctic Fisheries Agreement Enters into Force // Официальный блог Арктического института. 25 июня 2021 г. // <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-9-arctic-fisheries-agreement-enters-force>.

A.A. ZYUZINA
*Postgraduate of the Department of Foreign
Regional Studies and Foreign Policy of the Russian State
University for the Humanities, member of the National Union
of Political Scientists, Moscow, Russia*

VIRIBUS UNITIS: AGREEMENT TO PREVENT UNREGULATED HIGH SEAS FISHERIES IN THE CENTRAL ARCTIC OCEAN ENTERS INTO FORCE

The article presents an analysis of the “Agreement on the Prevention of Unregulated Fishing on the High Seas in the Central Arctic Ocean”. The study identifies the critical points of the Agreement, its importance and relevance for the Arctic zone and countries that have access to the Arctic Ocean basin. In this paper the author highlights the main goals, objectives, prerequisites, and conditions of the Agreement. In conclusion, the value for the global politics of the document under consideration is emphasized and the arguments why this Agreement can be considered historical are presented.

Key words: *unregulated fishing, Arctic zone, international agreements, Arctic marine resources.*

ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НЕУДАЧ АСЕАН И ЕС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ В БОРЬБЕ С COVID-19

В данной статье рассматривается вопрос о механизмах борьбы с пандемией COVID-19 Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Европейского Союза (ЕС). Целью данного исследования является глубокое изучение эффективности используемых механизмов и проведение сравнительно-сопоставительного анализа используемых механизмов в борьбе с COVID-19 в рамках АСЕАН и ЕС. Анализ сходств и различий механизмов, используемых ресурсов, решимости политических элит, ожидания стран-членов, продолжительности и глубины антикризисных механизмов позволяют нам определить факторы институциональных неудач и поражений. В статье отмечается, что механизмы борьбы с COVID-19 АСЕАН и ЕС оказались не такими неэффективными, как ожидалось. Однако благодаря европейской институциональной интеграции ЕС смог реализовать свои механизмы борьбы с пандемией лучше чем АСЕАН.

Ключевые слова: COVID-19, АСЕАН, ЕС, механизмы борьбы с пандемией, эффективность.

Введение. Пандемия COVID-19 представляет собой политический вызов для всего мира, и в частности, для таких регионов, как Европейский союз (ЕС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В результате борьбы с пандемией можно увидеть, что коллективные действия дают более эффективное решение проблем, чем меры государств в национальном масштабе.

На 1 сентября 2021 г. по всему региону АСЕАН более 16,5 млн человек заразились COVID-19 и 250 тысяч человек умерли [15]. Индонезия, являющаяся самой густонаселенной страной АСЕАН, стала эпицентром пандемии в регионе, за ней следуют: Филиппины, Малайзия и Таиланд. С другой стороны, по всему региону ЕС с начала пандемии коронавирус был обнаружен у 38 млн человек, более 765 тысяч скончались в результате заражения. Франция стала эпицентром пандемии в регионе ЕС, за ней следуют: Испания, Италия, и Германия [8]. Однако уровень инфицирования и смертности тревожно продолжает расти высокими темпами ежедневно.

Тем не менее, АСЕАН и ЕС, два самых знаковых региона мира, поначалу казались неспособными справиться с этой проблемой. В первые месяцы 2020 года наиболее эффективные меры были приняты в одностороннем порядке на национальном уровне при отсутствии региональной координации. Таким образом, в данной статье в первой части хотелось выделить механизмы, принятые обоими регионами. А во второй части предполагается проведение сравнительно-сопоставительного анализа механизмов АСЕАН и ЕС против пандемии COVID-19.

COVID-19 vs АСЕАН: институциональная неудача. АСЕАН является одним из регионов, переживших исторически крупномасштабные бедствия, например, атипичная пневмония «SARS» в 2003 г. и Волновое цунами в 2004 г., многочисленные землетрясения, извержения вулканов и многое другое. Тем не менее, массовая пандемия COVID-19 в мировой истории отличается от предыдущих бедствий АСЕАН. Хотя АСЕАН имеет множество соглашений и действенных механизмов для борьбы с угрозами человечеству, в данной ситуации она сыграла слишком незначительную роль.

В 2020 году под председательством Вьетнама, АСЕАН была предупреждена о вспышке COVID-19 довольно рано, потому что Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) объявила о первом подтвержденном случае заболевания коронавирусом за пределами Китая 13 января 2020 года в Таиланде [19]. После этого объявления ВОЗ, страны АСЕАН начали реагировать на начало вспышки коронавируса, стремясь к сотрудничеству посредством существующих механизмов борьбы с чрезвычайными ситуациями. Например, «ASEAN Emergency Operations Center (EOC) Network» координировала свои действия с Китаем посредством механизма «АСЕАН плюс три» – «сотрудничество АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи» – в связи с ежедневными обновлениями ситуации. В рамках этого взаимодействия самым важным моментом является стимулирование создания специального фонда «COVID-19 ASEAN Response Fund» [17. С. 4]. АСЕАН предложила своим партнерам по диалогу, таким как АСЕАН плюс три, Австралия, Индия, США и ЕС, внести взносы [16]. Также было создано «ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies: RRMS», получившего дополнительные средства индивидуальной защиты «СИЗ» от желающих стран-доноров.

Следующим механизмом является создание «Virtual Centre (ABVC) for Big Data Analytics and Visualisation», главным координатором которого являются Филиппины. Такой механизм действует как большая биологическая база данных, могущая немедленно отображать информацию в реальном времени «Real Time».

Третьим механизмом является «Regional Public Health Laboratories Network: RPHL», созданная незадолго до вспышки коронавируса в октябре 2019 года под руководством Таиланда и поддержанного США «USAID», для повышения доступности лабораторий, технических методов исследования и лабораторного надзора.

Четвертым механизмом является «ASEAN Risk Management and Risk Communication Center: ARARC», при котором используются большие данные из ABVC для отчета об оценке рисков для распространения важной информации о вспышке COVID-19.

Несмотря на то, что в АСЕАН существуют и другие механизмы, эксперты, изучающие дела АСЕАН, сходятся во мнении, что существующие механизмы совершенно неэффективны для нынешних ситуаций. Кроме того, каждый член АСЕАН получил внешнюю помощь напрямую в свою страну, а не через координацию существующих механизмов и оценку потребностей региона, например, пожертвованная вакцина, СИЗ и создание различных лабораторий [3]. Так, многие страны-члены АСЕАН кроме Таиланда присоединились к программе «COVAX» и получили прямую поддержку от США, Китая, Японии и т.д. К сожалению, можно отметить, что правительства стран-членов АСЕАН склонны уделять больше внимания своим собственным интересам, чем интересам всего региона. Например, в Таиланде расположена производственная база для вакцины «AstraZeneca» [13]. Но правительство Таиланда не присоединилось к программе «COVAX», по причине необходимости строительства завода, в этой связи, по производству вакцин для экспорта и распространения в странах АСЕАН во время кризиса.

ЕС и задержки в решении проблем COVID-19. Европейский Союз «ЕС» действительно осознал пандемию в феврале 2020 года. Италия стала первой страной, в которой было зарегистрировано большое количество случаев заболевания, которое превысило возможности приема в больницах. В таком случае основным механизмом ЕС является Координационный центр реагирования на чрезвычайные ситуации «The Commission's Emergency Response Coordination Centre: ERCC», включающий в себя механизм гражданской защиты ЕС «EU Civil Protection Mechanism», активированный Италией 28 февраля 2020 года [9]. Такой механизм основан на волонтерской помощи стран ЕС. К сожалению, изначально ни одна из европейских стран-членов не приняла в этом никакого участия, так как их собственные больницы могли стать перегруженными, а так же в силу нехватки средств индивидуальной защиты «СИЗ» [11]. К несчастью, отдельные страны ЕС приняли собственный ряд мер по борьбе с эпидемией коронавируса, а не в координации с ЕС, например Германия, Франция и Чешская Республика ввели ограничения на экспорт СИЗ в нарушение принципа свободного движения товаров, основного элемента единого рынка ЕС [10]. В самом начале пандемии страны ЕС конкурировали за импорт СИЗ из Китая. Даже некоторые страны решили закрыть свои границы в одностороннем порядке.

Вместе с тем, необходимо отметить, что ЕС имеет ограниченные полномочия и призвано дополнять национальные политики, при этом центральную роль играют правительства стран-членов ЕС [14. С. Е-71]. А ЕС призвано помогать им в достижении общих целей, экономии за счет масштаба, объе-

динении ресурсов и решении общих проблем, таких как пандемии. Специализированные механизмы, такие как Европейское агентство лекарственных средств «ЕАЛС» «The European Medicines Agency: EMA» и Европейский центр профилактики и контроля заболеваний «ЕЦПКЗ» «The European Centre for Disease Prevention and Control: ECDC» были использованы в качестве разрешения кризиса пандемии в самом начале [7. С. 11], но на практике такие механизмы только ориентированы в первую очередь на экономику. Они забыли тот факт, что в большинстве стран ЕС больницы были недоукомплектованы персоналом и оборудованием. В результате в ERCC отсутствовала координация из-за общей нехватки медицинского персонала, коек в больницах и запасов СИЗ [11].

Только спустя некоторое время после начала пандемии роль ЕС начала приносить свои плоды. «European reserve of additional capacities: the 'resc EU reserve'» был создан в качестве механизма обеспечения инфраструктуры для борьбы с пандемией. К основным инструментам данного механизма относятся самолеты и вертолеты пожаротушения, медицинское оборудование, возможности для медицинской эвакуации и обученные медицинские бригады для создания полевых госпиталей. Начиная с апреля 2020 г. Механизм гражданской защиты ЕС с активной помощью от стран-членов ЕС наконец смог отправить огромное количество СИЗ, медицинских дезинфицирующих средств и защитных костюмов в Италию. А также из средств фонда были профинансированы команды врачей и медсестер из Румынии, работающие в Лекко (Италия) в течение 14 дней. Но, вместе с тем, поддержка Китая, а также США посредством USAID, которые организовали полевые госпитали и оказали поддержку итальянским предприятия в разработке вакцины и медицинского оборудования, имели гораздо большие размеры и объем чем помощь ЕС [2. С. 138-139]. Более того, ЕС пошел дальше и выступил с инициативой создания Европейского Союза Здравоохранения «European Health Union: EHU» с целью укрепления солидарности, общего противодействия трансграничным угрозам и обеспечения безопасности граждан ЕС [4]. Так, EHU станет результатом усиления полномочий ECDC и EMA в будущем.

Помимо сферы здравоохранения, ЕС также принял ряд экономических мер для поддержки экономики и уменьшения социальных последствий экономического кризиса. С 17 по 21 июля 2021 г. на саммите ЕС, после долгих и сложных переговоров, утвердили антикризисный пакет на семь лет в размере 1,074 трлн евро и трехлетний план в размере 750 млрд евро под названием «EU Next Generation». EU Next Generation – это фонд для поддержки экономических последствий COVID-19 [1. С. 25].

Таким образом, у ЕС есть краткосрочный план – «EU Next Generation», среднесрочный план – антикризисный пакет, рассчитанный на семь лет, и долгосрочный план – попытка создания Европейского Союза Здравоох-

ранения для реагирования на кризис здравоохранения и экономики стран-членов ЕС в будущем. Следовательно, такие планы дали Брюсселю беспрецедентные полномочия по заимствованию на рынках 750 млрд евро и передаче их в качестве бюджетной поддержки государствам-членам для инвестирования в их экономику в рамках их усилий по восстановлению. Это было историческое решение ЕС, потому что Германия впервые приняла выпуск общих долговых обязательств ЕС, от которых Германия упорно отказывалась со времен краха греческой экономики. С нашей точки зрения, эта экономическая мобилизация, при которой ЕС заимствовал и активно инвестировал огромные суммы для поддержки политики здравоохранения и экономики в условиях кризиса. ЕС действительно имеет институциональную уникальность, не имеющую аналогов в мире. Подтверждением этому может послужить то, что ЕС лучше справился с пандемией, чем с ее предотвращением.

Сравнительный анализ. ЕС и АСЕАН представляют разные модели интеграции и управления здравоохранением, потому что у людей в обоих регионах также разные ожидания от своих наднациональных институтов. Во второй части статьи, хотелось бы проанализировать потенциал для региональной координации посредством мобилизации существующих рамок сотрудничества в области безопасности и здравоохранения, используя сравнительный анализ, выделяя, прежде всего, следующие основные факторы: институциональная солидарность, значительный ресурс на финансирование своих механизмов, решимость элит региона и ожидания стран-членов, продолжительность и глубина антикризисных механизмов.

Из сравнительной таблицы можно сделать следующий вывод, что основным фактором институциональной неудачи в случае ЕС и АСЕАН является разница в отсутствии солидарности, влияющей на эффективность использования своих механизмов. Несмотря на то, что у АСЕАН много механизмов для борьбы с пандемией, его эффективность гораздо ниже, так как практически отсутствует солидарность. Пока только отдельные страны АСЕАН приняли ряд мер по борьбе с пандемией, а у большинства стран региона имеются только двусторонние отношения, носящие межправительственный характер и соответственно ограниченные возможности. Зачастую отношения между членами АСЕАН носят символический характер. С другой стороны, в ЕС ключом к успеху в борьбе с пандемией является Механизм гражданской защиты ЕС, при котором Европейская комиссия играет важную роль в коллективной координации реагирования на пандемию.

Следующим фактором является значительный ресурс на финансирование своих механизмов. У двух регионов совершенно разный потенциал для финансирования, а также на мобилизацию высокой профессиональной рабочей силы. В этом отношении разница между ЕС и АСЕАН очевидна. В то время как ЕС – это высокобюджетная наднациональная организация,

Таблица 1

Сравнение механизмов, выполняющих аналогичную функцию
в АСЕАН и ЕС, в борьбе с пандемией COVID-19

Тип механизмов	АСЕАН	ЕС
Основной механизм	ASEAN Emergency Operations Center Network (EOC) Network for public health emergencies	The Commission's Emergency Response Coordination Centre (ERCC)
Финансовый механизм	ASEAN Plus Three Senior Officials Meeting for Health Development (APT SOMHD) ↓ поддержка	EU Civil Protection Mechanism ↓ European reserve of additional capacities «the 'rescEU reserve'»
	COVID-19 ASEAN Response Fund ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies «RRMS»	фонд по трёхлетнему плану «EU Next Generation» Бюджет по семилетнему плану
Механизм Больших данных	ASEAN BioDiaspora Virtual Centre «ABVC» for Big Data Analytics and Visualization	The European Medicines Agency: EMA
Механизм распространения новостей	ASEAN Risk Assessment and Risk Communication Centre «ARARC»	The European Centre for Disease Prevention and Control: ECDC
Механизм партнерства	Regional Public Health Laboratories Network «RPHL» с помощью США (USAID)	X
Формирование будущего механизма	X	European Health Union (EHU)

у АСЕАН совсем немного финансовых ресурсов. Так, ЕС через механизм гражданской защиты ЕС был способен оперативно мобилизовать медицинский персонал из Румынии, и другие медицинские инструменты с помощью стран-членов, чтобы отправить их в Италию. С другой стороны, в АСЕАН в этой связи механизмы «COVID-19 ASEAN Response Fund» и «ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies: RRMS» были созданы во время кризиса и использованы для сбора финансирования и СИЗ в рамках АСЕАН плюс три и других стран, желающих пожертвовать. В АСЕАН также отсутствует мобилизация медицинских бригад для отправки в страны-члены.

АСЕАН довольно быстро почувствовала на себе пандемию в силу географических факторов, близость к Китаю. Страны-члены были довольно категоричны в решении о закрытии аэропортов и применении карантинной политики. Но как результат пандемии для каждой страны-члена АСЕАН нехватка денег для субсидирования экономики. Также отсутствует эффективная политика в отношении планов закупок вакцин и создания полевых госпиталей от первой и второй волны пандемии. Ситуация в АСЕАН до сих пор еще находится в критической стадии [5]. В то время как ситуация со вспышкой COVID-19 в западных странах снижается и их экономика постепенно восстанавливается.

Третьим фактором выступает решимость политических элит и ожидания людей в регионе. У людей в обоих регионах разные ожидания от своих международных институтов и разные решимости элит. Так, в частности,

решение Италии воспользоваться Механизмом гражданской защиты ЕС могло принять необходимые меры для предотвращения распространения инфекции по своей территории.

В свою очередь АСЕАН стремится продвигать свою региональную идентичность через лозунг «One Asean, One Response», но в целом ожидания людей остаются достаточно невысокими. Они не ожидают, что АСЕАН будет играть ведущую роль в коллективной борьбе с пандемией [6. С. 1-5]. На наш взгляд, большинство людей в АСЕАН больше ожидает от этой организации усиление роли в решении политических конфликтов в странах-членах, например, таких как Мьянма, чем помощи в борьбе с пандемией. К сожалению, правительства стран-членов АСЕАН применяли меры воздействия, не обсуждая, подходят ли они контексту. Они склонны превращать медицинские и социальные вопросы в проблемы безопасности, для решения которых активно используется военная сила против гражданского общества. Так было в Мьянме. Что привело к гибели тысяч невинных и протестующих. При всем при этом большой бизнес продолжал увеличивать свои активы, в то время как уровень безработицы возрастал. Это увеличило и без того огромный разрыв между богатыми и бедными. Это показывает, что трудности в борьбе с пандемией в Юго-Восточной Азии носят в основном институциональный характер [18].

Четвертым фактором является продолжительность и глубина антикризисных механизмов. Механизм гражданской защиты ЕС был создан давно, в 2001 году. Этот механизм реализуется посредством создания чрезвычайных суб-механизмов по запросу государств-членов для решения различных проблем во время кризиса, например, «European Reserve of Additional Capacities: the 'RescEU Reserve'». Такие антикризисные механизмы имеют большое политическое значение для стран-участниц, обращающихся за помощью. С другой стороны, АСЕАН – это гораздо менее интегрированный регион с политической и экономической точки зрения. Организация представляет собой преимущественно институциональное пространство, где правительства могут обмениваться информацией, вести обсуждения для достижения общего консенсуса. Из созданных АСЕАН механизмов, после начала пандемии, можно назвать следующие – ASEAN Response Fund и ASEAN Regional Reserve of Medical Supplies (RRMS), которые были созданы в экстренном порядке с помощью «АСЕАН плюс три» и стран по диалогу. Но, вместе с тем, такие механизмы недостаточны.

В целом можно сделать вывод, что в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества АСЕАН все же удалось предотвратить пандемию быстрее, чем в ЕС. Но дальнейшего расширения сотрудничества пока мы не наблюдаем. Можно сказать, что пандемия COVID-19 предоставляет АСЕАН серьезную возможность извлечь уроки из своего опыта для дальнейшего развития безопасного, устойчивого и эффективного сотрудниче-

ства в области общественного здравоохранения, в борьбе со сложными и серьезными угрозами в будущем [12. С. 7].

Выводы. Проведя сравнительный анализ региональных механизмов ЕС и АСЕАН в борьбе с пандемией COVID-19, можно выделить факторы, ведущие к институциональным неудачам ЕС и АСЕАН, которые обусловлены разными причинами. В первую очередь механизмы ЕС ориентированы на экономику. Тем не менее, несмотря на то, что это соответствовало ожиданиям европейцев, случилось слишком поздно, так как пандемия быстро распространилась из Италии в другие страны ЕС. Вместе с тем, можно сказать, что европейская политика финансовой помощи была достаточно эффективной.

АСЕАН же, в свою очередь, имеет ряд институциональных политических ограничений, ограничение финансового потенциала, что сказывается на эффективности принимаемых АСЕАН мер. Поскольку ЕС имеет гораздо более высокий уровень политической и экономической интеграции и обладает значительной институциональной и финансовой властью. По этой причине ожидания европейцев являются движущей силой, которая отражает эффективный ответ для смягчения воздействия кризиса через высокоэффективный политический механизм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Борис Гуселетов. О позиции Европарламента и его фракций по семилетнему бюджету Евросоюза на 2021-2027 гг. Европейский Союз: факты и комментарии / Институт Европы / Российской Академии Наук // Ассоциация Европейских Исследований (АЕВИС) / Под ред. Ю.А. Борко [и др.]. Москва, 2020.

2. Департамент международного и регионального сотрудничества. Опыт государств в борьбе с пандемией COVID-19 / Сборник страновых кейсов / Август 2020.

3. ТАСС. Страны АСЕАН решили потратить \$10,5 млн на закупку вакцин от коронавируса. 3/09/2021 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12048331>.

4. *Anabel Matic*. European Health Union: A Greater Role for the EU in Health. 4/02/2021 // <https://www.goinginternational.eu/wp/de/european-health-union-a-greater-role-for-the-eu-in-health/>.

5. BBC NEWS THAI. COVID-19: How is the pandemic situation in neighboring Thailand? BBC THAI 30/07/2021 // <https://www.bbc.com/thai/international-58014999> (на тайском языке).

6. *Beeson M*. A plague on both your houses: European and Asian responses to Coronavirus // Asia Europe Journal University of Western Australia, Perth, Australia, 18/5/2020.

7. *Bruno Jetin*. How will the COVID-19 pandemic affect the regions? A comparative analysis of the EU and ASEAN, Institute of Asian Studies, Universiti Brunei Darussalam, halshs-03171573. 2021 // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-03171573/document>.

8. COVID-19 situation updates for the EU/EEA, as of 24 September 2021 // European Centre for Disease Prevention and Control. 24/10/2021 // <https://www.ecdc.europa.eu/en/cases-2019-ncov-eueea>.

9. European Commission. COVID-19: Commission works to get protection equipment to Italy under the Civil Protection Mechanism and coordinates assessment of impact on industry. Daily news. 28/02/2020// https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_20_356.

10. *Guarascio F. & Blenkinsop P*. EU fails to persuade France, Germany to lift coronavirus health gear controls. Reuters. 6/03/2020 // <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-eu-idUSKBN20T166>.

11. *Herszenhorn D.M. & Wheaton S*. How Europe failed the coronavirus test. Politico. 7/04/2020 // <https://www.politico.eu/article/coronavirus-europe-failed-the-test/>.

12. *Natthaka Nedtad*. ASEAN and the COVID-19 Crisis: Cooperation Mechanisms Problems and obstacles in management, Law for ASEAN by the Office of the Council of State of Thailand, 1/05/2020 // https://lawforasean.krisdika.go.th/File/files/2Article_April_ASEANchallenges.pdf (на тайском языке).

13. *Panarat Thepgumpanat and Panu Wongcha-um*. “Thailand considering limits on AstraZeneca vaccine export” Reuters. 14/07/2021 // <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/thailand-considering-regulating-volume-astrazeneca-vaccine-exports-health-2021-07-14/>.

14. *Papageorgiou M. & Melo D.S.N*. Regional responses to COVID-19: A comparative analysis of EU and ASEAN policies to counter the pandemic amid Challenging Times. Perspectives on Federalism, Vol. 10, Iss. 2, 2018, 2020.

15. Southeast Asia COVID-19 Tracker // Center for Strategic and International Studies // <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/projects/southeast-asia-covid-19-tracker>.

16. *Strangio S*. COVID-19 Recovery Dominates Weekend of Asian Summits. The Diplomat. 12/06/2020 // <https://thediplomat.com/2020/11/covid-19-recovery-dominates-weekend-of-asian-summits/>.

17. The Heads of State/Government of the Member States of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN): [Paper presentation] Declaration of the Special ASEAN Summit on Coronavirus Disease 2019. ASEAN. 14/04/2020 // <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/09/FINAL-Declaration-of-the-Special-ASEAN-Summit-on-COVID-19.pdf>.

18. The Conversation. COVID-19 in Southeast Asia: much more than a health crisis. 21/09/2021 // <https://theconversation.com/covid-19-in-southeast-asia-much-more-than-a-health-crisis-159451>.

19. World Health Organization. WHO statement on novel coronavirus in Thailand. WHO 12/01/2020 // <https://www.who.int/news/item/13-01-2020-who-statement-on-novel-coronavirus-in-thailand>.

MAFUANG SUPATAT

*Master Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

FACTORS OF ASEAN AND EU INSTITUTIONAL FAILURE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MECHANISMS IN THE COVID-19 RESPONSES

This article addresses the issue of mechanisms in the fight against the COVID-19 pandemic in the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the European Union (EU). The purpose of this article is to explore efficiency of the mechanisms used in depth and to conduct a comparative analysis of the mechanisms used in the COVID-19 response within the ASEAN and EU. Analysis of similarities and differences based on the effectiveness of mechanisms, significant resources, determination of the region's political elites and expectations of member countries, duration on depth of integration of their anti-crisis mechanisms allow us to determine their factors of institutional failure. The article shows that their mechanisms in responding to COVID-19 proved to be ineffective in the beginning, as expected in the region. However, with the success of European institutional integration, as a result, the EU was able to use its more horizontal mechanisms based on solidarity to combat the pandemic better than ASEAN.

Key words: COVID-19, ASEAN, EU, Regional Mechanisms.

НАШИ АВТОРЫ

Аниськевич Наталия Сергеевна – кандидат политических наук, преподаватель факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Арешидзе Лиана Георгиевна – доктор исторических наук, профессор ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (info@japanesefirst.ru).

Асси Абед Эль Рахим – аспирант направления политические науки и регионоведение Северо-Осетинского государственного университета, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (voprospolitolog@yandex.ru).

Бадаева Анна Сергеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Россия, г. Москва (annabadaeva@mail.ru).

Белов Максим Владиславович – магистрант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (harry-cola@yandex.ru).

Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (belov2006s@yandex.ru).

Белоусов Григорий Федорович – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (gregory_belousov@mail.ru).

Бродская Нина Петровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, Россия, г. Москва (bav3@mail.ru).

Буторов Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Банковска Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия, Скопье, Македония (bvankovska@gmail.com).

Васильева Екатерина Александровна – преподаватель МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (kate28112010@mail.ru).

Ворон-Ковальская Анастасия Олеговна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (voron-kovalska@mail.ru).

Габдуллин Камил Азатович – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (gabdullin_kamil@mail.ru).

Герасимова Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, г. Москва (iraida.ga@gmail.com).

Гришин Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University); доцент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (grishin_oe@pfur.ru).

Гришин Всеволод Олегович – студент факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (vo.grishin@mgou.ru).

Гусейнова Севда Эльбрусевна – докторант Академии Управления при Президенте Азербайджанской Республики, Азербайджан, г. Баку (vorprospolitolog@yandex.ru).

Данилов Валерий Витальевич – кандидат исторических наук, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (vv.danilov@icloud.com).

Данилова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Danilova_elen@pfur.ru).

Жанышбек уулу Азамат – научный сотрудник отдела экспертиз социально-политических исследований и проблем госуправления Национальной академии наук Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек (alamanov.azamat@bk.ru).

Животова Дарья Алексеевна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (mirdarina_02@mail.ru).

Зубова Оксана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (zubovaoksana@bk.ru).

Зюзина Алена Анатольевна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета; член Национального Союза Политологов, Россия, г. Москва (zyuzinaalena.post@gmail.com).

Иванова Инесса Ильинична – кандидат исторических наук, доцент МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (kate28112010@mail.ru).

Ионова Анна Николаевна – магистрант кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (nyuta.ionova.96@mail.ru).

Ковалевский Александр Александрович – аспирант кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (ilabian.org@gmail.com).

Козлов Сергей Евгеньевич – аспирант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ruswaylaw@gmail.com).

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (koibaevbg@mail.ru).

Колыхалов Максим Игоревич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления СИУ РАН-ХиГС, Россия, г. Новосибирск (maxim_kolykhalov@mail.ru).

Крупянко Михаил Иванович – доктор политических наук, в.н.н. Института востоковедения РАН, Россия, г. Москва (info@japanesefirst.ru).

Кузякин Александр Григорьевич – аспирант Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург (alexander_kuzyakin@yahoo.com).

Кулумбегова Лина Темуриевна – старший преподаватель кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал (voprospolitolog@yandex.ru).

Ларедж Ильяс – аспирант кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, Республика Татарстан, г. Казань (iliaslaredj91@mail.ru).

Лобойко Дмитрий Александрович – директор Центра «Региональные исследования», Россия, г. Самара (d.loboyko@gmail.com).

Мафуанг Супатат – магистрант Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (supatatmafuang@gmail.com).

Мусина Резеда Идвартовна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (mrezeda@mail.ru).

Наджарян Армен Балабекович – аспирант Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ (Nadzharyan.a.b@gmail.com).

Нестерчук Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и управления Российского

университета дружбы народов (RUDN University); профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (nesterchuk-oa@rudn.ru).

Осипов Александр Владимирович – кандидат политических наук, судья Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону, Россия, г. Ростов-на-Дону (osipov.82@inbox.ru).

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, г. Новосибирск (olga_alekseevna@mail.ru).

Плиев Сослан Муратович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал (voprospolitolog@yandex.ru).

Погодин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург (pogodin_sn@spbstu.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Санакоев Инал Борисович – кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и социологии Юго-Осетинского государственного университета, Республика Южная Осетия, г. Цхинвал (voprospolitolog@yandex.ru).

Туракулов Зоҳид Абдумалик угли – заместитель директора Республиканского центра духовности и просветительства Республики Узбекистан, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Уроков Бахром Абдукаюм угли – заведующий отделом Республиканского центра духовности и просвещения, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, доцент, зав. лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (alexgen77@list.ru).

Филиппенко Александра Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады РАН (ИСКРАН), Россия, г. Москва (a.philippenko@iskran.ru).

Чемшит Александр Александрович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук и философии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, Россия, г. Севастополь (shemshit952@gmail.com).

OUR AUTHORS

ANISKEVICH N.S. – Candidate of Sciences (political science), Lecturer at the Faculty of Technological Management and Innovation of ITMO University, Moscow, Russia.

ARESHIDZE L.G. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Asian and African countries of Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia.

ASSIABED EL RAHIM – Graduate student, Political sciences and regional studies, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia.

BADAEVA A.S. – Candidate of Political Sciences, Researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS, Moscow, Russia.

BELOUSOV G.F. – Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BELOV S.I. – Ph.D. in Historical Science, Associate Professor of Russian Politics Program Political Science Department Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BELOV M.V. – Student of the master's degree at the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

BRODSKAIA N.P. – Cand. of Science (Politics), Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

BUTOROV A.S. – Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russia.

CHEMSCHIT A.A. – D.Sc. (political science), Professor, Professor at the Department of Political Science and Philosophy, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

DANILOVA E.V. – PhD, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

DANILOV V.V. – PhD, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

FILIPOVA A.G. – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Complex Research of Childhood, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia; Senior Researcher Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia.

FILIPPENKO A.A. – Candidate of historical Sciences, Senior researcher, Institute of the United States of America and Canada studies, Moscow, Russia.

GABDULLIN K.A. – Post-graduate student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

GERASIMOVA I.V. – Candidate of Sciences (economics), Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

GRISHIN O.E. – Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Associate Professor of the Faculty of Humanities, Russian State Social University, Moscow, Russia.

GRISHIN V.O. – Student of the Faculty of History, Political Science and Law of Moscow State Regional University, Moscow, Russia.

HUSEYNOVA S.E. – Postgraduate student working for the Doctoral Degree at the Academy of Management under the President of the Republic of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan.

IONOVA A.N. – Master Department of State and Municipal Administration, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

IVANOVA I.I. – Ph.D. (History), associate Professor of Middle East Languages Department of the Moscow State Institute of International Relations, MGIMO-University, Moscow, Russia.

KOIBAEV B.G. – Doctor of Political Sciences, Professor North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic North Ossetia Alania, Russia.

KOLYKHALOV M.I. – Candidate of political sciences, Associate Professor at the Department of World Economy and tourism SGUPS, Novosibirsk, Russia.

KOVALEVSKIY A.A. – Postgraduate student the Department of Political Science and Philosophy, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia.

KOZLOV S.E. – PhD student at the Faculty of Political Science Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

KRUPIANKO M.I. – Doctor of Political Science, Professor, leading specialists of the Institute of Oriental studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

KULUMBEGOVA L.T. – Senior Lecturer, Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia.

KUZYAKIN A.G. – Ph.D. candidate, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

LAREDJ ILYAS – Postgraduate student of the Department of Political Science Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

LOBOIKO D.A. – Center “Regional research”, director, Samara, Russia.

MAFUANG SUPATAT – Master Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

MUSINA R.I. – PhD in Political Sciences, Docent, Department of History and Politics Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

NADZHARYAN A.B. – Post-graduate student, North Ossetian State University K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Republic North Ossetia Alania, Russia.

NESTERCHUK O.A. – Doctor of Sciences (political science), Professor at the Chair of political analysis and management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University); Professor at the Chair of Political Science and Political Management at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

OSIPOV A.V. – Candidate of Political Science, Judge of the Leninsky District Court of Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia.

PERSIDSKAYA O.A. – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

PLIEV S.M. – Ph.D., Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia.

POGODIN S.N. – Doctor of Historical Science professor, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

SANAKOEV I.B. – Ph.D., Professor of the Department of Political Science and Sociology, South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia.

TO‘RAQULOV ZOHID – Deputy Director of the Republican Center for Spirituality and Enlightenment of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

UROKOV B.A. – Head of the Department at the Republican Center of Spirituality and Enlightenment, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

VANKOVSKA B. – Professor of political science and international relations, Faculty of Philosophy, Ss. Cyril and Methodius University, Skopje, Macedonia.

VASILEVA E.A. – Lecturer of Department of Middle East Languages of the Moscow State Institute of International Relations, MGIMO-University, Moscow, Russia.

VORON-KOVALSKAYA A.O. – Bachelor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ZHANYSHBEK UULU AZAMAT – Researcher at the Department of Expertise of Socio-Political Research and Problems of Public Administration, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic.

ZHIVOTOVA D.A. – Bachelor of the Department of International Relations and Law of the Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

ZUBOVA O.G. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ZYUZINA A.A. – Postgraduate of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy of the Russian State University for the Humanities, member of the National Union of Political Scientists, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: **введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы**. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилъ Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Аргашесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕДРИН Оливье – профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Пётр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЁВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДОНАЙ Лукаш – д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 10 (74), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.10.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

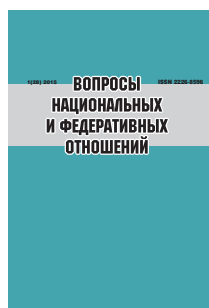
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

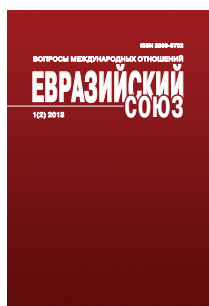
Журнал включен в базу РИНЦ.
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprosopolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											